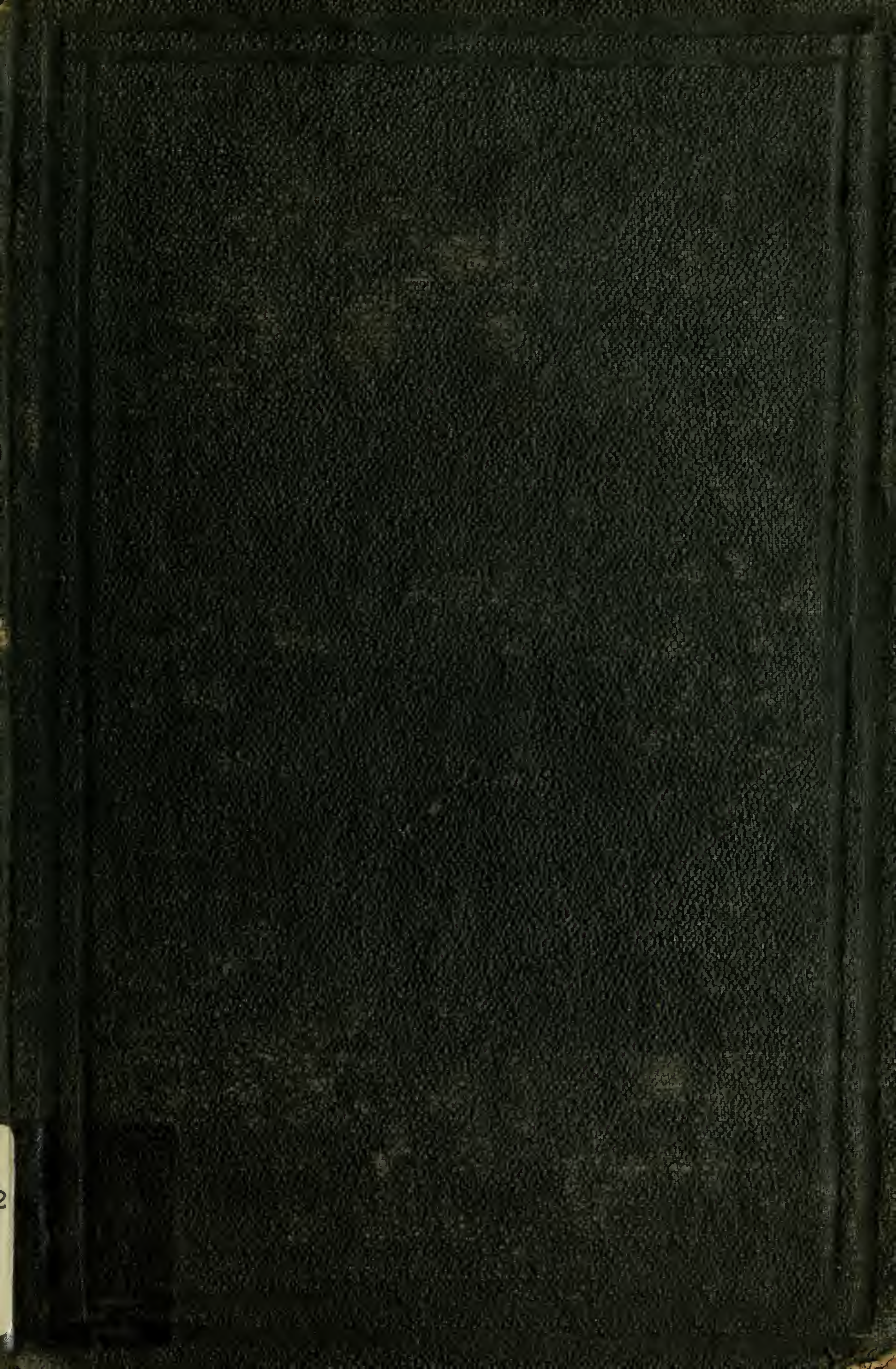


ЗАПИСКИ О МОСКОВИИ

(RERUM MOSCOVITICARUM COMMENTARII)

БАРОНА ГЕРБЕРШТЕЙНА.

СЪ ЛАТИНСКАГО БАЗЕЛЬСКАГО ИЗДАНІЯ 1556 ГОДА

ПЕРЕВЕЛЪ

И. АНОНИМОВЪ,

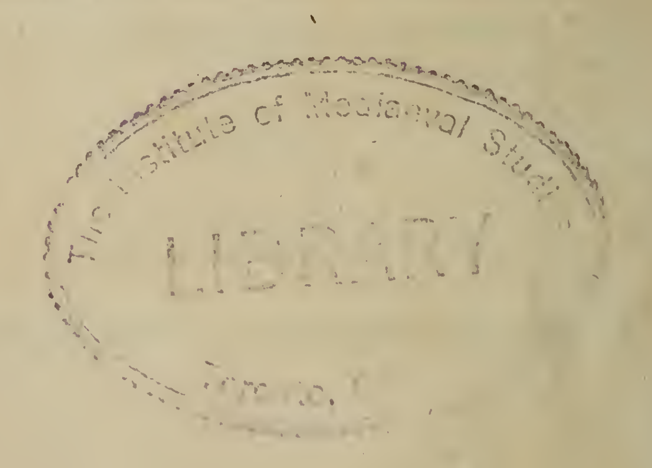
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ИСТОРІИ ВЪ VII С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
Вас. Остр., 8 линія, No. 45.

1866.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 25 ноября 1866 г.



Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ (*), авторъ «Записокъ о Московіи», родился въ 1486 году, въ Крайнѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ на родинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ выучился виндскому нарѣчію, которымъ говорили тамошніе славяне; потомъ поступилъ въ высшую вѣнскую школу, усердно занимался тамъ и шестнадцати лѣтъ получилъ званіе баккалавра. Начавъ военную службу подъ рукодствомъ старшаго брата, Герберштейнъ не оставилъ совершенно и ученыхъ занятій; свободное время было употребляемо имъ на чтеніе древнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ историковъ. Своими подвигами въ войнѣ противъ венеціанцевъ онъ сдѣлался извѣстенъ императору Максимиліану I, который возвелъ его въ рыцарское достоинство и приблизилъ къ себѣ. Умъ, образованность и дипломатическія способности Герберштейна скоро выдвинули его изъ толпы другихъ придворныхъ и доставили ему почетное мѣсто между государственными людьми габсбургской монархіи. Съ 1515 по 1552 годъ онъ неоднократно исполнялъ обязанности посла, особливо по венгерскимъ и польскимъ дѣламъ.

(*) Подробную біографію Герберштейна можно найти въ сочиненіи Фр. Аделунга: Siegmund Freiherr v. Herberstein. Mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland. St.-Petersburg, 1818. На основаніи этой книги составлена статья въ Сборникѣ, изд. студентами импер. петерб. университета, выпускъ первый, 1857.

Въ связи съ послѣдними находятся и оба посольства его въ Москву. Вотъ въ чемъ заключались обстоятельства, вызвавшія ихъ. Продолжительная вражда между императоромъ Максиміаномъ и польскимъ королемъ Сигизмундомъ была наконецъ прекращена ихъ свиданіемъ въ Вѣнѣ; при этомъ императоръ обѣщалъ употребить свое посредничество для примиренія Сигизмунда съ великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ. Въ концѣ 1516 г. онъ отправилъ Герберштейна съ двойнымъ порученіемъ — къ польскому королю и къ великому князю московскому: перваго нужно было склонить къ браку съ родственницей императора, принцессой Боной, а втораго — къ примиренію съ Польшей. Съ Сигизмундомъ дѣло кончилось скоро и успѣшно. Гораздо труднѣе было выполнить второе порученіе. Пока Герберштейнъ велъ въ Москвѣ переговоры о мирѣ, польскій король продолжалъ непріязненныя дѣйствія противъ Василія. При такихъ обстоятельствахъ на заключеніе мира мало было надежды; она и совсѣмъ изчезла, когда Сигизмундъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ возвращеніе Смоленска. 21 ноября императорскому послу дана была прощальная аудіенція; онъ былъ отпущенъ съ богатыми дарами и большими почестями въ знакъ особаго благоволенія къ нему со стороны великаго князя. Въ этотъ разъ Герберштейнъ пробылъ въ предѣлахъ московскаго государства около 8 мѣсяцевъ (апрѣль—ноябрь 1517 г.). Вторичное его посольство относится къ 1526 г. Не задолго передъ тѣмъ Василій Іоанновичъ, черезъ нарочныхъ пословъ, поздравилъ Карла V со вступленіемъ на императорскій престолъ. Это запоздалое поздравленіе подало Карлу мысль — сдѣлать новую попытку къ примиренію Василія съ королемъ польскимъ. Вмѣстѣ съ московскими послами, возвращавшимися въ отечество, были отправлены въ Краковъ и Москву графъ Нугароль — отъ импе-

ратора и Герберштейнъ — отъ его брата, эрцгерцога Фердинанда. Холодно и недовѣрчиво принялъ ихъ польскій король; но всѣ его сомнѣнія были разсѣяны Герберштейномъ, и онъ согласился на посредничество императора и его брата. Послѣ многихъ усилій и болѣе чѣмъ шестимѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ (1 мая—11 ноября 1526 г.) посламъ удалось достигнуть желанной цѣли только вполовину: заключено было перемиріе на 6 лѣтъ.

Если оба посольства Герберштейна въ Москву были не совсѣмъ удачны въ политическомъ отношеніи, то взамѣнъ того они обогатили европейскую литературу первымъ подробнымъ описаніемъ московскаго государства: плодомъ ихъ были знаменитые Rerum Moscoviticarum Commentarii. Собственная любознательность побудила Герберштейна заняться собираніемъ свѣдѣній о странѣ, которая была почти неизвѣстна образованному міру; къ тому же его государь, — Фердинандъ, король римскій, — очень интересовался состояніемъ нашей церкви и поручилъ ему какъ можно обстоятельнѣе ознакомиться съ религіей, обрядами и божественными книгами русскихъ. Зная два славянскихъ нарѣчія, виндское и чешское, Герберштейнъ легко освоился и съ русскимъ языкомъ. Въ этомъ заключается огромное преимущество его передъ прочими иностранцами, посѣщавшими Россію до него. Онъ могъ понимать, что говорится вокругъ него, могъ самъ вступать въ разговоръ съ интересными для него людьми, могъ читать лѣтописи и другіе памятники нашей письменности, дѣлать переводы и извлеченія изъ нихъ. Съ другой стороны пониманіе народнаго языка давало ему возможность глубже вникать въ наблюдаемыя имъ явленія и справедливѣе относиться къ нимъ. Какъ воспользовался Герберштейнъ своимъ преимуществомъ, это доказываютъ его «За-

писки». Своей полнотой, вѣрностью взглядовъ, критическимъ отношеніемъ къ приводимымъ фактамъ они превосходятъ все, что существовало въ европейской литературѣ по этой части до ихъ появленія. Герберштейнъ, можно сказать, создалъ географію восточной Европы; онъ же первый познакомилъ европейскую публику и съ русской исторіей въ своемъ правдивомъ, хотя и не безошибочномъ извлеченіи изъ нашихъ лѣтописей. Современное ему положеніе Россіи онъ изложилъ съ такою подробностью и отчетливостью, что лишь немногія изъ послѣдующихъ описаній могутъ выдержать сравненіе съ его книгой. Потому, на западѣ, его сочиненіе долго пользовалось авторитетомъ во всемъ, что касалось московскаго государства; оно послужило источникомъ для составленія безчисленнаго множества компиляцій другими учеными. И до сихъ поръ оно еще не утратило своего интереса для западноевропейской публики: не далѣе, какъ въ 1851 г. былъ сдѣланъ переводъ его на англійскій языкъ.

Какое мѣсто занимаютъ «Записки» Герберштейна въ ряду источниковъ русской исторической науки? — этотъ вопросъ не разрѣшенъ еще вполнѣ критикою. Однако не можетъ быть и тѣни сомнѣнія, что свидѣтельства Герберштейна всегда будутъ имѣть большую цѣну въ глазахъ нашихъ историковъ, и тотъ, кто захочетъ изучить состояніе Россіи въ первой половинѣ XVI ст., непремѣнно возьмется за его книгу, какъ за одно изъ необходимѣйшихъ пособій при своемъ трудѣ.

Первое латинское изданіе «Записокъ о Московіи» было сдѣлано самимъ авторомъ въ 1549 г., въ Вѣнѣ. Въ слѣдующемъ (1550) году появился итальянскій переводъ ихъ, въ 1551 — первое изданіе латинскаго текста въ Базелѣ, въ 1556 — второе базельское изданіе, въ 1557 — нѣмецкій переводъ са-

мого Герберштейна, въ томъ же году два латинскихъ изданія въ Антверпенѣ и т. д. (*). Въ Россіи сочиненіе Герберштейна издавалось нѣсколько разъ: 1) въ 1795—1804 гг., по повелѣнію Екатерины II, Вейтбрехтомъ и Бакмейстеромъ перепечатанъ былъ старый нѣмецкій переводъ Генриха Панталеона; 2) въ «Воспоминаніяхъ на 1832 годъ» Русова явился первый русскій переводъ подъ названіемъ «Московскихъ Записокъ»; 3) въ 1841 г. латинскій текстъ изданъ Старчевскимъ въ Historiæ Ruthenicæ scriptores exteri sæculi XVI; 4) въ «Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи» Калистратова и Семенова (т. II, отд. I, Спб., 1847) помѣщено начало русскаго перевода и приложена соотвѣтствующая ему часть латинскаго текста; 5) другое изданіе на русскомъ и латинскомъ языкахъ (texte en regard) начато въ «Сборникѣ, издаваемомъ студентами императорскаго петербургскаго университета», вып. 1 и 2.

(*) Полный перечень и подробное описаніе замѣчательныхъ изданій сдѣланы Ал. Тихменевымъ въ первомъ выпускѣ Сборника, изд. студентами импер. петерб. университета.

Курсивомъ напечатаны тѣ слова, которыя переводчикъ прибáвилъ для большей ясности.

ЗАПИСКИ О МОСКОВІИ

СИГИЗМУНДА БАРОНА ГЕРБЕРШТЕЙНА, НЕЙПЕРГА И ГЮТЕНГАГА,

содержащія въ себѣ: краткое описаніе Руссіи и столицы ея Московіи; хорографію всего государства московскаго и свѣдѣнія о нѣкоторыхъ сосѣднихъ областяхъ; различныя *данныя* относительно религіи и несогласія ея съ нашей; образъ пріема и обхожденія съ послами; также описаніе двухъ путешествій въ Московію.

Къ этому прибавлено нынѣ самимъ авторомъ не только нѣсколько новыхъ картъ, но также и многое другое, что легко замѣтить тому, кто потрудится сравнить съ первымъ изданіемъ.

Съ позволенія Его Императорскаго и Королевскаго Величества и съ десятилѣтней привиллегіей.

БАЗЕЛЬ, ИЗДАНІЕ ІОАННА ОПОРИНА.

(1556).

ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ФЕРДИНАНДУ

КОРОЛЮ РИМСКОМУ, ВЕНГЕРСКОМУ, БОГЕМСКОМУ И ПРОЧ., ИНФАНТУ ИСПАНСКОМУ, ЭРЦГЕРЦОГУ АВСТРІЙСКОМУ, ГЕРЦОГУ БУРГУНДСКОМУ И ВИРТЕМБЕРГСКОМУ И МНОГИХЪ ОБЛАСТЕЙ ГЕРЦОГУ, МАРКГРАФУ, ГРАФУ, ГОСУДАРЮ МОЕМУ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ.

Говорятъ, въ древности, римляне, отправляя пословъ къ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ народамъ, поставляли имъ, между прочимъ, въ обязанность вести вѣрныя записки о нравахъ, постановленіяхъ и образѣ жизни того народа, у котораго они жили подъ видомъ посольства. Эта обязанность была до такой степени священна, что, по изложеніи результата посольства, записки такого рода полагались въ храмъ Сатурна для назиданія потомству. Если бы это постановленіе было соблюдаемо людьми нашего времени, или жившими нѣсколько прежде, то мы имѣли бы въ исторіи болѣе свѣта или по крайней мѣрѣ менѣе пустоты. Я же, съ самаго ранняго возраста, находя удовольствіе и въ отечествѣ и внѣ отечества въ обращеніи съ людьми иностранными, охотно несъ службу посольскую, которую возлагали на меня сначала дѣдъ Вашего Величества, блаженной памяти Максимиліанъ, мудрѣйшій государь, а потомъ также и Ваше Величество. По повелѣнію Вашего Величества я неоднократно обозрѣвалъ сѣверныя страны, преимущественно же, когда вмѣстѣ съ императорскимъ посломъ графомъ Леопардомъ Нугарольскимъ, моимъ товарищемъ по службѣ и путешествіямъ, я вторично пріѣзжалъ въ Московію, которая между странами, просвѣщенными таинствомъ животворящаго крещенія, весьма много отличается отъ насъ и нравами, и постановленіями, и исповѣ-

даніемъ, и воинскою дисциплиною. По волѣ императора Максимиліана, я былъ посломъ въ Даніи, въ Венгріи и Польшѣ; по смерти Его Величества отечество отправило меня чрезъ Италію, Францію, моремъ и сухимъ путемъ, въ Испанію къ родному брату Вашего Величества, сильному и непобѣдимому императору римскому Карлу V. По повелѣнію Вашего Величества, я снова былъ у королей венгерскаго и польскаго, наконецъ вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Салмскимъ, у самого Солимана, турецкаго султана, и во всѣхъ этихъ мѣстахъ не только многое замѣчалъ мимоходомъ, но и тщательно обращалъ вниманіе на то, что̀, безъ всякаго сомнѣнія, наиболѣе было достойно упоминанія и ознакомленія; впрочемъ я не хотѣлъ посвятить своего досуга отъ дѣлъ службы на повѣствованіе о какихъ либо изъ этихъ предметовъ, отчасти потому, что они прежде были изложены другими ясно и тщательно, отчасти же потому, что они находятся въ глазахъ Европы и постоянно могутъ быть ею видимы. Государство же московское, гораздо отдаленнѣйшее и не такъ знакомое нашему вѣку, я предпочелъ описать и приступилъ къ тому, всего болѣе надѣясь на два обстоятельства: на тщательность моего изслѣдованія и на опытность въ языкѣ славянскомъ, что̀ великимъ мнѣ послужило пособіемъ въ трудѣ такого рода. Хотя многіе писали о Московіи, однако, бо̀льшая часть писала по чужимъ разсказамъ: изъ древнѣйшихъ Николай Кузанъ, а въ наше время Павелъ Іовій (котораго я называю по причинѣ его учености и чрезвычайной любви ко мнѣ) писалъ весьма изящно и съ великой вѣрностію (ибо онъ пользовался толкователемъ весьма свѣдущимъ), также Іоаннъ Фабри и Антоній Бидъ, оставившіе карты и записки. Нѣкоторые же, не имѣя цѣлію описывать Московію, касались ее при описаніи странъ ближайшихъ къ ней, таковы: Олай Готъ въ описаніи Швеціи, Матвѣй Мѣховецкій, Альбертъ Кампензе и Минстеръ; однако они нимало не отклонили меня отъ намѣренія писать, какъ потому, что я былъ очевидцемъ описываемыхъ событій, такъ и потому, что я нѣкоторое почерпнулъ изъ источниковъ достойныхъ вѣроятія, имѣя ихъ у себя, наконецъ потому, что я съ многими лицами разсуждалъ объ этихъ дѣлахъ при всякомъ случаѣ. Оттого произошло, что я почиталъ иногда нужнымъ излагать подробнѣе и многорѣчивѣе (да не оскорбится кто моими словами) то, что̀ другими скорѣе замѣчено было какъ бы мимоходомъ, чѣмъ основательно изъяснено. При-

томъ я описываю и то, чего другіе не касались, и что могло быть извѣстно только послу. Ваше Величество одобрили это мое намѣреніе и желаніе, и совѣтовали привести къ концу начатое сочиненіе; но посольства и другія дѣла, возлагаемыя на меня Вашимъ Величествомъ, часто отвлекали меня отъ предпринятаго труда и были причиною того, что я до сихъ поръ не могъ исполнить моего намѣренія. Теперь же, находя по временамъ часы свободные отъ ежедневныхъ моихъ занятій по австрійскому государственному казначейству, снова возвращаюсь къ предпринятому мною труду и, повинуясь волѣ Вашего Величества, не страшусь неблагосклонности читателей, которые, въ этотъ вѣкъ самаго тонкаго остроумія, можетъ быть, желали бы болѣе цвѣтовъ краснорѣчія. Довольно, что я самымъ дѣломъ (чего впрочемъ я не могъ сдѣлать своимъ словомъ) хотѣлъ выразить мое желаніе быть сколько нибудь полезнымъ потомству, и вмѣстѣ исполнить священную для меня волю Вашего Величества. И такъ я посвящаю Вашему Величеству эти мои записки о Московіи, написанныя мною болѣе вслѣдствіе желанія достигнуть истины и вывести ее на свѣтъ, нежели вслѣдствіе желанія краснорѣчія; я посвящаю и поручаю себя покровительству Вашего Величества, въ службѣ котораго я уже состарѣлся и прошу Ваше Величество удостоить самую книгу той благосклонности, которую Вы всегда являли къ автору. Вѣна, 1 марта 1549 года. Вашего Величества

вѣрный Совѣтникъ-Камергеръ и начальникъ Австрійскаго Государственнаго Казначейства Сигизмундъ Баронъ Герберштейнъ-Нейпергъ-Гюттенгагъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

При моемъ намѣреніи описывать Московію, которая есть глава Руссіи и которая распространила свои владѣнія вдоль и поперегъ Скиѳіи, мнѣ необходимо будетъ, благосклонный читатель, коснуться въ этомъ трудѣ многихъ сѣверныхъ странъ, мало извѣстныхъ не только прежнимъ, но и нынѣшнимъ писателямъ; оттого можетъ случиться, что я иногда принужденъ буду противорѣчить ихъ сказаніямъ. Впрочемъ, чтобы кому нибудь не показалось мое мнѣніе въ этомъ дѣлѣ подозрительнымъ, или дерзкимъ, заявляю, что я не разъ, а дважды видѣлъ Московію въ настоящемъ ея состояніи, такъ какъ дважды проѣзжалъ по ней въ качествѣ посла отъ императора Максимиліана и его внука римскаго короля Фердинанда; бòльшую же часть свѣдѣній я собралъ отъ людей тѣхъ мѣстъ, или бывалыхъ, или достойныхъ довѣрія. Не довольствуясь свидѣтельствомъ одного, или двухъ лицъ, я полагался только на согласное мнѣніе многихъ и, пользуясь благодѣтельнымъ знаніемъ славянскаго языка (который одинаковъ съ русскимъ и московскимъ), описалъ это и предалъ памяти потомства не по слухамъ, а какъ очевидецъ, и неразукрашенною рѣчью, а ясною и легкою.

Русскіе, какъ и всякій народъ, имѣютъ свой особенный образъ произношенія и обыкновенно произносятъ буквы свои въ различныхъ сочетаніяхъ и соединеніяхъ какимъ-то необыкновеннымъ образомъ, такъ что тому, кто не наблюдалъ за ихъ произношеніемъ съ особеннымъ вниманіемъ, не легко и спрашивать ихъ о чемъ нибудь и узнавать отъ нихъ что нибудь вѣрное. Такъ какъ въ описаніи Руссіи я не безъ основанія употреблялъ русскія слова въ названіи предметовъ, мѣстъ и рѣкъ, то я и намѣренъ уже въ началѣ, въ краткихъ словахъ, указать сочетанія и значеніе нѣкоторыхъ буквъ, замѣтивъ которыя, читателю легче будетъ многое узнать, а можетъ быть и многое изслѣдовать.

Слово Basilius хотя русскіе пишутъ и произносятъ чрезъ согласную W; но такъ какъ у насъ въ обыкновеніи писать и произносить чрезъ B, то мнѣ казалось не нужнымъ писать чрезъ W.

Буква *C*, предшествуя придыханію, должна быть выражаема не звукомъ *ci* (ци) или Schi (ши), какъ у многихъ народовъ; но звукомъ khi (хи) въ родѣ того, какъ у нѣмцевъ, напримѣръ въ словахъ: Chan, Chlinovua, Chlopigorod и проч.

Но передъ двойною Z, C произносится нѣсколько звучнѣе, напр. Czeremissa, Czernigo, Czilma, Czunkas и проч.

Букву *G* русскіе, противъ обыкновенія другихъ славянъ, произносятъ почти на манеръ богемцевъ, какъ придыхательное *h*, такъ что пишутъ Jugra, Wolga, а произносятъ Juhra, Wolha.

Буква *J* по большей части имѣетъ значеніе согласной, напр. Jausa, Jaropolchus, Jamma, Jaroslaw и проч.

Th произносится почти какъ Ph, такъ Теодора (Theodorum) называютъ Феодоромъ (Pheodorum) и Федоромъ (Feodorum).

Вмѣсто буквы *V*, когда она принимается за согласную, я всегда ставилъ *Vu*, которую нѣмцы выражаютъ двойнымъ W: такъ напр. въ словахъ Vuolodimeria, Vuorotin, Vuedrasch, Vuiesma, Vuladislaus. — Постановленная же въ срединѣ и на концѣ слова, она имѣетъ значеніе, или звукъ греческій phi, нашего ph, напр. Oczakovu, Rostovu. — Посему читатель долженъ внимательно замѣтить свойство этой буквы, чтобы отъ неправильнаго произношенія какого нибудь слова не подумали, что ты спрашиваешь и разумѣешь нѣчто другое.

Разсказывая по лѣтописямъ о происхожденіи народа и о событіяхъ, мы употребляли не то лѣтосчисленіе, которое у насъ, а то, которое они сами употребляютъ, чтобы, не сходствуя съ ихъ сказаніями, не показаться скорѣе исправителями, нежели вѣрными переводчиками.

ЗАПИСКИ О МОСКОВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

СИГИЗМУНДА БАРОНА ГЕРБЕРШТЕЙНА, НЕЙПЕРГА И ГЮТТЕНГАГА.

Существуютъ различныя мнѣнія о томъ, отъ чего Руссія получила свое названіе. Нѣкоторые думаютъ, что она получила имя отъ Русса, брата или племянника Леха, князя польскаго, который будто бы былъ русскимъ княземъ; по другимъ — отъ одного очень древняго города, именемъ Русса, недалеко отъ великаго Новгорода; по третьимъ — отъ смуглаго цвѣта этого народа. Многіе полагаютъ, что Руссія прозвалась отъ Роксоланіи черезъ перемѣну звуковъ. Но московиты отвергаютъ эти предлагаемыя имъ мнѣнія, какъ несогласныя съ истиной, подтверждая тѣмъ, что ихъ народъ издревле названъ Россея, т. е. народомъ разсѣяннымъ или разбросаннымъ, на что указываетъ самое имя, потому что Россея, на языкѣ руссовъ, значитъ разсѣяніе. Справедливость этого ясно доказывается тѣмъ, что и теперь еще разные народы живутъ въ Руссіи перемѣшанно другъ съ другомъ, и что различныя области Руссіи тамъ и сямъ смѣшаны и перерѣзываемы другими. Извѣстно также читающимъ священное писаніе, что и пророки употребляютъ слово разсѣяніе, когда говорятъ о разсѣяніи народовъ. Многіе однако ведутъ названіе руссовъ отъ греческаго и даже отъ халдейскаго корня, имѣющаго подобное же значеніе, а именно отъ теченія, которое у грековъ называется ῥοῦς, или распрыскиванія по каплямъ, которое у арамейцовъ называется Resissaia или Ressaia: такимъ же образомъ галлы и умбры названы евреями отъ волнъ,

дождей и наводненій, т. е. Gall и Gallim, также отъ Umber, какъ будто народы волнующіеся и бурные или народъ источниковъ. Но наконецъ, откуда бы ни получила Руссія свое имя, извѣстно только то, что всѣ ея народы, употребляющіе языкъ славянскій и слѣдующіе обрядамъ и вѣрѣ христіанской по греческому закону, по народному прозвищу руссы, по-латини рутены, размножились до того, что или вытѣснили народы, жившіе между ними, или принудили ихъ принять свой образъ жизни, такъ что теперь всѣ называются однимъ общимъ именемъ руссовъ.

Славянскій языкъ, который въ настоящее время называется не много испорченнымъ именемъ склавонскаго, распространенъ на весьма большомъ пространствѣ, такъ что его употребляютъ далматы, боснійцы, кроаты, истрійцы, даже фріоульцы на большомъ протяженіи по Адріатическому морю, карны, которыхъ венеціане называютъ харсами, также карніольцы, каринтійцы до рѣки Дравы, штирійцы ниже Греца, по Муерѣ до Дуная, далѣе, мизійцы, сербы, болгары и другіе до Константинополя; кромѣ того богемцы, лужичане, силезцы, моравы и жители береговъ Вага въ венгерскомъ королевствѣ, также поляки и русскіе, властвующіе на обширномъ пространствѣ, и пятигорскіе черкесы у Чернаго моря, наконецъ по Германіи за Эльбою на сѣверъ остатки вандаловъ, живущихъ по разнымъ мѣстамъ. Хотя всѣ они признаютъ себя славянами, однако германцы, взявъ названіе отъ однихъ вандаловъ, всѣхъ, у кого въ употребленіи славянскій языкъ, безъ разбора называютъ вендами, виндами и виндишами.

Руссія граничитъ съ сарматскими горами недалеко отъ Кракова, и прежде простиралась по теченію Тираса, который туземцы называютъ Днѣстромъ (Nistrum), до Евксинскаго Понта и до рѣки Борисѳена; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ турки заняли городъ Альбу, который называется иначе Монкастро и который, находясь при устьяхъ Тираса, былъ подъ властью валахо-молдавовъ. Кромѣ того царь Тавриды (Tauricia), перешедши Борисѳенъ и опустошивъ всю землю на большомъ пространствѣ, выстроилъ тамъ двѣ крѣпости: одною изъ нихъ, Очаковымъ, недалеко отъ устьевъ Борисѳена, теперь владѣютъ также турки. Нынѣ между устьями обѣихъ рѣкъ находятся пустыни. Если все подниматься по Борисѳену, то придешь къ городу Черкасамъ (Circas), лежащему на за-

падъ, а оттуда къ весьма древнему городу Кіеву, нѣкогда столицѣ Руссіи; тамъ, за Борисѳеномъ, лежитъ область сѣверская (Sevuera), доселѣ обитаемая: если изъ нея пойдешь прямо на востокъ, то встрѣтишь истоки Танаиса. Потомъ надобно проѣхать длинный путь по теченію Танаиса, доѣхать до слiянія рѣкъ Оки и Ра, перейти рѣку Ра: тогда, пройдя длиннѣйшее пространство, достигнешь наконецъ до сѣвернаго моря. Потомъ русская граница возвращается оттуда назадъ, мимо народовъ, подвластныхъ королю Швеціи, около самой Финляндіи и ливонскаго залива, черезъ Ливонію, Самогитію, Мазовію къ Польшѣ, и напослѣдокъ оканчивается сарматскими горами, такъ что внутри ея лежатъ только двѣ области, Литва и Самогитія. Хотя эти двѣ провинціи врѣзываются въ русскія области и имѣютъ собственное нарѣчіе и римскую вѣру, однакожь бо̀льшая часть ихъ жителей—русскіе.

Изъ государей, которые нынѣ владѣютъ Руссіей, главный есть великій князь московскій, который имѣетъ подъ своей властью бо̀льшую ея часть; второй — великій князь литовскій, третій — король польскій, который теперь правитъ и въ Польшѣ и въ Литвѣ.

О происхожденіи же народа они не имѣютъ никакихъ извѣстій, кромѣ лѣтописныхъ, приводимыхъ ниже; именно, что это народъ славянскій изъ племени Яфета, что прежде онъ сидѣлъ на Дунаѣ, гдѣ нынѣ Венгрія и Булгарія, и назывался тогда норцами, что наконецъ онъ разсѣялся по разнымъ землямъ, и получилъ названія отъ мѣстъ поселенія; такъ одни прозвались моравами отъ рѣки, другіе очехами т. е. богемцами; такимъ же образомъ прозвались хорваты, бѣлы, серблы т. е. сервіи, и хоронтаны, которые остались жить на Дунаѣ, но, выгнанные валахами и пришедши къ Вислѣ (Istula), получили имя леховъ, отъ нѣкоего Леха, польскаго князя, отъ котораго поляки и теперь называются также лехами. Другіе назвались литвинами, мазовами, померанами; третьи, живущіе по Борисѳену, гдѣ нынче Кіевъ, полянами (Poleni); четвертые древляне, живущіе въ рощахъ; между Двиною и Припетью (Peti) названы дреговичами, другіе полочане (Poleutzani), по рѣкѣ Полотѣ (Polta), которая впадаетъ въ Двину; другіе около озера Ильменя, которые заняли Новгородъ и поставили у себя князя именемъ Гостомысла; другіе по рѣкамъ Деснѣ и Сулѣ названы северами или северскими (Sevuerski); другіе же около

истоковъ Волги и Борисөена прозваны кривичами (Chrivuitzi); ихъ столица и крѣпость — Смоленскъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ собственныя лѣтописи.

Кто сначала властвовалъ надъ руссами, неизвѣстно, потому что у нихъ не было письменъ, посредствомъ которыхъ ихъ дѣянія могли бы быть переданы памяти; но послѣ того, какъ Михаилъ, царь константинопольскій, прислалъ славянскій алфавитъ въ Булгарію въ 6406 году отъ сотворенія міра, тогда въ первый разъ они начали записывать и вносить въ свои лѣтописи не только то, что̀ происходило въ то время: но также и то, что̀ они слышали отъ предковъ и долго удерживали въ памяти. Изъ этихъ лѣтописей извѣстно, что народъ козары (Coseri) требовалъ отъ нѣкоторыхъ руссовъ ежегодной дани съ каждаго дома по бѣличьему мѣху, и что также варяги властвовали надъ ними. Я не могъ узнать, кромѣ имени, ничего вѣрнаго изъ лѣтописи ни о козарахъ, ни о варягахъ, кто такіе были они, или изъ какой земли. Впрочемъ, такъ какъ они называютъ моремъ варяговъ — Балтійское море и то, которое отдѣляетъ Пруссію, Ливонію и часть ихъ владѣній отъ Швеціи: то я полагалъ, что ихъ государи были по сосѣдству или шведы или датчане или пруссы. Но такъ какъ довольно извѣстно, что Вагрія, нѣкогда весьма славный городъ и область вандаловъ, была въ сосѣдствѣ съ Любекомъ и герцогствомъ Голзаціею; то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и самое море, которое называется Балтійскимъ, получило свое имя *у нихъ* отъ Вагріи. Это море и тотъ заливъ, который отдѣляетъ Германію отъ Даніи, также Пруссію, Ливонію и приморскую часть московскаго государства отъ Швеціи, до сихъ поръ удерживаетъ у руссовъ свое имя и называется варяжскимъ моремъ (Vuaretzkoie morie) т. е. моремъ варяговъ. Сверхъ того вандалы были въ это время могущественны и наконецъ имѣли языкъ, нравы и религію руссовъ. По всему этому мнѣ кажется, что руссы скорѣе вызвали себѣ князей изъ вагріевъ или варяговъ, нежели предложили власть иностранцамъ, чуждымъ ихъ религіи, нравовъ и нарѣчія. Такимъ образомъ, когда руссы спорили между собою о княжеской власти и, воспламенясь взаимною ненавистью, при возникшихъ тяжкихъ раздорахъ, взялись наконецъ за оружіе: тогда Гостомыслъ, мужъ мудрый, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ Новгородѣ, далъ совѣтъ, чтобы они отправили пос-

ловъ къ варягамъ, и склонили бы къ принятію власти, трехъ братьевъ, которые тамъ весьма уважались. По принятіи этого совѣта тотчасъ отправлены были послы и призвали трехъ родныхъ братьевъ, которые пришли туда и раздѣлили между собою власть, врученную имъ добровольно. Рюрикъ получилъ княжество новгородское, и поставилъ свой престолъ въ Ладогѣ, въ 36 нѣмецкихъ миляхъ ниже великаго Новгорода. Синеусъ (Sinaus) утвердился на Бѣломъ озерѣ; Труворъ же въ княжествѣ псковскомъ, въ городѣ Изборскѣ (Svuortzech). Руссы хвалятся, что эти три брата вели свое происхожденіе отъ римлянъ, отъ которыхъ производитъ свой родъ и нынѣшній московскій государь. Пришествіе этихъ братьевъ въ Руссію, по лѣтописямъ, было въ 6370 году отъ сотворенія міра. Когда умерли двое изъ нихъ безъ наслѣдниковъ, оставшійся въ живыхъ Рюрикъ получилъ всѣ княжества, и роздалъ города друзьямъ и слугамъ. Умирая, онъ поручилъ своего юнаго сына, Игоря, вмѣстѣ съ царствомъ, одному изъ своихъ родственниковъ, Олегу (Olech), который увеличилъ царство, покоривъ многія области, и, внеся оружіе въ Грецію, осадилъ даже Византію. Послѣ тридцати-трехлѣтняго царствованія онъ умеръ отъ ядовитаго червя, который укусилъ его, когда онъ неосторожно наступилъ ногою на черепъ своего коня, умершаго еще прежде. По смерти Олега, Игорь началъ править, взявъ въ супруги Ольгу изъ Пскова. Онъ проникъ весьма далеко съ своимъ войскомъ, достигъ даже Гераклеи и Никомедіи, но былъ побѣжденъ и бѣжалъ. Послѣ онъ былъ убитъ Малдиттомъ, княземъ древлянскимъ, на мѣстѣ, называемомъ Коресте, гдѣ и былъ похороненъ. Покуда сынъ его Святославъ, котораго онъ оставилъ ребенкомъ, по своему возрасту не могъ управлять царствомъ, правила мать его Ольга. Когда древляне прислали къ ней двадцать пословъ съ предложеніемъ выйти замужъ за ихъ князя, Ольга приказала древлянскихъ пословъ зарыть живыми въ землю; между тѣмъ къ нимъ отправила своихъ пословъ объявить, чтобы они прислали больше сватовъ и болѣе знаменитыхъ, если желаютъ имѣть ее княгинею и госпожею. Вскорѣ послѣ того она сожгла въ банѣ пятьдесятъ другихъ избранныхъ мужей, присланныхъ къ ней, а къ древлянамъ отправила новыхъ пословъ, чтобы они возвѣстили ея прибытіе и велѣли приготовить медовую воду и все необходимое по тогдашнему обычаю для поминокъ по умершемъ мужѣ.

Потомъ, пришедши къ древлянамъ, она оплакала мужа, напоила до пьяна древлянъ, и умертвила изъ нихъ 5000. Вскорѣ послѣ того, возвратясь въ Кіевъ, она собрала войско, пошла противъ древлянъ, одержала побѣду и преслѣдовала бѣгущихъ до крѣпости, которую осаждала цѣлый годъ. Потомъ она заключила съ ними мирныя условія и потребовала у нихъ дани, именно съ каждаго дома по три голубя и по три воробья: птицъ, полученныхъ въ дань, она распустила, привязавъ имъ подъ крылья огненные снаряды. Улетѣвшія птицы возвратились къ своимъ старымъ обычнымъ жилищамъ, и зажгли крѣпость: бѣглецы изъ загорѣвшейся крѣпости были или убиты, или взяты въ плѣнъ и проданы. Такимъ образомъ, занявъ всѣ древлянскія крѣпости и отмстивъ за смерть мужа, она возвратилась въ Кіевъ. Потомъ, въ 6463 году отъ сотворенія міра, отправившись въ Грецію, Ольга приняла крещеніе въ правленіе Іоанна, царя константинопольскаго: перемѣнивъ свое имя, она была названа Еленой, и возвратилась домой, получивъ послѣ крещенія много богатыхъ подарковъ отъ царя. Она первая изъ руссовъ сдѣлалась христіанкой, какъ свидѣтельствуютъ ихъ лѣтописи, которыя уподобляютъ ее солнцу, потому что какъ солнце освѣщаетъ весь міръ, такъ она, по ихъ словамъ, озарила Русь вѣрою Христа. Но никакъ не могла она склонить къ крещенію сына своего Святослава. Когда онъ пришелъ въ юношескій возрастъ, — мужественный и отважный, онъ тотчасъ подъялъ всѣ воинскіе труды и соединенныя съ ними опасности: своему войску онъ не позволилъ имѣть на войнѣ никакого багажа, даже котловъ; питался только жаренымъ мясомъ, покоился на землѣ, подкладывая подъ голову сѣдло. Онъ побѣдилъ булгаръ, дошедши даже до Дуная, и основалъ свое мѣстопребываніе въ городѣ Переяславцѣ (Pereaslavu), говоря матери и своимъ совѣтникамъ: «Вотъ подлинно моя столица въ серединѣ моихъ царствъ: изъ Греціи ко мнѣ привозятъ паволоки (Panadocki), золото, серебро, вино и различные плоды, изъ Венгріи — серебро и лошадей, изъ Руси — шкуры (Schora), воскъ, медъ и рабовъ». Мать отвѣчала ему: «Уже скоро я умру; такъ ты похорони меня, гдѣ тебѣ угодно». Спустя три дня она умерла, и была причислена къ лику святыхъ внукомъ Владиміромъ, который уже крестился; ей посвященъ 11-й день іюля.

Святославъ (Svuatoslaus), царствовавшій по смерти матери,

раздѣлилъ области сыновьямъ: Ярополку (Jeropolchus) — Кіевъ, Олегу (Olega) — древлянъ, Владиміру (Vuolodimerus) — великій Новгородъ, такъ какъ сами новгородцы, побужденные одною женщиною, Добрынею (Dobrina), испрашивали въ князья Владиміра. Въ Новгородѣ былъ одинъ гражданинъ Калуфча (Calufza), по прозванію Малый, который имѣлъ двухъ дочерей: Добрыню и Малушу; Малуша была при теремѣ Ольги, и Святославъ прижилъ съ нею Владиміра. Устроивъ своихъ сыновей, Святославъ отправился въ Булгарію, осадилъ городъ Переяславецъ и взялъ его. Потомъ онъ объявилъ войну царямъ Василію и Константину. Но они черезъ пословъ просили мира и желали узнать сколько у него войска, обѣщаясь, но ложно, дать дань по числу войска. Узнавши число его воиновъ, они собрали войско. Когда сошлись оба войска, руссы устрашились многочисленности грековъ, и Святославъ, видя ихъ страхъ, сказалъ: «Руссы, такъ какъ я не вижу мѣста, которое бы могло принять насъ подъ свою защиту, а предать врагамъ землю русскую я никогда не думалъ, то рѣшено, что мы или умремъ или добудемъ славы, сражаясь противъ непріятелей. Ибо, если я паду, сражаясь мужественно, то пріобрѣту безсмертное имя; если же побѣгу, то вѣчное безчестіе, — и такъ какъ окруженному многочисленными врагами бѣжать нельзя, то я стану крѣпко, и въ первомъ ряду за отечество подставлю свою голову всѣмъ опасностямъ». Воины отвѣчали ему: «гдѣ твоя голова, тамъ и наши». Какъ только воины ободрились, онъ съ великимъ усиліемъ устремился на стоявшихъ противъ него враговъ и вышелъ побѣдителемъ. Когда онъ потомъ опустошалъ землю грековъ, то остальные греческіе князья умилостивляли его дарами; когда же онъ съ презрѣніемъ отвергъ золото и паволоки (Panadockmi), а принялъ одежды и оружіе, предложенныя ему греками во второй разъ: то народы Греціи, восхищенные такою его доблестью, собравшись къ своимъ царямъ говорили: И мы хотимъ быть подъ властью такого царя, который любитъ болѣе — не золото, а оружіе. Когда Святославъ приблизился къ Константинополю, греки откупились отъ него большою данью, и такимъ образомъ удалили его отъ границъ Греціи. Наконецъ, въ 6480 году отъ сотворенія міра, Куресъ, князь печенѣговъ (Pieczenigi), умертвилъ его изъ засады, и, сдѣлавъ изъ его черепа чашу съ золотою обдѣлкой, вырѣзалъ на ней надпись такого содержанія: «Ища чужаго, онъ поте-

рялъ свое». По смерти Святослава одинъ изъ его вельможъ, по имени Свенельдъ (Svuatoldus), пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку и съ большимъ стараніемъ побуждалъ его изгнать изъ царства брата Олега за то, что онъ умертвилъ его сына, Люта. Ярополкъ, увлеченный его убѣжденіями, пошелъ войною на брата и разбилъ его войско, т. е. древлянъ. Олегъ же искалъ убѣжища въ одномъ городѣ, но не былъ впущенъ своими же; и такъ какъ въ то время было сдѣлано нападеніе, то онъ былъ столкнутъ или сброшенъ съ одного моста, и жалостнымъ образомъ погибъ, заваленный многими трупами, падавшими на него. Ярополкъ, занявъ городъ, искалъ брата, и при видѣ его тѣла, найденнаго между трупами и принесеннаго къ нему, сказалъ: «Свенельдъ, вотъ чего ты хотѣлъ!» Послѣ того Олегъ былъ похороненъ. Владиміръ, узнавъ о томъ, что Олегъ убитъ и похороненъ, изъ Новгорода бѣжалъ за море къ варягамъ; а Ярополкъ, поставивъ въ Новгородѣ своего намѣстника, сдѣлался монархомъ всей Руссіи. Снискавъ помощь варяговъ и возвратившись въ отечество, Владиміръ изгналъ изъ Новгорода братняго намѣстника и первый объявилъ войну брату, ибо зналъ, что онъ подниметъ противъ него оружіе. Тѣмъ временемъ онъ послалъ къ Рогволду (Rochvuolochda), князю псковскому (который также переселился сюда отъ варяговъ), и просилъ въ супруги его дочь Рогнѣду (Rochmida); но дочь желала выйти замужъ не за Владиміра, потому что знала, что онъ незаконнорожденный, но за брата его, Ярополка, который, полагала она, скоро также будетъ просить ее въ супруги. Владиміръ, получивъ отказъ, пошелъ войною на Рогволда и умертвилъ его вмѣстѣ съ двумя сыновьями; съ Рогнѣдой же, дочерью его, вступилъ въ супружество, и потомъ пошелъ на Кіевъ противъ брата. Не смѣя сразиться съ нимъ, Ярополкъ заключился въ Кіевѣ (Chiovuia), который и былъ осажденъ Владиміромъ. Во время осады Кіева (Chiovu), Владиміръ послалъ тайнаго гонца къ нѣкоему Блуду, ближайшему совѣтнику Ярополка, и, почтивъ его названіемъ отца, спрашивалъ у него совѣта, какъ извести Ярополка. Обдумавъ просьбу Владиміра, Блудъ обѣщался, что онъ самъ убьетъ своего господина, совѣтуя Владиміру осадить городъ; Ярополка же убѣдилъ не оставаться въ крѣпости, выставляя на видъ, что многіе изъ его войска перешли къ Владиміру. Повѣривъ своему совѣтнику, Ярополкъ удалился въ Родню (Roden), къ устью Роси (Jursa), и думалъ,

что тамъ онъ будетъ безопасенъ отъ насилія со стороны брата. Покоривъ Кіевъ, Владиміръ передвинулъ войско къ Роднѣ, и долго тѣснилъ Ярополка тяжкою осадою. Потомъ, когда городъ, истощенный голодомъ, не могъ дольше выдерживать осады, Блудъ совѣтовалъ Ярополку заключить миръ съ братомъ, который гораздо сильнѣе его, и въ то же время извѣстилъ Владиміра, что онъ скоро приведетъ и предастъ ему его брата. Ярополкъ, слѣдуя совѣту Блуда, отдался въ волю и власть брата, предлагая вмѣсто всякихъ условій, что онъ будетъ благодаренъ Владиміру, если тотъ изъ милости уступитъ ему что нибудь изъ владѣній. Предложеніе очень понравилось Владиміру. Потомъ Блудъ уговорилъ своего господина, чтобы онъ пошелъ къ Владиміру; Вераско, тоже совѣтникъ Ярополка, ревностно отговаривалъ его отъ этого. Но пренебрегши его совѣтомъ, Ярополкъ отправился къ брату и, входя въ ворота, былъ убитъ двумя варягами, между тѣмъ какъ Владиміръ смотрѣлъ съ одной башни въ окно. Послѣ того Владиміръ изнасиловалъ супругу брата, родомъ гречанку, съ которою и Ярополкъ жилъ до супружества, когда она была еще монахинею. Этотъ Владиміръ поставилъ много идоловъ въ Кіевѣ: первый идолъ, называвшійся Перуномъ (Perum), былъ съ серебряной головой, а остальные члены были у него изъ дерева; другіе идолы назывались: Усладъ, Корса, Дасва, Стриба, Симергла, Макошъ; имъ приносилъ онъ жертвы; иначе они называются кумирами (Cumeri). У Владиміра было очень много женъ. Отъ Рогнѣды онъ имѣлъ Изяслава (Isoslaus), Ярослава (Jeroslaus), Всеволода (Servuoldus) и двухъ дочерей; отъ гречанки — Святополка (Svuetopolchus); отъ богемки — Заслава; потомъ отъ другой богемки — Святослава и Станислава; отъ болгарки — Бориса и Глѣба (Chleb). Кромѣ того онъ имѣлъ въ Вышгородѣ (in alto castro) триста наложницъ, въ Бѣлградѣ — тоже триста, въ Берестовѣ селѣ (in Berestovuo, Selvi) — двѣсти. Когда Владиміръ безпрепятственно сдѣлался монархомъ всей Руссіи, то пришли къ нему послы изъ разныхъ мѣстъ, убѣждая принять ихъ вѣру. Когда онъ узналъ различныя вѣроисповѣданія, то и самъ отправилъ своихъ пословъ изслѣдовать ученіе и обряды каждой вѣры. Наконецъ, предпочтя всѣмъ другимъ—вѣру христіанскую по греческому закону, онъ отправилъ пословъ въ Константинополь, къ царямъ Василію и Константину, и обѣщался принять христіанскую вѣру со всѣми своими под-

данными и возвратить имъ Корсунъ и все остальное, чѣмъ владѣлъ въ Греціи, если они дадутъ ему въ супруги сестру свою, Анну. По окончаніи переговоровъ, условились во времени и мѣстомъ выбрали Корсунъ; когда прибыли туда цари, Владиміръ крестился и, перемѣнивъ имя, былъ нареченъ Василіемъ. Отпраздновавъ свадьбу, онъ возвратилъ Корсунъ и все остальное, какъ обѣщалъ. Это произошло въ 6496 году отъ сотворенія міра, и съ этого времени Руссія пребываетъ въ Христіанствѣ. Анна умерла черезъ 23 года послѣ свадьбы, Владиміръ же скончался на четвертый годъ послѣ смерти супруги. Онъ построилъ городъ, лежащій между рѣками Волгой и Окой, назвалъ его по своему имени Владиміромъ (Vuolodimeria) и сдѣлалъ его столицею Руссіи. Каждый годъ 15 іюля торжественно празднуютъ его память въ числѣ святыхъ, какъ Апостола. По смерти Владиміра, его сыновья ссорились, споря между собою и не соглашаясь въ раздѣленіи царства, такъ что кто былъ сильнѣе, тотъ угнеталъ слабѣйшихъ и изгонялъ ихъ изъ государства. Святополкъ, который насильно овладѣлъ княжествомъ Кіевскимъ, подослалъ убійцъ, чтобы умертвить своихъ братьевъ, Бориса и Глѣба. По смерти перемѣнили имъ имена, и одинъ названъ Давидомъ, а другой Романомъ, и оба причислены къ лику святыхъ; имъ посвященъ 24 день іюля. При такихъ ссорахъ, братья ничего достойнаго памяти не совершили, кромѣ измѣнъ, козней, вражды и междуусобныхъ войнъ. Владиміръ, сынъ Всеволода, по прозванію Мономахъ, соединилъ опять всю Руссію въ одну державу; онъ оставилъ послѣ себя какія-то регаліи, которыя употребляются въ настоящее время при коронованіи князей. Владиміръ умеръ въ 6633 году отъ сотворенія міра, и послѣ него его сыновья и внуки не совершили ничего достойнаго памяти потомства до самыхъ временъ Георгія и Василія: Батый (Bati), царь татаръ, побѣдилъ и умертвилъ ихъ, выжегъ и разграбилъ Владиміръ, Москву и бо̀льшую часть Руссіи. Съ этого времени, т. е. съ 6745 года отъ сотворенія міра до нынѣшняго князя Василія, почти всѣ князья Руссіи не только были данниками татаръ, но и отдѣльныя княжества давались по волѣ татаръ тѣмъ изъ русскихъ, которые у нихъ домогались этого. Хотя татары разбирали и рѣшали споры, возникавшіе между ними о преемствѣ власти въ княжествахъ или о наслѣдствахъ, тѣмъ не менѣе однакожъ войны между русскими и татарами происходили часто; а между

братьями были волненія, изгнанія и мѣны царствъ и княжествъ. Такъ князь Андрей Александровичъ домогался великаго княжества; когда имъ овладѣлъ его братъ Димитрій, Андрей съ помощью татарскаго войска изгналъ его и совершилъ много постыдныхъ дѣлъ въ Руссіи. Также князь Димитрій Михайловичъ убилъ у татаръ князя Георгія Даніиловича. Узбекъ (Asbeck), царь татарскій, захвативъ Димитрія, казнилъ его смертью. Былъ *также* споръ о великомъ княжествѣ тверскомъ; когда князь Симеонъ Іоанновичъ просилъ его себѣ у Чанибека (Zanabeck), царя татарскаго, то *Чанибекъ* требовалъ отъ него годовой дани: вельможи, подкупленные богатыми подарками *Симеона*, вступились за него и обдѣлали дѣло такъ, что онъ не заплатилъ дани. Потомъ въ 6886 году великій князь Димитрій побѣдилъ Мамая, великаго царя татаръ. На третій годъ послѣ того Димитрій снова разбилъ его, такъ что земля была покрыта трупами болѣе, чѣмъ на 13,000 шаговъ. На второй годъ послѣ этого сраженія неожиданно сдѣлалъ нашествіе царь татарскій Тохтамышъ, поразилъ Димитрія, осадилъ и взялъ Москву. Убитыхъ выкупали для погребенія — восемдесятъ человѣкъ за одинъ рубль: вся сумма выкупа, по счету, оказалась въ три тысячи рублей. Великій князь Василій, правившій въ 6907 году, овладѣлъ Булгаріей, которая лежитъ по Волгѣ, и изгналъ *изъ нея* татаръ. Этотъ Василій Димитріевичъ оставилъ единственнаго сына Василія; такъ какъ онъ не любилъ его, потому что подозрѣвалъ въ прелюбодѣйствѣ супругу свою Анастасію, отъ которой родился у него Василій, то умирая оставилъ великое княжество московское не сыну, а своему брату, Георгію. Когда же бо́льшая часть бояръ (Boiarones) приняли сторону сына Василія, какъ законнаго наслѣдника и преемника; то Георгій, увидѣвъ это, поспѣшилъ къ татарамъ и умолялъ царя, чтобы онъ призвалъ Василія и рѣшилъ, кому изъ нихъ должно принадлежать княжество по праву. Когда царь, подъ вліяніемъ одного изъ своихъ совѣтниковъ, благопріятствовавшаго сторонѣ Георгія, въ присутствіи Василія произнесъ свое мнѣніе въ пользу Георгія, — Василій, павъ къ ногамъ царя, просилъ, чтобы ему было позволено говорить. Получивъ согласіе царя, онъ сказалъ: «Хотя ты сдѣлалъ приговоръ на основаніи грамоты умершаго человѣка, однако я надѣюсь, что гораздо дѣйствительнѣе и важнѣе моя грамота, скрѣпленная золотою печатью, которую ты, живой человѣкъ, далъ мнѣ въ удостовѣреніе того, что хочешь

облечь меня великокняжескимъ достоинствомъ». Затѣмъ онъ просилъ царя, чтобы онъ помнилъ свои слова и удостоилъ сдержать свои обѣщанія. Царь отвѣчалъ на это, что справедливѣе соблюсти то, что̀ обѣщано въ грамотѣ живаго человѣка, чѣмъ принимать въ разсужденіе завѣщаніе. Наконецъ онъ отпустилъ Василія и облекъ его великокняжескимъ достоинствомъ. Съ огорченіемъ принялъ это Георгій и, собравъ войско, изгналъ Василія. Василій перенесъ это скрѣпя сердце и удалился въ княжество Угличь, оставленное ему отцомъ. Георгій до конца жизни спокойно владѣлъ великимъ княжествомъ, и завѣщаніемъ отказалъ его своему племяннику Василію. Андрей и Димитрій, сыновья Георгія, какъ лишенные наслѣдства, досадовали на это и потому осадили Москву. Василій получилъ извѣстіе объ этомъ въ монастырѣ св. Сергія, немедленно поставилъ стражей, размѣстилъ гарнизонъ и остерегался, чтобы не напали на него внезапно. Примѣтивъ это и посовѣтовавшись между собою, Андрей и Димитрій наполнили нѣсколько повозокъ вооруженными воинами и послали ихъ къ монастырю подъ видомъ купеческаго обоза. Доѣхавъ туда, повозки остановились подъ ночь вблизи стражи. Вспомоществуемые этимъ обстоятельствомъ, воины въ глубокую ночь внезапно выскочили изъ телѣгъ, напали на караульныхъ, не подозрѣвавшихъ никакой опасности, и схватили ихъ. Въ монастырѣ взятъ былъ и Василій, ослѣпленъ и отосланъ въ Угличь вмѣстѣ съ своею супругою. Вскорѣ потомъ Димитрій, увидѣвъ, что сословіе дворянъ ему непріязненно, и что они переходятъ на сторону слѣпаго Василія, бѣжалъ въ Новгородъ, оставивъ сына Іоанна, отъ котораго потомъ родился Василій Шемячичъ (Semeczitz), въ бытность мою въ Москвѣ содержавшійся въ оковахъ; болѣе скажу о немъ ниже. Дмитрій былъ прозваніемъ Шемяка, отчего всѣ его потомки называются Шемячичами. Наконецъ Василій Васильевичъ Темный спокойно овладѣлъ великимъ княжествомъ. Послѣ Владиміра Мономаха, до этого Василія, въ Руссіи не было монарховъ. Сынъ же этого Василія, Іоаннъ, былъ весьма счастливъ, потому что вскорѣ послѣ своего брака съ Маріею, сестрою Михаила, великаго князя тверскаго, онъ изгналъ зятя и овладѣлъ великимъ княжествомъ тверскимъ; потомъ завоевалъ также великій Новгородъ. Послѣ того всѣ другіе князья стали служить ему, пораженные величіемъ его дѣяній, или изъ страха. Потомъ при постоянно счастливомъ

ходѣ дѣлъ, онъ началъ употреблять титулъ великаго князя владимірскаго, московскаго и новгородскаго и наконецъ сталъ называться монархомъ (*самодержцемъ*) всей Руссіи. Этотъ Іоаннъ имѣлъ отъ Маріи сына, по имени Іоанна, которому избралъ въ супруги дочь Стефана Великаго, того молдавскаго воеводы, который побѣдилъ Магомета, султана турецкаго, Матвѣя, короля венгерскаго, и Іоанна Альберта, короля польскаго. По смерти первой своей супруги, Маріи, Іоаннъ Васильевичъ вступилъ въ другой бракъ съ Софіею, дочерью Ѳомы, нѣкогда имѣвшаго обширныя владѣнія въ Пелопонезѣ: я говорю о сынѣ Эмануила, царя константинопольскаго, изъ рода Палеологовъ. Отъ нея онъ имѣлъ пятерыхъ сыновей: Гавріила, Димитрія, Георгія, Симеона и Андрея, и имъ раздѣлилъ наслѣдство еще при своей жизни: Іоанну, старшему, онъ оставилъ самодержавную власть, Гавріилу назначилъ великій Новгородъ, остальнымъ далъ другія владѣнія по своему желанію. Первенецъ его, Іоаннъ, умеръ, оставивъ сына Димитрія, которому дѣдъ предоставилъ монархію, по обычаю, вмѣсто его умершаго отца. Говорятъ, что эта Софія была весьма хитра и подъ вліяніемъ ея князь много дѣлалъ. Между прочимъ утверждаютъ, что она побудила мужа лишить внука Димитрія монархіи и назначить на его мѣсто Гавріила. Князь, убѣжденный супругою, велѣлъ бросить Димитрія въ оковы, и долго держалъ его въ нихъ. Наконецъ, на смертномъ одрѣ, онъ приказалъ привесть его къ себѣ и сказалъ ему: «Милый внукъ, я согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою, заключивъ тебя въ темницу и лишивъ тебя законнаго наслѣдства; заклинаю тебя прости мнѣ обиду; будь свободенъ, иди и пользуйся своимъ правомъ». Димитрій, растроганный этой рѣчью, охотно простилъ вину дѣда. Но когда онъ выходилъ, его схватили по приказанію дяди Гавріила и бросили въ темницу. Одни полагаютъ, что онъ погибъ отъ голоду и холоду, другіе—что онъ задушенъ дымомъ. Гавріилъ при жизни Димитрія выдавалъ себя только за правителя государства, по смерти же его принялъ княжеское достоинство, хотя и не былъ коронованъ, а только перемѣнилъ имя Гавріила на имя Василія. У великаго князя Іоанна отъ Софіи была дочь Елена, которую онъ выдалъ за Александра, великаго князя литовскаго, избраннаго потомъ королемъ польскимъ. Литовцы уже надѣялись, что важныя несогласія обоихъ государей будутъ прекращены этимъ бракомъ; а произошли отъ него гораздо важнѣй-

2*

нія. Ибо въ брачномъ договорѣ было положено выстроить храмъ по русскому закону въ городѣ Вильно на назначенномъ для того мѣстѣ, и причислить къ нему боярынь и дѣвицъ русскаго вѣроисповѣданія, сопровождавшихъ Елену. Когда нѣсколько времени пренебрегали исполненіемъ этого условія, тесть воспользовался этимъ, какъ поводомъ войны противъ Александра, и устроивъ три арміи, выступилъ противъ него: первую онъ послалъ на югъ, въ область сѣверскую, другую на западъ, противъ Торопца и Бѣлы, третью поставилъ посрединѣ по направленію къ Дорогобужу и Смоленску; изъ нихъ онъ удержалъ въ резервѣ еще войско для того, чтобы послать на помощь той арміи, противъ которой будутъ сражаться литовцы. Послѣ того, когда оба непріятельскія войска сошлись у рѣки Ведроши (Vuedrasch), литовцы, бывшіе подъ предводительствомъ Константина Острожскаго (Ostroskij), окруженнаго большимъ множествомъ вельможъ и знати, возъимѣли большую надежду поразить враговъ, когда узнали отъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ число непріятелей и ихъ вождей. Потомъ, такъ какъ рѣчка препятствовала схваткѣ, съ обѣихъ сторонъ стали искать переправы или брода. Однакожь нѣсколько московитовъ, взобравшись на противоположный берегъ, первые вызвали литовцевъ на бой; но тѣ безстрашно отразили ихъ, преслѣдовали, обратили въ бѣгство и прогнали за рѣчку. Вскорѣ сошлись оба войска, и началось ужасное сраженіе. Между тѣмъ, какъ съ обѣихъ сторонъ сражались съ одинаковою храбростью, войско, помѣщенное въ засадѣ, о прибытіи котораго знали весьма немногіе изъ русскихъ, съ боку врѣзалось въ средину враговъ; литовцы, пораженные страхомъ, побѣжали; предводитель войска вмѣстѣ со многими вельможами былъ взятъ въ плѣнъ; остальные отъ страха оставили непріятелю лагерь, сдались сами и также отдали крѣпости Дорогобужъ, Торопецъ и Бѣлу. Войско же, которое пошло на югъ, и надъ которымъ предводительствовалъ Махметъ-Аминь (Machmethemin), татарскій царь Казани, случайно захватило правителя (на ихъ языкѣ воеводу) города Брянска (Brensko), и овладѣло Брянскомъ. Послѣ того два родныхъ брата, двоюродные братья Василія, одинъ — Стародубскій, другой — Шемячичъ, владѣвшіе доброю частью области сѣверской и прежде подвластные князьямъ литовскимъ, передались подъ власть московскаго князя. Такъ однимъ сраженіемъ и въ одинъ годъ московскій князь пріобрѣлъ то, чѣмъ

завладѣлъ Витолдъ, великій князь литовскій, въ продолженіи многихъ лѣтъ и съ величайшимъ трудомъ. Съ этими литовскими плѣнниками московскій князь поступилъ весьма жестоко, держалъ ихъ въ самыхъ тяжелыхъ оковахъ и уговаривалъ князя Константина поступить къ нему въ службу, оставивъ природнаго государя. Не имѣя надежды уйти другимъ способомъ, Константинъ принялъ условіе и былъ освобожденъ, обязавшись величайшею клятвой. Хотя ему назначены были помѣстья и владѣнія сообразно его сану, но они не могли привлечь и удержать его, такъ что при первомъ случаѣ, черезъ непроходимые лѣса, онъ возвратился въ отечество. Александръ, король польскій и великій князь литовскій, постоянно желалъ мира болѣе чѣмъ войны, отказался отъ всѣхъ областей и городовъ, занятыхъ московскимъ княземъ, и заключилъ съ тестемъ миръ, довольствуясь освобожденіемъ своихъ плѣнныхъ. Этотъ Іоаннъ Васильевичъ былъ такъ счастливъ, что побѣдилъ новгородцевъ въ битвѣ у рѣки Шелони (Scholona); онъ принудилъ побѣжденныхъ принять нѣкоторыя условія и признать его своимъ господиномъ и княземъ, взялъ съ нихъ большія деньги и потомъ удалился, поставивъ тамъ своего намѣстника. По истеченіи семи лѣтъ, онъ снова воротился туда, вошелъ въ городъ при помощи архіепископа Ѳеофила, обратилъ жителей въ самое жалкое рабство, отнялъ серебро и золото, наконецъ и всѣ имущества гражданъ, и увезъ оттуда болѣе трехсотъ хорошо нагруженныхъ телѣгъ. Самъ онъ присутствовалъ на войнѣ только однажды, когда были завоевываемы княжества новгородское и тверское; въ другое время онъ обыкновенно никогда самъ не присутствовалъ въ сраженіи и однакожь всегда одерживалъ побѣду, такъ что великій Стефанъ, воевода молдавскій, часто вспоминая о немъ на пиршествахъ, говаривалъ: «Іоаннъ, сидя дома и покоясь, увеличиваетъ свое царство, а я, ежедневно сражаясь, едва могу защитить границы». Онъ также ставилъ по своей волѣ царей казанскихъ, иногда отводилъ ихъ плѣнными, но напослѣдокъ *самъ* потерпѣлъ отъ нихъ большое пораженіе въ своей старости. Онъ первый обвелъ стѣною московскую крѣпость и свою резиденцію, какъ это можно видѣть и нынѣ. Женщинамъ онъ былъ до того страшенъ, что если какая нибудь случайно попадалась ему на встрѣчу, то отъ его взгляда только что не лишалась жизни. Не было къ нему доступа для бѣдныхъ, обиженныхъ

и притѣсненныхъ сильными. За обѣдомъ онъ большею частью до того напивался, что засыпалъ, а всѣ приглашенные между тѣмъ отъ страху молчали; проснувшись, онъ протиралъ глаза, и только тогда начиналъ шутить и былъ веселъ съ гостями. Впрочемъ хотя онъ и былъ весьма могущественъ, однако принужденъ былъ повиноваться татарамъ. Когда приближались татарскіе послы, онъ выходилъ къ нимъ на встрѣчу за городъ и выслушивалъ ихъ стоя, тогда какъ они сидѣли. Его супруга, которая была родомъ изъ Греціи, очень досадовала на это, и ежедневно говорила, что она вышла замужъ за раба татаръ: потому она убѣдила супруга притвориться больнымъ при приближеніи татаръ для того, чтобы наконецъ когда нибудь уничтожить этотъ рабскій обрядъ. Въ московскомъ кремлѣ былъ домъ, въ которомъ жили татары для того, чтобы знать все происходившее въ Москвѣ. Такъ какъ супруга князя равнымъ образомъ не могла стерпѣть и этого, то она отправила нѣсколькихъ пословъ съ богатыми подарками татарской царицѣ — почтительно просить ее, чтобы она уступила и подарила ей этотъ домъ; а она выстроитъ на этомъ мѣстѣ храмъ сообразно съ божественнымъ указаніемъ, полученнымъ ею въ видѣніи. Впрочемъ она обѣщалась назначить татарамъ другой домъ. Царица согласилась на это: домъ былъ разрушенъ, и на его мѣстѣ выстроенъ храмъ; татары, удаленные такимъ образомъ изъ кремля, не могли получить другого дома ни при жизни князя и княгини, ни по ихъ смерти.

Умеръ Іоаннъ Великій въ 7014 году отъ сотворенія міра; въ достоинствѣ великаго князя московскаго наслѣдовалъ ему сынъ Гавріилъ, потомъ называвшійся Василіемъ. Онъ содержалъ въ заключеніи своего племянника Димитрія, который еще при жизни дѣда былъ вѣнчанъ на царство, сообразно народному обычаю; поэтому и при жизни, и по смерти племянника, Василій не хотѣлъ торжественно вѣнчаться на царство. Онъ во многомъ подражалъ своему отцу, сохранилъ въ цѣлости доставшееся ему отъ отца, и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ многія области не столько войною, въ которой былъ весьма несчастливъ, сколько хитростью. Какъ отецъ привелъ въ зависимость отъ себя Новгородъ, такъ онъ покорилъ прежде дружественный ему Псковъ, также пріобрѣлъ знаменитое княжество смоленское, которое болѣе ста лѣтъ было въ подданствѣ литовцевъ. Ибо по смерти короля

польскаго Александра, хотя Василій и не имѣлъ никакой причины воевать противъ Сигизмунда, короля польскаго и великаго князя литовскаго, но видя, что король болѣе склоненъ къ миру, нежели къ войнѣ, а равно и литовцы страшатся войны, онъ нашелъ предлогъ къ разрыву. Именно онъ говорилъ, что съ его сестрою, вдовою Александра, обходятся вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ по ея достоинству. Кромѣ того онъ обвинялъ короля Сигизмунда въ томъ, что онъ вооружалъ противъ него татаръ. Поэтому онъ и объявилъ войну, осадилъ Смоленскъ, придвинулъ стѣнобитныя машины, однако не взялъ его. Между тѣмъ Михаилъ Глинскій (Lynczky), происходившій отъ благородной отрасли русскихъ князей и нѣкогда занимавшій у Александра высшія должности, бѣжалъ къ великому князю московскому, какъ это будетъ изложено ниже. Вскорѣ онъ склонилъ Василія къ войнѣ и обѣщалъ ему, что онъ покоритъ Смоленскъ, если онъ снова будетъ осажденъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы московскій князь отдалъ ему это княжество. Потомъ, когда Василій согласился на предложенныя Михаиломъ условія, и снова уже тѣснилъ Смоленскъ тяжкою осадою, Глинскій овладѣлъ городомъ посредствомъ переговоровъ или справедливѣе чрезъ подкупъ, и привелъ съ собою въ Москву всѣхъ начальниковъ войска, исключая только одного, который воротился къ своему государю, не зная за собой никакой измѣны; остальные же офицеры, подкупленные деньгами и подарками, не смѣли воротиться въ Литву, и чтобы предоставить нѣкоторое оправданіе своей вины, навели страхъ на воиновъ, говоря: «Если мы возьмемъ путь къ Литвѣ, то на всякомъ мѣстѣ насъ могутъ или ограбить, или убить». Воины, страшась этихъ бѣдствій, всѣ отправились въ Москву и были приняты на жалованье князя.

Гордясь этой побѣдой, Василій приказалъ своему войску тотчасъ вступить въ Литву, а самъ остался въ Смоленскѣ. Потомъ, когда сдались нѣсколько ближайшихъ крѣпостей и городовъ, тогда только Сигизмундъ, король польскій, собралъ войско и послалъ его на помощь осажденнымъ въ Смоленскѣ, но уже поздно. Вскорѣ по взятіи Смоленска, узнавъ, что московское войско идетъ въ Литву, онъ прибылъ въ Борисовъ, лежащій на рѣкѣ Березинѣ, и оттуда отправилъ противъ непріятеля свое войско подъ предводительствомъ Константина Острожскаго. Когда Константинъ достигъ Борисѳена, у города Орши, который отстоитъ отъ Смоленска на 24 германскихъ

мили, — туда уже прибыло московское войско числомъ около восьмидесяти тысячъ: литовское же войско не превышало тридцати пяти тысячъ человѣкъ, имѣя однакожъ нѣсколько орудій. Восьмаго сентября 1514 года, настлавъ мостъ, Константинъ переправилъ пѣхоту черезъ Борисѳенъ у города Орши (Orsa), конница же переправилась черезъ узкій бродъ подъ самой оршинской крѣпостью. Вскорѣ послѣ того какъ половина войска перешла черезъ Борисѳенъ, извѣстили объ этомъ Ивана Андреевича Челядина, которому московскій князь поручилъ главное начальство, — и совѣтовали напасть на эту часть войска и уничтожить ее. Но онъ отвѣчалъ: «если мы разобьемъ эту часть войска, то останется другая, къ которой могутъ присоединиться другія силы; и такимъ образомъ намъ будетъ грозить бо̀льшая опасность. Подождемъ немного, пока переправится все войско: у насъ такія силы, что, безъ сомнѣнія, мы можемъ безъ большаго труда или разбить это войско, или окружить его и гнать до самой Москвы, какъ быковъ. Наконецъ намъ останется только занять всю Литву». Между тѣмъ приближалось литовское войско, въ составъ котораго входили поляки и солдаты изъ чужихъ странъ, и когда оно отошло отъ Орши на 4000 шаговъ, — обѣ арміи остановились. У московитовъ два крыла далеко отошли отъ остальнаго войска, для того чтобы обойти непріятеля съ тыла; главное же войско въ боевомъ порядкѣ стояло въ серединѣ, а впереди были поставлены тѣ, которые должны были вызвать непріятеля на бой. Напротивъ нихъ литовцы долго давали диспозицію своимъ разноплеменнымъ силамъ, ибо каждое княжество прислало войско и предводителя своего племени, и такимъ образомъ въ боевой линіи каждому было дано свое мѣсто. Наконецъ, поставивъ нѣсколько отрядовъ впереди, московиты подаютъ сигналъ и первые дѣлаютъ нападеніе на литовцевъ. — Тѣ стоятъ безстрашно и отражаютъ ихъ; но московиты, получивъ подкрѣпленіе, въ свою очередь обращаютъ въ бѣгство литовцевъ. Такимъ образомъ нѣсколько разъ обѣ стороны, усиливаясь свѣжими подкрѣпленіями, опрокидываютъ другъ друга. Наконецъ всѣ силы введены были въ дѣло. Тогда литовцы, съ намѣреніемъ отступивъ къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ поставлены были орудія, обратили пушки на преслѣдовавшихъ ихъ московитовъ: они стрѣляютъ, разстраиваютъ и разрываютъ густые задніе ряды, стоящіе въ резервѣ. Московиты были устрашены

этимъ новымъ образомъ войны, такъ какъ они думали, что только первые ряды, сражающіеся съ непріятелемъ, находятся въ опасности; они смѣшались и ударились въ бѣгство, считая переднія дружины уже разбитыми. Тогда литовцы обращаются назадъ, со всѣми силами настигаютъ ихъ, преслѣдуютъ и убиваютъ. Одна ночь и лѣса прервали эту сѣчу. Между Оршей и Дубровной (которыя отстоятъ другъ отъ друга на 4 германскихъ мили) есть судоходная рѣка Кропивна: въ ней потонуло столько московитовъ, бѣжавшихъ по ея опаснымъ и высокимъ берегамъ, что теченіе рѣки замедлилось. Взяты были въ этомъ сраженіи всѣ начальники войска и военные совѣтники. На слѣдующій день Константинъ сдѣлалъ великолѣпный пріемъ знатнѣйшимъ изъ нихъ; потомъ отправилъ ихъ къ королю: они были распредѣлены по литовскимъ крѣпостямъ. Иванъ Челядинъ, съ двумя другими главными вождями уже преклонныхъ лѣтъ, содержался въ Вильнѣ въ желѣзныхъ кандалахъ; когда я былъ отправленъ въ Московію посломъ отъ цесаря Максимиліана, то навѣстилъ ихъ съ позволенія короля Сигизмунда и утѣшалъ ихъ, кромѣ того, по ихъ покорной просьбѣ, далъ въ долгъ нѣсколько золотыхъ. Услышавъ о пораженіи своихъ войскъ, князь немедленно оставилъ Смоленскъ и поспѣшно уѣхалъ въ Москву, приказавъ сжечь крѣпость Дорогобужъ, чтобы не завладѣли ею литовцы. Литовское войско направилось прямо къ городу Смоленску, но не могло взять его, потому что московскій князь сильно укрѣпилъ его и оставилъ въ немъ гарнизонъ. Къ тому же приближающаяся зима мѣшала осадѣ. Кромѣ того литовцы были обременены добычей, доставшеюся послѣ сраженія, и многіе требовали возвращенія домой, полагая, что они уже довольно сдѣлали. Наконецъ литовское войско не могло взять Смоленска и потому, что ни литовцы, ни московиты не умѣютъ брать крѣпостей. Но отъ этой побѣды король ничего не выигралъ, кромѣ возвращенія трехъ городовъ по сю сторону Смоленска. На четвертый годъ послѣ этого сраженія московскій князь послалъ войско въ Литву; оно расположилось станомъ между теченіями рѣки Двины и городомъ Полоцкомъ. Отсюда онъ отпустилъ бо̀льшую часть своего войска опустошать Литву огнемъ и мечемъ и собирать добычу. Альбертъ Гастолдъ, полоцкій воевода, вышедши въ одну ночь и перешедъ рѣку, зажегъ кучу сѣна, которое собрали моско-

виты ради долгой осады, и напали на непріятелей: одни изъ нихъ погибли отъ меча, другіе потонули въ бѣгствѣ, третьи были взяты въ плѣнъ, немногіе спаслись; изъ остальныхъ, которые, переходя съ одного мѣста на другое, опустошали Литву,—одни побѣждены въ разныхъ мѣстахъ, другіе, бродившіе по лѣсамъ, убиты поселянами.

Въ тоже время московскій князь также выступилъ противъ царства казанскаго, съ судовою и конною ратью, — но воротился, не сдѣлавъ дѣла и потерявъ весьма много воиновъ. Хотя этотъ князь Василій въ войнѣ былъ весьма несчастливъ, однако тѣмъ не менѣе свои всегда выхваляютъ его такъ, какъ будто бы онъ велъ дѣла свои счастливо; и хотя иногда ворочалась едва половина воиновъ, однако они утверждаютъ, что въ сраженіи не потеряно ни одного. Властью, которую имѣетъ надъ своими, онъ превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра. Онъ исполнилъ то, что началъ его отецъ, — именно отнялъ у всѣхъ князей и другихъ владѣтелей всѣ ихъ города и укрѣпленія. Даже своимъ роднымъ братьямъ онъ не ввѣряетъ крѣпостей, и не позволяетъ имъ въ нихъ жить. Почти всѣхъ гнететъ онъ тяжкимъ рабствомъ, такъ что тотъ, кому онъ приказалъ быть у себя во дворцѣ, или идти на войну, или отправлять какое нибудь посольство, принужденъ исполнять свою должность на свой счетъ, исключая юношей, боярскихъ дѣтей, т. е. благородныхъ людей небольшаго достатка, которыхъ, по ихъ бѣдности, онъ ежегодно беретъ къ себѣ и обыкновенно даетъ жалованье, но не всѣмъ одинаковое. Тѣмъ, которымъ онъ кладетъ 6 золотыхъ въ годъ, жалованье выдается только на третій годъ; тѣже, которымъ дается каждый годъ по 12 золотыхъ, обязаны быть готовыми ко всякой должности на своихъ издержкахъ и съ нѣсколькими лошадьми. Знатнѣйшимъ, которые отправляютъ посольства или другія важныя должности, даются или управленія областями, или села, или помѣстья, смотря по труду и достоинству каждаго; однако они платятъ съ нихъ князю извѣстную ежегодную подать: имъ идетъ только денежная пеня, которую они взимаютъ съ бѣдныхъ, чѣмъ либо провинившихся, и нѣкоторые другіе доходы. Князь позволяетъ пользоваться такого рода владѣніями большею частью въ продолженіи полутора года; если же оказываетъ кому особенную милость и благоволеніе, то прибавляетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ: но по прошествіи этого времени всякое

жалованье прекращается, и цѣлые шесть лѣтъ такой человѣкъ долженъ служить даромъ. При княжескомъ дворѣ былъ нѣкто Василій Третьякъ Долматовъ, пользовавшійся милостью князя и бывшій въ числѣ ближнихъ дьяковъ его. Князь назначилъ его посломъ къ цесарю Максимиліану и приказалъ ему приготовляться. Когда Третьякъ говорилъ, что у него нѣтъ денегъ на дорогу и на издержки, его тотчасъ схватили, увезли въ Бѣлоозеро (Bieloyessero) и на всю жизнь заключили въ темницу, гдѣ онъ наконецъ и погибъ жалкою смертью. Князь взялъ себѣ его имѣнье, движимое и недвижимое, и нашедши у него 3000 флориновъ чистыми деньгами, не далъ его братьямъ и наслѣдникамъ даже четвертой части. Подлинность этого, кромѣ общей молвы, подтвердилъ писецъ (scriba) Иванъ, который былъ ко мнѣ приставленъ княземъ, чтобы доставлять вещи, необходимыя для ежедневнаго употребленія: онъ держалъ Третьяка подъ стражей, когда тотъ былъ взятъ. Два брата Василія Третьяка, Өеодоръ и Захарія, которые были даны намъ приставами на возвратномъ пути изъ Можайска въ Смоленскъ, утверждали тоже самое. Если послы, отправленные къ иностраннымъ государямъ, привозятъ какія либо драгоцѣнности, то князь откладываетъ это въ свою казну, говоря, что онъ дастъ имъ другую награду, а она такова, какъ я сказалъ выше. Такъ, когда вмѣстѣ съ нами возвратились въ Москву послы князь Иванъ Посеченъ Ярославскій (Knes Ivuan, Posetzen, Jaroslavuski) и дьякъ Семенъ (т. е. Симеонъ) Трофимовъ, получивъ въ даръ отъ цесаря Карла V, къ которому были посланы, тяжелыя золотыя ожерелья, цѣпи, испанскіе дукаты — а отъ брата цесаря, Фердинанда, эрцгерцога австрійскаго, моего государя, серебряныя чаши, золотыя и серебряныя парчи, и нѣсколько нѣмецкихъ гульденовъ, — то князь немедленно отобралъ у нихъ и цѣпи, и чаши, и бо́льшую часть испанскихъ дукатовъ. Когда я спрашивалъ пословъ, справедливо ли это, — то одинъ постоянно отрицалъ, боясь унизить своего князя, другой же говорилъ, что князь приказалъ принести къ себѣ царскіе подарки, чтобы поглядѣть на нихъ. Потомъ, когда я весьма часто вспоминалъ объ этомъ, одинъ изъ нихъ пересталъ послѣ этого посѣщать меня, чтобы не быть принужденнымъ ко лжи, продолжая отпираться, или чтобы избѣжать опасности въ томъ случаѣ, если признается въ истинѣ. Но придворные не отвергали этого факта, а возражали: Такъ чтоже, если князь воз-

наградить ихъ другою милостью? Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ нибудь противорѣчить ему или быть другаго мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что́ князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ божіей; потому они даже называютъ его божьимъ ключникомъ и постельникомъ, и наконецъ вѣрятъ, что онъ есть исполнитель воли божіей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ. Подобно тому, если кто нибудь спрашиваетъ о какомъ нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ, — обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій государь. Неизвѣстно, такая ли загрубѣлость народа требуетъ тирана государя, или отъ тираніи князя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ.

Со времени Рюрика до нынѣшняго князя, прежніе государи не употребляли другаго титула, какъ великихъ князей или владимірскихъ или московскихъ или новгородскихъ и пр., кромѣ Іоанна Васильевича, который называлъ себя господиномъ всей Руссіи и великимъ княземъ владимірскимъ и пр. Василій же Іоанновичъ присвоиваетъ себѣ титулъ и имя царя слѣдующимъ образомъ: Великій Государь Василій, Божіею милостію Царь и Государь всей Руссіи, и Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и пр., Государь и Великій Князь Нижней земли Новгородской, и Черниговскій, Рязанскій, Волоцкій, Ржевскій, Бѣлевскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и пр. Такъ какъ нынѣ всѣ называютъ его императоромъ, то мнѣ кажется необходимымъ распространиться о титулѣ императора и о причинѣ этой ошибки. Слово царь на русскомъ языкѣ значитъ король, rex. Но на общемъ славянскомъ языкѣ, у поляковъ, богемцевъ и всѣхъ другихъ, подъ словомъ царь понимаютъ императора или цесаря отъ созвучія этого слова съ послѣднимъ долгимъ слогомъ *слова Caesar*. Оттого всѣ, которые не понимаютъ рускаго языка и не знаютъ русскихъ буквъ, какъ то богемцы, поляки и славяне, подвластные венгерскому

королевству, называютъ rex'а другимъ именемъ, одни — кралемъ, другіе кираллемъ, нѣкоторые королемъ, и полагаютъ, что царемъ называется только одинъ цезарь или императоръ. Отъ этого произошло, что русскіе переводчики, слыша, что иностранцы называютъ ихъ государя императоромъ, начали и сами именовать его такъ, полагая, что имя царя почетнѣе, чѣмъ имя короля (хотя они и значатъ одно и тоже). Но если пересмотрѣть всѣ ихъ лѣтописи и священное писаніе, то вездѣ слово царь соотвѣтствуетъ слову rex, а императоръ — *слову* кесарь. По такой же ошибкѣ царь турецкій назывался императоромъ, хотя онъ издревле не употреблялъ другаго болѣе высокаго титула, чѣмъ титулъ царя, т. е. короля. Отъ того европейскіе турки, которые употребляютъ славянскій языкъ, называютъ Константинополь Цареградомъ, такъ сказать царскимъ городомъ. Нѣкоторые называютъ московскаго государя бѣлымъ царемъ. Я тщательно отъискивалъ причину, почему бы онъ назывался бѣлымъ царемъ, когда прежде никто изъ московскихъ князей не употреблялъ этого титула; сверхъ того, часто и открыто говорилъ при случаѣ совѣтникамъ, что мы признаемъ его не царемъ, а великимъ княземъ. Весьма многіе полагали причину царскаго титула въ томъ, что онъ имѣетъ подъ властью царей, но не могли представить никакой причины названію бѣлый. Я же увѣренъ, что московскихъ князей называютъ бѣлыми царями отъ бѣлыхъ шапокъ, какъ теперь персидскій шахъ называется Кизиль-пашей, т. е. красной головой — отъ красной шапки. Царскій титулъ употребляется имъ въ сношеніяхъ съ римскимъ императоромъ и папой, съ королями шведскимъ и датскимъ, съ магистрами прусскимъ и ливонскимъ и, какъ я слышалъ, съ государемъ турецкимъ; его же никто изъ нихъ не называетъ царемъ, развѣ только ливонцы. Съ давняго времени ни *московскіе князья* употребляли титулы, которые были написаны на трехъ кружкахъ, вставленныхъ въ треугольникъ. Первый изъ нихъ, на верхнемъ кружкѣ, заключался въ слѣдующихъ словахъ: Богъ нашъ есть Святая Троица, Которая была прежде всѣхъ вѣковъ, Отецъ и Сынъ и Духъ Святой; но не три Бога, а по существу одинъ Богъ. На второмъ былъ титулъ императора турецкаго, съ прибавленіемъ: Любезному брату нашему. На третьемъ титулъ великаго князя московскаго, въ которомъ онъ писался царемъ и наслѣдникомъ и господиномъ всей Руссіи восточной и южной,

и въ которомъ я видѣлъ прибавленіе обыкновенной формулы. Посылаемъ къ тебѣ нашего вѣрнаго совѣтника. Въ сношеніяхъ же съ королемъ польскимъ онъ употребляетъ такого рода титулъ: Великій Государь Василій, Божіею милостью Государь всей Руссіи и Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Болгарскій, и пр., пропуская титулъ царя, потому что ни тотъ, ни другой изъ нихъ не удостоитъ принять грамоту другаго съ прибавленіемъ новаго титула. Это случилось даже въ нашу бытность въ Москвѣ, когда московскій князь насилу принялъ присланныя къ нему грамоты короля Сигизмунда, съ прибавленіемъ титула московскаго князя.

Нѣкоторые пишутъ, что московскій князь домогался отъ римскаго папы и отъ цесаря Максимиліана царскаго имени и титула. Это мнѣ кажется неправдоподобнымъ, преимущественно потому, что московскій князь ни одному человѣку такъ не враждебенъ какъ папѣ, котораго онъ удостоиваетъ только титула учителя. Цесаря же римскаго онъ почитаетъ не выше себя, какъ это явствуетъ изъ его грамотъ, въ которыхъ онъ свое имя ставитъ впереди императорскаго титула. Герцогъ (Dux) у нихъ называется княземъ (Knes), и они, какъ я сказалъ, никогда не имѣли другаго титула больше этого, и только прибавляли къ нему слово великій, ибо всѣ прочіе, которые имѣли только одно княжество, назывались князьями; которые же владѣли большимъ числомъ княжествъ и имѣли подъ своей властью другихъ князей, тѣ назывались великими князьями. Они не имѣютъ другой степени или достоинства, кромѣ бояръ, которые соотвѣтствуютъ, какъ я сказалъ выше, нашимъ дворянамъ или рыцарямъ. Въ Кроаціи знатнѣйшіе вельможи также называются князьями, — а у насъ, какъ и въ Венгріи, даютъ имъ только названіе графовъ (Comites).

Нѣкоторые знатные мужи не усомнились обратиться ко мнѣ съ укоромъ за то, что нынѣшній московскій князь обыкновенно ссылается на грамоты блаженной памяти Максимиліана, которыми присвоенъ царскій титулъ его отцу Гавріилу, который потомъ перемѣнилъ имя и по своему желанію сталъ называться Василіемъ. По словамъ этихъ людей, онъ утверждаетъ, что я привезъ къ нему эти грамоты. По этой причинѣ произошло то, что въ новѣйшихъ трактатахъ съ королемъ польскимъ, онъ захотѣлъ или называться царемъ, или считать не-

дѣйствительными всѣ договоры. Хотя я не долженъ бы былъ нисколько безпокоиться объ этихъ рѣчахъ, какъ о несправедливыхъ и неправдоподобныхъ, однако я принужденъ опровергнуть ихъ не столько для себя, сколько для благочестиваго и милостивѣйшаго моего государя, видя, какъ дерзко призываютъ ненависть на его блаженную память. Довольно извѣстно, что одно время существовала вражда между императоромъ Максимиліаномъ и Сигизмундомъ, королемъ польскимъ, именно когда Сигизмундъ женился на дочери Стефана, графа сцепузійскаго. Ибо нѣкоторые толковали, что это было сдѣлано для того, чтобы Іоаннъ, братъ невѣсты, могъ получить руку Анны, дочери короля венгерскаго Владислава, черезъ вліяніе и посредство его брата Сигизмунда, — и черезъ то воспрепятствовать и уничтожить права наслѣдства на королевство венгерское, которыя принадлежали Максимиліану и его внукамъ. По этой причинѣ Максимиліанъ справедливо полагалъ, что ему полезно будетъ имѣть союзникомъ московскаго *князя*, постояннаго врага литовцевъ и поляковъ. Но послѣ того, какъ на сеймѣ въ Пресбургѣ Максимиліанъ и Владиславъ уговорились о бракѣ Анны, въ присутствіи и при содѣйствіи Сигизмунда, — *съ этого времени* всѣ подозрѣнія и несогласія были устранены и уничтожены, и Мавсимиліанъ такъ крѣпко полюбилъ Сигизмунда, что не усумнился сказать (въ другомъ мѣстѣ мы также объ этомъ говорили), что онъ пойдетъ съ Сигизмундомъ въ рай и въ адъ. Хотя было время, когда Максимиліанъ искалъ союза съ московскимъ *княземъ*, но однако никогда не присвоивалъ ему царскаго титула, что легко можетъ быть доказано грамотами и печатями, обмѣненными съ обѣихъ сторонъ, если мое свидѣтельство, хотя справедливое и вѣрное, покажется кому недостаточнымъ. Для чего же бы московскій *князь* просилъ этого титула у императора Максимиліана, тогда какъ еще прежде нежели было между ними какое нибудь дѣло, онъ хотѣлъ видѣть себя не только равнымъ, но и высшимъ, ставя свое имя и титулъ въ рѣчахъ и на бумагѣ выше императорскаго, что даже нынѣ, какъ сказано, такъ упорно соблюдается? А послѣ моего возвращенія изъ Московіи онъ не употреблялъ царскаго титула даже въ перепискѣ съ польскимъ королемъ. Извѣстно же, что въ сношеніяхъ съ императоромъ или съ папой онъ называетъ себя царемъ и государемъ всей Руссіи. Даже и отъ названія императора не отказывается онъ, если присоеди-

няетъ переводъ грамотъ съ русскаго на латинскій, такъ какъ толмачи переводятъ слово царь, которое значитъ король, *словомъ* императоръ. Такимъ образомъ, онъ самъ сдѣлалъ себя и царемъ и императоромъ. Но чтобы сдѣлали его царемъ императоры Максимиліанъ и его внуки, въ обиду королямъ польскимъ, — этому никто не повѣритъ. Для какой же нужды онъ, какъ слышно, домогается царскаго достоинства отъ папы, если прежде того получилъ его отъ императоровъ? Пусть это послужитъ въ защиту августѣйшему Максимиліану, моему государю, который до самой смерти былъ вѣрнымъ и искреннимъ другомъ королю Сигизмунду.

Что же я скажу о самомъ себѣ? Съ какимъ лицемъ, спрашиваю, осмѣлился бы я столько разъ ѣздить въ Польшу и Литву, показываться на глаза королей польскихъ, Сигизмунда и его сына, присутствовать на сеймахъ поляковъ, глядѣть на вельможныхъ пановъ, если бы я помогалъ въ этомъ дѣлѣ моему государю, отъ имени и по порученію котораго я весьма часто говорилъ братски, дружески, благосклонно и доброжелательно и королю и всѣмъ сословіямъ все, что можно говорить отъ самаго дружественнаго, самаго лучшаго и милостивѣйшаго императора? Если нѣтъ тайны, которая не обнаружится, то вѣрно давно бы вышло на свѣтъ, если бы я позволилъ себѣ что нибудь недостойное моего званія. Но я утѣшаюсь сознаніемъ своей правоты, тверже котораго нѣтъ никакого утѣшенія, и спокойно полагаюсь на милость королей польскихъ и благосклонность прочихъ сословій Польши, вспоминая, что я всегда имѣлъ ихъ.

Были времена, когда такія рѣчи могли быть распространяемы, менѣе *разжигая* ненависть, нежели нынѣ. Но распространять ихъ въ наше время, — это ничто иное, какъ искать способовъ къ разрушенію взаимнаго расположенія самыхъ дружественныхъ государей, тогда какъ его должно было бы скрѣплять со всевозможнымъ стараніемъ. Казалось, что окончены были всѣ дѣла, которыя, по общему мнѣнію, должны были имѣть величайшую важность для сохраненія остатковъ Венгріи и для возвращенія утраченнаго. Но тѣ, для которыхъ это дѣло и прежде было большимъ добромъ, а въ будущемъ обѣщало еще больше, тѣ, заразясь турецкимъ или какимъ нибудь другимъ злымъ духомъ, и забывъ объ условіяхъ и договорахъ, замышляютъ новое и опасное дѣло, не разсудивъ въ какое

несчастіе они вовлекутъ и самихъ себя и сосѣдей, и преимущественно Венгрію, такъ прекрасно послужившую всему христіанству.

ОБРЯДЪ ВѢНЧАНІЯ КНЯЗЯ НА ЦАРСТВО.

Слѣдующее описаніе, которое я съ трудомъ досталъ, изобразитъ тебѣ обычай вѣнчанія московскихъ князей на царство. Эту форму употребилъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ, когда ставилъ своего внука Димитрія великимъ княземъ и монархомъ Руссіи, какъ я прежде упомянулъ.

Посреди храма Пресвятой Дѣвы воздвигается досчатое возвышеніе, на которомъ помѣщены три сѣдалища, именно для дѣда, внука и митрополита. Ставится также налой, на которомъ положены княжеская шапка и бармы т. е. княжескія украшенія. Потомъ въ назначенное время собираются митрополитъ, архіепископы, епископы, архимандриты (Abbates), игумены и все духовенство въ торжественномъ облаченіи. Когда входитъ въ храмъ великій князь съ внукомъ, діаконы поютъ по обыкновенію многія лѣта одному великому князю Іоанну После этого митрополитъ со всѣмъ клиромъ начинаетъ пѣть благодарственный молебенъ Пресвятой Дѣвѣ и св. Петру Исповѣднику, котораго они по своему обычаю называютъ чудотворцемъ. По окончаніи этого митрополитъ и великій князь съ внукомъ всходятъ на досчатое возвышеніе и садятся на приготовленныя сѣдалища, между тѣмъ какъ внукъ останавливается на краю возвышенія. Тогда великій князь произноситъ слѣдующія слова: Отецъ митрополитъ! по волѣ Божіей, по древнему обычаю, соблюденному доселѣ великими князьями, нашими предками, великіе князья-отцы назначали великое княжество своимъ первороднымъ сыновьямъ: и какъ по ихъ примѣру, великій князь родитель мой, при себѣ благословилъ меня на великое княжество, такъ и я передъ всѣми благословилъ на великое княжество моего первенца Іоанна. Но такъ какъ Божіею волею случилось, что сынъ мой умеръ, и остался послѣ него единородный сынъ его Димитрій, котораго Богъ далъ мнѣ на мѣсто сына; то я предъ всѣми вами благословляю его, теперь и послѣ меня, на великое княжество владимірское, новгородское и пр., на которыя я благословилъ его отца.

Послѣ этого митрополитъ велитъ внуку сѣсть на назна-

ченное ему мѣсто и благословляетъ его крестомъ, а діакону велитъ читать молитвы діаконовъ (*эктеніи*); самъ между тѣмъ, сидя подлѣ него и наклонивъ голову, произноситъ слѣдующую молитву: Господи Боже нашъ, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, Который чрезъ Самуила пророка избралъ Давида раба Своего и помазалъ его въ цари надъ народомъ Своимъ Израилемъ: Ты и нынѣ услышь мольбы наши, Твоихъ недостойныхъ рабовъ, и воззри отъ Святилища Твоего на вѣрнаго раба Твоего Димитрія, котораго Ты избралъ воздвигнуть царемъ надъ святыми Твоими народами, котораго Ты искупилъ драгоцѣннѣйшею кровію Единороднаго Твоего Сына; и помажь его елеемъ радости, покрой его доблестью высокою, положи на его голову вѣнецъ изъ драгоцѣнныхъ камней, дай ему долгоденствіе и въ десницу его царскій скипетръ; поставь его на престолъ правды, окружи его всѣми орудіями правосудія, укрѣпи его руку и покори ему всѣ языки иноплеменные (Barbaricas); и да будетъ сердце его всецѣло въ страхѣ Твоемъ, дабы смиренно послушалъ Тебя; отврати его отъ неправой вѣры, и покажи ему праваго хранителя завѣтовъ святой Твоей вселенской церкви, да судитъ народъ по правдѣ, и даетъ правду бѣднымъ, и хранитъ сыновъ бѣдныхъ, и наслѣдитъ поотмъ Царствіе небесное.

Послѣ того онъ говоритъ громкимъ голосомъ: Яко Твоя есть сила и Твое есть царство, да будетъ и хвала и честь Богу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и во вѣки вѣковъ. Окончивъ эту молитву, митрополитъ приказываетъ двумъ архимандритамъ принести ему бармы, которыя покрыты вмѣстѣ съ шапкой однимъ шолковымъ покрываломъ (оно называется ширинкою, Schirnikoin). Потомъ передаетъ ихъ великому князю и осѣняетъ внука знаменіемъ креста. Великій же князь возлагаетъ ихъ на внука. Потомъ митрополитъ говоритъ: Миръ всѣмъ. Діаконъ говоритъ ему: Владыко, помолимся. Тогда митрополитъ произноситъ молитву: Тебѣ единому Царю вѣчному, Которому также земное царство подвластно; преклонитесь вмѣстѣ съ нами и молите Царствующаго надъ всѣмъ: Сохрани его подъ кровомъ Твоимъ, поддержи его на царствѣ, чтобы онъ всегда совершалъ то, что̀ добро и что̀ надлежитъ ему дѣлать; дай, чтобы онъ въ дни свои сіялъ правосудіемъ, и умножь его царства, и чтобы мы жили подъ его тихимъ правленіемъ въ покоѣ, безъ распрей, во всякомъ добрѣ и чистотѣ.

Это митрополитъ произноситъ тихо. Потомъ громкимъ голосомъ: Ты еси царь міра и Спасъ душъ нашихъ: хвала Тебѣ Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и во вѣки вѣковъ, аминь. Наконецъ онъ подаетъ великому князю княжескую шапку, принесенную по его приказанію двумя архимандритами; затѣмъ осѣняетъ внука крестомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Потомъ когда великій князь возложилъ шапку на главу внука, сперва митрополитъ, потомъ архіепископъ и епископы, подходя, благословляютъ его рукою. Когда же это было сдѣлано по порядку, митрополитъ и великій князь приказываютъ внуку сѣсть съ ними и, немного обождавъ, встаютъ. Между тѣмъ діаконъ читаетъ такъ называемую летанію: Помилуй насъ, Господи, — и за тѣмъ поминаетъ великаго князя Іоанна. Ему отвѣчаетъ хоръ и поминаетъ внука, великаго князя Димитрія и другихъ, по обыкновенію. По окончаніи летаніи, митрополитъ произноситъ молитву: О пресвятая Владычица, Богородица Дѣва и пр.; послѣ молитвы митрополитъ и великіе князья садятся. Священникъ или діаконъ указываетъ на мѣсто, на которомъ читалось Евангеліе, и говоритъ громкимъ голосомъ: Многія лѣта великому князю Іоанну, благовѣрному, возлюбленному Христа, Богомъ избранному и Богомъ превознесенному, великому князю Іоанну Васильевичу владимірскому, новгородскому и всей Руссіи монарху, многія лѣта. Послѣ этого священники предъ олтаремъ поютъ: Великому князю многія лѣта, также на правомъ и лѣвомъ хорѣ діаконы поютъ многія лѣта. Наконецъ снова діаконъ говоритъ громкимъ голосомъ: Многія лѣта великому князю Димитрію, благовѣрному, возлюбленному Христа, Богомъ избранному и превознесенному, великому князю Димитрію Іоанновичу владимірскому, новгородскому и всей Руссіи, многія лѣта. Также священники у олтаря и на обоихъ хорахъ поютъ многія лѣта Димитрію. Послѣ чего митрополитъ, архіепископъ, епископы и все собраніе по порядку подходятъ къ великимъ князьямъ и съ почтеніемъ поздравляютъ ихъ; потомъ подходятъ и сыновья великаго князя, кланяясь и поздравляя новаго великаго князя.

ЦЕРЕМОНІАЛЪ ПОСЛѢ ВѢНЧАНІЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ.

Митрополитъ Симонъ говоритъ: Государь и сынъ, великій князь Димитрій! дѣдъ твой, великій князь, волею Божіею по-

жаловалъ тебя, благословилъ тебя на великое княжество: и ты, государь и сынъ, имѣй въ сердцѣ твоемъ страхъ Божій, люби справедливость и правый судъ; повинуйся дѣду твоему, великому князю, и всѣмъ сердцемъ пекись о всѣхъ правовѣрныхъ. И мы тебя, государя сына своего, благословляемъ и молимъ Бога о твоемъ здравіи и благоденствіи. Потомъ митрополитъ и великіе князья встаютъ, и митрополитъ съ молитвой благословляетъ крестомъ великаго князя и его сыновей. Наконецъ, по совершеніи литургіи т. е. священнодѣйствія, великій князь-дѣдъ отправляется въ свое жилище, Димитрій же въ княжеской шапкѣ и въ бармахъ, въ сопровожденіи большой толпы бояръ и боярскихъ дѣтей, шествуетъ изъ храма Пресвятой Дѣвы въ храмъ Михаила Архангела, гдѣ Георгій, сынъ великаго князя Іоанна, трижды осыпаетъ его на паперти золотыми деньгами (подъ деньгой (denga) надобно понимать родъ монеты). Когда онъ вошелъ въ храмъ, священники служили летанію по обычаю, благословляли его крестомъ, и также осѣняли его крестнымъ знаменіемъ у могилъ и надгробныхъ памятниковъ. Потомъ при выходѣ изъ храма, Георгій снова осыпалъ его золотыми деньгами. Послѣ этого онъ отправился въ храмъ Благовѣщенія, гдѣ священники также благословляли его, а Георгій, какъ прежде, осыпалъ деньгами. По окончаніи этого Димитрій пришелъ къ дѣду и матери. Это происходило въ 7006 году отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова въ 1497, въ четвертый день мѣсяца февраля.

При этомъ присутствали по приказанію великаго князя и по благословенію митрополита Симона:

Тихонъ, архіепископъ ростовскій и ярославскій, Нифонтъ, суздальскій и торускій; Вассіанъ, епископъ тверской; епископы: Протасій рязанскій и муромскій, Афраній коломенскій, Евфимій сарскій (Sarki) и подонскій; также многіе архимандриты и игумены, между которыми важнѣйшіе: Серапіонъ, игуменъ троицко-сергіевскаго монастыря, и Макарій, игуменъ монастыря св. Кирилла; наконецъ присутствовало большое сборище монаховъ и духовныхъ. За обѣдомъ Димитрію былъ поднесенъ въ даръ широкій поясъ, сдѣланный изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ, которымъ его опоясывали; послѣ этого поднесены были переяславскія сельги (Selgi) т. е. рыбки изъ озера Переяславскаго, не отличающіяся отъ нашихъ сельдей, имя которыхъ онѣ и носятъ. Полагаютъ, что этотъ сортъ рыбъ

подаютъ потому, что Переяславль никогда не отдѣлялся отъ Московіи т. е. отъ монархіи.

Бармы есть родъ широкаго ожерелья изъ мохнатаго шелку; снаружи они прекрасно отдѣланы золотомъ и всякаго рода драгоцѣнными камнями; Владиміръ отнялъ ихъ у одного генуэзскаго правителя Кафы, побѣжденнаго имъ.

Pileus называется на ихъ языкѣ шапка (Schapka); ее носилъ Владиміръ Мономахъ: она украшена драгоцѣнными камнями и чудно сдѣлана изъ золотыхъ пластинокъ, которыя извиваются на подобіе змѣй.

До сихъ поръ я говорилъ о государѣ, который владѣетъ бо̀льшею частію Руссіи. Остальною частью Руссіи въ настоящее время владѣетъ одинъ Сигизмундъ, король польскій и великій князь литовскій. Но такъ какъ рѣчь зашла о короляхъ польскихъ, которые ведутъ свое происхожденіе изъ Литвы, то, кажется, нужно сказать что нибудь объ ихъ родословной.

Въ великомъ княжествѣ литовскомъ властвовалъ нѣкогда князь Витенъ; онъ былъ убитъ своимъ слугою Гедиминомъ, какъ разсказываютъ польскія лѣтописи. Гединмнъ овладѣлъ и княжествомъ и супругою Витена, и отъ нея имѣлъ много сыновей; изъ нихъ замѣчательны два: Олгердъ (Olgird) и Кестудъ. У Кестуда родился Витолдъ, который иначе называется Витовтомъ, и Анна, супруга Янузія, князя мазовскаго.

Витолдъ оставитъ единственную дочь Анастасію, которая была выдана за Василія, князя московскаго, и названа Софіею; отъ нея родился Василій, отецъ Іоанна Великаго, дѣдъ Василія, князя русскаго, къ которому я былъ отправленъ посломъ.

Кестудъ былъ заключенъ въ темницу братомъ Олгердомъ и погибъ жалкою смертью. Витолдъ же, въ крещеніи нарѣченный Александромъ, умеръ въ 1430 году; Литва не имѣла мужа болѣе великаго.

Сынъ Гедимина, Олгердъ отъ супруги своей Маріи, княжны тверской и христіанки, имѣлъ, кромѣ другихъ сыновей, Ягелла. Властолюбивый Ягелло сильно желалъ получить не только польское королевство, но и руку Гедвиги, которая носила тогда королевскую корону и была обручена съ Вильгельмомъ, герцогомъ австрійскимъ, и по желанію родителей и вельможъ того и другаго государства, сочеталась съ нимъ, по царскому обыкновенію, прежде совершеннолѣтія. Отправивъ своихъ пословъ въ Польшу, Ягелло требовалъ государства съ рукою

Гедвиги. Для того, чтобы склонить поляковъ на свою сторону и получить желаемое, онъ обѣщался между прочимъ принять христіанскую вѣру вмѣстѣ съ своими братьями и съ княжествами литовскимъ и самогитскимъ; такого рода обѣщаніями онъ до того привлекъ къ себѣ поляковъ, что они принудили Гедвигу, противъ ея воли, выйти за него замужъ, разорвавъ узы перваго брака. Послѣ этого Ягелло немедленно крестился, принявъ имя Владислава, былъ коронованъ и сочетался бракомъ съ Гедвигой въ 1386 году. Когда она вскорѣ послѣ того умерла въ первыхъ родахъ, онъ взялъ въ супруги Анну, графиню целейскую; отъ нея онъ имѣлъ единственную дочь Гедвигу, обрученную съ Фридрихомъ, младшимъ принцемъ бранденбургскимъ. Потомъ онъ женился на какой то старухѣ; когда и она также умерла, онъ взялъ въ супруги русскую, Сонку, дочь кіевскаго князя Андрея Іоанновича, которая потомъ, принявъ римское исповѣданіе, названа Софіею: отъ нея онъ имѣлъ сыновей Владислава и Казиміра.

Владиславъ наслѣдовалъ отцу и, удаливъ законнаго наслѣдника Ладислава Постума, сына умершаго короля Альберта, короновался венгерскимъ королемъ; потомъ онъ былъ разбитъ турками при Варнѣ.

Казиміръ, владѣвшій тогда великимъ княжествомъ литовскимъ и по примѣру брата желавшій подобнымъ же образомъ отнять у Ладислава Постума богемское королевство, наслѣдовалъ брату въ Польшѣ; потомъ взялъ въ супруги Елисавету, сестру того же Ладислава, короля венгерскаго и богемскаго: отъ нея онъ имѣлъ многихъ сыновей: Владислава, короля венгерскаго и богемскаго, Іоанна Альберта, Александра, Сигизмунда, королей польскихъ, Фридерика кардинала и Казиміра, который причисленъ къ лику святыхъ.

У Владислава былъ сынъ Лудовикъ и дочь Анна. Лудовикъ наслѣдовалъ царство; взявъ въ супруги Марію, дочь Филиппа, короля кастильскаго и эрцгерцога австрійскаго, онъ погибъ въ 1526 году въ битвѣ съ турками при Могачѣ.

Анна вышла замужъ за Фердинанда, короля римскаго, венгерскаго и богемскаго, эрцгерцога австрійскаго; произведя на свѣтъ четырехъ сыновей и одиннадцать дочерей, она умерла въ родахъ, въ Прагѣ, въ 1547 году.

Іоаннъ Альбертъ умеръ въ безбрачіи.

Сигизмундъ отъ первой супруги Барбары, дочери Стефана,

графа зепузійскаго, имѣлъ дочь Гедвигу, впослѣдствіи супругу Іоахима, электора бранденбургскаго. Отъ другой супруги, Боны, дочери Іоанна Сфорцы, герцога медіоланскаго и барійскаго, онъ имѣлъ Сигизмунда Втораго, короля польскаго и великаго князя литовскаго, который 6 Мая 1543 года вступилъ въ бракъ съ Елисаветою, дочерью Фердинанда, короля римскаго, венгерскаго и богемскаго и пр., но она скончалась въ цвѣтущей юности и безъ потомства, 15 Іюня 1545 года. Потомъ Сигизмундъ Второй женился, противъ воли родителей, на Барбарѣ, изъ дома Радзивиловъ, которая была прежде замужемъ за однимъ литовцемъ, Гастольдомъ; подданные его съ такимъ негодованіемъ смотрѣли на этотъ бракъ, что начавшееся уже возмущеніе ихъ могло бы перейти въ опасный бунтъ, если бы король Фердинандъ захотѣлъ мстить за обиды, нанесенныя его дочери и не желалъ бы лучше предать ихъ забвенію. По смерти же Барбары, снова желая возобновить союзъ родства съ Фердинандомъ, Сигизмундъ сочетался бракомъ съ Катериною, родною сестрою Елисаветы, которая оставалась вдовой послѣ Франциска, герцога мантуанскаго. Свадьба отпразднована была въ Краковѣ, 31 Іюля 1553 года. Обѣихъ сестеръ я, какъ обергофмейстеръ, отводилъ къ жениху.

Семовитъ, князь мазовскій, имѣлъ отъ сестры Ягелла, Александры, многихъ сыновей и дочерей. Сыновья скончались бездѣтными. Изъ дочерей, Чимбурга вышла за эрцгерцога австрійскаго Эрнста и родила отъ него Фридриха, императора римскаго, отца императора Максиміліана. Максиміліанъ произвелъ на свѣтъ Филиппа, короля испанскаго, Филиппъ,— Карла V и Фердинанда, императоровъ римскихъ.

Овка была выдана за Волеслава, герцога штетинскаго (Thesinensis).

Амулія вышла за Вогуслава, герцога столпенскаго, что̀ нынѣ называется герцогомъ Помераніи, Анна же за Михаила, князя литовскаго; Катерина умерла безбрачною.

Если бы кто нибудь захотѣлъ перечислить по порядку братьевъ, сыновей и внуковъ Ольгерда и Ягелла, также потомковъ дочерей Ягелла, наконецъ потомковъ Кестуда, Казиміра и другихъ королей, тотъ убѣдился бы, что многочисленное потомство ихъ разрослось до безконечности. Однако не смотря на то, что оно такъ быстро размножилось, теперь вся мужеская

линія заключается въ одномъ королѣ польскомъ Сигизмундѣ Второмъ, сынѣ умершаго короля польскаго

Такъ какъ мы упомянули о потомствѣ Гедимина и о короляхъ изъ этого дома, то, кажется, не будетъ лишнимъ, если мы сюда прибавимъ описаніе того, что произошло въ царствованіе Владислава, короля венгерскаго и богемскаго, и его брата Сигизмунда, короля польскаго, сыновей Казиміра.

Александръ вступилъ въ бракъ съ Еленой, дочерью Іоанна, великаго князя московскаго, однако скончался бездѣтнымъ.

Владиславъ овладѣлъ королевствомъ венгерскимъ съ согласія римскаго императора Максимиліана, который выговорилъ себѣ право наслѣдства. Будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, Владиславъ имѣлъ только одну дочь. Для того, чтобы подкрѣпить свое право на наслѣдство болѣе тѣснымъ союзомъ, Максимиліанъ началъ съ Владиславомъ переговоры о заключеніи брака между однимъ изъ его внуковъ отъ сына Филиппа, короля испанскаго, и Анною, дочерью Владислава. Руки Анны всѣми средствами домогался Іоаннъ запольскій, сынъ Стефана, графа сцепузійскаго; онъ пользовался большимъ вліяніемъ при королѣ Матвіѣ и даже при самомъ Владиславѣ. Сильно помогала ему его мать, вдова, которая привлекла къ себѣ всѣхъ знатнѣйшихъ людей въ комитатахъ и провинціяхъ Венгріи подарками и годовымъ жалованьемъ (что называется на ихъ языкѣ Iargalass), и могла разсчитывать на ихъ услуги. Она нисколько не сомнѣвалась, что ихъ содѣйствіемъ состоится бракъ ея сына съ наслѣдницею, а черезъ это отойдетъ къ нему и королевство. Интригамъ этой женщины большую важность придалъ бракъ, заключенный между ея дочерью, сестрой Іоанна, и Сигизмундомъ, королемъ польскимъ. Узнавъ объ этомъ и полагая, что тѣмъ болѣе ему нужно стараться о заключеніи брака между его внукомъ и Анною, Максимиліанъ увѣрился вмѣстѣ съ тѣмъ, что и Владиславъ желаетъ того же, но ему препятствуетъ въ этомъ вліяніе партіи, которая была привязана къ Іоанну запольскому. Потому онъ полагалъ, что ему должно кинуть жребій и домогаться Венгріи оружіемъ. Въ этой войнѣ я сдѣлалъ первый опытъ на военномъ поприщѣ. Но когда во время бранной тревоги у Владислава родился Лудовикъ, то сперва было заключено перемиріе, а потомъ и прочный миръ, въ которомъ было положено, что Владиславъ съ сыномъ, уже коронованнымъ, и съ дочерью, и его братъ Сигизмундъ, король польскій, пріѣдутъ къ Максимиліану въ

Вѣну. Здѣсь совершено было обрученіе Анны, и уничтожены непріязнь и всѣ подозрѣнія, возбужденныя честолюбіемъ Іоанна запольскаго, и эти государи заключили вѣчный союзъ и дружбу. Король же Сигизмундъ совершенно оправдался передъ императоромъ Максимиліаномъ и такъ удовлетворилъ его, что Максимиліанъ, въ моемъ присутствіи, однажды сказалъ: За этимъ королемъ я пойду и въ рай и въ адъ. Объ Лудовикѣ обыкновенно говорятъ, что, родившись прежде времени, онъ прежде времени возмужалъ, женился, и преждевременно взошедъ на престолъ, также преждевременно и умеръ. Къ этому можно прибавить, что смерть его была не только преждевременна, но и горестна для Венгріи и всѣхъ сосѣдей; хотя Лудовикъ не могъ сдѣлать ничего полезнаго, однако достовѣрно, что онъ любилъ отечество, былъ добръ съ своими подданными и изъискивалъ средства къ ихъ спасенію. Узнавъ, что Солиманъ, по взятіи Бѣлграда, замышляетъ новый ужасный походъ противъ него, юный король послалъ своего гофмейстера Трепку, родомъ поляка, къ своему дядѣ, королю Сигизмунду, и заклиналъ его, чтобы онъ не вмѣнилъ себѣ въ трудъ пріѣхать на границу своего королевства и съѣхаться съ нимъ для совѣщанія. Но когда Сигизмундъ наотрѣзъ отказалъ въ этомъ, — Трепка, говорятъ, сказалъ со слезами: Король, ты никогда уже не увидишь своего племянника, и не будешь больше принимать отъ него посольства. Такъ это и вышло. Ибо, когда король Сигизмундъ, подъ предлогомъ религіозныхъ *обязанностей*, уѣхалъ далеко отъ границъ Венгріи, въ Пруссію, къ Гданску, племянникъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ же Трепкою, погибъ въ томъ ужасномъ пораженіи, которое по мѣсту называютъ могачскимъ. Теперь я возвращаюсь къ московитамъ.

Когда Василій Іоанновичъ собирался жениться, ему казалось, что лучше взять дочь кого нибудь изъ подданныхъ, чѣмъ чужестранку, какъ для того чтобъ избѣжать большихъ издержекъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для того чтобы не имѣть супруги съ чужеземными обычаями и другой вѣры. Виновникомъ этого намѣренія князя былъ Георгій, по прозванію Малый, казначей и высшій совѣтникъ князя; онъ полагалъ, что князь возьметъ въ супруги его дочь. Съ общаго совѣта были собраны въ одно мѣсто дочери бояръ, числомъ 1500, для того, чтобы князь выбралъ изъ нихъ супругу по желанію. По осмотрѣ, противъ ожиданія Георгія, онъ выбралъ Соломонію (Salomea), дочь боярина Іоанна

Сабурова (Sapur). Въ продолженіи 21 года онъ не имѣлъ отъ нея дѣтей. Огорчаясь безплодіемъ супруги, онъ заключилъ ее въ одинъ монастырь въ суздальскомъ княжествѣ, въ тотъ самый годъ, въ который мы пріѣхали въ Москву (т. е. въ 1526 году). Она плакала и кричала, когда митрополитъ въ монастырѣ рѣзалъ ей волоса; а когда онъ подалъ ей кукуль, она не допускала надѣть его на себя и, схвативъ кукуль и бросивъ его на землю, топтала его ногами. Іоаннъ Шигона, одинъ изъ первостепенныхъ совѣтниковъ, негодуя на этотъ поступокъ, не только сильно бранилъ ее, но и ударилъ плетью (flagello), прибавивъ: Смѣешь ли ты противиться волѣ государя и медлить исполненіемъ его приказаній? Когда Соломонія спросила, по какому праву онъ ее бьетъ? онъ отвѣчалъ: По приказанію государя. Тогда съ растерзаннымъ сердцемъ, она объявила передъ всѣми, что надѣваетъ монашеское платье не по желанію, а по принужденію, и призывала Бога въ мстители за такую несправедливость. По заключеніи Соломоніи въ монастырь, князь вступилъ въ бракъ съ Еленою, дочерью уже умершаго князя Василія Глинскаго-Слѣпаго, брата князя Михаила Глинскаго, который тогда содержался въ заключеніи. Вдругъ распространяется слухъ, что Соломонія беременна и скоро разрѣшится. Этотъ слухъ подтверждали двѣ боярыни, супруги первостепенныхъ совѣтниковъ, казначея Георгія Малаго и постельничаго Якова Мазура; онѣ говорили, что изъ устъ самой Соломоніи слышали о ея беременности и близкихъ родахъ. Услышавъ это, князь сильно смутился и удалилъ отъ себя обѣихъ боярынь, а одну, супругу Георгія, высѣкъ за то, что она раньше не доложила ему объ этомъ. Вскорѣ, желая узнать дѣло навѣрно, онъ послалъ совѣтника Ѳеодорика Рака и одного дьяка, Потата, въ монастырь, гдѣ содержалась Соломонія, и поручилъ имъ хорошенько развѣдать истину. Нѣкоторые, въ нашу бытность въ Московіи, утверждали намъ за истину (sanctè), что Соломонія родила сына, именемъ Георгія, однако никому не хотѣла показывать ребенка. Когда къ ней были присланы люди, чтобы узнать истину, она, говорятъ, отвѣчала, что они недостойны, чтобы глаза ихъ видѣли ребенка, и что когда онъ облечется въ свое величіе (*взойдетъ на престолъ?*), то отомститъ за оскорбленіе матери. Нѣкоторые же постоянно не хотѣли признать за истину, что она родила. И такъ слухъ объ этомъ двоякаго рода.

Я слышалъ, что князь по двумъ причинамъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Василія Глинскаго, бѣжавшаго изъ Литвы, сверхъ того, что онъ надѣялся имѣть отъ нея дѣтей: во первыхъ, потому что его тесть велъ свой родъ отъ фамиліи Петровичей, которая нѣкогда въ Венгріи была весьма знаменита, и исповѣдывалъ греческую вѣру; во вторыхъ, потому что дѣти его имѣли бы *въ такомъ случаѣ* дядею Михаила Глинскаго, мужа особенно опытнаго въ дѣлахъ и отличавшагося рѣдкою храбростью. Ибо князь имѣлъ двухъ родныхъ братьевъ еще здравствовавшихъ, Георгія и Андрея, и потому полагалъ, что его дѣти, если онъ будетъ имѣть ихъ отъ другой супруги, при жизни его братьевъ, не будутъ безопасно обладать царствомъ. Снявъ опалу съ Михаила и освободивъ его, онъ не сомнѣвался, что его сыновья отъ Елены, подъ вліяніемъ дяди, будутъ въ бо́льшей безопасности; объ освобожденіи Михаила разсуждали въ нашу бытность. При насъ сняли съ него оковы и отдали на поруки, а наконецъ дали и полную свободу; въ завѣщаніи государя онъ былъ поименованъ между прочими князьями, и наконецъ назначенъ опекуномъ своихъ племянниковъ, Іоанна и Георгія. По смерти князя, видя, что его вдова оскверняетъ царское ложе съ однимъ бояриномъ, Овчиною, безчеловѣчно поступаетъ съ братьями мужа, заключивъ ихъ въ оковы, и управляетъ весьма жестоко,—Михаилъ увѣщевалъ ее, чтобы она вела жизнь болѣе честную и добродѣтельную, руководясь при этомъ единственно родственною любовью и своею честностью. Но она худо приняла его увѣщанія, и съ того времени начала искать средствъ къ его погибели. Говорятъ, что Михаилъ скоро былъ обвиненъ въ измѣнѣ, снова брошенъ въ темницу, и наконецъ жалкою смертью погибъ; вдова въ непродолжительномъ времени также была отравлена ядомъ, а обольститель *ея* Овчина разсѣченъ на части. По смерти матери, старшій сынъ Іоаннъ, родившійся въ 1528 году, наслѣдовалъ царство.

РЕЛИГІЯ.

Руссія, какъ начала, такъ и до сего времени твердо пребываетъ въ вѣрѣ христіанской по греческому закону. Ея митрополитъ нѣкогда имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Кіевѣ, потомъ во Владимірѣ, нынѣ же въ Москвѣ. Митрополиты каждыя семь

лѣтъ посѣщали Руссію, подвластную литовцамъ, и возвращались оттуда съ собранными деньгами. Но Витолдъ не захотѣлъ болѣе допускать этого, именно для того, чтобы не вывозилось серебро изъ его областей. Собравъ для того епископовъ, онъ поставилъ собственнаго митрополита, который нынѣ имѣетъ свое пребываніе въ Вильнѣ, столицѣ Литвы. Хотя Литва и слѣдуетъ римскому закону, однако въ ней видно русскихъ храмовъ болѣе, чѣмъ римскихъ. Впрочемъ русскіе митрополиты получаютъ поставленіе отъ константинопольскаго патріарха.

Русскіе въ своихъ лѣтописяхъ открыто славятся тѣмъ, что, прежде Владиміра и Ольги, земля русская была крещена и благословлена Христовымъ апостоломъ Андреемъ. Они говорятъ, что Андрей пришелъ изъ Греціи къ устью Борисѳена и поплылъ вверхъ по рѣкѣ къ тѣмъ горамъ, гдѣ нынѣ Кіевъ, и тамъ благословилъ и крестилъ всю землю; что онъ поставилъ тамъ свой крестъ и предсказалъ, что на этой землѣ будетъ великая милость Господа и много христіанскихъ церквей; что потомъ оттуда онъ дошелъ до истоковъ Борисѳена, къ большому озеру Волокъ (in Vuoloklacum) и по рѣкѣ Ловати спустился въ озеро Ильмерь, оттуда по рѣкѣ Волхову, которая течетъ изъ этого озера, онъ прибылъ въ Новгородъ, оттуда, по той же рѣкѣ, въ Ладожское озеро, и рѣкой Невою (Neua) въ море, которое они называютъ Варяжскимъ, мы же, на пространствѣ между Финляндіею и Ливоніею, Германскимъ, — и морскимъ путемъ прибылъ въ Римъ; наконецъ, что въ Пелопонесѣ онъ былъ распятъ за Христа Агомъ Антипатромъ. Это разсказываютъ ихъ лѣтописи.

Нѣкогда митрополитъ, также архіепископы, были выбираемы на соборѣ изъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ: искали въ монастыряхъ и пустыняхъ мужа святой жизни и избирали его. Про нынѣшняго же князя говорятъ, что онъ обыкновенно призываетъ къ себѣ нѣсколько извѣстныхъ ему лицъ, и изъ ихъ числа выбираетъ одного по своему усмотрѣнію. Въ то время, когда я былъ въ Московіи въ качествѣ посланника цесаря Максимиліана, митрополитомъ былъ Варѳоломей, мужъ святой жизни. Когда князь нарушилъ клятву, данную имъ и самимъ митрополитомъ князю Шемячичу, и сдѣлалъ нѣкоторыя другія распоряженія, которыя, по видимому, не приличествовали его власти, Варѳоломей пришелъ къ князю и сказалъ: «Такъ какъ ты присвоиваешь всю

власть себѣ, то потому я не могу отправлять мою должность,» — и протянувъ къ нему посохъ, который былъ у него сдѣланъ на подобіе креста, онъ отказался отъ своего сана. Князь тотчасъ принялъ посохъ вмѣстѣ съ отказомъ отъ должности и, заключивъ бѣднаго Варѳоломея въ оковы, немедленно отправилъ на Бѣлоозеро. Говорятъ, что онъ нѣкоторое время былъ содержимъ въ оковахъ, потомъ однакожь освобожденъ и частнымъ человѣкомъ провелъ остатокъ жизни въ монастырѣ. Въ митрополіи ему наслѣдовалъ нѣкто Даніилъ, едва тридцати лѣтъ отъ роду, человѣкъ съ здоровымъ и тучнымъ тѣломъ и съ краснымъ лицемъ. Для того чтобы не казаться преданнымъ болѣе желудку, чѣмъ постамъ, бдѣнію и молитвѣ, онъ всякій разъ, какъ намѣревался публично отправлять богослуженіе, обыкновенно дѣлалъ свое лице блѣднымъ съ помощью сѣрнаго дыма и въ такомъ видѣ выходилъ предъ народомъ.

Во владѣніяхъ московскаго князя есть еще два другихъ архіепископа — въ Новгородѣ, именно Магрицій, и въ Ростовѣ; также епископы: тверской, рязанскій, смоленскій, пермскій, суздальскій, коломенскій, черниговскій, сарскій (Sari). Всѣ они подчинены московскому митрополиту. Они имѣютъ свои извѣстные доходы отъ помѣстьевъ и другихъ, какъ они называютъ, экстраординарныхъ случаевъ; но не имѣютъ замковъ, городовъ и никакого, какъ они называютъ, мірскаго управленія. Отъ мяса постоянно воздерживаются. Я узналъ, что въ Московіи только два архимандрита, игуменовъ же очень много, и всѣ они избираются по волѣ князя, которому никто не смѣетъ сопротивляться.

Какимъ образомъ избираются игумены, явствуетъ изъ посланія нѣкоего Варлама, игумена хутынскаго монастыря, поставленнаго въ 7034 г.; изъ посланія я извлекъ только главныя положенія. Сначала братія какого нибудь монастыря умоляетъ великаго князя избрать имъ способнаго игумена, который бы наставлялъ ихъ въ божественномъ ученіи. Прежде нежели князь утвердитъ избраннаго, тотъ долженъ обязаться клятвою и записью, что будетъ жить въ этомъ монастырѣ благочестиво и свято, по установленію св. отцовъ; что всѣхъ служащихъ лицъ будетъ избирать по обычаю предковъ и съ согласія старѣйшихъ братій; во всѣ должности будетъ назначать людей вѣрныхъ и благочестивыхъ, и прилежно будетъ блюсти пользы монастыря; о дѣлахъ всякаго рода будетъ разсуждать съ тремя

или четырьмя старцами, и, обсудивъ, представитъ дѣло цѣлой коллегіи братій, и по ихъ общему мнѣнію будетъ рѣшать и исполнять дѣла; не будетъ жить роскошнѣе прочихъ, но постоянно будетъ за однимъ столомъ и на одной пищѣ съ братіями; будетъ тщательно собирать годовые сборы и доходы, и безъ утайки вкладывать ихъ въ монастырскую сокровищницу. Онъ обѣщается соблюдать это подъ страхомъ большаго наказанія, которое можетъ наложить на него князь, даже подъ страхомъ лишенія сана. Старѣйшіе братія также даютъ клятву исполнять все вышесказанное и повиноваться точно и неуклонно поставленному игумену.

Въ свѣтскіе священники посвящаются большею частію тѣ, которые долго служили при этой церкви діаконами. Въ діаконы же посвящаются только женатые; отъ того у нихъ въ обычаѣ вѣнчаться въ одно время съ поставленіемъ въ санъ діакона.

Если о невѣстѣ какого нибудь діакона идетъ дурная слава, то его не посвящаютъ въ діаконы, — развѣ только въ томъ случаѣ, когда онъ возьметъ женщину безупречнаго поведенія. По смерти жены, священнику совсѣмъ воспрещается совершать таинства; если онъ ведетъ жизнь цѣломудренную, то можетъ при божественной службѣ участвовать въ хорѣ, какъ причетникъ, вмѣстѣ съ прочими церковнослужителями. По прежнему обычаю, вдовцы, ведущіе цѣломудренную жизнь могли безъ нареканія совершать таинства; но нынѣ вошло въ обыкновеніе не допускать къ священнодѣйствію ни одного вдовца, — развѣ только онъ вступитъ въ какой нибудь монастырь и будетъ жить по уставу.

Всякій священникъ, который вступитъ во второй бракъ (что̀ всякому позволено), исключается изъ клира (nihil habet cum clero commune); также ни одинъ священникъ не смѣетъ священнодѣйствовать или крестить или исполнять какую нибудь другую требу безъ діакона.

Священники занимаютъ первое мѣсто въ церквяхъ. И кто изъ нихъ поступитъ въ чемъ нибудь противъ религіи или противъ священнаго сана, тотъ подлежитъ духовному суду. Если же священника обвиняютъ въ воровствѣ или въ пьянствѣ или другомъ подобномъ порокѣ, то̀ онъ наказывается, какъ они говорятъ, мірскими властями. Мы видѣли въ Москвѣ, какъ публично наказывали розгами пьяныхъ священниковъ: они просятъ только, чтобы ихъ сѣкли рабы, а не бояринъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ намѣстникъ князя велѣлъ повѣсить священника, уличеннаго въ воровствѣ. Митрополитъ, негодуя на это, донесъ государю. Призванный намѣстникъ отвѣчалъ государю, что онъ, по древнему отечественному обычаю, повѣсилъ вора, а не священника; такъ онъ и былъ отпущенъ безъ наказанія.

Если священникъ жалуется свѣтскому судьѣ, что его ударилъ какой-нибудь міряпинъ (ибо всѣ дѣла объ оскорбленіяхъ и всякаго рода обидахъ относятся къ свѣтскому суду), и если судья узнаетъ, что онъ самъ прежде раздражилъ его или нанесъ какую нибудь обиду, — то наказываетъ священника.

Священники большею частью содержатся приношеніями прихожанъ, и имъ даются маленькіе домики съ полями и лугами, отъ которыхъ они снискиваютъ пропитаніе, какъ и ихъ сосѣди, своими собственными руками или руками слугъ. Они получаютъ весьма небольшія приношенія: иногда даютъ церковныя деньги въ ростъ, по десяти со ста, и проценты предоставляютъ священнику, чтобы не быть вынужденными питать его на свой счетъ. Нѣкоторые живутъ щедротами князей. Приходовъ, одаренныхъ помѣстьями и владѣніями, не много, исключая епископствъ и нѣкоторыхъ монастырей. Ни одинъ приходъ или парохія не отдается никому, кромѣ священника. Въ каждомъ храмѣ есть только одинъ олтарь, и по ихъ мнѣнію, можно совершать только одну обѣдню въ день. Очень рѣдко храмъ бываетъ безъ священника, который обязанъ совершать богослуженіе только три раза въ недѣлю.

Одежду имѣютъ почти такую же, какъ міряне, надѣвая на голову, кромѣ маленькой и круглой шапочки, которою они прикрываютъ выбритое мѣсто, еще широкую шляпу отъ жару и дождей; или носятъ также высокія бобровыя шапки сѣраго цвѣта. Всѣ они ходятъ опираясь на палки, называемыя посохами (Possoch).

Монастырями управляютъ, какъ мы сказали, аббаты и пріоры; послѣднихъ они называютъ игуменами, а первыхъ архимандритами. Уставы и правила у нихъ самые строгіе; впрочемъ они ослаблены и не совсѣмъ соблюдаются. Они не смѣютъ пользоваться никакими увеселеніями. Если у кого нибудь будетъ найдена арфа или какой нибудь другой музыкальный инструментъ, того весьма строго наказываютъ. Отъ мяса они постоянно воздерживаются. Всѣ они повинуются не только при-

казанію князя, но и каждому боярину, присылаемому отъ князя. Я былъ свидѣтелемъ, какъ мой приставъ требовалъ у игумена одной вещи; когда тотъ не далъ ему немедленно, приставъ погрозилъ ему розгами, послѣ чего онъ тотчасъ принесъ ему требуемую вещь. Многіе удаляются изъ монастырей въ пустыни и тамъ выстраиваютъ себѣ хижинки, въ которыхъ живутъ или одни или съ товарищами, питаются отъ земли и деревьевъ т. е. кореньями и древесными плодами. Они называются столпниками (Stolpniki), ибо столпомъ называется колонна, а узкіе и высокіе домики свои они поддерживаютъ колоннами.

Хотя митрополитъ, епископы и архіепископы постоянно воздерживаются отъ мяснаго, однако въ мѣсоѣдъ они имѣютъ право подавать за своимъ столомъ мясо, когда приглашаютъ гостей изъ мірянъ или священниковъ, что запрещено архимандритамъ и игуменамъ.

Архіепископы, епископы и архимандриты носятъ клобуки (mitras) черные и круглые; только одинъ епископъ новгородскій носитъ, по нашему обычаю, бѣлую и раздвоенную митру.

Ежедневное платье епископовъ — точно такое же, какъ и у другихъ монаховъ; развѣ только иногда они носятъ шелковыя одежды, и преимущественно черную мантію, которая спереди имѣетъ на каждой сторонѣ три бѣлыя бахрамы, изогнутыя наподобіе текущаго ручья, въ ознаменованіе того, что изъ ихъ сердца и устъ текутъ потоки ученія вѣры и добрыхъ примѣровъ. Они носятъ палку, сдѣланную на подобіе креста, которою подпираются и которую, по своему, называютъ посохомъ. Епископъ новгородскій носитъ бѣлую мантію. Впрочемъ епископы занимаются только божественною службою, блюденіемъ и распространеніемъ вѣры, а управленіе хозяйствомъ и другія общественныя дѣла они поручаютъ чиновникамъ (officiales).

Въ ихъ святцахъ находятся нѣкоторые римскіе папы, которыхъ они почитаютъ святыми; другихъ же папъ, которые были послѣ раздѣленія церквей, они проклинаютъ, какъ отступниковъ отъ установленій апостоловъ, святыхъ отцовъ и семи соборовъ, называютъ еретиками и раскольниками, и ненавидятъ ихъ болѣе, чѣмъ самыхъ магометанъ. Ибо, по ихъ словамъ, на седьмомъ вселенскомъ соборѣ было положено, что впредь должно считаться непоколебимымъ и вѣчнымъ то, что̀ было рѣшено и постановлено на предъидущихъ соборахъ; и потому послѣ этого никому и никогда, подъ страхомъ анаѳемы, нельзя ни назна-

чать соборъ, ни принимать въ немъ участіе, — и это они весьма строго соблюдаютъ. Былъ одинъ русскій митрополитъ, который, по настоянію папы Евгенія, пріѣхалъ на соборъ, на которомъ и были соединены церкви: по возвращеніи въ отечество его схватили, лишили всего имущества и бросили въ темницу, изъ которой онъ таки убѣжалъ.

Различіе въ вѣрѣ между нами и ими можно узнать изъ слѣдующаго посланія, которое Іоаннъ, митрополитъ русскій, писалъ къ римскому архіепископу (такъ называютъ они папу).

Я возлюбилъ твою славу, о господинъ и блаженнѣйшій отецъ, достойнѣйшій званія и сѣдалища апостольскаго! ты изъ отдаленныхъ странъ взираешь на наше смиреніе и бѣдность, и осѣняешь насъ крылами любви, и съ любовью привѣтствуешь насъ, какъ своихъ, и вопрошаешь особенно о нашей истинной и православной вѣрѣ; слыша о ней, ты удивился, какъ намъ сказывалъ епископъ твоего Блаженства. И такъ какъ ты столь великій святитель, потому я, бѣдный, привѣтствую тебя, почитая твою главу, и цѣлуя твои руки и рамена. Возрадуйся, и да покроетъ тебя Всевышняя Десница Божія, и да дастъ Всемогущій Богъ тебѣ, твоимъ духовнымъ и намъ добрый порядокъ. Я не знаю, откуда произошли ереси и отступленія отъ истиннаго пути къ спасенію и искупленію, и не могу довольно надивиться, какой діаволъ былъ столь злобенъ и ненавистливъ, такъ враждебенъ истинѣ и такъ противенъ взаимному благорасположенію, что нашу братскую любовь отстранилъ отъ всего христіанскаго стада, говоря, что мы не христіане. Мы же, по истинѣ, отъ начала признаемъ, что вы благословеніемъ Божіимъ христіане, хотя и не во всемъ соблюдаете христіанскую вѣру и во многомъ различаетесь отъ насъ; это я покажу изъ семи великихъ соборовъ, на которыхъ установлена и вполнѣ утверждена православная и христіанская вѣра, на которыхъ, какъ на семи столпахъ, мудрость Божія выстроила себѣ жилище. Кромѣ того на этихъ семи соборахъ всѣ папы показали себя достойными каѳедры св. Петра, потому что мыслили одинаково съ нами. На первомъ соборѣ былъ Сильвестръ папа, на второмъ — Дамасъ, на третьемъ — Целестинъ, на четвертомъ — блаженнѣйшій папа Левъ, на пятомъ — Вигилій, на шестомъ — Оафаній, мужъ достопочтенный и свѣдущій въ св. Писаніи, на седьмомъ — святой папа Адріанъ, который первый прислалъ епископа Петра и аббата монастыря св. Сабы; отъ чего въ

послѣдствіи произошли несогласія между нами и вами, которыя умножились преимущественно въ древнемъ Римѣ (Папа). По истинѣ много есть дурнаго, что совершается вами противъ божественныхъ заповѣдей и установленій; объ этомъ мы напишемъ не много къ твоей любви. Во первыхъ о субботнемъ постѣ, соблюдаемомъ противъ закона, во вторыхъ о великомъ постѣ, отъ котораго вы отрываете недѣлю, и ядите мясо и вслѣдствіе мясояденія привлекаете къ себѣ людей. Также вы удаляете священниковъ, которые вступили въ бракъ по закону. Также вы снова помазуете муромъ тѣхъ, которые уже были муропомазаны священниками при крещеніи, говоря, что это надлежитъ дѣлать не простымъ священникамъ, но однимъ епископамъ. Также вы неправо употребляете опрѣсноки, что ясно показываетъ служеніе или культъ іудейскій. Глава же всему злу есть то, что вы начинаете перемѣнять и искажать то, что утверждено св. соборами, говоря о Св. Духѣ, что онъ исходитъ не только отъ Отца, но и отъ Сына, и многое другое, болѣе важное, о чемъ слѣдовало бы твоему Блаженству отнестись къ патріарху константинопольскому, твоему духовному брату, и приложить все стараніе, чтобы когда нибудь эти заблужденія уничтожились, и мы бы пребывали въ единодушіи и духовномъ согласіи, какъ говоритъ св. Павелъ, поучая насъ: Молю васъ братія, ради имени Господа Іисуса Христа, чтобы вы едино мыслили и говорили, и не было бы между вами раздоровъ, а чтобы вы укрѣплялись въ единомъ духѣ и въ единомысліи. Мы, по мѣрѣ силъ нашихъ, написали вамъ объ этихъ шести заблужденіяхъ; потомъ мы будемъ писать къ твоей любви и о другихъ. Если дѣло такъ, какъ мы слышали то ты самъ сознаешься вмѣстѣ съ нами, что вы преступили правила святыхъ апостоловъ и постановленія великихъ семи соборовъ, на которыхъ были всѣ ваши первые патріархи и согласно говорили, что слово ваше суетно. А что вы явно заблуждаетесь, я теперь открыто докажу это. Во первыхъ о постѣ субботнемъ: вы знаете, какъ учили объ этомъ св. апостолы, которыхъ ученіе вы держите, и въ особенности блаженный папа Климентъ, первый послѣ св. Петра апостола, слѣдуя уставамъ апостоловъ, пишетъ такъ въ 64 правилѣ, говоря о субботѣ: Если найдется духовное лицо, которое постится въ воскресенье или въ субботу, кромѣ великой субботы, —такого удалять отъ должности; если же это будетъ мірянинъ, то лишать причастія и отлучать отъ

церкви. Второе было о постѣ, который вы искажаете. Есть ересь якобитовъ и армянъ, которые въ святой великій постъ употребляютъ молоко и яйца; но какой же истинный христіанинъ осмѣлится дѣлать и мыслить такъ? Читайте правила шестаго великаго собора, на которомъ вашъ папа Өафаній запрещаетъ это. Мы же узнавъ, что въ Арменіи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ питаются въ великомъ посту яйцами и сыромъ, приказали нашимъ, тамъ находящимся, воздерживаться отъ такого рода пищи и всякой жертвы діавольской; если же кто не воздержится отъ нихъ, тотъ будетъ отлученъ отъ церкви; если это священникъ, то будетъ удаленъ отъ священнодѣйствія. Кромѣ того, третье величайшее заблужденіе и прегрѣшеніе ваше—о бракѣ священниковъ, что вы отказываетесь принимать тѣло Господне отъ тѣхъ священниковъ, которые имѣютъ женъ, тогда какъ святой соборъ, бывшій въ Гангрѣ, пишетъ въ четвертомъ правилѣ: Кто презираетъ священника, имѣющаго жену по закону, и говоритъ, что изъ его рукъ нельзя принимать причастія, тотъ да будетъ анаөема. Соборъ говоритъ также: Всякій діаконъ или священникъ, покинувшій собственную жену, да будетъ лишенъ священства. Четвертое прегрѣшеніе есть мvропомазаніе или конфирмація. Не вездѣ ли говорится на соборахъ: Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ? Если такимъ образомъ есть одно крещеніе, то будетъ и одно помазаніе и одна сила, совершается ли оно епископомъ или пресвитеромъ. Пятое заблужденіе—объ опрѣснокахъ, и это заблужденіе есть начало и корень всей ереси, какъ я докажу, и хотя мнѣ нужно было бы привести здѣсь многія мѣста писанія, но я сдѣлаю это въ другомъ мѣстѣ, а теперь скажу только слѣдующее. Такъ какъ опрѣсноки дѣлаются іудеями въ память освобожденія ихъ и бѣгства изъ Египта,—а мы, однажды сдѣлавшись христіанами, никогда не были въ работѣ египетской, — то потому намъ заповѣдано не соблюдать такого рода установленій іудейскихъ, о субботѣ, опрѣснокахъ и обрѣзаніи. И если кто нибудь слѣдуетъ одному изъ нихъ, то, какъ говоритъ св. Павелъ, повиненъ исполнить весь законъ. Тотъ же апостолъ говоритъ: Братія, я принялъ отъ Господа, что̀ и передалъ вамъ; ибо Господь, въ ту ночь, въ которую былъ преданъ, принялъ хлѣбъ, благословилъ, освятилъ, преломилъ и далъ святымъ ученикамъ, говоря: Пріимите и ядите и пр. Размысли, что я говорю; онъ не сказалъ: Го-

сподь, принявъ опрѣсноки, но *сказалъ*: *Господь, принявъ* хлѣбъ. Что въ это время не было опрѣсноковъ и не была Пасха, и что Господь не вкушалъ тогда Пасху іудейскую, чтобы могъ дать апостоламъ опрѣсноки,—это доказывается тѣмъ, что іудейскую Пасху совершаютъ и ѣдятъ стоя, чего не дѣлалось за вечерей Христа, какъ говоритъ писаніе: Возлежащимъ имъ съ двѣнадцатью; также: И ученикъ возлегъ на грудь Его за вечерей. *Въ томъ*, что̀ Онъ самъ сказалъ: Желаніемъ возжелалъ ѣсть эту Пасху съ вами, — Онъ не разумѣлъ іудейской Пасхи, которую прежде всегда вкушалъ съ ними. Говоря: Сіе творите въ Мое воспоминаніе, — Онъ не налагаетъ необходимости дѣлать такъ, какъ бы была іудейская Пасха, —и не опрѣсноки, а хлѣбъ даетъ имъ, говоря: Вотъ хлѣбъ, который Я даю вамъ; подобнымъ же образомъ къ Іудѣ: Кому Я дамъ хлѣбъ, обмакнувъ въ соль, тотъ предастъ меня. Если же вы приводите такое основаніе, что совершается служеніе на опрѣснокахъ потому, что въ Божественныхъ таинствахъ нѣтъ ничего земнаго и никакого смѣшенія,— то за чѣмъ забыли вы о Божествѣ, и послѣдовали обряду Іудеевъ, блуждая въ ереси са̀маго Іуліана, Махумета, и Аполлинарія лаодикійскаго, и Павла Сира самосатскаго, и Евтихія, и Діастерія, и другихъ, которые на шестомъ соборѣ были признаны опаснѣйшими еретиками и исполненными духа діавольскаго? Наконецъ шестое заблужденіе есть о Духѣ Святомъ. Какимъ образомъ вы говорите: Вѣрую въ Бога Отца и Сына и Святаго Духа, иже отъ Отца и отъ Сына исходящаго. По истинѣ, удивительно и странно сказать, что вы осмѣливаетесь искажать вѣру, тогда какъ отъ начала, по всей вселенной, во всѣхъ христіанскихъ церквяхъ постоянно поется: Вѣрую въ Духа Святаго и Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и сславима. Для чего же вы не говорите, какъ всѣ другіе христіане, но прилагаете прибавленія и приводите новое ученіе? тогда какъ апостолъ говоритъ: Если кто будетъ возвѣщать вамъ кромѣ того, что сказали вамъ мы, да будетъ анаѳема. О, если бы вы избѣжали этого проклятія! Ибо трудно и страшно перемѣнять и искажать Божіе писаніе, составленное святыми. Вы не знаете, какъ огромно ваше заблужденіе. Ибо вы придаете Святому Духу двѣ силы, двѣ воли и два начала, отнимаете и уменьшаете его честь и согласуетесь съ ересью Македонія,—да будетъ она далеко отъ насъ! Молю и преклоняюсь ко святымъ ногамъ твоимъ, отстань отъ такихъ

заблужденій, которыя существуютъ между вами, и преимущественно воздерживайся отъ опрѣсноковъ. Я хотѣлъ также написать, что нибудь объ удушаемыхъ и нечистыхъ животныхъ и о монахахъ, ѣдящихъ мясо, но объ этомъ (если соблаговолитъ Богъ) я напишу послѣ. Прости, по своей величайшей любви, что я писалъ къ тебѣ объ этихъ вещахъ. А должно ли дѣлать такъ, какъ дѣлается,—вопрошай писаніе, и обретешь. Прошу тебя, Господинъ, пиши къ Господину нашему патріарху Константинопольскому и къ святымъ митрополитамъ, которые имѣютъ въ себѣ слово жизни и сіяютъ въ мірѣ подобно свѣтиламъ. Ибо можетъ случиться, что Богъ черезъ нихъ изыщетъ такія заблужденія, исправитъ и постановитъ. Потомъ, если тебѣ угодно, пиши мнѣ, меньшему между всѣми другими. Я, митрополитъ Руссіи, привѣтствую тебя, и всѣхъ подчиненныхъ тебѣ клириковъ и мірянъ. Вмѣстѣ со мною также привѣтствуютъ тебя св. епископы, монахи и цари, великіе люди. Любовь Святаго Духа да будетъ съ тобою и со всѣми твоими. Аминь.

СЛѢДУЮТЪ ПРАВИЛА НѢКОЕГО ІОАННА МИТРОПОЛИТА,

НАЗЫВАЕМАГО ПРОРОКОМЪ, КОТОРЫЯ Я РѢШИЛСЯ ПОМѢСТИТЬ ЗДѢСЬ НА-СКОРО, КАКЪ МОГЪ УЗНАТЬ.

Мальчиковъ въ необходимости можно крестить безъ священника. Животныхъ и птицъ, растерзанныхъ птицами или дикими звѣрями, запрещается употреблять въ пищу. Кто же будетъ ѣсть ихъ или служить на опрѣснокахъ, или употреблять мясо въ семидесятницу, или пить кровь животныхъ, того надобно исправлять.

Удушенныхъ птицъ и животныхъ не должно употреблять въ пищу.

Русскимъ въ необходимости можно ѣсть съ римлянами, но не слушать службы.

Русскимъ должно обращать къ истинной вѣрѣ всѣхъ римлянъ, крещенныхъ неправильно, потому что они не всѣмъ тѣломъ погружаются въ воду, но по ихъ обращеніи не тотчасъ предлагать имъ евхаристію, также какъ и татарамъ и другимъ иновѣрцамъ.

Не должно сожигать старые образа и доски, на которыхъ совершается освященіе *даровъ*, но хоронить ихъ въ саду

или въ какомъ нибудь другомъ приличномъ мѣстѣ, чтобы ихъ не осквернили и не подвергли осрамленію.

Если будутъ строить домъ на священномъ мѣстѣ, то должно оставлять пустымъ то мѣсто, гдѣ былъ олтарь.

Мужа, вступившаго въ монастырь, можно посвящать въ священники, если его жена выйдетъ замужъ за другого.

Не должно выдавать дочь князя замужъ за того, кто причащается отъ опрѣсноковъ и употребляетъ въ пищу нечистое.

Священники въ зимнее время могутъ дѣлать исподнее платье изъ кожъ тѣхъ животныхъ, которыхъ употребляютъ въ пищу.

Не бывшихъ у исповѣди и не возвращающихъ чужое добро, не должно допускать къ причастію.

Священникамъ и монахамъ не должно присутствовать на свадьбѣ во время плясокъ.

Если священникъ, зная, обвѣнчаетъ особу, вступающую въ третій бракъ, то лишается своей должности.

Мать, желая крестить сыновей, которые не въ состояніи поститься, должна сама поститься за нихъ.

Если мужъ, оставивъ прежнюю жену, возьметъ другую, или жена выйдетъ за другаго, — то допускать ихъ къ причастію только, когда они возвратятся къ прежнему супружескому состоянію.

Никого не должно продавать иновѣрцу.

Кто, зная, будетъ ѣсть съ римлянами, тому должно очищаться очистительными молитвами.

Жена священника, взятая въ плѣнъ невѣрными, выкупается и опять принимается въ супружество, потому что она претерпѣла насиліе.

Купцовъ и путешественниковъ, отправляющихся въ римскія страны, не должно лишать причастія, но допускать къ нему, когда они примирятся съ церковью извѣстными покаянными молитвами.

Въ монастыряхъ не должно дѣлать пировъ, приглашая *на нихъ* женщинъ.

Бракъ должно совершать только публично въ церкви.

СЛѢДУЮТЪ ВОПРОСЫ НѢКОЕГО КИРИЛЛА

КЪ НОВГОРОДСКОМУ ЕПИСКОПУ НИФОНТУ.

Что если человѣкъ послѣ причастія, отъ неумѣреннаго употребленія пищи или питья, извергнетъ пищу назадъ? Отв. Пусть

кается и постится 40 дней. Если это сдѣлаетъ не отъ пресыщенія, а отъ тошноты, то 20 дней; если же отъ другой маловажной причины, то менѣе. Священникъ, сдѣлавшій что нибудь подобное, въ продолженіи 40 дней долженъ воздержаться отъ совершенія таинствъ и поститься; если же это сдѣлаетъ отъ какой нибудь не важной причины, то долженъ поститься недѣлю, преимущественно воздерживаясь отъ меда, мяса и молока. Если же его вырветъ на третій или четвертый день послѣ причащенія, то онъ долженъ принести покаяніе. Если кто нибудь извергнетъ причастіе, то долженъ каяться въ продолженіи 120 дней; если же это сдѣлаетъ въ болѣзни, то три дня; изверженное же пусть сожжетъ на огнѣ и прочтетъ 100 псалмовъ; если же собака пожретъ изверженное, то онъ долженъ поститься 100 дней.

Если земляные или деревянные сосуды будутъ нечисты, что̀ нужно дѣлать? Отв. Очищать очистительными молитвами.

Что̀ должно̀ дѣлать по душѣ покойника? Отв. Должно дать одну гривну за пять обѣденъ, съ куреніями, хлѣбами и свареной пшеницею, что̀ называется кутьей (Kuthia). Священникъ долженъ имѣть собственное вино.

Что̀ если въ продолженіи восьми дней я не дамъ ничего ѣсть больному монаху, надѣвшему схиму (Seraphica veste induto)? Отв. Хорошо сдѣлаешь, потому что онъ былъ въ чинѣ ангельскомъ.

Что̀ если латынянинъ захочетъ присоединиться къ русскому закону? Отв. Семь дней онъ долженъ ходить въ нашу церковь; ему нарекается новое имя, и каждый денъ въ его присутствіи съ благоговѣніемъ читаются четыре молитвы; потомъ онъ долженъ обмыться въ банѣ, семь дней воздерживаться отъ мяснаго и молочнаго и на восьмой день, омывшись, прійти въ церковь. Надъ нимъ читаются эти четыре молитвы, облекаютъ его въ чистыя одежды, кладутъ на голову вѣнецъ или вѣнокъ, мажутъ муромъ и даютъ ему въ руки восковую свѣчу. За обѣдней онъ долженъ причаститься и *съ этого времени* считаться новымъ христіаниномъ.

Можно ли въ праздники убивать птицъ, рыбъ или другихъ земныхъ животныхъ? Отв. Въ день Господень человѣкъ долженъ идти въ церковь, потому что это праздникъ; однакожь, если того требуютъ людскія нужды, то можно убивать.

Должно ли весь годъ сохранять дары, освященные въ недѣлю Пальмъ? Отв. Пусть хранятся въ чистомъ сосудѣ; свя-

щенникъ, предлагая ихъ больному, пусть прибавляетъ немного вина.

Должно ли прибавлять воду въ вино, причащая больнаго? Отв. Довольно одного вина.

Можно ли давать причастіе бѣснующимся и умалишеннымъ? Отв. Пусть уста ихъ только прикасаются къ причастію.

Священнику, у котораго жена въ родахъ, должно ли читать молитвы, какъ это онъ дѣлаетъ надъ женами мірянъ? Отв. Нѣтъ. Ибо въ Греціи этотъ обычай не соблюдается, если только не найдется другого священника.

Что должно ѣсть въ день Воздвиженія св. Креста? Отв. Монахамъ не должно ѣсть рыбы; міряне же, цѣлующіе въ въ этотъ день св. Крестъ, могутъ ѣсть мясное, если только это не случится въ пятницу или среду.

An sacerdoti noctu cum uxore concumbenti, manè ecclesiam ingredi licet? R. Lauet prius eam partem quae sub umbilico est, ecclesiam ingrediatur, Euangelium legat; ad altare verò accedere, uel celebrare prohibeatur. Volens autem sacerdos diebus Solis et Martis celebrare, poterit die Lunę cum uxore concumbere, et sic deinceps.

An uxorem non habenti, Eucharistia porrigenda? R. Dummodo per integram quadragesimã cum nupta alterius, aut bruto non coierit.

Должно ли пріобщать младенцевъ послѣ крещенія? Отв. Можно причащать въ храмѣ, когда совершается таинство, или когда поются вечернія молитвы.

Какой родъ пищи должно употреблять въ великій постъ? Отв. Въ дни воскресные и субботніе — рыбу, въ другіе же — икру (Jkhri), т. е. рыбьи внутренности.

На великой недѣлѣ монахи могутъ ѣсть медъ и пить квасъ (kvuas), т. е. кислую воду.

При освященіи кутьи сколько нужно зажигать свѣчей? Отв. За души усопшихъ — двѣ, за здравіе же живущаго — три.

Какъ дѣлать кутью? Отв. Взять три части вареной пшеницы, а четвертую — изъ мелкаго горошка, бобовъ и крупнаго гороха, также сваренныхъ, приправить медомъ и сахаромъ; можно допустить и другіе плоды, если имѣются. Эту кутью послѣ похоронъ должно ѣсть въ церкви.

Когда должно крестить болгаръ, половцевъ и чудь? Отв. Когда передъ этимъ они попостятся 40 дней, и надъ ними бу-

дутъ прочтены очистительныя молитвы; если же это будетъ славянинъ, то долженъ поститься только восемь дней. Крестящій ребенка долженъ хорошо подвязать рукава, чтобы на платьѣ не осталось чего нибудь отъ воды крещенія, когда онъ погружаетъ ребенка. Родильница же не должна входить въ храмъ въ продолженіи сорока дней отъ родовъ.

Причащать ли женщину послѣ мѣсячнаго очищенія? Отв. Не причащать, если прежде того она не омылась.

Можно ли входить въ жилище родильницы? Отв. Никто не долженъ раньше трехъ дней входить въ то мѣсто, гдѣ родила женщина. Какъ другіе нечистые сосуды тщательно нужно мыть, такъ должно напередъ очищать молитвами это жилище.

Можно ли хоронить послѣ заката солнца? Отв. По захожденіи солнца никого не хоронить, ибо это вѣнецъ мертвыхъ— видѣть солнце прежде погребенія. Весьма доброе дѣло дѣлаетъ тотъ, кто погребаетъ кости мертвыхъ и старые образа.

Можно ли мужу принимать евхаристію о праздникѣ Пасхи? Отв. Если онъ въ продолженіи сорока дней не совокуплялся съ женой. Также тотъ, кто въ день Пасхи прикасался зубами къ яйцу, или у кого текла изъ десенъ кровь, долженъ воздержаться отъ причащенія въ этотъ день.

An liceat marito, proxima post communionem nocte cum uxore concumbere? R. Licet. diebus tamen Veneris, Sabbati, et Dominico, si depravati ingenij conceperit puerum uxor, parentes poeniteant. Si autem nobiles et magni nominis fuerint parentes, dent certas griffnas sacerdoti, ut pro eis oret.

Если разорванная бумага, которая содержала въ себѣ что нибудь изъ священнаго писанія, будетъ брошена на землю, то можно ли проходить по тому мѣсту? Отв. Нѣтъ.

Можно ли употреблять молоко коровы въ тотъ же день, когда она отелилась? Отв. Нѣтъ, потому что оно смѣшано съ кровью, а черезъ два дня можно.

Quando potest aliquis à sacris suspendi? R. Sacerdos tempore ieiunij feminae alicuius amore flagrans, in'que os eius linguam insertans, semen denique genitale libidine inflammatus spargens, à diuinis per integrum annum abstineat: si uerò ante sacerdotium tale quid commiserit, in sacerdotem non consecretur.

Мірянина же, признающагося въ грѣхѣ такого рода, въ тотъ годъ не причащать.

Можно ли допускать къ св. таинствамъ того, отъ кого какая нибудь женщина зачала съ одного совокупленія? Отв. Рѣдко зачинаютъ отъ перваго соитія; если же онъ совокупится десять разъ, то не посвящать его.

Кромѣ того, равнымъ образомъ не должно посвящать въ священники того, кто обезчестилъ дѣвушку, или кто замѣтилъ съ перваго совокупленія, что жена его лишена невинности.

Какъ наказать того, кто развелся? Отв. Пусть не допускается къ евхаристіи, — развѣ только на смертномъ одрѣ.

Можно ли будетъ кому нибудь при жизни для спасенія души подвергнуться *обряду* погребенія? Отв. Можно.

Можетъ ли супругъ помогать супругѣ въ совершеніи покаянія? Отв. Не можетъ, также какъ братъ брату.

Долженъ ли священникъ отправлять богослуженіе въ тотъ день, въ который хоронилъ мертваго и цѣловалъ его? Отв. Не долженъ.

Должно ли причащать родильницу въ отчаянномъ положеніи? Отв. Если только она будетъ омыта и унесена изъ того мѣста, гдѣ родила.

An liceat rê habere cum uxore eo loci, ubi sunt imagines sanctorum? R. Accedens ad uxorem, non'ne deponis crucem de collo? similiter nec in habitatione coram imaginibus, nisi bene reclusę et opertę fuerint coire licebit.

Слѣдуетъ ли тотчасъ послѣ обѣда или ужина молиться въ храмѣ, прежде чѣмъ заснешь? Отв. Что лучше, спать или молиться?

Можетъ ли священникъ прійти къ больному безъ ризы и дать ему причастіе? Отв. Можетъ.

Какъ вступать въ бракъ? Отв. Желающій вступить въ бракъ долженъ воздерживаться отъ другихъ женщинъ въ продолженіи сорока или, по меньшей мѣрѣ, восьми дней.

Женщинѣ, которая выкинула, должно ли приносить покаяніе? Отв. Женщина, выкинувшая не отъ какого нибудь случая, а въ пьяномъ видѣ, должна принести покаяніе. Также та, которая дастъ мужу напиться той воды, въ которой сама мылась, для того, чтобы онъ любилъ ее, — должна поститься шесть недѣль.

An carne et lacte eius uaccae, qua cum homo miscuit corpus, utendum? R. Omnes, praeter excessorem, uti possunt.

Можетъ ли женщина пользоваться совѣтомъ старухъ, для того чтобы имѣть плодъ? Отв. Женщины, которыя, для того чтобы зачать, по совѣту старухъ, употребляютъ травы, а не просятъ священниковъ, чтобы они помогли имъ своими молитвами, должны семь недѣль приносить покаяніе и заплатить священнику три гривны. Если же кто нибудь пьяный ударитъ беременную женщину, такъ что она выкинетъ, тотъ полгода долженъ приносить покаяніе. Также повивальныя бабки восемь дней не должны входить въ храмъ, пока не очистятся молитвами.

КРЕЩЕНІЕ.

Крещеніе совершаютъ они слѣдующимъ образомъ. Послѣ рожденія ребенка тотчасъ призываютъ священника, который читаетъ извѣстныя молитвы, стоя передъ дверью комнаты, гдѣ находится родильница, и даетъ младенцу имя. Потомъ, обыкновенно въ сороковой день, если ребенокъ болѣнъ, приносятъ его въ храмъ и крестятъ, трижды погружая всего въ воду: иначе они не признали бы его крещеннымъ. Потомъ помазуютъ его мѵромъ, которое освящено въ великую недѣлю; потомъ мажутъ какъ они говорятъ, миррою. Вода же крещенія освящается для каждаго ребенка и тотчасъ послѣ крещенія выливается за дверь храма. Крестятъ дѣтей всегда въ храмѣ, если только не препятствуютъ тому чрезвычайная отдаленность мѣста или холодъ, — и никогда не употребляютъ теплой воды, развѣ только въ случаѣ болѣзни ребенка. Воспріемники берутся по волѣ родителей, и сколько разъ отрицаются діавола, повторяя за священникомъ извѣстныя слова, столько же разъ

плюютъ на землю. Священникъ также обрѣзываетъ ребенку волосы, лѣпитъ ихъ на воскъ и кладетъ въ извѣстномъ мѣстѣ въ храмѣ. Они не допускаютъ употребленія соли и слюны съ прахомъ.

За симъ помѣщена въ оригиналѣ:

БУЛЛА ПАПЫ АЛЕКСАНДРА VI

. . . .

. . . .

. . . .

ИСПОВѢДЬ.

Хотя по уставу у нихъ есть исповѣдь, но простой народъ считаетъ ее дѣломъ князей и обязанностью благородныхъ господъ и знатныхъ людей по преимуществу. Исповѣдуются около праздника Пасхи, съ великимъ благоговѣніемъ и сокрушеніемъ сердца. Исповѣдникъ стоитъ вмѣстѣ съ исповѣдающимся по срединѣ храма, обратясь лицомъ къ какому нибудь образу, для этого поставленному. По окончаніи исповѣди и по наложеніи покаянія по мѣрѣ прегрѣшеній, оба кладутъ нѣ-

сколько поклоновъ сряду передъ этимъ образомъ и осѣняютъ чело и грудь знаменіемъ креста; наконецъ съ великимъ стенаніемъ восклицаютъ: Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Ибо это есть ихъ обыкновенная молитва. Однимъ въ видѣ покаянія налагаются посты, другимъ извѣстныя молитвы (ибо молитву Господню знаютъ весьма немногіе); нѣкоторыхъ, если сдѣлали какой нибудь важный грѣхъ, омываютъ водою. Ибо въ Богоявленіе они черпаютъ текучую воду и, освятивъ ее, сохраняютъ во весь годъ въ храмѣ для очищенія и омовенія самыхъ тяжкихъ грѣховъ. Также считаютъ грѣхъ, совершенный въ субботу, менѣе тяжкимъ и налагаютъ за него меньшее покаяніе. По многимъ самымъ неважнымъ причинамъ ихъ не допускаютъ въ храмы; обыкновенно исключенные большею частью стоятъ у дверей и оконъ храма и оттуда видятъ и слышать богослуженіе не меньше, какъ бы были въ храмѣ.

Тотъ, кто совокупился съ женою и не омылся послѣ установленнаго времени, не смѣетъ въ тотъ день входить въ храмъ.

ПРИЧАЩЕНІЕ.

Они причащаются подъ обоими видами, смѣшивая хлѣбъ съ виномъ или тѣло съ кровію. Священникъ беретъ частицу изъ чаши ложкою и даетъ причащающемуся. Всякій можетъ принимать тѣло Господне сколько разъ въ годъ хочетъ, лишь бы исповѣдывался; впрочемъ установленное время *для этого* около праздника Пасхи. Дѣтямъ семи лѣтъ даютъ причастіе и говорятъ, что тогда человѣкъ начинаетъ грѣшить. Если ребенокъ нездоровъ, или кончается, такъ что не можетъ принять хлѣба, то вливаютъ ему каплю изъ чаши. Дары освящаются для причащенія только за обѣдней; для больныхъ же освящаются въ четвергъ на великой недѣлѣ, и хранятся весь годъ. Когда нужно, священникъ беретъ оттуда частицу, которую кладетъ въ вино и, хорошо смоченную, даетъ больному, потомъ прибавляетъ немного теплой воды.

Всякій монахъ или священникъ читаетъ такъ называемые каноническіе часы только передъ образомъ, къ которому и всякій прикасается съ великимъ благоговѣніемъ. Кто выноситъ образъ въ народъ, тотъ высоко поднимаетъ его на рукахъ, и

всѣ идущіе мимо по бо́льшей части воздаютъ ему честь, открывая голову, знаменуясь крестомъ и наклоняясь. Книги Евангелія кладутъ на почетныя мѣста, какъ святыню, и не прикасаются къ нимъ руками, не осѣнясь прежде крестомъ, и не воздавъ чести съ непокрытою и наклоненною головою; потомъ съ величайшимъ благоговѣніемъ берутъ въ руки. Также носятъ по церкви хлѣбъ, прежде нежели по нашему обычаю онъ освященъ обыкновенными словами, и воздаютъ ему честь и молятся съ извѣстными словами.

ПРАЗДНИКИ.

Знатные люди чтятъ праздники тѣмъ, что послѣ обѣдни бражничаютъ и надѣваютъ пышную одежду; простой народъ, слуги и рабы бо́льшею частью ра́ботаютъ, говоря, что праздновать и пользоваться досугомъ — дѣло господъ. Горожане и ремесленники бываютъ у обѣдни, а послѣ нея возвращаются къ работѣ, думая, что честнѣе заниматься трудомъ, чѣмъ попусту терять достатокъ и время въ пьянствѣ, игрѣ и подобныхъ вещахъ. Ибо простонародью и черни запрещено употребленіе пива и меда; однако имъ позволено пить въ нѣкоторые торжественные дни, какъ то: въ Рождество Христово, въ праздникъ Пасхи, въ Пятидесятницу и нѣкоторые другіе; въ эти дни они не работаютъ — не изъ уваженія къ религіи, а больше для пьянства.

День Троицы они празднуютъ въ понедѣльникъ во время Пятидесятницы; въ восьмой же день Пятидесятницы — праздникъ всѣхъ Святыхъ. День же Тѣла Христова, какъ у насъ, — они не чтятъ.

Клянясь и ругаясь, они рѣдко употребляютъ имя Божіе. При клятвѣ подтверждаютъ сказанное или обѣщанное цѣлованіемъ креста. Обыкновенныя ругательства ихъ, какъ у венгерцевъ: Чтобъ взяла твою мать собака (Canis matrem tuam subagitet) и проч.

Когда они осѣняютъ себя знаменіемъ креста, то дѣлаютъ это правою рукою такимъ образомъ, что легкимъ прикосновеніемъ сперва ко лбу, потомъ къ груди, потомъ къ правой и наконецъ къ лѣвой сторонѣ груди дѣлаютъ подобіе креста. Если кто нибудь иначе ведетъ руку, того считаютъ не единовѣрцемъ,

но иностранцемъ; я помню, какъ меня назвали этимъ именемъ, и бранили, когда я, не зная этой церемоніи, повелъ своею рукою иначе.

ЧИСТИЛИЩЕ.

Они не вѣрятъ въ чистилище, но говорятъ, что всякому умершему будетъ мѣсто по его заслугамъ, — благочестивымъ назначено мѣсто свѣтлое, съ духами добрыми, нечестивымъ же—темное и покрытое густымъ мракомъ, съ духами страшными; въ этомъ мѣстѣ они ожидаютъ послѣдняго суда. По мѣсту и добрымъ духамъ души познаютъ милость Божію и постоянно желаютъ послѣдняго суда; другія же—напротивъ. Они также не думаютъ, что душа будетъ подвержена наказанію отдѣльно отъ тѣла, ибо полагаютъ, что душа должна терпѣть вмѣстѣ съ тѣломъ, такъ какъ она грѣшила въ тѣлѣ. Служа панихиды по умершимъ, они думаютъ, что этимъ можно испросить для душъ мѣсто болѣе сносное, въ которомъ онѣ легче могутъ дожидаться будущаго суда. Святою водою никто не окропляется самъ, а кропитъ только священникъ. Они не освящаютъ кладбищъ для погребенія тѣлъ, ибо говорятъ, что тѣла, мѵропомазанныя и освященныя, освящаютъ самую землю, *а* не земля *освящаетъ* тѣла.

ПОКЛОНЕНІЕ СВЯТЫМЪ.

Между святыми они преимущественно чтятъ Николая барскаго и ежедневно разсказываютъ о его многочисленныхъ чудесахъ; я приведу здѣсь одно изъ нихъ, которое недавно случилось. Нѣкто Михаилъ Кизалецкій, мужъ знатный и храбрый, въ одномъ сраженіи съ татарами преслѣдовалъ знатнаго татарина. Ускоривъ бѣгъ лошади и все таки не могши догнать его, онъ воскликнулъ: «Николай, доведи меня до этой собаки». Татаринъ, услышавъ это, вскричалъ въ страхѣ: «Николай, если онъ твоею помощью нагонитъ меня, то ты этимъ не сдѣлаешь никакого чуда; если же сохранишь невредимымъ меня, чуждаго твоей вѣры, тогда будетъ велико имя твое». Говорятъ, что лошадь Михаила остановилась, и татаринъ спасся. Говорятъ также, что татаринъ при своей жизни каждый годъ приносилъ въ даръ Николаю нѣсколько мѣръ меду за свое спа-

сеніе, и посылалъ Михаилу въ память своего избавленія столько же мѣръ и сверхъ того почетную мѣховую (ex pellibus Madauricis) одежду.

ПОСТЪ.

Они постятся въ четыредесятницу цѣлыя семь недѣль. На первой недѣлѣ употребляютъ молочное и называютъ ее сырною (caseacea); въ слѣдующія недѣли всѣ они (исключая путешествующихъ) воздерживаются даже отъ рыбы. Нѣкоторые принимаютъ пищу въ воскресенье и субботу, а въ остальные дни воздерживаются отъ всякой пищи; другіе принимаютъ пищу въ воскресенье, вторникъ, четвергъ и субботу, а въ остальные три дня воздерживаются. Также весьма многіе довольствуются кускомъ хлѣба съ водой въ понедѣльникъ, среду и пятницу. Остальные посты въ году соблюдаются не такъ строго. Они постятся также съ восьмаго дня пятидесятницы, который у нихъ есть день всѣхъ Святыхъ, до праздника Петра и Павла. Этотъ постъ называется петровскимъ. Потомъ у нихъ есть постъ Пресвятой Дѣвы, отъ перваго августа до Успенія Богородицы; также постъ Филиппа, продолжающійся шесть недѣль до Рождества и называющійся филипповымъ, потому что начало этого поста, по ихъ календарю, бываетъ въ день Филиппа. Если праздникъ Петра и Павла, также Успенія случится въ среду или въ пятницу, тогда и въ этотъ день они не употребляютъ мяснаго. Они не чествуютъ постомъ кануны святыхъ, кромѣ Усѣкновенія главы св. Іоанна, которое ежегодно соблюдаютъ двадцать девятаго августа. Если въ великій постъ четыредесятницы случится какой нибудь праздникъ, то въ этотъ день они употребляютъ рыбу. На монаховъ же наложены посты, гораздо болѣе трудные и тяжкіе, и они должны довольствоваться квасомъ т. е. кисловатымъ питьемъ и водой, смѣшанной съ закваскою. Священникамъ также въ это время запрещены медовая вода и пиво. Однако нынѣ всѣ *эти* законы и постановленія падаютъ и нарушаются. Когда нѣтъ поста, они употребляютъ мясное въ субботу и воздерживаются въ среду.

Учители, которымъ они слѣдуютъ, суть Василій Великій, Григорій и Іоаннъ Хризостомъ, котораго они называютъ Златоустомъ (Slatausta) т. е. золотыя уста. У нихъ нѣтъ пропо-

вѣдниковъ. Они думаютъ, что достаточно присутствовать при богослуженіи и слышать Евангеліе, Посланія и слова другихъ учителей, которыя читаетъ священнослужитель на отечественномъ языкѣ. Сверхъ того, они думаютъ этимъ избѣжать различныхъ толковъ и ересей, которыя большею частью рождаются отъ проповѣдей. Въ воскресенье объявляютъ праздники будущей недѣли и читаютъ публичную исповѣдь. Они считаютъ истиннымъ и обязательнымъ для всѣхъ, во что̀ вѣритъ или что̀ думаетъ самъ князь.

Мы слышали въ Московіи, что по просьбѣ самого московскаго князя константинопольскій патріархъ прислалъ одного монаха, по имени Максимиліана, чтобы онъ, по здравомъ обсужденіи, привелъ въ порядокъ всѣ книги, правила и отдѣльныя постановленія, касающіяся вѣры. Сдѣлавъ это и замѣтивъ многія весьма важныя заблужденія, *Максимиліанъ* объявилъ князю, что онъ совершенный схизматикъ, потому что не слѣдуетъ ни греческому, ни римскому обрядамъ. Говорятъ, что онъ пропалъ немного спустя послѣ того, какъ высказалъ это, и, по мнѣнію многихъ, былъ утопленъ, хотя князь и оказывалъ ему величайшее благоволеніе. Разсказываютъ, что на третій годъ послѣ нашего пребыванія въ Московіи, Маркъ, одинъ греческій купецъ изъ Кафы, говорилъ тоже самое, и хотя за него усиленно ходатайствовалъ тогда турецкій посолъ, но онъ также былъ схваченъ и приговоренъ къ смерти. Грекъ Георгій, по прозванью Малый, казначей, канцлеръ и высшій совѣтникъ князя, немедленно былъ удаленъ отъ всѣхъ должностей и подвергся опалѣ, потому что благопріятствовалъ этому дѣлу и ходатайствовалъ за *Марка*. Но такъ какъ князь никакъ не могъ обойтись безъ Георгія, то онъ снова былъ принятъ въ милость,—только ему дали другую должность. Это былъ мужъ необыкновенно ученый и искусный во многихъ дѣлахъ; онъ прибылъ въ Московію вмѣстѣ съ матерью князя. Князь такъ уважалъ его, что, позвавъ его однажды къ себѣ во время его болѣзни, приказалъ нѣсколькимъ изъ самыхъ знатныхъ своихъ совѣтниковъ посадить его въ повозку и принести во дворецъ. Но когда его привезли ко дворцу, онъ не позволилъ нести себя по такой высокой лѣстницѣ; его высадили изъ повозки, и онъ сталъ по маленьку взбираться къ князю. Князь, нечаянно увидѣвъ его, началъ сильно гнѣваться и приказалъ его принести къ себѣ на носилкахъ. Наконецъ, посовѣтовавшись съ нимъ и окончивъ дѣло, онъ при-

казалъ снести его по лѣстницѣ на носилкахъ и всегда потомъ носить вверхъ и внизъ.

Преимущественная забота духовныхъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ приводить въ свою вѣру. Монахи-отшельники уже давно обратили въ христіанскую вѣру большую часть идолопоклонниковъ, издавна и часто проповѣдуя у нихъ Слово Божіе. Даже и теперь отправляются они въ разныя страны, лежащія на сѣверъ и востокъ, куда достигаютъ только съ величайшимъ трудомъ и съ опасностью чести и жизни. Они не ждутъ и не желаютъ никакой отъ того выгоды, ибо, запечатлѣвая иногда ученіе Христово смертью, они стараются единственно только о томъ, чтобы сдѣлать угодное Богу, наставить на истинный путь души многихъ, совращенныхъ съ него заблужденіемъ, и пріобрѣсти ихъ Христу.

Важнѣйшій монастырь въ Московіи есть монастырь св. Троицы, отстоящій къ западу отъ города Москвы на 12 германскихъ миль. Говорятъ, что погребенный тамъ св. Сергій творитъ многія чудеса; удивительное стеченіе племенъ и народовъ съ благоговѣніемъ прославляетъ его. Туда ѣздитъ часто самъ князь, а народъ стекается ежегодно въ извѣстные дни и питается отъ щедротъ монастыря. Утверждаютъ, что тамъ есть мѣдный горшокъ, въ которомъ варятся извѣстныя кушанья, и по бо̀льшей части огородныя овощи, — и мало ли, много ли народу придетъ въ монастырь, однако пищи всегда остается столько, что монастырскій причтъ можетъ быть сытъ, такъ что никогда нѣтъ ни недостатка, ни излишка.

Московиты хвалятся, что они одни только христіане, а насъ они осуждаютъ, какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ святыхъ установленій. Если какой нибудь человѣкъ нашей вѣры по доброй волѣ перейдетъ къ московитамъ, или же убѣжитъ къ нимъ противъ воли господина, какъ будто для того, чтобы выучиться ихъ вѣрѣ и принять ее; то они утверждаютъ, что не слѣдуетъ отсылать его или возвращать по требованію господина. Это я узналъ по одному странному случаю, который я и приведу здѣсь. Когда я ѣхалъ въ Московію, одинъ знатный краковскій обыватель поручилъ и почти противъ моей воли отдалъ мнѣ на руки нѣкоего Еразма, изъ почтенной фамиліи Бетмановъ, юношу образованнаго, но который былъ до того преданъ пьянству, что иногда напивался до безумія и принуждалъ меня своими частыми попойками са-

жать его въ кандалы. Однажды, сознавая за собой вину, онъ соединился съ тремя московитами и съ моимъ кучеромъ, полякомъ, и въ одну ночь убѣжалъ изъ Москвы, переплылъ рѣку Оку и направилъ путь къ Азову. Узнавъ объ этомъ, князь немедленно разослалъ во всѣ стороны своихъ курьеровъ (которыхъ они называютъ гонцами, Gonecz), чтобы воротить бѣглецовъ съ дороги. Гонцы наткнулись на стражей, которые расположены въ тѣхъ мѣстахъ противъ постоянныхъ набѣговъ татаръ и, разсказавъ имъ этотъ случай, склонили и ихъ отправиться на лошадяхъ для отысканія бѣглецовъ. Они встрѣтились съ человѣкомъ, который сказалъ имъ, что онъ давалъ ночлегъ пяти всадникамъ, и что они принудили его показать имъ прямую дорогу въ Азовъ. Стражи погнались по ихъ слѣдамъ и ночью увидѣли огонь, который они зажгли. Въ молчаніи, какъ змѣи, они подползли къ ихъ лошадямъ, блуждавшимъ на пастбищѣ около мѣста ночлега, и отогнали ихъ дальше. Когда мой кучеръ, проснувшись, хотѣлъ привести назадъ лошадей, которыя далеко разбрелись, — они выскочили на него изъ травы и, угрожая ему смертью, если онъ издастъ хоть малѣйшій звукъ, взяли и связали его. Потомъ они опять отогнали лошадей дальше, — и когда бѣглецы одинъ за другимъ хотѣли привести ихъ назадъ, то такимъ же образомъ всѣ по порядку были захвачены хитростью, исключая одного Еразма, который обнажилъ саблю (framea) и защищался, когда на него напали, и звалъ на помощь Станислава (это было имя моего кучера). Но когда тотъ отвѣчалъ, что онъ въ плѣну и связанъ, — Еразмъ сказалъ: «И я не хочу быть свободнымъ или жить, когда вы въ плѣну», — и такимъ образомъ сдался, когда они находились всего въ двухъ дняхъ пути отъ Азова. По ихъ возвращеніи я просилъ князя, чтобы мнѣ отдали моихъ. Онъ отвѣчалъ, что никто не можетъ отдать назадъ человѣка, который перешелъ къ московитамъ для принятія истинной вѣры (они утверждаютъ, какъ было сказано, что только одни они держатъ правую вѣру). Однако кучера моего онъ вскорѣ отдалъ мнѣ назадъ. Но когда онъ отказался возвратить Еразма, то я сказалъ эконому, — который намъ былъ данъ, и котораго они называютъ приставомъ (Pristavu), — что люди будутъ худо думать и говорить о князѣ, если онъ будетъ отнимать у пословъ ихъ слугъ. Чтобы не могли обвинять ни меня, ни князя, я просилъ у него позволенія призвать Еразма и въ присут-

ствіи его совѣтниковъ узнать отъ него самаго объ его желаніи. Когда это было сдѣлано съ согласія князя, я спрашивалъ у Еразма, хочетъ ли онъ остаться у князя для принятія религіи? и на его утвердительный отвѣтъ, сказалъ ему: Хорошо постелешь, хорошо будешь лежать. Потомъ одинъ литовецъ, бывшій въ свитѣ графа Нугароля, отговаривалъ его отъ принятаго имъ намѣренія и получилъ въ отвѣтъ, что онъ боится моей строгости. Тогда литовецъ сказалъ ему, не хочетъ ли онъ воротиться, если графъ приметъ его въ свою свиту?—и онъ согласился. Когда это дѣло было доведено до свѣденія графа, онъ спрашивалъ у меня, соглашусь ли я?—на что̀ я отвѣчалъ, что съ моей стороны не будетъ препятствій. Ибо я и самъ желалъ устроить такъ, чтобы родственники Еразма не истолковали этого дѣла иначе, нежели какъ оно случилось.

Впрочемъ къ московитамъ вообще перебѣгаютъ рѣдко, и только тѣ, которымъ въ другомъ мѣстѣ жить нельзя или опасно. Таковъ былъ въ наше время Северинъ Нордведъ, адмиралъ датскаго короля Христіерна, человѣкъ воинственный, но привыкшій начинать всякое дѣло во имя дьявола; о немъ я много слышалъ, но изъ благоразумія умолчу. Когда онъ увидѣлъ, что его король, по причинѣ своихъ жестокостей въ Голміи (которая есть столица Шведскаго королевства и на отечественномъ языкѣ называется Стокгольмомъ), сдѣлался ненавистенъ жителямъ и добровольно удалился въ Данію; тогда онъ занялъ одно укрѣпленное мѣсто на островѣ Готландѣ (который простирается на 12 германскихъ миль), — откуда онъ долго тревожилъ набѣгами Балтійское море и грабилъ, никого не щадя, какъ друзей, такъ и враговъ. Наконецъ, заставивъ всѣхъ бояться себя, какъ всеобщей язвы, и не имѣя ни одного мѣста, въ которомъ бы могъ быть безопасенъ отъ преслѣдованій, онъ убѣжалъ къ князю московскому, взявъ съ собой нѣсколькихъ разбойниковъ, и съ нѣсколькими кораблями вошелъ въ рѣку Нарову, къ Иваньгороду, крѣпости московскаго князя. Оттуда онъ былъ приведенъ сухимъ путемъ въ Москву, въ тотъ годъ, когда я былъ тамъ. Отпущенный по ходатайству цесаря Карла Пятаго, онъ былъ убитъ ядромъ на его службѣ, во время осады итальянскаго города Флоренціи.

О ДЕСЯТИНАХЪ.

Владиміръ, принявшій таинство животворящаго крещенія въ 6496 году, вмѣстѣ съ митрополитомъ Леономъ, установилъ давать десятины со всѣхъ вещей — для бѣдныхъ, сиротъ, немощныхъ, старцевъ, пришельцевъ, плѣнныхъ, для погребенія бѣдныхъ, для вспоможенія тѣмъ, которые имѣютъ многочисленное потомство, и тѣмъ, у которыхъ имущество истреблено огнемъ, и наконецъ для вспомоществованія нуждамъ всѣхъ несчастныхъ и церквямъ бѣдныхъ монастырей, и преимущественно для облегченія участи живыхъ и мертвыхъ. Тотъ же Владиміръ подчинилъ духовной власти и суду всѣхъ игуменовъ, пресвитеровъ, діаконовъ и все духовное сословіе: монаховъ, монахинь, и женщинъ, которыя дѣлаютъ просвиры для божественной службы, и которыхъ называютъ просвирнями (Proscurnicæ); также женъ и дѣтей священниковъ, врачей, вдовъ, повивальныхъ бабокъ и тѣхъ, надъ которыми какой нибудь святой совершилъ чудо, тѣхъ, которые отпущены на волю для спасенія чьей нибудь души, наконецъ всѣхъ служителей монастырскихъ и больничныхъ, и тѣхъ, которыя дѣлаютъ монашескія одежды. И такъ, если произойдетъ какая нибудь ссора или несогласіе между вышерѣченными лицами, то епископъ, какъ прямой судья, можетъ разсматривать и рѣшать ихъ. Если же произойдетъ какая нибудь распря между ними и мірянами, — то рѣшается общимъ судомъ.

Просвирни суть женщины уже неплодныя, которыя больше не подвергаются мѣсячнымъ очищеніямъ; онѣ пекутъ хлѣбъ для жертвоприношенія, который называется просвирой (proscura).

Епископы должны также опредѣлять разводы, какъ между князьями, такъ и между боярами и всѣми мірянами, которые привязываются къ наложницамъ. Къ епископскому суду также относится, если жена не повинуется мужу, если кто нибудь уличенъ въ прелюбодѣяніи, если кто нибудь женился на единокровной, если супруги замышляютъ что нибудь злое другъ противъ друга,—также гаданія, чародѣйства, отравы, пренія о ереси или прелюбодѣяніи, и если сынъ сильно поносилъ или оскорблялъ родителей или сестеръ. Кромѣ того къ епископскому суду относится наказаніе содомитовъ, святотатцевъ, тѣхъ, которые грабятъ мертвыхъ; тѣхъ, которые для чародѣйства отрываютъ

частицу отъ изображеній святыхъ или отъ креста; тѣхъ, которые ввели въ церковь или употребляли въ пищу собаку, птицу или какое нибудь другое нечистое животное. Къ тому же они должны наблюдать и установлять всякія мѣры. Но не должно удивляться, если вышесказанное окажется отличнымъ отъ ихъ правилъ и преданій, потому что они измѣнились по разнымъ мѣстамъ не столько отъ своей древности, сколько искажены отъ страсти ихъ къ деньгамъ.

Когда князь приглашаетъ митрополита на пиръ, то, за отсутствіемъ своихъ братьевъ, обыкновенно предлагаетъ ему первое мѣсто за столомъ. Пригласивъ митрополита и епископовъ на похороны, съ начала обѣда онъ самъ подаетъ имъ пищу и питье, потомъ ставитъ своего брата или какого нибудь вельможу, чтобы онъ замѣнилъ его до конца обѣда.

Я получилъ также позволеніе посмотрѣть на ихъ церемоніи, которыя совершаются въ храмахъ въ торжественные праздники. Такимъ образомъ, въ оба мои посольства, въ праздникъ Успѣнія т. е. 15 августа, я входилъ въ большой храмъ въ Кремлѣ, устланный древесною зеленью, и видѣлъ князя направо у двери, въ которую онъ вошелъ: онъ стоялъ у стѣны съ открытою головой, опираясь на посохъ и держа передъ собою въ правой рукѣ колпакъ; совѣтники же стояли у колоннъ храма, куда провели и насъ. По срединѣ храма на досчатомъ возвышеніи стоялъ митрополитъ, въ торжественномъ облаченіи, имѣя на головѣ круглую митру, сверху украшенную изображеніями святыхъ, а снизу — горностаевымъ мѣхомъ; онъ также, какъ и князь, опирался на посохъ, и когда запѣли другіе, молился съ своими служителями. Потомъ, шествуя къ олтарю и обратясь, противъ нашего обыкновенія, налѣво, вышелъ черезъ меньшую дверь, предшествуемый пѣвчими, священниками и діаконами, изъ которыхъ одинъ несъ на головѣ блюдо съ хлѣбомъ, уже приготовленнымъ для жертвоприношенія, другой же — покрытую чашу; прочіе несли всѣ вмѣстѣ образа святого Петра, Павла, Николая, Архангела, при громкихъ восклицаніяхъ и благоговѣніи кругомъ стоящаго народа. Нѣкоторые изъ окрестъ стоящихъ восклицали: Господи, помилуй; другіе, по отцовскому обычаю, касались лбомъ земли и плакали. Наконецъ народъ различнымъ образомъ чествовалъ и поклонялся вокругъ носимымъ изображеніямъ. Когда окончено было хожденіе вокругъ, и они вошли черезъ среднюю дверь алтаря, — началось бого-

служеніе или, какъ они называютъ, всевышняя служба (summum officium). Все богослуженіе или обѣдня у нихъ обыкновенно совершается на природномъ языкѣ народа. Кромѣ того предстоящимъ читается Посланіе и Евангеліе, соотвѣтствующее времени (*дню*), громкимъ голосомъ и внѣ олтаря, чтобы болѣе было слышно народу. Въ первое мое посольство, въ этотъ же праздникъ, я видѣлъ болѣе ста человѣкъ, работавшихъ во рву кремля, потому что праздники соблюдаютъ обыкновенно только одни князья и бояре, какъ мы скажемъ ниже.

Способъ заключенія брака.

Зазорно и постыдно для молодаго человѣка самому сватать дѣвушку: дѣло отца предложить молодому человѣку, чтобы онъ женился на его дочери. При этомъ у нихъ въ обычаѣ говорить такія слова: «Такъ какъ у меня есть дочь, то я желалъ бы, чтобы ты былъ мнѣ зятемъ». На это молодой человѣкъ говоритъ: «Если ты меня просишь въ зятья, и тебѣ такъ угодно, то я пойду къ моимъ родителямъ и доложу имъ объ этомъ». Потомъ, если родители и родственники будутъ согласны, то они сходятся вмѣстѣ и толкуютъ о томъ, что̀ отецъ дастъ дочери въ приданое. Потомъ, порѣшивъ о приданомъ, назначаютъ день свадьбы. Тѣмъ временемъ жениха не пускаютъ въ жилище невѣсты, и если онъ станетъ просить, чтобы по крайней мѣрѣ ему можно было увидать ее, то родители обыкновенно отвѣчаютъ: «Узнай, какова она, отъ другихъ, которые ее знаютъ». Доступъ дается ему не прежде, какъ уже свадебный договоръ скрѣпленъ страхомъ огромнаго штрафа, такъ что женихъ не можетъ отказаться безъ большой пени, еслибы и хотѣлъ. Въ приданое бо̀льшею частью даются лошади, одежды, копья, скотъ, рабы и тому подобное. Приглашенные на свадьбу рѣдко дарятъ деньги, но посылаютъ невѣстѣ подарки, которые женихъ тщательно замѣчаетъ и откладываетъ. Послѣ свадьбы женихъ вынимаетъ ихъ по порядку и снова осматриваетъ; тѣ изъ нихъ, которые ему нравятся и кажутся годными къ употребленію, онъ посылаетъ на рынокъ и приказываетъ цѣновщикамъ оцѣнить ихъ по одиночкѣ, а всѣ остальные отсылаетъ каждому особенно съ благодарностью. За тѣ, которые онъ удержалъ, въ продолженіи года онъ отплачиваетъ деньгами по

оцѣнкѣ или какою нибудь другою вещью равнаго достоинства. Если же кто нибудь цѣнитъ свой подарокъ выше, тогда женихъ немедленно прибѣгаетъ къ присяжнымъ цѣновщикамъ и принуждаетъ хозяина вещи принять ихъ оцѣнку. Также, если женихъ не отблагодарилъ кого въ теченіи года или не возвратилъ подарка, — то онъ обязанъ удовлетворить того вдвойнѣ. Наконецъ, если онъ не позаботился дать чей нибудь подарокъ для оцѣнки присяжнымъ, то принужденъ сдѣлать вознагражденіе по волѣ и присужденію того, кто далъ этотъ подарокъ. Этотъ самый обычай соблюдаетъ народъ при подаркахъ всякаго рода.

Они заключаютъ бракъ не ближе четвертой степени родства или свойства. Считаютъ за ересь роднымъ братьямъ жениться на родныхъ сестрахъ. Никто также не смѣетъ жениться на сестрѣ свояка. Также весьма строго наблюдаютъ, чтобы не соединились бракомъ тѣ, которые вошли между собою въ духовное родство по крещенію. Допускаютъ еще, чтобы кто нибудь женился на второй женѣ и сдѣлался двоеженцемъ, но едва признаютъ это законнымъ бракомъ. Жениться на третьей не позволяютъ безъ важной причины. Брать четвертую жену не допускаютъ никого и считаютъ это дѣломъ не христіанскимъ. Разводъ допускаютъ и даютъ разводную грамоту (libellum repudij); однако тщательно это скрываютъ, зная, что это противно религіи и установленіямъ. Нѣсколько прежде мы сказали, что самъ князь развелся съ своею супругою Соломоніею за ея безплодіе, заключилъ ее въ монастырь и вступилъ въ бракъ съ Еленою, дочерью князя Василія Глинскаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ бѣжалъ изъ Литвы въ Московію нѣкто князь Василій Бѣльскій. Когда его друзья долго удерживали у себя его молодую супругу, на которой онъ недавно женился (ибо они думали, что онъ опять воротится изъ любви и тоски по молодой женѣ), — Бѣльскій отдалъ дѣло объ отсутствіи супруги на рѣшеніе митрополита, и митрополитъ, посовѣтовавшись, сказалъ ему: «Такъ какъ не твоя вина, а скорѣе вина жены и родственниковъ, что тебѣ нельзя жить съ нею, — то я дѣлаю тебѣ послабленіе закона и отрѣшаю тебя отъ нея». Вскорѣ послѣ этого, Бѣльскій женился на другой женѣ, происходившей изъ рода князей рязанскихъ; отъ нея онъ имѣлъ также дѣтей, которыхъ мы нынѣ видимъ въ большой силѣ у князя.

Они называютъ прелюбодѣяніемъ только связь съ женою

другаго. Любовь супруговъ по большей части холодна, преимущественно у благородныхъ и знатныхъ, потому что они женятся на дѣвушкахъ, которыхъ никогда прежде не видали, а потомъ, занятые службой князя, принуждены оставлять ихъ, оскверняя себя гнуснымъ распутствомъ на сторонѣ.

Положеніе женщинъ самое жалкое. Ибо они ни одну женщину не считаютъ честною, если она не живетъ заключившись дома, и если ее не стерегутъ такъ, что она никогда не показывается въ публику. Они почитаютъ, говорю я, мало цѣломудренною ту женщину, которую видятъ чужіе и посторонніе. Заключенныя дома, *женщины* занимаются только пряжей. Всѣ домашнія работы дѣлаются руками рабовъ. Что задушено руками женщины,— курица или какое нибудь другое животное,—тѣмъ они гнушаются, какъ нечистымъ. У бѣднѣйшихъ жены исправляютъ домашнія работы и стряпаютъ. Впрочемъ, желая въ отсутствіи мужей и рабовъ зарѣзать курицу, онѣ выходятъ за ворота, держа курицу или другое животное и ножъ, и упрашиваютъ проходящихъ мущинъ, чтобы они убили сами.

Весьма рѣдко пускаютъ ихъ въ церковь и еще рѣже въ общество друзей, развѣ только онѣ очень стары и уже нѣтъ мѣста никакому подозрѣнію. Однако въ извѣстные дни, посвященные веселью, они позволяютъ женамъ и дочерямъ сходиться для забавы на пріятныхъ лугахъ: тамъ, сидя на какомъ-то колесѣ, на подобіе колеса Фортуны, онѣ то поднимаются вверхъ, то опускаются внизъ; или по другому, вѣшаютъ веревку, садятся на нее, ихъ подталкиваютъ, и онѣ качаются взадъ и впередъ; или наконецъ забавляются нѣкоторыми извѣстными пѣснями, ударяя въ ладоши, а плясокъ вовсе не водятъ никакихъ. Въ Московіи есть одинъ нѣмецъ, кузнецъ, по имени Іорданъ, который женился на русской. Поживши нѣсколько времени съ мужемъ, жена однажды сказала ему ласково: «Почему ты, дражайшій супругъ, не любишь меня?» Мужъ отвѣчалъ: «Напротивъ того, очень я люблю тебя.» — «Я еще не имѣю, сказала она знаковъ твоей любви». Мужъ спрашивалъ, какихъ знаковъ хочетъ она? Жена ему отвѣчала: «Ты никогда меня не билъ.» — «По правдѣ, побои не казались мнѣ знаками любви, сказалъ мужъ; но однако и съ этой стороны я буду исправенъ.» И такимъ образомъ, не много спустя онъ ее жестоко побилъ и признавался мнѣ, что послѣ этого жена стала любить его гораздо больше. Это онъ повторялъ потомъ очень часто и на-

конецъ, въ нашу бытность въ Москвѣ сломилъ ей шею и колѣни.

Всѣ они признаютъ себя холопами т. е. рабами князя. Знатные также имѣютъ рабовъ, большею частью купленныхъ или плѣнныхъ; свободные, которыхъ они держатъ на своей службѣ, не вольны отходить во всякое время. Если кто нибудь отойдетъ противъ воли своего господина, то никто его не беретъ. Если господинъ худо обращается съ хорошимъ и полезнымъ слугой, то пріобрѣтаетъ дурную славу между другими и послѣ того не можетъ пріискать себѣ другихъ слугъ.

Этотъ народъ имѣетъ болѣе наклонности къ рабству, чѣмъ къ свободѣ, — ибо весьма многіе, умирая, отпускаютъ на волю нѣсколькихъ рабовъ, которые однако тотчасъ же за деньги продаются въ рабство другимъ господамъ. Если отецъ продастъ сына, какъ это въ обычаѣ, и сынъ какимъ нибудь образомъ наконецъ сдѣлается свободнымъ, то отецъ, по праву отцовской власти, опять во второй разъ можетъ продать его. Послѣ же четвертой продажи, онъ не имѣетъ больше права надъ сыномъ. Казнить смертью рабовъ и другихъ можетъ только одинъ князь.

Черезъ годъ или черезъ два князь дѣлаетъ наборъ по областямъ и переписываетъ боярскихъ дѣтей, чтобы знать ихъ число, и сколько каждый имѣетъ лошадей и служителей. Потомъ каждому опредѣляетъ жалованье, какъ было выше сказано. Военную службу несутъ тѣ, которые могутъ это по своему состоянію. Рѣдко дается имъ покой, ибо князь воюетъ то съ литовцами, то съ ливонцами, то съ шведами, то съ казанскими татарами, — или если не ведетъ никакой войны, то обыкновенно каждый годъ ставитъ двадцать тысячъ человѣкъ на стражѣ въ мѣстахъ около Дона и Оки, для предупрежденія впаденій и грабежей перекопскихъ татаръ. Обыкновенно каждый годъ онъ вызываетъ ихъ по очереди изъ ихъ областей въ Москву для исполненія всѣхъ должностей. Въ военное же время они не служатъ погодно и по очереди, но принуждены идти на войну всѣ и каждый, какъ тѣ, которые на жалованьи, такъ и тѣ, которые ожидаютъ милости князя.

Лошади у нихъ небольшія, холощеныя, безъ подковъ и съ самой легкой уздой. Сѣдла приложены такимъ образомъ, чтобы можно было безъ труда оборачиваться на всѣ стороны и натягивать лукъ. Они сидятъ на лошадяхъ до того согнувъ ноги,

что не могутъ вынести удара дротикомъ или копьемъ немного посильнѣе. Весьма немногіе употребляютъ шпоры, а бо̀льшая часть — плетку, которая всегда виситъ на мизинцѣ правой руки, чтобы ее можно было сейчасъ схватить и употребить въ дѣло, когда понадобится; если дойдетъ дѣло до оружія, то ее выпускаютъ изъ руки, и она виситъ по прежнему.

Обыкновенное оружіе — лукъ, стрѣлы, топоръ и палка въ родѣ булавы, называемая по русски кистенемъ (Kestcni), а по польски — Bassalik. Саблю употребляютъ богатѣйшіе и благороднѣйшіе. Длинные кинжалы, висящіе на подобіе ножей, бываютъ такъ запрятаны въ ножны, что едва можно прикоснуться къ верхней части рукоятки и схватить ее въ случаѣ нужды. Равнымъ образомъ употребляютъ длинный поводъ у узды, на концѣ разрѣзанный, и привязываютъ его на палецъ лѣвой руки, для того, чтобы можно было брать лукъ и, оставивъ узду, употреблять его въ дѣло. Хотя въ одно и тоже время они держатъ въ рукахъ узду, лукъ, саблю, стрѣлу и плеть, однако искусно и безъ всякаго затрудненія управляются съ ними.

Нѣкоторые изъ знатныхъ употребляютъ латы, кольчугу, искусно сдѣланную будто изъ чешуи, и по̀ручи; весьма немногіе имѣютъ шлемъ, заостренный кверху и съ украшенной верхушкой.

Нѣкоторые имѣютъ одежду, подбитую хлопчатой бумагой, для защиты отъ ударовъ. Употребляютъ также пики.

Они никогда не употребляли въ сраженіи ни пѣхоты, ни пушекъ; ибо все, что они ни дѣлаютъ, — дѣлаютъ внезапно и быстро, — нападаютъ ли на непріятеля, преслѣдуютъ ли его, или бѣгутъ: такимъ образомъ за ними не можетъ слѣдовать ни пѣхота, ни артиллерія.

Когда перекопскій царь возвелъ на казанское царство своего племянника, и на возвратномъ пути стоялъ лагеремъ въ тридцати тысячахъ шаговъ отъ Москвы, — то нынѣшній князь Василій, на слѣдующій годъ послѣ этого, расположился станомъ около рѣки Оки и въ первый разъ тогда употребилъ въ дѣло пѣхоту и пушки, можетъ быть для того, чтобы показать свое могущество, или смыть пятно, полученное въ предъидущій годъ во время постыднаго бѣгства, когда, какъ говорятъ, онъ прятался нѣсколько дней подъ стогомъ сѣна, — или наконецъ для того, чтобы дать отпоръ царю, который, по его

предположенію, снова собирался напасть на его владѣнія. Въ нашу бытность онъ дѣйствительно имѣлъ около 1500 человѣкъ пѣхоты изъ литовцевъ и другихъ иностранцевъ, стекшихся изъ разныхъ мѣстъ.

При первомъ натискѣ они очень смѣло нападаютъ на непріятеля; но напоръ ихъ непродолжителенъ, какъ будто они хотятъ сказать: «Бѣгите, или мы побѣжимъ *сами*».

Они рѣдко берутъ города съ бою или сильнымъ штурмованьемъ, но обыкновенно доводятъ до сдачи продолжительною осадой, голодомъ или измѣной. Хотя Василій осаждалъ Смоленскъ и громилъ его пушками, которыя частью привезъ съ собою изъ Москвы, частью отлилъ во время осады,—однакожъ ничего не сдѣлалъ. Осаждалъ онъ и Казань съ большою ратью и также съ пушками, которыя доставилъ туда по рѣкѣ,—но и тогда ничего не сдѣлалъ; крѣпость была зажжена, совершенно сгорѣла и снова была выстроена вполнѣ, — а его воины тѣмъ временемъ не смѣли даже взобраться на обнаженный холмъ и занять его.

Нынѣ князь имѣетъ пушечныхъ литейщиковъ изъ нѣмцевъ и итальянцевъ, которые, кромѣ пищалей, льютъ пушки, также ядра и пули (ferreos globulos) такого же рода, какія употребляютъ и наши государи; однако они не умѣютъ и не могутъ пользоваться ими въ сраженіи, потому что все полагаютъ въ быстротѣ.

Считаю лишнимъ говорить, что они не знаютъ различія пушекъ или, правильнѣе сказать, ихъ употребленія. Не знаютъ, говорю я, когда должно употреблять большія пушки, которыми разрушаютъ стѣны, или малыя, которыми разрываютъ ряды и останавливаютъ натискъ непріятелей. Это часто бываетъ, и особенно случилось въ то время, когда носился слухъ, что татары вотъ-вотъ осадятъ Москву. Ибо, растерявшись, намѣстникъ, приказалъ поставить большую пушку передъ воротами крѣпости, — при смѣхѣ нѣмецкаго бомбардира, — потому что едва въ три дни можно было бы привести ее туда, и къ тому же, выстрѣливъ одинъ разъ, она разрушила бы сводъ и ворота.

У людей большое несходство и различіе въ образѣ войны, какъ и въ другихъ дѣлахъ. Ибо московитъ, какъ только ударится въ бѣгство, то уже не помышляетъ о другомъ средствѣ къ спасенію, кромѣ того, который бѣгство можетъ ему доста-

вить; когда врагъ догонитъ его или схватитъ, — онъ уже не защищается и не проситъ пощады.

Татаринъ же, сброшенный съ лошади, оставшись безъ всякаго оружія, даже тяжело раненный, обыкновенно защищается до послѣдняго издыханія руками, ногами, зубами и чѣмъ только можетъ.

Турокъ, видя себя лишеннымъ всякой помощи и надежды спастись, бросаетъ оружіе, умоляетъ о помилованіи, складываетъ руки для вязанья и протягиваетъ ихъ побѣдителю, надѣясь сохранить жизнь своимъ плѣномъ.

Для стана выбираютъ весьма пространное мѣсто, гдѣ знатные люди раскидываютъ шатры; другіе же вбиваютъ въ землю арку изъ кустарника, покрываютъ ее епанчами и прячутъ тамъ сѣдла, луки и тому подобное, и сами укрываются *подъ ней* отъ дождя. Лошадей пускаютъ на подножный кормъ, и по этой причинѣ палатки ихъ такъ удалены другъ отъ друга. Они не укрѣпляютъ лагеря ни вагенбургомъ, ни рвомъ, ни другими преградами, если только мѣсто отъ природы не защищено или лѣсами, или рѣкою и болотами.

Кому нибудь можетъ показаться удивительнымъ, что они, какъ я сказалъ, содержатъ себя и своихъ людей такое долгое время и на такое маленькое жалованье; потому я скажу въ немногихъ словахъ о ихъ бережливости и воздержности въ пищѣ. У кого шесть, а иногда и больше, лошадей, тотъ употребляетъ только одну изъ нихъ подъ тяжести, для ношенія необходимѣйшихъ вещей. Во первыхъ, у него есть толченое просо въ мѣшечкѣ, длиною въ двѣ ладони; потомъ фунтовъ восемь или десять соленаго свинаго мяса; также соль въ мѣшечкѣ, смѣшанная, если онъ богатъ, съ перцемъ. Кромѣ того всякій носитъ съ собою топоръ, трутъ, кастрюли или мѣдный горшокъ, и если приходитъ куда нибудь, гдѣ нѣтъ никакихъ плодовъ, ни чесноку, ни луку, ни дичины, то разводитъ огонь, наполняетъ горшокъ водою, въ которую кладетъ полную ложку проса, прибавляетъ соли и варитъ, — и господинъ и холопы живутъ, довольствуясь этой пищей. Если господинъ слишкомъ голоденъ, то съѣдаетъ все, и такимъ образомъ иногда холопы превосходно постятся цѣлые два или три дня. Если господинъ хочетъ отобѣдать получше, то къ этому прибавляетъ маленькую частицу свинины. Я говорю это не о знатныхъ, а о людяхъ посредственнаго состоянія. Вожди войска и

другіе военные начальники иногда приглашаютъ къ себѣ этихъ бѣдныхъ людей, которые, хорошо отобѣдавъ, иногда въ продолженіе двухъ или трехъ дней воздерживаются отъ пищи.

Но когда у нихъ есть плоды, или чеснокъ, или лукъ, то они легко могутъ обойтись безъ всего другого. Намѣреваясь дать сраженіе, они полагаются болѣе на многочисленность силъ, съ которыми могутъ напасть на непріятеля, нежели на мужество воиновъ и на хорошее устройство войска; сражаются счастливѣе издали, чѣмъ вблизи, и потому преимущественно стараются обойти непріятеля и напасть на него съ тылу.

У нихъ много трубачей; когда они затрубятъ, по отечественному обычаю всѣ вмѣстѣ, — тогда услышишь чудныя и необыкновенныя созвучія. У нихъ есть и другой родъ музыки, который на народномъ языкѣ называется зурной (Szurna). Когда они употребляютъ ее, то могутъ играть около часа безъ всякой остановки для вдыханія воздуха: напередъ наполняютъ щеки воздухомъ, потомъ, какъ кажется, безостановочно играютъ на трубѣ, умѣя весьма часто втягивать духъ ноздрями.

Всѣ они употребляютъ одинаковую одежду или убранство. Носятъ длинные кафтаны, безъ складокъ, съ очень узкими рукавами, почти какъ у венгерцевъ. Узелки, которыми застегивается грудь, у христіанъ на правой сторонѣ, — у татаръ же, употребляющихъ одинаковую одежду, — на лѣвой. Сапоги носятъ почти (*всегда ?*) красные, и короче, нежели до колѣнъ, съ подошвами, подбитыми желѣзными гвоздиками. Воротники рубашекъ почти у всѣхъ украшены разными цвѣтами; застегиваютъ ихъ пуговками т. е. серебряными или мѣдными позолочеными шариками, для украшенія присоединяя къ нимъ жемчугъ.

Они опоясываютъ не животъ, но бедра, и чѣмъ больше выдается животъ, тѣмъ ниже спускаютъ поясъ, также, какъ нынѣ это вошло въ обычай у итальянцевъ и испанцевъ, а потомъ и у германцевъ.

Въ праздничные дни молодые люди и мальчики обыкновенно сбираются въ городѣ на обширное и извѣстное всѣмъ (celebris) мѣсто, чтобы всѣ ихъ могли видѣть и слышать. Ихъ сзываютъ, подавая сигналъ свистомъ. По этому сигналу, они немедленно сходятся и вступаютъ въ рукопашный бой. Начинаютъ бой кулаками, и вскорѣ съ большою яростью колотятъ руками и ногами безъ разбору лице, шею, грудь, животъ и дѣтородныя части; или

споря между собою о побѣдѣ, стараются какимъ бы то ни было образомъ повалить другъ друга, такъ что часто уносятъ нѣкоторыхъ оттуда мертвыми. Кто побѣждаетъ бо̀льшее число противниковъ, дольше остается на мѣстѣ и мужественнѣе переноситъ удары, того хвалятъ предъ другими, и онъ считается славнымъ побѣдителемъ. Этотъ родъ борьбы установленъ для того, чтобы юноши привыкали сносить побои и переносить терпѣливо всякіе удары.

Они употребляютъ строгія мѣры противъ разбойниковъ; пойманнымъ ломаютъ пятки, потомъ оставляютъ въ покоѣ на два или на три дня, покуда онѣ пухнутъ; послѣ того сломанныя и распухшія пятки снова растравляютъ. Этотъ родъ пытки употребляютъ для того, чтобы заставить преступниковъ сознаться въ грабежахъ и показать сообщниковъ преступленій. Впрочемъ, если призванный къ отвѣту будетъ найденъ достойнымъ казни, то его вѣшаютъ. Другому роду наказаній виновные подвергаются рѣдко, если только не сдѣлали чего нибудь черезчуръ жестокаго.

Воровство, также человѣкоубійство, если только оно не было совершено для грабежа, рѣдко наказываются смертною казнью; кто же поймалъ вора на дѣлѣ, тотъ можетъ безнаказанно убить его, однако подъ тѣмъ условіемъ, что онъ принесетъ убитаго во дворецъ князя и разскажетъ, какъ было дѣло.

Даже совокупляющіеся со скотами, и тѣ не наказываются смертною казнью.

Немногіе изъ областныхъ начальниковъ имѣютъ власть осуждать на смерть. Никто изъ подданныхъ не смѣетъ пытать кого бы то ни было. Бо̀льшая часть злодѣевъ приводится въ Москву или въ другіе главные города. Наказываютъ виновныхъ бо̀льшею частью въ зимнее время, потому что лѣтомъ препятствуютъ тому воинскія занятія.

СЛѢДУЮТЪ ПОСТАНОВЛЕНІЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА,

СДѢЛАННЫЯ ВЪ 7006 ГОДУ ОТЪ СОТВОРЕНІЯ МІРА.

Когда подсудимый будетъ приговоренъ къ одному рублю, то долженъ заплатить судьѣ (Iudici) два алтына, писцу (Notario) восемь денегъ. Если обѣ стороны помирятся, прежде нежели придутъ на мѣсто поединка, то должны платить судьѣ и писцу

не менѣе, какъ еслибы судъ былъ произведенъ. Если придутъ на мѣсто поединка, которое назначать могутъ только окольничій (Ocolnik) и недѣльщикъ (Nedelsnik), и тамъ помирятся, то должны платить судьѣ, какъ выше сказано, окольничему — пятьдесятъ денегъ, недѣльщику — также пятьдесятъ денегъ и два алтына, писцу (Scribae) четыре алтына и одну деньгу. Если дойдутъ до поединка, и одинъ будетъ побѣжденъ, то виновный долженъ платить судьѣ столько, сколько съ него требуется, окольничему дать полтину и оружіе побѣжденнаго, писцу — пятьдесятъ денегъ, недѣльщику — полтину и четыре алтына. Если же поединокъ совершается по причинѣ какого нибудь пожара, убійства друга, похищенія или кражи, тогда обвинитель, если побѣдитъ, имѣетъ получить то, о чемъ просилъ; окольничему должно дать полтину и оружіе побѣжденнаго, писцу — пятьдесятъ денегъ, недѣльщику — полтину, вестону (Veston — тотъ, который предписываетъ условія и сводитъ обѣ стороны на поединокъ) — четыре алтына; все оставшееся у побѣжденнаго слѣдуетъ продать и отдать судьямъ, самого же подвергнуть тѣлесному наказанію по мѣрѣ преступленія.

Убійцы своихъ господъ, предатели города, святотатцы, укрыватели бѣглыхъ рабовъ, также тѣ, которые тайкомъ вносятъ вещи въ домъ другаго и говорятъ, что онѣ украдены у нихъ (ихъ называютъ подметчиками, Podmetzchek), зажигатели и явные злодѣи — подвергаются смертной казни.

Кто въ первый разъ будетъ уличенъ въ воровствѣ, если только онъ не будетъ обвиняемъ въ святотатствѣ или въ укрывательствѣ бѣглыхъ рабовъ, того не должно наказывать смертью, но исправлять публичнымъ наказаніемъ т. е. бить палками, а судья долженъ взыскать съ него денежную пеню.

Если онъ будетъ пойманъ въ воровствѣ во второй разъ и не будетъ имѣть чѣмъ удовлетворить обвинителя или судью, то долженъ быть наказанъ смертью.

Если уличенный воръ не будетъ имѣть чѣмъ удовлетворить обвинителя, то выдается обвинителю, подвергнувшись палочнымъ ударамъ.

Если кто обвиненъ въ воровствѣ, и какой нибудь честный человѣкъ клятвою утвердитъ, что онъ и прежде былъ уличенъ въ воровствѣ или мирился съ кѣмъ нибудь вслѣдствіе воровства, тогда онъ наказывается смертью, безъ всякаго

суда; съ имуществомъ же его должно поступить такъ, какъ выше сказано.

Если человѣкъ низкаго сословія или подозрительной жизни будетъ обвиненъ въ воровствѣ, то призывается къ допросу. Если же онъ не можетъ быть уличенъ въ воровствѣ, то, представивъ поручителей, отпускается до дальнѣйшаго изслѣдованія.

За письменное рѣшеніе или за произнесенный приговоръ должно платить судьѣ съ одного рубля девять денегъ, дьяку, который имѣетъ печать, — одинъ алтынъ, писцу — три деньги.

Областные начальники, которые не имѣютъ власти, разобравъ дѣло, рѣшать и произносить приговоръ, должны присуждать одну изъ сторонъ къ платежу нѣсколькихъ рублей, потомъ отсылать рѣшеніе къ установленнымъ судьямъ; если оно покажется имъ правымъ и согласнымъ съ справедливостью, то должно платить съ каждаго рубля судьѣ по одному алтыну, дьяку же — четыре деньги.

Кто хочетъ обвинить другаго человѣка въ воровствѣ, грабежѣ или человѣкоубійствѣ, тотъ пріѣзжаетъ въ Москву и требуетъ, чтобы такой-то былъ призванъ въ судъ. Ему дается недѣльщикъ, который назначаетъ срокъ виновному и приводитъ его въ Москву. Виновный, представленный въ судъ, бо̀льшею частью отвергаетъ взводимое на него преступленіе. Если истецъ приводитъ свидѣтелей, тогда спрашиваютъ обѣ стороны, желаютъ ли они положиться на ихъ слова. Обыкновенно на это отвѣчаютъ: «Пусть свидѣтели будутъ выслушаны по справедливости и обычаю». Если они свидѣтельствуютъ противъ обвиняемаго, то обвиняемый тотчасъ вступается и возражаетъ противъ свидѣтельствъ и самихъ лицъ, говоря: «Требую, чтобы мнѣ назначена была присяга и ввѣряю себя Божіей правдѣ, требую поля и поединка». И такимъ образомъ, по отечественному обычаю, имъ назначается поединокъ.

Каждый изъ нихъ можетъ поставить на поединокъ вмѣсто себя кого нибудь другаго; также каждый можетъ взять себѣ какое угодно оружіе, исключая пищали и лука. Обыкновенно же они имѣютъ продолговатые панцыри, иногда двойные, латы, по̀ручи, шлемъ, пику, топоръ и въ рукѣ какое-то желѣзо, въ родѣ кинжала, но острое съ обоихъ концевъ; они такъ проворно употребляютъ его одною рукой, что оно не затрудняетъ

ихъ ни въ какой схваткѣ и не выпадаетъ изъ рукъ. Имъ бо́льшею частью пользуются они въ пѣшемъ бою.

Начинаютъ бой сперва пикою, потомъ употребляютъ въ дѣло другія оружія. Въ продолженіи многихъ лѣтъ московиты, бившіеся съ иностранцами, съ германцами, поляками или литовцами, бо́льшею частью были побѣждаемы. Когда же, весьма недавно, одинъ литвинъ, 26 лѣтъ отъ роду, былъ убитъ на поединкѣ съ однимъ московитомъ, который вышелъ побѣдителемъ болѣе чѣмъ изъ двадцати поединковъ; то князь разгнѣвался и приказалъ немедленно призвать его, чтобы на него посмотрѣть. Увидѣвъ его, онъ плюнулъ на землю и постановилъ впредь не назначать поединка между иноземцемъ и своимъ подданнымъ. Московиты множествомъ различнаго оружія скорѣе обременяютъ себя, чѣмъ защищаютъ; чужеземцы же сражаются болѣе подъ защитой своего искусства, чѣмъ оружія. Они преимущественно опасаются схватываться въ рукопашную, ибо знаютъ, что московиты очень сильны руками и мышцами, — и обыкновенно побѣждаютъ ихъ, утомивъ наконецъ постоянствомъ и проворствомъ. Обѣ стороны имѣютъ много друзей и доброжелателей, которые смотрятъ на поединокъ, не имѣя при себѣ никакого оружія, кромѣ дубинъ, которыми они отъ времени до времени и пользуются. Ибо, если доброжелатели одного изъ бойцовъ увидятъ, что ему дѣлается какая нибудь обида, то тотчасъ бѣгутъ для отраженія этой обиды; тоже дѣлаетъ и другая сторона, — и такимъ образомъ между ними происходитъ схватка, интересная для зрителей, потому что дерутся въ потасовку, кулаками, батогами и дубинами съ обозженнымъ концемъ.

Свидѣтельство одного человѣка изъ благороднаго сословія значитъ болѣе, чѣмъ свидѣтельство многихъ людей низкаго состоянія. Очень рѣдко допускаются повѣренные: каждый излагаетъ свое дѣло самъ. Хотя князь весьма строгъ, тѣмъ не менѣе однако все правосудіе продажно, и это почти явно. Я слышалъ, что одинъ изъ совѣтниковъ, который завѣдывалъ судами, былъ уличенъ въ томъ, что въ какомъ-то дѣлѣ принялъ подарки отъ обѣихъ сторонъ и рѣшилъ дѣло въ пользу того, кто больше далъ. Когда на него донесли князю, онъ не отвергалъ этого, и говорилъ, что тотъ, въ пользу котораго онъ рѣшилъ дѣло, человѣкъ богатый, занимаетъ почетное положеніе въ обществѣ, и потому ему должно вѣрить болѣе, чѣмъ этому

презрѣнному бѣдняку. Кончилось тѣмъ, что хотя князь и перемѣнилъ рѣшеніе, но посмѣявшись, отпустилъ его безъ наказанія. Можетъ быть причина этой жадности и безчестности — крайняя нужда, и князь, зная, что его чиновники находятся подъ ея гнетомъ, снисходитъ къ такимъ ихъ поступкамъ и безчестности, какъ бы предлагая имъ безнаказанность. Доступъ къ князю закрытъ для бѣдныхъ, они могутъ обращаться только къ его совѣтникамъ, и то съ большими затрудненіями.

Окольничій представляетъ собою Претора или судью, поставленнаго княземъ; этимъ именемъ также называется высшій совѣтникъ, находящійся постоянно при князѣ. Недѣльщикъ у нихъ общественная должность; недѣльщики призываютъ въ судъ людей, схватываютъ злодѣевъ и держатъ ихъ въ темницѣ; они принадлежатъ къ числу благородныхъ.

Поселяне работаютъ на своего господина шесть дней въ недѣлю, седьмой же день предоставленъ имъ на собственную работу. Они имѣютъ нѣсколько своихъ полей и луговъ, которые даетъ имъ господинъ, и отъ которыхъ они кормятся. Впрочемъ положеніе ихъ самое жалкое, потому что ихъ имущества подвержены грабежу благородныхъ и воиновъ, у которыхъ они называются крестьянами (Christiani) въ презрительномъ смыслѣ или черными людишками.

Благородный, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, почитаетъ для себя позоромъ и безславіемъ добывать хлѣбъ своими руками, а не считаетъ постыднымъ подбирать съ земли и ѣсть корки или кожу плодовъ, въ особенности дынь, чесноку и луку, которыя бросаемъ мы и наши слуги. Впрочемъ, какъ умѣренны они въ употребленіи пищи, такъ невоздержно пьютъ, гдѣ только представится случай. Почти всѣ они мало раздражительны, но надмѣнны въ бѣдности, которая сопровождается тяжкимъ спутникомъ, рабствомъ. Носятъ длинныя платья, бѣлыя остроконечныя шапки изъ плотнаго войлока (изъ котораго дѣлаются пестрыя епанчи). Сѣни у домовъ довольно просторны и высоки, двери же въ жилищахъ низки, такъ что желающій войти долженъ присѣдать и наклоняться.

Тѣ, которые живутъ трудами рукъ своихъ, нанимаются въ работу, получая плату за одинъ день полторы деньги; ремесленникъ получаетъ двѣ деньги, и если ихъ не прибить хорошенько, они не будутъ прилежно работать. Я слышалъ, что

иногда слуги жаловались, что господа недостаточно бьютъ ихъ. Они думаютъ, что господа ими недовольны, и что если ихъ не бьютъ, то это знакъ немилости.

О посѣщеніи чужаго дома.

Въ каждомъ домѣ и въ каждомъ покоѣ, на самомъ почетномъ мѣстѣ ставятъ изображенія святыхъ, писанныя или литыя. Когда кто либо приходитъ къ другому, то, вошедши въ комнату, тотчасъ снимаетъ шапку и ищетъ глазами, гдѣ образъ; увидѣвъ его, трижды знаменуется крестомъ и, наклоняя голову, говоритъ: Господи, помилуй. Потомъ здоровается съ хозяиномъ словами: Дай Богъ здоровья. Затѣмъ, взявшись за руку, они цѣлуются и наклоняютъ головы; потомъ тотчасъ взглядываютъ другъ на друга, чтобы видѣть, кто изъ нихъ ниже поклонился; и такимъ образомъ, три или четыре раза попеременно наклоняютъ головы, оказывая другъ другу честь и какъ бы споря въ этомъ между собою. Послѣ того садятся, и гость, окончивъ свое дѣло, выходитъ прямо на середину комнаты, обращаетъ лице къ образу, снова крестится три раза и, наклоняя голову, повторяетъ прежнія слова. Потомъ, обмѣнявшись прежними привѣтствіями, онъ уходитъ. Если это человѣкъ довольно важный, то хозяинъ слѣдуетъ за нимъ до лѣстницы; если познатнѣе, то онъ провожаетъ дальше, наблюдая мѣру такимъ образомъ по достоинству каждаго. У нихъ соблюдаются удивительныя церемоніи: человѣку съ небольшимъ состояніемъ нельзя въѣзжать на лошади въ ворота дома какого нибудь вельможи. Для людей бѣдныхъ и неизвѣстныхъ труденъ доступъ даже къ обыкновеннымъ дворянамъ: тѣ весьма рѣдко показываются въ публику съ тою цѣлью, чтобы сохранить болѣе вѣсу и уваженія къ себѣ. Ибо ни одинъ благородный, немного побогаче, не пройдетъ пѣшкомъ черезъ четыре или пять домовъ, если за нимъ не слѣдуетъ лошадь. Въ зимнее же время имъ нельзя употреблять безъ опасности своихъ неподкованныхъ лошадей по причинѣ гололедицы, и когда они собираются или во дворецъ князя, или въ храмъ божій то обыкновенно оставляютъ лошадей дома.

У себя, въ домахъ, господа обыкновенно сидятъ и рѣдко или даже никогда не разсуждаютъ о чемъ либо прохаживаясь. Они весьма удивлялись, когда увидѣли, что мы прохаживались

въ своихъ квартирахъ и тѣмъ временемъ часто разсуждали о дѣлахъ.

Въ различныхъ мѣстахъ, по всѣмъ частямъ своего владѣнія, князь держитъ почтмейстеровъ съ извѣстнымъ числомъ лошадей, для того, чтобы царскій гонецъ безъ замедленія имѣлъ готовую лошадь, когда его куда нибудь пошлютъ. Гонцу позволено выбирать лошадь по своему желанію. Когда я торопился изъ Новгорода Великаго въ Москву, то начальникъ почты, который на ихъ языкѣ называется ямщикомъ (Jamschnick), озабочивался приводить мнѣ съ ранняго утра тридцать, иногда сорокъ и пятьдесятъ лошадей, тогда какъ мнѣ было нужно не болѣе двѣнадцати. Такимъ образомъ каждый изъ насъ бралъ себѣ лошадь, которая казалась ему годною; усталыхъ лошадей мы перемѣняли немедленно по пріѣздѣ на другой постоялый дворъ, который они называютъ ямомъ (Jama), а сѣдло и узда оставались у насъ прежнія. Всякій можетъ гнать лошадей, сколько ему угодно, и если лошадь падетъ или не можетъ продолжать ѣзды, то совершенно безнаказанно можно увести другую изъ каждаго ближайшаго дома или взять отъ перваго попавшагося на встрѣчу, исключая княжескаго гонца. Ямщикъ обыкновенно отыскиваетъ лошадь, выбившуюся изъ силъ и оставленную на дорогѣ, также возвращаетъ лошадь тому, у кого она была взята, и платитъ деньги за дорогу по разсчету. Большею частью за 10 или 20 верстъ (vuerst) платится 6 денегъ. На такихъ почтовыхъ лошадяхъ мой служитель въ 72 часа прибылъ изъ Новгорода въ Москву, между которыми 600 верстъ разстоянія, т. е. 120 германскихъ миль. Это тѣмъ болѣе удивительно, что лошадки у нихъ такъ малы; за ними ухаживаютъ гораздо небрежнѣе, чѣмъ у насъ, и однако онѣ переносятъ такіе труды.

О МОНЕТѢ.

Серебряная монета у нихъ четырехъ родовъ: московская, новогородская, тверская и псковская. Московская монета не круглой, а продолговатой и почти овальной формы, называется деньгой и имѣетъ различныя изображенія: древняя имѣетъ на одной сторонѣ изображеніе розы, а новая — изображеніе человѣка, сидящаго на лошади; обѣ на другой сторонѣ имѣютъ надпись. Сто такихъ монетъ составляютъ одинъ венгерскій зо-

лотой, шесть денегъ составляютъ алтынъ, двадцать — гривну (Grifna), сто — полтину (Poltina), двѣсти — рубль (Rublus). Новыя монеты чеканятся теперь съ буквами на обѣихъ сторонахъ, и въ рублѣ ихъ четыреста.

Тверская съ обѣихъ сторонъ имѣетъ надпись и цѣнностью равняется московской.

Новогородская съ одной стороны имѣетъ изображеніе князя, сидящаго на тронѣ, а противъ него — кланяющагося человѣка, съ другой стороны — надпись, и цѣною она вдвое превышаетъ московскую. Новогородская гривна содержитъ въ себѣ 14 денегъ, рубль же — 222 деньги.

Псковская имѣетъ бычачью голову, покрытую короной, а на другой сторонѣ — надпись. Кромѣ того у нихъ есть мѣдная монета, которая называется пулой (Polani); шестьдесятъ пулъ составляютъ московскую деньгу.

Золотой монеты они не имѣютъ и не чеканятъ сами, но употребляютъ почти все венгерскіе червонцы, иногда также рейнскіе, и часто перемѣняютъ ихъ цѣну, — особенно когда чужеземецъ покупаетъ что нибудь на золото: тогда они тотчасъ уменьшаютъ его цѣну; если же, отправляясь куда нибудь, онъ нуждается въ золотѣ, тогда опять увеличиваютъ его цѣну.

По причинѣ сосѣдства, у нихъ въ ходу также рижскіе рубли; одинъ рижскій рубль стоитъ два московскихъ. Московская монета изъ чистаго и хорошаго серебра, хотя нынѣ ее также поддѣлываютъ. Однако я не слыхалъ, чтобы кого нибудь наказывали за это преступленіе. Въ Московіи почти всѣ золотыхъ дѣлъ мастера чеканятъ монету, и если кто нибудь приноситъ слитки чистаго серебра и желаетъ обмѣнить на монету, тогда они кладутъ на одну чашку вѣсовъ серебро, на другую монету и уравниваютъ ихъ вѣсовую тяжесть. Установлена небольшая плата, которую, сверхъ равной тяжести, должно давать золотыхъ дѣлъ мастерамъ, дешево продающимъ свою работу. Нѣкоторые писали, что въ этой странѣ весьма мало серебра, и что князь запрещаетъ вывозить его. Страна дѣйствительно вовсе не имѣетъ серебра, исключая того, которое вводится, какъ было сказано; но князь не запрещаетъ вывозить его, а скорѣе остерегается *этого* и потому приказываетъ своимъ подданнымъ дѣлать обмѣнъ товаровъ, давать и принимать за однѣ вещи другія, какъ напр. мѣха, которыми они изобилуютъ, или что нибудь подобное, для того, чтобы удержать въ странѣ се-

ребро и золото. Едва ли есть сто лѣтъ, какъ они стали употреблять серебряную монету, особенно чеканенную дома. Сначала, какъ только стали ввозить серебро въ эту страну, изъ него отливались продолговатыя серебряныя пластинки (portiunculae), безъ изображенія и надписи, цѣною въ одинъ рубль; ни одной изъ нихъ не существуетъ нынѣ. Чеканилась также монета въ княжествѣ галицкомъ, однако она изчезла, такъ какъ не имѣла одинаковой цѣнности. Прежде монеты они употребляли мордки и ушки бѣлокъ и другихъ животныхъ, мѣха которыхъ привозятся къ намъ, и на нихъ покупали жизненныя потребности, какъ на деньги.

У нихъ употребляется такой способъ счисленія, по которому всѣ вещи считаются и распредѣляются по сороку или девяносту (per Sorogk aut Devuenosto), на подобіе того, какъ у насъ по сотнямъ. Такимъ образомъ, считая, они часто повторяютъ эти числа: два сорока, три сорока, четыре сорока или два, три, четыре девяноста. Mille на ихъ родномъ языкѣ называется тысяча (Tissutzae); также десять тысячъ они выражаютъ однимъ словомъ — тьма (Tma), двадцать тысячъ — двѣ тьмы (Dvuetma), тридцать тысячъ — три тьмы (Tritma).

Если кто нибудь привезетъ въ Московію какіе бы то ни было товары, то онъ долженъ немедленно заявить и показать ихъ у сборщиковъ пошлинъ или начальниковъ таможни. Въ назначенный часъ они осматриваютъ и оцѣниваютъ ихъ; даже и когда они оцѣнены, все еще никто не смѣетъ ни продавать ихъ, ни покупать, прежде нежели они будутъ показаны князю. Если князь захочетъ купить что нибудь, то въ ожиданіи этого не позволяется, чтобы купецъ показывалъ свои вещи, или чтобы кто нибудь надбавлялъ цѣну. Отъ этого происходитъ, что купцовъ иногда задерживаютъ очень долго.

Не всякому также купцу можно пріѣзжать въ Московію, исключая литовцевъ, поляковъ и подвластныхъ имъ. Шведамъ, ливонцамъ и германцамъ изъ приморскихъ городовъ позволено производить торговлю и закупать товары только въ Новгородѣ; туркамъ же и татарамъ — въ Холопьемъ-Городѣ, куда во время ярмарки стекаются люди разныхъ племенъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Когда же отправляются въ Москву посланники и полномочные послы, тогда всѣ купцы, откуда бы они ни были, если только они приняты подъ ихъ защиту и покрови-

тельство, — могутъ свободно и безпошлинно ѣхать въ Москву; это и вошло у нихъ въ обычай.

Товары большею частью состоятъ изъ серебряныхъ слитковъ, суконъ, шелку, шелковыхъ и золотыхъ матерій, жемчугу, драгоцѣнныхъ камней, золотой канители. Иногда купцы привозятъ во̀-время иныя дешевыя вещи и получаютъ отъ нихъ не мало прибыли. Часто также случается, что всѣ желаютъ какой нибудь вещи; кто первый привозитъ ее, тотъ болѣе обыкновеннаго получаетъ прибыли. А когда многіе купцы привезутъ большое количество однихъ и тѣхъ же товаровъ, то иногда слѣдуетъ за тѣмъ такая дешевизна, что тотъ, кто продавалъ свои товары по самой высокой цѣнѣ, покупаетъ ихъ назадъ по понизившейся цѣнѣ и съ великою для себя выгодою привозитъ опять въ отечество. Товары, которые вывозятся оттуда въ Германію, суть мѣха и воскъ, въ Литву и Турцію — кожи, мѣха и длинные бѣлые зубы животныхъ, которыхъ они сами называютъ моржами (Mors), и которые живутъ въ Сѣверномъ морѣ; изъ нихъ обыкновенно турки искусно дѣлаютъ рукоятки кинжаловъ. Наши земляки думаютъ, что это рыбьи зубы, и такъ ихъ и называютъ. Въ Татарію вывозятся сѣдла, узды, одежды, кожи, — оружіе же и желѣзо вывозятся только украдкой или по особому позволенію областныхъ начальниковъ, въ другія, сѣверовосточныя страны. Однако они возятъ *къ татарамъ* суконныя и полотняныя одежды, ножи, топоры, иглы, зеркала, кошельки и т. п. Торгуютъ они съ большими обманами и хитростями, и не скоро кончаютъ торгъ, какъ писали нѣкоторые. Ибо, прицѣняясь къ какой нибудь вещи, они даютъ за нее меньше половины, чтобы обмануть продавца, и не только держатъ купцовъ въ неизвѣстности по мѣсяцу или по два, но иногда доводятъ ихъ до совершеннаго отчаянія. Впрочемъ, кто знаетъ ихъ нравы и не заботится, или показываетъ видъ, что не заботится о хитростяхъ, посредствомъ которыхъ они уменьшаютъ цѣну вещи и тянутъ время, тотъ продаетъ свои товары безъ всякаго убытка.

Одинъ краковскій горожанинъ привезъ двѣсти центнеровъ мѣди, которую князь хотѣлъ купить и такъ долго задержалъ купца, что тотъ въ досадѣ наконецъ повезъ мѣдь обратно въ отечество. Когда онъ находился уже въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, догоняютъ его пристава, останавливаютъ и накладываютъ запрещеніе на его имущество, какъ будто бы за то,

что онъ не заплатилъ пошлины. Купецъ, возвратившись въ Москву, пожаловался княжескимъ совѣтникамъ на причиненную ему обиду; они, выслушавъ дѣло, добровольно взялись быть посредниками и обѣщались обдѣлать дѣло, если онъ будетъ просить милости. Хитрый купецъ, зная, что для князя будетъ большой стыдъ, если такого рода товары возвратятся изъ его владѣній, какъ будто не нашлось никого, кто могъ бы купить и заплатить за такіе дорогіе товары, — не просилъ никакой милости, но требовалъ, чтобы ему оказали правосудіе. Наконецъ, когда они увидѣли изъ его упорства, что его нельзя отклонить отъ принятаго имъ намѣренія, и что онъ не хочетъ поддаться на ихъ хитрость, то купили мѣдь отъ имени князя и, заплативъ настоящую цѣну, отпустили его.

Иностранцамъ продаютъ они каждую вещь очень дорого, такъ что просятъ пять, восемь, десять, иногда двадцать червонцевъ за то, что̀ въ другомъ случаѣ можно купить за одинъ червонецъ. Хотя за то сами они покупаютъ отъ иностранцевъ рѣдкую вещь за десять или пятнадцать флориновъ, тогда какъ она едва стоитъ одинъ или два.

Если при договорѣ скажешь что нибудь или не подумавши обѣщаешь, они хорошо помнятъ это и заставляютъ исполнить; если же сами въ свою очередь что нибудь обѣщаютъ, то вовсе не исполняютъ того. Также, какъ только они начинаютъ клясться и божиться, то знай, что тутъ скрывается хитрость, ибо они клянутся съ намѣреніемъ провести и обмануть. Я просилъ одного княжескаго совѣтника помочь мнѣ при покупкѣ нѣкоторыхъ мѣховъ, для того, чтобы меня не обманули: сколь охотно обѣщалъ онъ мнѣ свою помощь, столь же долго, на оборотъ, держалъ меня въ ожиданіи. Онъ хотѣлъ мнѣ навязать свои собственные мѣха; между тѣмъ, приходили къ нему другіе купцы, обѣщая награду, если онъ продастъ мнѣ за хорошую цѣну ихъ товары. Ибо таковъ обычай купцовъ, что въ куплѣ или продажѣ берутся быть посредниками и обнадеживаютъ своимъ усерднымъ содѣйствіемъ, получивъ отдѣльно отъ каждой стороны подарки.

Недалеко отъ кремля есть обширный и окруженный стѣнами домъ, называемый дворомъ господъ купцевъ (Curia dominorum mercatorum); въ немъ живутъ купцы и хранятъ свои товары. Тамъ перецъ, шафранъ, шелковыя матеріи и т. п. товары продаются гораздо дешевле, нежели въ Германіи. Это

должно приписать обмѣну товаровъ. Ибо когда московиты наложатъ весьма большую цѣну на мѣха, которые въ другомъ случаѣ идутъ по дешевой цѣнѣ, тогда и иностранцы, въ свою очередь, по ихъ примѣру, ставятъ противъ нихъ свои товары, также купленные дешево, и пускаютъ ихъ дороже; отъ этого происходитъ, что, сдѣлавъ равный съ обѣихъ сторонъ обмѣнъ вещей, они могутъ продавать вещи, преимущественно полученныя за мѣха, посредственною цѣною и безъ прибыли.

Въ мѣхахъ большое различіе. Чернота, длина и густота волосъ на соболѣ служатъ признакомъ его зрѣлости. Купцы также набиваютъ цѣну, если соболи пойманы въ надлежащую пору; это наблюдается также и съ другими мѣхами. По сю сторону Устюга и Двинской области соболей находятъ весьма рѣдко, около же Печоры ихъ множество, и притомъ превосходнѣйшихъ.

Куньи мѣха привозятся изъ различныхъ странъ, — изъ сѣверской области — хорошіе, изъ Швейцаріи — лучше, изъ Швеціи — самые лучшіе. Тамъ же (*въ сѣверской области*) ихъ большее количество. Я слышалъ, что въ Московіи нѣкогда водились собольи мѣха, изъ коихъ иные продавались за 30, другіе за 20 червонцевъ. Но я не могъ увидать ни одного такого мѣха.

Горностаевые мѣха привозятся также изъ различныхъ мѣстъ, вывороченные на изнанку; но ими обманываютъ многихъ покупателей. У нихъ есть какіе то знаки около головы и хвоста, по которымъ можно узнать, въ надлежащую ли пору они пойманы. Тотчасъ, какъ горностай пойманъ, съ него сдираютъ кожу, выворачиваютъ ее, чтобы она не сдѣлалась хуже отъ того, что вытрется мѣхъ. Если горностай пойманъ несвоевременно, и отъ того мѣхъ лишается хорошаго и натуральнаго цвѣта, тогда они вырываютъ изъ головы или хвоста тѣ волоса, по которымъ можно было бы узнать, что онъ пойманъ не-въ-пору, и такимъ образомъ обманываютъ покупателей. Каждый мѣхъ продается по три или по четыре деньги; тѣ мѣха, которые побольше, лишены той бѣлизны, которая бываетъ такъ чиста въ маленькихъ.

Лисьи мѣха, преимущественно черные, изъ которыхъ по большей части дѣлаются шапки, бываютъ очень дороги, ибо десятокъ иногда продается по 15 червонцевъ. Бѣличьи шкурки также привозятся изъ различныхъ странъ; тѣ, которыя побольше,

изъ области Сибири, а самыя лучшія—изъ Швуаи (Schvuuaij), недалеко отъ Казани. Привозятся также изъ Перми, Вятки, Устюга и Вологды, связками по 10 шкурокъ вмѣстѣ; въ каждой связкѣ двѣ самыхъ лучшихъ, которыя называются личными (Litzschna), три нѣсколько похуже—красны (Crasna),—четыре покрасны (Pocrasna); послѣдняя, называемая молошною (Moloischna), хуже всѣхъ. Каждая изъ этихъ связокъ продается по одной или по двѣ деньги. Изъ нихъ лучшія и отборныя купцы вывозятъ въ Германію и другія страны съ большою для себя выгодою.

Рысьи мѣха дешевы, а волчьи продаются дорого, съ тѣхъ поръ, какъ въ Германіи и Московіи они вошли въ цѣну. Кромѣ того, хребтовые волчьи мѣха стоятъ въ гораздо меньшей цѣнѣ, чѣмъ у насъ.

Бобровые мѣха у нихъ въ большой цѣнѣ, и почти всѣ дѣлаютъ опушку платья изъ бобра, потому что у него черный и притомъ натуральный цвѣтъ.

Шкуры домашнихъ кошекъ употребляются женщинами. Есть одно животное, которое на ихъ языкѣ называется песцомъ (Pessetz); его мѣхъ употребляютъ въ дорогѣ и въ путешествіяхъ, потому что онъ согрѣваетъ тѣло больше другихъ.

Въ казну вносится денежный сборъ или пошлина со всѣхъ товаровъ, которые ввозятся или вывозятся. Со всякой вещи, цѣною въ одинъ рубль, платится семь денегъ, кромѣ воска, съ котораго берется пошлина не только по цѣнѣ, но и съ вѣсу. Съ каждой мѣры вѣса, которая на ихъ языкѣ называется пудомъ (Pud), платится четыре деньги.

О торговыхъ путяхъ, которыми ввозятся или вывозятся товары, также о дорогахъ по различнымъ областямъ Московіи я буду пространно говорить ниже, въ Хорографіи Московіи.

Отдача денегъ на проценты во всеобщемъ употребленіи; хотя они говорятъ, что это большой грѣхъ, однако почти никто не отказывается отъ процентовъ. Проценты почти невыносимы, именно съ пяти рублей всегда берутъ одинъ т. е. 20 со ста. Церкви, какъ было сказано, поступаютъ снисходительнѣе, получая (какъ они говорятъ) десять за сто.

ТЕПЕРЬ Я ПРИСТУПАЮ КЪ ХОРОГРАФІИ

ГОСУДАРСТВА И ВЛАДѢНІЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МОСКОВСКАГО, ПОСТАВИВЪ ГЛАВНЫМЪ ПУНКТОМЪ ГОРОДЪ МОСКВУ: ОТПРАВЛЯЯСЬ ОТЪ НЕЯ, Я ОПИШУ ТОЛЬКО КРУГОМЪ ЛЕЖАЩІЯ И СЛАВНѢЙШІЯ КНЯЖЕСТВА, ТАКЪ КАКЪ НА ТАКОМЪ ОБШИРНОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ Я НЕ МОГЪ ИЗСЛѢДОВАТЬ ВЪ ТОЧНОСТИ НАЗВАНІЯ ВСѢХЪ ОБЛАСТЕЙ, — ПО ЭТОЙ ПРИЧИНѢ ПУСТЬ ЧИТАТЕЛЬ БУДЕТЪ ДОВОЛЕНЪ ИМЕНАМИ ГОРОДОВЪ, РѢКЪ, ГОРЪ И НѢКОТОРЫХЪ СЛАВНЫХЪ МѢСТЪ.

Итакъ, городъ Москва (Moscovuia), главный городъ и столица Руссіи, — и самая область, и рѣка, которая протекаетъ черезъ нее, — носятъ одно и то же имя и называются на туземномъ языкѣ Москвою (Mosqvua). Что же изъ нихъ дало имя прочимъ, — неизвѣстно; однако правдоподобно, что городъ и область получили имя отъ рѣки. Ибо, хотя самый городъ въ древности не былъ столицею народа, однако имя московитовъ было не безъизвѣстно древнимъ. Москва-рѣка имѣетъ свой истокъ въ Тверской области, почти 70 верстъ выше Можайска (верста же почти равняется итальянской милѣ), не далеко отъ мѣста, которое называется Олешно; протекши пространство 90 верстъ, она входитъ въ городъ Москву и, принявъ въ себя нѣсколько рѣкъ, съ востока впадаетъ въ рѣку Оку. Впрочемъ только шесть миль выше Можайска (Mosaisko) она становится судоходною; въ этомъ мѣстѣ складываются на плоты матеріалы для постройки домовъ и для другаго употребленія и привозятся въ Москву, а ниже города доставка товаровъ и всего, ввозимаго иностранцами, производится на судахъ. Плаваніе по рѣкѣ медленно и трудно, по причинѣ многочисленныхъ изгибовъ или извилинъ, преимущественно между Москвою и городомъ Коломною, лежащимъ на берегу, въ 3000 шаговъ отъ устья; тамъ, на пространствѣ 270 верстъ, частыя и длинныя извилины затрудняютъ и замедляютъ плаваніе. Рѣка не слишкомъ рыбна; кромѣ дешевой и обыкновенной рыбы въ ней нѣтъ ничего другаго. Московская область также не слишкомъ пространна и плодоносна; ея плодородію препятствуетъ песчаная повсюду почва, губящая посѣвы то излишней сухостью, то слишкомъ большою влажностью. Къ этому присоединяется неумѣренная и черезчуръ жестокая суровость климата, отъ которой при перевѣсѣ зимняго холода надъ солнечной теплотой посѣвы иногда не доходятъ до зрѣлости. Ибо случа-

ются тамъ такіе сильные холода, что отъ ужаснаго мороза растрескивается земля, подобно тому, какъ у насъ въ лѣтнее время это бываетъ отъ чрезвычайнаго жара: тогда даже вода, вылитая на воздухѣ, или слюна, выплюнутая изъ рта, замерзаетъ прежде, чѣмъ упадетъ наземь. Мы сами видѣли, когда были тамъ въ 1526 г., что вѣтви плодовыхъ деревьевъ совершенно погибли отъ суровой зимы предшествовавшаго года. Въ тотъ годъ зима была такъ жестока, что весьма многихъ курьеровъ (которые у нихъ называются гонцами) находили замерзшими въ повозкахъ. Нѣкоторые мужики изъ окрестныхъ деревень, гнавшіе въ Москву скотъ, связанный веревками, отъ сильнаго холода погибли тогда вмѣстѣ со скотомъ. Кромѣ того, многіе бродяги, которые въ тѣхъ странахъ имѣютъ обыкновеніе блуждать съ медвѣдями, пріученными къ пляскѣ, найдены были мертвыми на дорогахъ. Да и самые медвѣди, подстрекаемые голодомъ, оставивъ лѣса, рыскали по сосѣднимъ деревнямъ и врывались въ дома; когда испуганные крестьяне убѣгали отъ нихъ, то за воротами погибали отъ стужи. Такому холоду иногда также соотвѣтствуетъ чрезвычайный жаръ, какъ напримѣръ въ 1525 г., когда отъ чрезмѣрнаго солнечнаго жара почти всѣ посѣвы были выжжены, и за этой засухой послѣдовала такая дороговизна хлѣба, что за стоившее прежде три деньги платили потомъ 20 или 30. Отъ чрезвычайнаго жара загорались многія деревни, лѣса и хлѣба. Дымъ отъ нихъ до того наполнялъ окрестность, что у проходящихъ мимо людей сильно ѣло глаза, и отъ дыма находилъ какой-то мракъ, который многихъ сдѣлалъ слѣпыми.

По пнямъ большихъ деревьевъ, которые существуютъ даже и нынѣ, можно заключить, что вся эта область не такъ давно была очень лѣсиста. Хотя старательнымъ трудомъ земледѣльцевъ она довольно обработана, однако за исключеніемъ того, что производятъ поля, все остальное привозится туда изъ окружныхъ областей. Ибо хотя она изобилуетъ хлѣбомъ и обыкновенными овощами, однако во всей области нѣтъ сладкихъ вишенъ и орѣховъ, кромѣ лѣсныхъ. У нихъ есть и другія фруктовыя деревья, но ихъ плоды не вкусны. Они сѣютъ дыни съ особенною заботливостью и искусствомъ: складываютъ въ высокія грядки землю, смѣшанную съ навозомъ, и въ нее зарываютъ сѣмена; этимъ способомъ они предохраняются одинаково отъ излишковъ тепла и холода. Ибо, если случится чрезвычай-

ный жаръ, они дѣлаютъ скважины, какъ бы нѣкоторыя отдушины въ землѣ, смѣшанной съ навозомъ, для того, чтобы отъ излишняго тепла сѣмя не сопрѣло; въ случаѣ же чрезмѣрнаго холода теплота навоза защищаетъ зарытыя сѣмена.

Меду и дикихъ звѣрей (исключая однако зайцевъ) въ московской области нѣтъ. Животныя гораздо меньше нашихъ, но однако не лишены роговъ (какъ кто-то писалъ). Ибо я видѣлъ быковъ, коровъ, козъ, барановъ,—и всѣхъ съ рогами. Городъ же Москва между другими сѣверными городами далеко выдается на востокъ. Ибо, когда мы изъ Вѣны поѣхали прямо на Краковъ; а оттуда ѣхали почти сто германскихъ миль на сѣверъ, то, перемѣнивъ направленіе пути къ востоку, прибыли наконецъ въ Москву, лежащую если не въ Азіи, то на краю Европы, тамъ, гдѣ она очень близко находится отъ Азіи. Болѣе объ этомъ скажу ниже, при описаніи Танаиса. Самый городъ—деревянный и довольно обширенъ; издали онъ кажется еще обширнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, ибо пространные сады и огороды при каждомъ домѣ дѣлаютъ городъ больше; еще болѣе увеличиваютъ его дома ремесленниковъ, употребляющихъ *при своемъ мастерствѣ* огонь; эти дома тянутся длиннымъ рядомъ на концѣ города, а между ними находятся поля и луга. Недалеко отъ города показываются домики и зарѣчныя слободы (trans fluvium villae), гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ Nali (что на ихъ языкѣ значитъ infunde, Налей), потому что только имъ однимъ дана отъ князя воля пить, тогда какъ другимъ русскимъ запрещено пить медъ и пиво, исключая немногихъ дней въ году; по этой причинѣ они удалены отъ сообщества съ остальными, чтобы прочіе не соблазнялись, живя вмѣстѣ съ ними. Недалеко отъ города есть нѣсколько монастырей, которые, если смотрѣть издали, кажутся однимъ городомъ. Далѣе, обширность города дѣлаетъ то, что онъ не имѣетъ опредѣленной черты и не укрѣпленъ какъ слѣдуетъ стѣною, рвомъ и башнями (propugnaculis). Однакожъ улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загораживаются бревнами, положенными поперегъ и съ самыхъ сумерекъ оберегаются приставленными стражами, такъ что ночью никому нельзя пройти туда послѣ установленнаго часу. Кто же будетъ взятъ сторожами послѣ этого часа, тѣхъ бьютъ и обираютъ или сажаютъ въ темницу, если только это не будутъ люди извѣстные и почтенные: тѣхъ

обыкновенно стражи отводятъ домой. Таковые стражи обыкновенно помѣщаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ открытъ свободный доступъ въ городъ. Ибо остальную часть города омываетъ Москва, въ которую подъ самымъ городомъ впадаетъ рѣка Яуза, — а ее, по причинѣ высокихъ береговъ, рѣдко можно переходить въ бродъ. На ней выстроено много мельницъ для общаго пользованія всѣхъ горожанъ. Этими рѣками нѣсколько укрѣпленъ городъ, который, кромѣ немногихъ каменныхъ зданій, храмовъ и монастырей, выстроенъ изъ одного дерева. Число домовъ въ этомъ городѣ показываютъ едва вѣроятное, ибо намъ говорили, что за шесть лѣтъ до нашего пріѣзда въ Москву, всѣ дома были переписаны по повелѣнію князя, и что ихъ число превосходило 41.500. Этотъ городъ, столь обширный и пространный, очень грязенъ, почему на улицахъ и площадяхъ и въ лучшихъ его частяхъ подѣланы мостки (pontes). Въ этомъ городѣ есть крѣпость, построенная изъ кирпичей и омываемая съ одной стороны Москвою, съ другой — рѣкою Неглинной (Neglima). Неглинная же течетъ изъ какихъ-то болотъ; передъ городомъ она такъ заперта около верхней части крѣпости, что образуетъ озеро и, вытекая оттуда, наполняетъ рвы крѣпости, на которыхъ стоятъ мельницы, и наконецъ подъ самой крѣпостью, какъ я сказалъ, сливается съ рѣкою Москвой. Крѣпость же такъ велика, что кромѣ обширныхъ палатъ князя, великолѣпно выстроенныхъ изъ камня, митрополитъ, также братья князя, вельможи и весьма многіе другіе имѣютъ въ ней большія деревянныя палаты. Кромѣ того въ крѣпости находится много церквей, и эта обширность даетъ ей видъ настоящаго города. Сначала эта крѣпость была окружена только дубовыми стѣнами и была мала и незначительна до временъ великаго князя Іоанна Даніиловича; онъ первый, по внушенію митрополита Петра перенесъ сюда столицу государства. Ибо Петръ, по любви къ нѣкоему Алексію, погребенному тамъ и, какъ говорятъ, прославившемуся чудесами, еще прежде избралъ это мѣсто своимъ мѣстопребываніемъ; по смерти, онъ былъ погребенъ здѣсь же. Когда и на его могилѣ стали совершаться чудеса, это мѣсто сдѣлалось такъ славно молвою о своей святости, что послѣдующіе князья, наслѣдники Іоанна, положили сдѣлать его своею столицею. Ибо, по смерти Іоанна, сынъ его, тоже Іоаннъ, оставался жить здѣсь, послѣ него Димитрій, послѣ Димитрія Василій, тотъ самый, который женился

на дочери Витолда и оставилъ послѣ себя сына Василія Темнаго. Отъ него родился Іоаннъ, отецъ того князя, у котораго я былъ посломъ: онъ первый началъ обводить крѣпость стѣною; это дѣло, почти 30 лѣтъ спустя, довершили его потомки. Крѣпостныя укрѣпленія (Ejus castri propugnacula basilicae) и дворецъ князя выстроены изъ кирпича на итальянскій манеръ тѣми итальянцами, которыхъ князь вызвалъ къ себѣ обѣщаніемъ большихъ наградъ. Въ этой крѣпости, какъ я сказалъ, много церквей; всѣ онѣ деревянныя, исключая двухъ знаменитѣйшихъ, которыя выстроены изъ кирпичей: одна изъ нихъ посвящена Святой Дѣвѣ, другая святому Михаилу. Въ храмѣ Святой Дѣвы погребены тѣла двухъ архіепископовъ, которые были виновниками того, что князья перенесли сюда свою столицу и учредили тамъ митрополію; за это-то преимущественно они причислены къ лику святыхъ. Въ другомъ храмѣ погребаются князья. Въ нашу бытность строились весьма многіе храмы изъ камня. Климатъ этой страны такъ здоровъ, что за истоками Танаиса, въ особенности на сѣверъ, а также и далѣе на востокъ, не запомнятъ, чтобы когда нибудь была какая зараза. Однакожь у нихъ есть одна болѣзнь, поражающая голову и внутренности, и весьма похожая на заразу; она называется у нихъ каломъ (Calorem, *холерой?*), и отъ нея умираютъ въ нѣсколько дней. Эта болѣзнь свирѣпствовала въ нашу бытность въ Москвѣ и похитила одного изъ нашей свиты. Живя въ такой здоровой странѣ, они боятся заразы, и когда она свирѣпствуетъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ или Псковѣ, то они не впускаютъ въ свою область никого, кто приходитъ оттуда.

Москвичи считаются хитрѣе и лживѣе всѣхъ остальныхъ *русскихъ*, и въ особенности на нихъ нельзя положиться въ исполненіи контрактовъ. Они сами знаютъ объ этомъ, и когда имъ случится имѣть дѣло съ иностранцами, то для возбужденія бо̀льшей къ себѣ довѣренности они называютъ себя не москвичами, а пріѣзжими.

Говорятъ, что должайшій день въ Москвѣ во время лѣтняго солнцестоянія имѣетъ 17 часовъ и три четверти. Настоящую высоту полюса я не могъ узнать тогда ни отъ кого, хотя кто-то говорилъ *мнѣ*, что, по слухамъ, она составляетъ 58 градусовъ. Наконецъ я самъ сдѣлалъ наблюденіе посредствомъ астролябіи, и 9 іюня, въ полдень, замѣтилъ солнце *на высо-*

тѣ 58 градусовъ. Изъ этого наблюденія, по исчисленію опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей, должно заключить, что высота полюса есть 50 градусовъ, а должайшій день — 17 часовъ съ четвертью.

Описавъ прежде всего Москву, я приступаю къ остальнымъ областямъ, подвластнымъ великому князю московскому. Сначала обойдемъ восточныя области, потомъ южныя, западныя и сѣверныя и, сдѣлавши такой кругъ, мы придемъ прямо на равноденственный востокъ.

Прежде всего встрѣчается *намъ* Владиміръ (Vuolòdimeria), большой городъ съ деревянною крѣпостью. Этотъ городъ былъ столицею Руссіи со времени Владиміра, который послѣ названъ Василіемъ, до Іоанна Даніиловича. Онъ стоитъ между Волгою и Окою, двумя большими рѣками, въ 36 германскихъ миляхъ на востокъ отъ Москвы, въ такой плодоносной странѣ, что изъ одной мѣры пшеницы родится 20, а иногда и 30 мѣръ. Рѣка Клязьма (Clesma) омываетъ его съ одной стороны, а съ прочихъ окружаютъ большіе и пространные лѣса. Клязьма беретъ начало въ четырехъ германскихъ миляхъ отъ Москвы и славится множествомъ мельницъ. Она впадаетъ въ рѣку Оку и судоходна ниже Владиміра на пространствѣ 12 миль, до города Мурома, стоящаго на Окѣ. Въ 24 миляхъ отъ Владиміра прямо на востокъ, въ обширныхъ лѣсахъ, въ древности было одно княжество; народы его назывались муроманами (Muromani) и изобиловали мѣхами, медомъ и рыбою.

Нижній Новгородъ — обширный деревянный городъ съ каменною крѣпостью, построенною нынѣшнимъ государемъ Василіемъ на скалѣ, при сліяніи рѣкъ Волги и Оки. Говорятъ, что онъ отстоитъ отъ Мурома на 40 миль къ востоку; если это такъ, тогда Новгородъ будетъ отстоять отъ Москвы на 100 миль. Страна плодородіемъ и обиліемъ произведеній не уступаетъ владимірской области. Здѣсь предѣлъ христіанской религіи съ этой стороны; ибо, хотя князь московскій за этимъ Новгородомъ имѣетъ крѣпость, которая называется Сурой (Sura), однако окрестные народы, именуемые черемисами (Czeremissae), слѣдуютъ не христіанскому, а магометанскому исповѣданію. Далѣе тамъ есть и другой народъ — мордва (Mordvua), смѣшанный съ черемисами и занимающій по сю сторону Волги, около Суры, добрую часть страны. Ибо черемисы живутъ на сѣверъ, за Волгою; для отличія отъ нихъ, тѣ, ко-

торые живутъ около Новгорода, называются верхними черемисами или горными, не отъ горъ, которыхъ тамъ нѣтъ, но скорѣе отъ холмовъ, на которыхъ они живутъ.

Рѣка Сура раздѣляетъ владѣнія царей московскаго и казанскаго; она течетъ съ юга, и отклонившись на востокъ, впадаетъ въ Волгу, 28 миль ниже Новгорода. На ихъ сліяніи, на другомъ берегу, князь московскій воздвигнулъ крѣпость и назвалъ по своему имени Василь-городомъ (Vuasilovugorod): впослѣдствіи она сдѣлалась источникомъ многихъ золъ. Недалеко оттуда есть рѣка Мокша (Moscha), текущая съ юга и впадающая въ Оку выше Мурома, недалеко отъ Касимова-города (Cassimovugorod), который московскій *князь* уступилъ татарамъ для жительства. Ихъ женщины съ помощью какого-то искусства окрашиваютъ ногти въ черный цвѣтъ, ради украшенія, и постоянно ходятъ съ открытою головою и распущенными волосами. На востокъ и на югъ отъ рѣки Мокши встрѣчаются огромные лѣса, въ которыхъ живетъ народъ мордва, который имѣетъ свой собственный языкъ и состоитъ подъ властью московскаго князя. Изъ нихъ нѣкоторые пребываютъ въ идолопоклонствѣ, другіе — магометане. Они живутъ разсѣянно по деревнямъ, обработываютъ поля, питаются дичиной и медомъ, имѣютъ въ изобиліи драгоцѣнные мѣха; это люди въ высшей степени свирѣпые, потому что не разъ храбро отражали даже татарскихъ разбойниковъ. Почти всѣ они — пѣшіе, отличаются продолговатыми луками и искусствомъ метать стрѣлы.

Рязанская область (Resan prov.) лежитъ между Окою и рѣкой Танаисомъ; въ ней находится деревянный городъ недалеко отъ берега Оки. Въ этомъ городѣ была крѣпость, которая называлась Ярославомъ; нынѣ существуютъ только слѣды ея. Недалеко отъ этого города рѣка Ока образуетъ островъ, называемый Струбомъ (Strub), въ древности великое княжество, коего князь никому не былъ подвластенъ. На юговостокъ отъ Москвы, или по другимъ на зимній востокъ, находится городъ Коломна (Columna), потомъ Рязань, которая отстоитъ отъ Москвы на 36 германскихъ миль. Эта область плодоноснѣе всѣхъ прочихъ областей московскихъ; въ ней, какъ говорятъ, одно зерно пшеницы приноситъ иногда по два колоса и больше: ихъ стебли растутъ такъ густо, что лошади не могутъ свободно переходить *черезъ поле*, ни перепелы *свободно* вы-

летать оттуда. Меду, рыбы, птицъ и дикихъ звѣрей тамъ множество, а древесные плоды гораздо нѣжнѣе московскихъ; народъ — самый смѣлый и воинственный.

Изъ Московіи къ этой крѣпости и далѣе, на пространствѣ почти 24 германскихъ миль, течетъ Танаисъ по мѣстности, называемой Донко (Donco): тамъ купцы, отправляющіеся въ Азовъ, Кафу и Константинополь, нагружаютъ свои корабли. Это по большей части дѣлается осенью, въ дождливую пору года, потому что въ другія времена года Танаисъ въ этомъ мѣстѣ не такъ обиленъ водою, чтобы по немъ могли ходить корабли съ грузомъ. Нѣкогда властвовалъ надъ Рязанью великій князь Василій, который вступилъ въ бракъ съ сестрою Іоанна Васильевича, великаго князя московскаго, и имѣлъ отъ нея *сыновей* Іоанна и Θеодора. По смерти Василія наслѣдовалъ сынъ *его* Іоаннъ, который отъ своей супруги, дочери князя Θеодора Бабича (Babicz), имѣлъ сыновей Василія, Θеодора и Іоанна. По смерти отца два старшихъ сына, стараясь каждый присвоить власть себѣ, сошлись съ оружіемъ въ рукахъ на поляхъ рязанскихъ; въ этомъ сраженіи одинъ изъ нихъ былъ убитъ, а спустя немного, на тѣхъ же поляхъ скончался и тотъ, который былъ побѣдителемъ. Въ память этого событія тамъ былъ воздвигнутъ дубовый крестъ. Младшій братъ, одинъ изъ троихъ, оставшійся въ живыхъ, узнавъ о смерти своихъ братьевъ, при помощи татаръ силою овладѣлъ княжествомъ, за которое боролись *его* братья, и которымъ до того времени владѣла мать. Послѣ этого онъ началъ переговоры съ княземъ московскимъ, чтобы онъ позволилъ ему властвовать такъ, какъ *властвовали* его предки, никому не обязанные и свободно владѣвшіе княжествомъ. Пока договаривались объ этомъ, великому князю было донесено, что онъ просилъ въ супруги дочь царя таврическаго, съ которымъ князь былъ въ войнѣ. По этому поводу князь позвалъ его *къ себѣ*, но онъ медлилъ пріѣздомъ изъ страха и тянулъ время; наконецъ, убѣжденный Симеономъ Крубинымъ (Crubin), однимъ изъ своихъ совѣтниковъ, онъ отправился въ Москву, гдѣ былъ схваченъ по повелѣнію князя и отданъ на поруки. Вслѣдъ затѣмъ князь изгналъ *изъ Рязани* его мать, заключилъ ее въ монастырь и овладѣлъ крѣпостью и княжествомъ. Для того, чтобы рязанцы не сдѣлали когда нибудь возстанія, онъ распредѣлилъ значительную ихъ часть по разнымъ колоніямъ: этимъ

обезсилено было все княжество. Потомъ, когда въ 1521 году татары расположились лагеремъ недалеко отъ Москвы, Іоаннъ во время смятенія освободился изъ-подъ стражи и бѣжалъ въ Литву, гдѣ жилъ изгнанникомъ и въ то время, *когда былъ тамъ я.*

Городъ Тула (Tulla) находится почти въ 40 герм. миляхъ отъ Рязани, а отъ Москвы лежитъ къ югу въ 36 миляхъ. Это послѣдній городъ къ степямъ (ad campestria deserta). Въ немъ Василій Іоанновичъ построилъ каменную крѣпость, черезъ которую протекаетъ рѣка того же имени; другая же рѣка — Упа (Uppa) сначала течетъ подъ стѣнами крѣпости и, соединившись съ рѣкою Тулою, впадаетъ въ Оку, почти на 20 герм. миль выше Воротынска (Vuorotinsky). Не такъ далеко отъ ея устья стоитъ крѣпость Одоевъ (Odoyovu). Городъ Тула даже во времена Василія имѣлъ собственнаго князя.

Славнѣйшая рѣка Танаисъ, разграничивающая Европу и Азію, беретъ свое начало почти въ 8 миляхъ на юго-юго-востокъ отъ Тулы, не изъ Рифейскихъ горъ, какъ разглашали нѣкоторые, но изъ Иванова озера (Ivuanovuosero) т. е. огромнаго озера Іоанна, которое простирается въ длину и ширину на 1500 верстъ, и начинается въ лѣсу, который одни называютъ Оконицкимъ лѣсомъ (Okonitzkilies) другіе — Епифановымъ лѣсомъ (Epiphanovulies). Изъ этого озера выходятъ двѣ большія рѣки, Шать (Schat) и Танаисъ. Шать *течетъ* на западъ и, принявъ въ себя рѣку Упу, впадаетъ на сѣверозападѣ въ Оку. Танаисъ же сперва течетъ прямо на востокъ и въ 6 или 7 герм. миляхъ отъ Волги проходитъ между царствами казанскимъ и астраханскимъ; потомъ, сдѣлавши поворотъ на югъ, образуетъ болота, которыя называютъ Меотійскими (Meotidis). Ближайшій къ его истокамъ городъ есть Тула, а въ трехъ миляхъ отъ устья, на берегу, стоитъ Азовъ (Asoph), который прежде назывался Таной (Tanas). Выше его, въ четырехъ дняхъ пути, на той же рѣкѣ, которую русскіе называютъ Дономъ (Don), лежитъ городъ Ахасъ (Achas). Этой рѣкѣ расточаютъ всевозможныя похвалы за необыкновенное множество превосходной рыбы и за пріятность ея береговъ, представляющихся тщательно воздѣланнымъ садомъ, — въ такомъ изобиліи растутъ на нихъ различныя травы, сладкіе овощи и самыя разнообразныя плодовыя деревья. Дичи тамъ такое множество, и ее такъ легко добывать стрѣлами, что путешествующіе по

тѣмъ мѣстамъ для своего пропитанія нуждаются только въ огнѣ и соли. Въ этихъ краяхъ разстояніе считается не милями, а днями пути. По моему разсчету, отъ истока Танаиса до его устья около 80 герм. миль, если идти сухимъ путемъ по прямому направленію. Отъ Данкова (Donco), гдѣ, какъ я сказалъ, Танаисъ только что становится судоходнымъ, послѣ почти двадцатидневнаго плаванія можно прибыть въ Азовъ, городъ, подвластный туркамъ; онъ отстоитъ, какъ сказываютъ, на пять дней отъ таврическаго перешейка, иначе называемаго Перекопомъ (Praecop). Это знаменитый рынокъ многихъ народовъ изъ различныхъ странъ земнаго шара. Доступъ туда свободенъ всякому, какой бы онъ націи ни былъ; всѣмъ дается позволеніе продавать и покупать; внѣ города безнаказанно позволяется всѣмъ дѣлать что угодно. О жертвенникахъ Александра и Цезаря, о существованіи которыхъ въ этихъ мѣстахъ упоминаютъ нѣкоторые писатели, или объ ихъ развалинахъ я не могъ узнать ничего вѣрнаго ни отъ туземцевъ, ни отъ тѣхъ людей, которые часто бывали въ этихъ мѣстахъ. Также воины, которыхъ князь каждый годъ посылаетъ туда для развѣдыванія и отраженія татарскихъ набѣговъ, когда я спрашивалъ ихъ объ этомъ, отвѣчали, что они никогда не видали и не слыхали ничего такого. Однако они не отрицали, что около устьевъ малаго Танаиса (*Донца*), въ четырехъ дняхъ отъ Азова, близъ мѣста Великій Перевозъ (Vuelikipraevuos), у Святыхъ горъ, они видѣли статуи и какіе то мраморныя и каменныя изображенія. А малый Танаисъ беретъ начало въ сѣверскомъ княжествѣ, отъ чего называется сѣверскимъ Донцомъ (Donecz Sevuerski), и въ трехъ дняхъ выше Азова впадаетъ въ Танаисъ. Впрочемъ тѣ, которые ѣдутъ изъ Москвы въ Азовъ сухимъ путемъ, переправляются черезъ Танаисъ около Данкова, древняго и разрушеннаго города, и потомъ отклоняются нѣсколько къ юговостоку; если провести прямую линію отъ устьевъ Танаиса до его истоковъ, то выйдетъ что Москва лежитъ въ Азіи, а не въ Европѣ.

Мценскъ (Mscenesk) мѣсто болотистое, гдѣ въ древности была крѣпость, слѣды которой существуютъ и нынѣ. Около этого мѣста до сихъ поръ нѣкоторые живутъ въ палаткахъ и при наступленіи опасности прячутся въ эти болота, какъ *за стѣны* крѣпости. Изъ Москвы до Мценска, по направленію

къ югу, около 60 герм. миль; изъ Тулы почти 30. Почти въ 18 миляхъ влѣво отъ Мценска беретъ начало рѣка Ока. Ока течетъ сперва къ востоку, потомъ къ сѣверу, наконецъ къ лѣтнему востоку (это ихъ собственное названіе). Такимъ образомъ Ока окружаетъ Мценскъ въ видѣ дуги и потомъ течетъ через многіе города, именно: Воротынскъ (Vuorotin), Калугу (Coluga), Серпуховъ (Cirpach), Коширу (Corsira), Рязань, Касимовъ-городъ и Муромъ, и наконецъ за Нижнимъ Новгородомъ впадаетъ въ Волгу; по обоимъ берегамъ ея тянутся лѣса, которые изобилуютъ медомъ, бѣлками, горностаями и куницами. Всѣ поля, которыя она орошаетъ, очень плодоносны. Эта рѣка преимущественно славится множествомъ рыбы, которая предпочитается рыбѣ всѣхъ остальныхъ рѣкъ Московіи, въ особенности же та, которая ловится около Мурома. Кромѣ того, въ ней водятся какія то особенныя рыбы, которыя на ихъ языкѣ называются бѣлугами (Beluga), удивительной величины, безъ костей, съ большой головой и широкой пастью, — стерляди (Sterlet), севрюги (Schevurgia), осетры (Osseter), потомъ три рода стуріоновъ (Sturionũ), бѣлорыбица (Bieloribitza) т. е. бѣлая рыбка, весьма нѣжная вкусомъ; полагаютъ, что большая часть этой рыбы заходитъ сюда изъ Волги. Говорятъ, что около истоковъ Оки берутъ начало двѣ другія рѣки, Сеймъ и Сосна (Sem et Schosna); Сеймъ течетъ по сѣверскому княжеству, черезъ городъ Путивль, и изливается въ рѣку Десну (Desna), протекающую черезъ городъ Черниговъ (Czernigo) и впадающую ниже Кіева въ Борисѳенъ. Сосна же течетъ прямо въ Танаисъ.

На берегу рѣки Оки стоитъ городъ Кошира, на 6 миль выше Коломны. Этотъ городъ имѣлъ нѣкогда независимаго государя, на котораго донесли князю Василію, что онъ злоумышляетъ на его жизнь. По этой причинѣ онъ былъ приглашенъ княземъ подъ предлогомъ охоты и пріѣхалъ къ нему вооруженный, потому что былъ убѣжденъ кѣмъ-то не ѣздить безъ оружія. Но онъ не былъ допущенъ, а было ему приказано идти къ ближнему городу Серпухову вмѣстѣ съ княжескимъ дьякомъ Михаиломъ Георгіевичемъ и тамъ жить въ заключеніи. Тутъ приглашенный дьякомъ пить за здоровье своего князя, почувствовалъ онъ, что попался въ сѣти, которыхъ никоимъ образомъ не могъ избѣгнуть: призвалъ священника и, выпивъ чашу, умеръ. Такимъ образомъ, посредствомъ этого

злодѣйства, Василій овладѣлъ городомъ Серпуховымъ, лежащимъ на Окѣ въ 8 миляхъ отъ Коширы, гдѣ, даже на ровномъ мѣстѣ, добывается желѣзная руда.

Городъ Калуга, на рѣкѣ Окѣ, отстоитъ отъ Москвы на 36 миль и на 14 отъ Серпухова. Тамъ искусно дѣлаютъ рѣзныя деревянныя чаши и другія вещи изъ дерева для домашняго обихода; онѣ вывозятся оттуда въ Московію, Литву и другія окрестныя страны. Князь ежегодно ставитъ тамъ стражу противъ татарскихъ набѣговъ.

Княжество воротынское (Vuorotin princ.) съ городомъ и крѣпостью того же имени находится на три мили выше Калуги, недалеко отъ берега Оки. Этимъ княжествомъ владѣлъ Іоаннъ, по прозванію князь Воротынскій, мужъ воинственный, отличавшійся опытностью во многихъ дѣлахъ, предводительствомъ котораго князь Василій часто одерживалъ надъ врагами значительныя побѣды. Но въ 1521 г., въ то время, когда царь таврическій перешелъ черезъ Оку и, какъ выше было сказано, вторгнулся въ Московію съ большимъ войскомъ, — для отраженія его посланъ былъ съ войскомъ князь Димитрій Бѣльскій, человѣкъ молодой, который пренебрегъ добрыми совѣтами Іоанна Воротынскаго и другихъ и въ виду непріятеля бросился въ постыдное бѣгство; князь, послѣ ухода татаръ, старательно отыскивалъ виновниковъ бѣгства и, оправдавъ своего брата Андрея (который былъ настоящимъ виновникомъ этого бѣгства) и другихъ, обратилъ свой гнѣвъ на Іоанна Воротынскаго, заключилъ его и лишилъ княжества. Наконецъ онъ былъ выпущенъ изъ подъ стражи, однако съ условіемъ никогда не выѣзжать изъ Москвы. Мы также видѣли его въ княжескомъ дворцѣ между знатнѣйшими людьми Московіи.

Сѣвера (Sevuera) большое княжество, крѣпость котораго, Новгородъ (Novuogrodeck) еще не такъ давно была столицею сѣверскихъ князей, до того времени, какъ они были лишены княжества Василіемъ. Оно находится въ 150 герм. миляхъ на югозападъ отъ Москвы, и путь идетъ туда черезъ Калугу, Воротынскъ, Серенскъ (Serensk) и Брянскъ (Branski). Въ ширину оно простирается до самаго Борисѳена. Оно заключаетъ въ себѣ обширныя и частію пустынныя поля, а около Брянска — огромный лѣсъ. Въ немъ много крѣпостей и городовъ, между которыми славнѣйшіе Стародубъ (Starodub), Путивль (Potivulo), Черниговъ. Почва плодоносна тамъ, гдѣ воздѣлывается. Въ

лѣсахъ водится множество горностаевъ, бѣлокъ, куницъ и меду. Народъ, вслѣдствіе постоянной борьбы съ татарами, весьма воинственъ. Впрочемъ, Василій Іоанновичъ, какъ многія другія княжества, такъ и это, подчинилъ себѣ слѣдующимъ образомъ. Было два Василія, троюродные братья между собою: одинъ изъ нихъ, по прозванію Шемячичъ (Semetzitz), владѣлъ крѣпостью Новгородомъ, а другой — городомъ Стародубомъ. Путивль же находился во власти нѣкоего князя Димитрія. Василій Шемячичъ искусный въ военномъ дѣлѣ, былъ грозою татаръ, — и имъ овладѣло такое властолюбіе, что онъ сталъ домогаться всего *сѣверскаго* княжества для себя одного. Онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не довелъ Василія стародубскаго до совершеннаго изнеможенія и, изгнавъ его, завладѣлъ его областью. Послѣ этого онъ обошелъ Димитрія другимъ путемъ: донесъ князю, будто Димитрій замышляетъ измѣнить ему. Встревоженный этимъ, князь поручаетъ Василію взять Димитрія какимъ бы то ни было способомъ и доставить въ Москву. Димитрій обманомъ попался на охотѣ, ибо Василій отправилъ нѣсколько всадниковъ къ воротамъ его крѣпости, чтобы перехватить его, когда онъ будетъ искать спасенія въ бѣгствѣ; схваченный ими, онъ былъ привезенъ въ Москву и брошенъ въ оковы. Его единственный сынъ Димитрій не снесъ этой обиды и немедленно бѣжалъ къ татарамъ, и чтобы скорѣе и тяжеле отмстить обиду, нанесенную его отцу, отрекся отъ христіанской вѣры и принялъ обрѣзаніе по магометанскому закону. Но во время пребыванія у татаръ онъ страстно полюбилъ одну дѣвицу, красавицу собой, и увезъ ее тайно противъ воли родителей, не могши получить ее иначе. Рабы, вмѣстѣ съ нимъ перемѣнившіе вѣру, тайно донесли объ этомъ родственникамъ дѣвицы; въ одну ночь онъ былъ застигнутъ ими въ расплохъ и убитъ стрѣлами вмѣстѣ съ дѣвицей. Князь Василій, узнавъ о бѣгствѣ Димитрія къ татарамъ, приказалъ посадить старика отца въ тѣснѣйшія оковы; сокрушенный темничнымъ заключеніемъ и горестью, онъ умеръ въ томъ же 1519 г. по Р. X., немного спустя послѣ извѣстія о смерти своего сына у татаръ. Всему этому былъ виновникомъ Василій Шемячичъ; прежде, по его же наущенію, князь умертвилъ владѣтеля Коширы и своего роднаго брата, схваченныхъ и посаженныхъ въ темницу. Но какъ часто случается, что тѣ, которые строятъ козни другимъ, наконецъ сами попадаютъ въ нихъ, такъ случилось и

съ этимъ Шемячичемъ, ибо онъ самъ былъ обвиненъ предъ княземъ въ измѣнѣ. Позванный вслѣдствіе этого въ Москву, онъ отказывался пріѣхать, пока не вышлютъ охранной грамоты, скрѣпленной клятвою князя и митрополита. Получивъ желаемую грамоту, онъ прибылъ въ Москву 19 апрѣля 1523 г. и съ почестями и дарами былъ принятъ княземъ, но черезъ нѣсколько дней былъ схваченъ и брошенъ въ темницу, гдѣ содержался и въ наше время. По разсказамъ однихъ, причиною его заключенія было то, что онъ послалъ кіевскому воеводѣ письмо на имя польскаго короля, въ которомъ писалъ о своемъ желаніи перейти къ нему. Кіевскій воевода распечаталъ письмо и, зная непріязнь Шемячича къ своему государю, немедленно отправилъ письмо къ московскому князю. Другіе же приводятъ болѣе правдоподобную причину. Во всемъ московскомъ государствѣ оставался одинъ только Шемячичъ, который владѣлъ крѣпостями и княжествами: для того чтобы уничтожить его и безопаснѣе властвовать князю, на него было взведено обвиненіе въ вѣроломствѣ. Въ то время, когда Шемячичъ въѣзжалъ въ Москву, одинъ шутъ, намекая на это событіе, всюду носилъ съ собою метлы и лопату. Когда его спрашивали, что̀ онъ хочетъ дѣлать съ этимъ снарядомъ? — онъ отвѣчалъ, что государево владѣнье еще не совсѣмъ очищено, но что теперь настало удобное время смести и выбросить весь соръ. Эту область первый присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Іоаннъ Васильевичъ, разбивъ войско Александра, великаго князя литовскаго при рѣкѣ Ведрошѣ. Сѣверскіе князья ведутъ свой родъ отъ Димитрія, великаго князя московскаго. У Димитрія было три сына: Василій, Андрей и Георгій; старшій изъ нихъ, по отечественнымъ законамъ, наслѣдовалъ отцу на царствѣ; отъ двухъ другихъ, т. е. отъ Андрея и Георгія, произошли князья сѣверскіе.

Черниговъ (Czernigovu) отстоитъ на 30 миль отъ Кіева и на столько же отъ Путивля. Путивль же находится отъ Москвы въ 140 герм. миляхъ, въ 60 отъ Кіева и въ 38 отъ Брянска. Брянскъ лежитъ за большимъ лѣсомъ, который простирается въ ширину на 24 мили.

Новгородъ Сѣверскій (Novuogrodeck) отстоитъ отъ Путивля на 18 миль, отъ Стародуба на 14: Стародубъ отъ Путивля на 32 мили.

На пути изъ Путивля въ Тавриду, въ степи встрѣчаются

рѣки Сна (Sna), Самара (Samara) и Орель (Ariel); двѣ послѣднія весьма широки и глубоки. Переправа черезъ нихъ иногда очень долго задерживаетъ путниковъ, и *при этомъ* ихъ часто окружаютъ татары и берутъ въ плѣнъ. За ними попадаются на пути рѣки Конскія-воды (Koinskavuoda) и Молочная (Moloscha), черезъ которыя переправляются новымъ способомъ: разсѣченныя маленькія деревья соединяютъ въ связки, на которыя кладутъ свое добро и садятся сами, гребутъ, — и теченіе рѣки выноситъ ихъ на другой берегъ. Другіе привязываютъ такого рода связки къ хвостамъ лошадей, которыя, будучи понуждаемы бичами, переплывая на другой берегъ тащутъ за собой людей и *такимъ образомъ* перевозятъ ихъ.

Угра (Ugra), глубокая и илистая рѣка, беретъ свое начало въ одномъ лѣсу недалеко отъ Дорогобужа (Drogobusch) и изливается въ Оку между Калугою и Воротынскомъ. Эта рѣка нѣкогда отдѣляла Литву отъ Московіи.

Demetriovuitz (?) городъ и крѣпость на югозападѣ, отстоитъ отъ Вязьмы (Vuiesma) на 18 миль, отъ Воротынска же — около 20.

Смоленскъ (Smolentzko), резиденція епископа, стоитъ на рѣкѣ Борисѳенѣ и имѣетъ крѣпость на другомъ, восточномъ берегу рѣки. Крѣпость выстроена изъ дуба, и въ ней находится много домовъ, какъ въ городѣ. Съ той стороны, которая выдается на холмъ (другая сторона омывается Борисѳеномъ), она укрѣплена рвами и острымъ тыномъ, которые препятствуютъ нападенію непріятеля. Василій Іоанновичъ весьма часто осаждалъ эту крѣпость и однако никогда не могъ взять ее силою. Наконецъ онъ овладѣлъ ею вслѣдствіе измѣны воиновъ и начальника, какого-то бѣглеца, о которомъ сказано выше въ исторіи Михаила Глинскаго. Городъ, лежащій въ долинѣ, окруженъ со всѣхъ сторонъ плодоносными холмами и опоясанъ весьма обширными лѣсами, въ которыхъ добывается много различныхъ мѣховъ. Въ крѣпости одна каменная церковь, посвященная Св. Дѣвѣ, другія же зданія деревянныя; въ городскомъ предмѣстьѣ виднѣются многія развалины каменныхъ монастырей. Если идти изъ Москвы къ Смоленску въ югозападномъ направленіи, то сперва встрѣтится Можайскъ (Mosaisko), въ 18 миляхъ отъ Москвы; черезъ 26 миль — Вязьма, черезъ 18 — Дорогобужъ, оттуда столько же до Смоленска: цѣлое разстояніе отъ Москвы до Смоленска — 80 герм. миль,

хотя литовцы и московиты считаютъ сто. Я проѣзжалъ только эти три города и другихъ тамъ не замѣтилъ. Это княжество завоевалъ у московитовъ Витолдъ, великій князь литовскій, въ 1413 г., въ правленіе Василія, а Василій Іоанновичъ отнялъ его у Сигизмунда, польскаго короля, въ 1514 г., въ 30 день іюля.

Дорогобужъ и Вязьма, города съ крѣпостями, выстроены изъ дерева и стоятъ на Борисѳенѣ; нѣкогда они были подъ властью князей литовскихъ. Подъ городомъ Вязьмой находится рѣка того же имени, которая недалеко оттуда, именно въ двухъ верстахъ, впадаетъ въ Борисѳенъ; обыкновенно корабли, нагруженные товарами, идутъ изъ Вязьмы въ Борисѳенъ и на оборотъ вверхъ по Борисѳену ходятъ до Вязьмы.

Можайскъ — городъ и крѣпость деревянные. Около него большое множество разноцвѣтныхъ зайцевъ. Князь обыкновенно каждый годъ охотится тамъ и иногда выслушиваетъ пословъ различныхъ государей. Такъ, въ нашу бытность въ Московіи, онъ давалъ тамъ аудіенцію литовскимъ посламъ; равнымъ образомъ и мы, призванные изъ Москвы, окончили тамъ порученія нашихъ государей и были оттуда отпущены. Во время Витолда владѣнія князей московскихъ простирались на 5 или на 6 миль за Можайскъ.

Княжество Бѣла (Biela), съ крѣпостью и городомъ того же имени, *лежитъ* у рѣки Общи (Opscha) въ пространныхъ лѣсахъ, и отъ Москвы находится болѣе на западъ въ разстояніи 60 герм. миль, отъ Смоленска — въ 36, отъ Торопца (Toropetz) въ 30. Прежніе его князья происходили отъ Гедимина; но въ правленіе польскаго короля Казиміра, сыновья Ягелла овладѣли этимъ княжествомъ. Въ это время Василій, князь Бѣлы, называемый иначе Бѣльскимъ (Bielski), перешелъ къ Іоанну, отцу Василія, и принялъ его подданство. Оставивъ во время этихъ безпокойствъ свою супругу въ Литвѣ, онъ, какъ выше было сказано, женился въ Москвѣ на другой и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей, которыхъ мы видѣли у князя. Изъ нихъ Димитрій, по значенію своего отца, былъ въ большомъ уваженіи и чести. Хотя эти три брата жили бѣльскимъ наслѣдствомъ своихъ предковъ и получали съ него годовые доходы, однако не смѣли пріѣзжать туда, ибо князь московскій отнялъ у нихъ княжество бѣльское и присвоилъ титулъ себѣ.

Ржевъ Дмитровскій (Rsovua Demetrij), городъ съ крѣ-

постью, находится въ 23 миляхъ на западъ отъ Москвы. Крѣпость, отъ которой князь заимствуетъ титулъ, лежитъ на рѣкѣ Волгѣ и господствуетъ надъ весьма обширной областью. Есть и другой Ржевъ въ 140 миляхъ отъ Москвы, въ 20 отъ Великихъ Лукъ и въ 20 же отъ Пскова; онъ называется пустымъ (deserta). За Ржевомъ Дмитровскимъ въ нѣсколькихъ миляхъ на западъ есть лѣсъ, называемый Волконскимъ (Vuolkonzki), изъ котораго берутъ начало четыре рѣки. Въ этомъ лѣсу есть болото, называемое Фроновымъ (Fronovu); изъ него *течетъ* не такъ большая рѣка, на пространствѣ почти двухъ миль, и впадаетъ въ какое-то озеро Волго (Vuolgo). Она снова вытекаетъ оттуда, сдѣлавшись гораздо обильнѣе водою, и называется Волгой (Vuolga) по имени этого озера. Протекши черезъ многія болота и принявъ въ себя много рѣкъ, она двадцатью пятью или, по другимъ, семьдесятью устьями изливается въ Каспійское море, называемое русскими Хвалынскимъ моремъ (Chvualinsko morie), — а не въ Понтъ, какъ писалъ кто-то. Волга называется у татаръ Эдель (Edel), а у Птолемея — Ра; Волга и Танаисъ такъ сближаются, что, какъ утверждаютъ, между ними всего семь миль разстоянія. Города, черезъ которые она протекаетъ, мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ томъ же лѣсу, почти въ 10 миляхъ отъ Фронова болота есть деревня Днѣперско (Dnyepersko), въ окрестностяхъ которой беретъ начало Борисѳенъ, который у туземцевъ называется Днѣпромъ (Dnieper), и который мы до сихъ поръ называемъ Борисѳеномъ. Недалеко отъ этого мѣста есть монастырь св. Троицы, гдѣ беретъ начало другая рѣка, больше первой, имѣющая уменьшительное имя — Днѣпрецъ (Niepretz). Обѣ эти рѣки сливаются между Фроновымъ болотомъ и истоками Борисѳена: на этомъ мѣстѣ товары московитовъ и холоповцевъ (Choloppiensium) нагружаются на суда и вывозятся въ Литву, и купцы обыкновенно заѣзжаютъ въ этотъ монастырь, какъ на постоялый дворъ. Что Ра и Борисѳенъ берутъ начало не изъ однихъ источниковъ, какъ думаютъ нѣкоторые, — въ этомъ я убѣдился, какъ по достовѣрнымъ разсказамъ многихъ купцовъ, которые имѣли дѣла въ этихъ краяхъ, такъ и отъ многихъ другихъ. Борисѳенъ течетъ вотъ какъ: сперва къ югу, черезъ Вязьму, потомъ, поворотивъ на востокъ, протекаетъ черезъ города Дорогобужъ, Смоленскъ, Оршу и Могилевъ (Mogilef), и снова поворотивъ на югъ, орошаетъ Кіевъ, Черкасы (Circassos) и Оча-

ковъ; тамъ, гдѣ онъ изливается въ Понтъ, море имѣетъ видъ озера, и Очаковъ стоитъ какъ будто въ углу, у устьевъ Борисѳена. Мы пріѣхали изъ Орши въ Смоленскъ, откуда нашъ багажъ до Вязьмы везли на судахъ: *Борисѳенъ* такъ разлился, что монахъ долго везъ насъ, графа Нугароля и меня, въ рыбачьей лодкѣ по лѣсамъ, а лошади неоднократно пускались вплавь.

Озеро Двина (Dvuina) отъ истоковъ Борисѳена находится почти въ десяти миляхъ и въ такомъ же разстояніи отъ Фронова болота. Изъ него вытекаетъ на западъ рѣка того же имени. Она проходитъ въ 20 миляхъ отъ Вильны, потомъ течетъ на сѣверъ и близь Риги, столицы Ливоніи, впадаетъ въ Германское море (которое русскіе называютъ Варяжскимъ моремъ), орошаетъ Витебскъ (Vuitepsko), Полоцкъ (Polotzko), Динабургъ (Dunenburg), но не проходитъ черезъ Псковъ, какъ писалъ кто-то. Ливонцы называютъ эту, по большой части судоходную рѣку Дюною.

Ловать, четвертая рѣка, которую никакъ нельзя сравнивать съ прочими тремя, беретъ начало между озеромъ Двиною и Фроновымъ болотомъ или изъ самаго болота. Я не могъ узнать положительно объ ея истокахъ, хотя они находятся недалеко отъ истоковъ Борисѳена. Это та рѣка, какъ говорятъ ихъ лѣтописи, въ которую св. Андрей апостолъ переволокъ лодку изъ Борисѳена. Почти въ сорока миляхъ отъ своихъ истоковъ, она орошаетъ Великіе Луки (Vuelikiluki) и изливается въ озеро Ильмень.

Волокъ, городъ и крѣпость, на равноденственномъ западѣ, отстоитъ отъ Москвы на 24 мили, отъ Можайска почти на 12, отъ Твери на 20. Князь титулуется по имени этого мѣста и ежегодно отдыхаетъ здѣсь отъ трудовъ, травя зайцевъ соколами.

Великія Луки, крѣпость и городъ, находятся въ 140 миляхъ на западъ отъ Москвы, отъ Новгорода Великаго почти въ 60, а отъ Полоцка въ 36. Черезъ это мѣсто лежитъ путь изъ Москвы въ Литву.

Торопецъ — крѣпость съ городомъ между Великими Луками и Смоленскомъ у границъ Литвы; онъ находится почти въ 18 миляхъ отъ Лукъ.

Тверь или Отверь (Tvuer, Otvuer), нѣкогда весьма обширная область, одно изъ великихъ княжествъ русскихъ, лежитъ на

рѣкѣ Волгѣ, въ 36 миляхъ отъ Москвы на лѣтній западъ и имѣетъ обширный городъ, черезъ который протекаетъ Волга. На другомъ берегу, со стороны Москвы, стоитъ крѣпость, напротивъ которой изливается въ Волгу рѣка Тверца. По этой рѣкѣ я прибылъ на суднѣ въ Отверь и на другой день поплылъ по рѣкѣ Волгѣ. Этотъ городъ былъ мѣстопребываніемъ епископа въ то время, когда тверскимъ княжествомъ владѣлъ великій князь Борисъ. Съ его дочерью Маріею вступилъ въ бракъ князь московскій Іоаннъ Васильевичъ и имѣлъ отъ нея, какъ выше было сказано, первенца *своего* Іоанна. По смерти же Бориса наслѣдовалъ сынъ *его* Михаилъ, который впослѣдствіи былъ изгнанъ изъ княжества своимъ зятемъ, великимъ княземъ московскимъ, и умеръ изгнанникомъ въ Литвѣ.

Городъ Торжокъ (Tersack) стоитъ въ десяти миляхъ отъ Твери; одна половина его была подъ властью Новгорода, другая *подъ властью* Твери, и управляли тамъ два намѣстника. Здѣсь также берутъ свое начало, какъ я сказалъ выше, двѣ рѣки, Тверца и Цна (Sna); послѣдняя течетъ на западъ, въ новгородскую область, другая на востокъ.

Новгородъ Великій есть самое обширное княжество во всей Руссіи и на ихъ языкѣ называется Novuigorod т. е. новый городъ или новая крѣпость, ибо они называютъ городомъ (Gorod) все, что окружено стѣною, укрѣплено тыномъ или загорожено другимъ способомъ. Этотъ городъ обширенъ; черезъ него протекаетъ судоходная рѣка Волховъ, вытекающая почти въ двухъ верстахъ выше города изъ озера Ильменя и впадающая въ озеро Нево (Neoa), нынѣ называемое Ладогой отъ города, который при немъ стоитъ. Новгородъ стоитъ на лѣтній западъ отъ Москвы въ 120 миляхъ, хотя нѣкоторые считаютъ только сто. Отъ Пскова онъ *находится* въ 36 миляхъ, отъ Великихъ Лукъ въ 40, и въ 40 же отъ Иваньгорода (Ivuanovuogorod). Впрочемъ нѣкогда, во время своего процвѣтанія и независимости, этотъ городъ имѣлъ весьма обширную область, раздѣленную на пять частей. Каждая часть не только имѣла своихъ начальниковъ, вѣдѣнію которыхъ подлежали всѣ общественныя и частныя дѣла, но и заключеніе сдѣлокъ между согражданами могло быть совершаемо только въ своей части города, и никому не позволено было обращаться съ какимъ бы то ни было дѣломъ къ другому начальнику того же города. И въ это-то время здѣсь былъ самый большой рынокъ во всей

Руссіи, потому что туда стекалось огромное число купцовъ отовсюду, изъ Литвы, Польши, Швеціи, Даніи и самой Германіи, и граждане богатѣли отъ такого многочисленнаго стеченія разныхъ племенъ. И въ наше время германцамъ позволено имѣть тамъ своихъ квесторовъ или раціонаріевъ. Владѣнія Новгорода простирались большею частію на востокъ и сѣверъ. Они доходили до Ливоніи, Финляндіи и почти до Норвегіи. Когда я прибылъ туда въ томъ же экипажѣ, въ которомъ выѣхалъ изъ Аугсбурга, тамошніе купцы усильно просили меня, чтобы я оставилъ, для вѣчной памяти, въ ихъ храмѣ повозку, въ которой совершилъ такой длинный путь. На востокѣ Новгородъ владѣлъ княжествами Двиной и Вологдой, а на югѣ — половиной города Торжка, недалеко отъ Твери. И хотя эти провинціи безплодны, потому что наполнены рѣками и болотами, и въ нихъ жить неудобно, но тѣмъ не менѣе они получаютъ большую прибыль отъ мѣховъ дикихъ звѣрей, меду, воску и множества рыбы. Они становили по своей волѣ (suo arbitrio ac voluntate) князей правившихъ ихъ республикою (qui ipsorum Reipublicae praeessent), и увеличивали свои владѣнія, всѣми мѣрами привязывая къ себѣ сосѣдніе народы и жалованьемъ обязывая ихъ защищать себя. Такой союзъ съ сосѣдними народами, помощью которыхъ новгородцы пользовались для охраненія своей республики, имѣлъ своимъ слѣдствіемъ, что московиты присвоили себѣ право имѣть тамъ своихъ намѣстниковъ, а литовцы въ свою очередь утверждали, что новгородцы подвластны имъ. Вспомоществуемый доброжелательствомъ и властью самого архіепископа, московскій князь Іоаннъ Васильевичъ вторгнулся въ это княжество и цѣлыя семь лѣтъ тѣснилъ ихъ тяжкою войною. Наконецъ, въ ноябрѣ 1477 г. побѣдивъ новгородцевъ въ сраженіи при рѣкѣ Шелони, онъ принудилъ ихъ къ сдачѣ на извѣстныхъ условіяхъ и поставилъ въ городѣ своего начальника. Такъ какъ онъ думалъ, что еще не имѣетъ неограниченной власти надъ новгородцами и можетъ пріобрѣсти ее только силою оружія, то подъ предлогомъ религіи, какъ будто намѣреваясь удержать въ вѣрѣ хотѣвшихъ отступить отъ русскаго закона, онъ пришелъ въ Новгородъ и посредствомъ этой хитрости занялъ его и обратилъ въ рабство, лишилъ всего имущества архіепископа, гражданъ, купцовъ, иностранцевъ и, какъ нѣкоторые писали, увезъ оттуда въ Москву триста повозокъ, нагруженныхъ золотомъ, серебромъ и драго-

цѣнными камнями. Я старательно разузнавалъ объ этомъ въ Москвѣ и слышалъ, что повозокъ, нагруженныхъ добычею, увезено оттуда гораздо болѣе. И это неудивительно, потому что по взятіи города онъ увезъ съ собою въ Москву архіепископа и всѣхъ богачей и вельможъ, и въ ихъ помѣстья послалъ колонистовъ изъ своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, съ ихъ помѣстьевъ, кромѣ обыкновенныхъ доходовъ, онъ ежегодно взимаетъ весьма большую подать въ казну. Также онъ уступилъ только небольшую часть изъ архіепископскихъ доходовъ тому епископу, котораго тогда поставилъ *въ Новгородѣ*; по смерти его епископская каѳедра долго оставалась вакантною. Наконецъ, по усиленной просьбѣ гражданъ и подданныхъ, *умолявшихъ*, чтобы епископія не была упразднена навсегда, онъ, въ нашу бытность, снова поставилъ кого-то епископомъ.

Въ древности новгородцы покланялись и чтили какого-то идола, именемъ Перуна, стоявшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ монастырь, прозванный отъ этого идола Перунскимъ (Perunzki). Принявъ крещеніе, они стащили его съ мѣста и бросили въ рѣку Волховъ. Говорятъ, что онъ поплылъ противъ теченія, и около моста былъ слышенъ голосъ: «Вотъ вамъ, новгородцы, на память обо мнѣ», и что тотчасъ за этими словами на мостъ была выброшена палка. Даже и нынѣ въ извѣстные дни года бываетъ слышенъ этотъ голосъ Перуна; услышавъ его, тамошніе граждане тотчасъ сбѣгаются и бьютъ другъ друга палками, и отъ того происходитъ такое смятеніе, что начальникъ съ великимъ трудомъ едва можетъ прекратить его. Кромѣ того, ихъ лѣтописи разсказываютъ слѣдующій случай. Когда новгородцы цѣлые семь лѣтъ тѣснили тяжкою осадою греческій городъ Корсунъ, тѣмъ временемъ ихъ жены, соскучившись дожидаться, даже сомнѣваясь въ существованіи и возвращеніи мужей, вышли замужъ за рабовъ. Наконецъ мужья взяли городъ и возвратились побѣдителями съ войны, привезя съ собою мѣдныя ворота побѣжденнаго города и большой колоколъ, который мы сами видѣли въ ихъ соборной церкви. Рабы старались силою отразить своихъ господъ, на женахъ которыхъ они женились. Господа, исполненные негодованіемъ, по чьему-то совѣту сложили съ себя оружіе и съ кнутами и палками пошли на рабовъ. Устрашенные и обращенные въ бѣгство рабы укрылись въ одномъ мѣстѣ, которое и нынѣ называется Холопьимъ-городомъ (Chloppigorod) т. е. крѣпостью рабовъ, и тамъ защищались,

однако были побѣждены своими господами и наказаны по заслугамъ. Во время лѣтняго солнцестоянія въ Новгородѣ должайшій день бываетъ 18 часовъ и болѣе. Эта страна гораздо холоднѣе, чѣмъ самая Московія. Народъ былъ здѣсь весьма образованный (humanissima) и честный, а теперь *сталъ* самый испорченный, заразившись безъ сомнѣнія московскою порчею, которую принесли съ собой приходящіе сюда московиты.

Озеро Ильмень, которое въ древнихъ русскихъ писаніяхъ называется Ильмеръ, и которому другіе даютъ названіе озера Лимиды, находится въ двухъ верстахъ ниже Новгорода. Оно простирается на 12 герм. миль въ длину и на 8 въ ширину, и принимаетъ, въ числѣ другихъ, двѣ знаменитыя рѣки, Ловать и Шелонь. Ловать вытекаетъ изъ какого-то озера. Выпускаетъ же оно (*озеро Ильменъ*) одну рѣку, Волховъ, который течетъ черезъ Новгородъ и, протекши почти тридцать шесть миль, впадаетъ въ озеро Ладогу. Это озеро простирается въ ширину на 60, въ длину почти на 100 миль, и имѣетъ нѣсколько острововъ. Оно выпускаетъ большую рѣку Неву, которая течетъ на западъ въ Германское море на пространствѣ почти шести миль. У ея устьевъ, по срединѣ рѣки, въ московскомъ владѣніи лежитъ крѣпость Орѣшекъ (Oreschak), которую германцы называютъ Нутембургомъ.

Руса (Russ), называвшаяся прежде старою Руссіею (antiqua Russia) старый городокъ во владѣніяхъ Новгорода, отъ котораго отстоитъ на 12, а отъ озера Ильменя — на 13 миль. Она имѣетъ соленый источникъ (fluvium), который граждане запираютъ въ широкій бассейнъ на подобіе озера, а оттуда каждый для себя проводитъ воду въ свой домъ каналами и вывариваетъ *изъ нея* соль.

Крѣпость Иваньгородъ (Ivuanovugorod) выстроена изъ камня у берега рѣки Наровы (Nervua) Іоанномъ Васильевичемъ, отъ котораго она и получила *свое* имя. Тамъ же на противоположномъ берегу *стоитъ* ливонская крѣпость, получившая названіе отъ рѣки Наровы. Между этими двумя крѣпостями протекаетъ рѣчка Нарова (Narvua) и новгородскія владѣнія отдѣляетъ отъ ливонскихъ. Судоходная рѣка Нарова вытекаетъ изъ того озера, которое русскіе называютъ Чудскимъ (Czutzko) или Чудинымъ (Czudin), латины же — Бицисъ (Bicis) или Пеласъ (Pelas), а германцы — Пейфюсъ (Peijfues). Она принимаетъ въ себя двѣ рѣки Плесковію (Plescovuia) и Великую

8*

(Vuelikareka), которая идетъ съ юга и протекаетъ черезъ городъ Опочку, оставивъ Псковъ вправѣ (*). Плаванiе между Псковомъ и Балтiйскимъ моремъ было бы легко, если бы не были тому препятствiемъ пороги недалеко отъ Иваньгорода и Нарвы.

Городъ Псковъ (Plescovuia) стоитъ при озерѣ, изъ котораго выходитъ рѣка того же имени, течетъ по срединѣ города и на разстоянiи 6 миль изливается въ озеро, которое русскiе называетъ Чудскимъ. Одинъ только Псковъ во всемъ владѣнiи московскаго государя окруженъ каменною стѣною; онъ раздѣленъ на четыре части, изъ которыхъ каждая заключается въ своихъ стѣнахъ. Это обстоятельство ввело нѣкоторыхъ въ заблужденiе, и они говорили, что этотъ городъ окруженъ четверною стѣной. Область этого города или княжества по народному называется Псковомъ или Обсковомъ (Pskovu seu Obskovu). Встарину Псковъ былъ весьма обширенъ и независимъ, но наконецъ въ 1509 г. Iоаннъ Васильевичъ овладѣлъ имъ вслѣдствiе измѣны нѣкоторыхъ священниковъ и обратилъ его въ рабство, также увезъ колоколъ, звономъ котораго созывался сенатъ для совѣщанiя о государственныхъ дѣлахъ (Senatus ad rempublicam constituendam cogebatur). Онъ совершенно уничтожилъ ихъ свободу, выведя ихъ колонiями въ другiя мѣста и водворивъ на ихъ мѣсто московитянъ. По этой-то причинѣ образованность и мягкiе нравы псковитянъ замѣнились московскими нравами, которые почти во всемъ хуже. Ибо въ *своихъ* купеческихъ сдѣлкахъ псковитяне показывали такую честность, чистосердечiе и простоту, что *цѣна* товару у нихъ показывалась безъ запросу и безъ всякаго многословiя ради обмана покупателя. Псковитяне, какъ я здѣсь мимоходомъ замѣчу, даже до сего дня дѣлаютъ проборъ на головѣ не по русски, а по польски. Псковъ стоитъ въ 36 миляхъ на западъ отъ Новгорода, отъ Иваньгорода—въ 40 миляхъ и въ 40 же отъ Великихъ Лукъ. Черезъ этотъ городъ лежитъ путь изъ Москвы и Новгорода въ Ригу, столицу Ливонiи, находящуюся отъ Пскова въ разстоянiи 60 миль.

Водская область (Vuotzka regio) лежитъ въ 26 или, по самой большей мѣрѣ, въ 30 миляхъ на сѣверозападъ отъ Новгорода, и крѣпость Иваньгородъ остается отъ нея влѣвѣ. Разсказываютъ за чудо, что животныя, привозимыя въ эту область, какого бы рода они не были, перемѣняютъ свой цвѣтъ на бѣ-

---

(*) На картѣ Герберштейна Псковъ поставленъ не на Великой.

лый. Здѣсь я долженъ сказать вкратцѣ о положеніи мѣстъ и рѣкъ около моря до границъ Швеціи. Рѣка Нарова, какъ я сказалъ выше, отдѣляетъ Ливонію отъ владѣній московскаго государя; если пойдешь отъ Ивангорода по морскому берегу на сѣверъ, то встрѣтится рѣка Плюсса (Plussa), у устья которой стоитъ крѣпость Яма (Jamma). Въ 12 миляхъ отъ Ивангорода, въ столькихъ же отъ Ямы, на пространствѣ четырехъ миль попадаются крѣпость и рѣка, называющіяся однимъ именемъ Копорья (Coporoja); оттуда до рѣки Невы и крѣпости Орѣшка считается шесть миль, отъ Орѣшка же до рѣки Корелы, отъ которой получилъ свое имя городъ,— семь миль. Наконецъ, въ 12 миляхъ оттуда находится рѣка Полна (Polna), которая отдѣляетъ владѣнія московскаго государя отъ Финляндіи, русскими называемой Хаинска Земля (Chainska Semla) и состоящей подъ властью королей Швеціи.

Есть и другая Корела, кромѣ уже названной; она имѣетъ свою территорію и языкъ и находится отъ Новгорода на сѣверъ въ 60 миляхъ или болѣе. Хотя она беретъ дань съ нѣкоторыхъ пограничныхъ народовъ, однако и сама подвластна королю Швеціи, а также и московскому государю, потому что считается въ новгородскомъ владѣніи.

Островъ Соловки (Solovuki) лежитъ въ морѣ, на сѣверѣ, между областями Двиною и Корелою, въ 8 миляхъ отъ материка; по причинѣ частыхъ болотъ, лѣсовъ и пространныхъ пустынь, нельзя точно исчислить разстояніе его отъ Москвы, хотя нѣкоторые говорятъ, что онъ находится отъ Москвы въ трехстахъ миляхъ, а отъ Бѣлаозера въ двухстахъ. На этомъ островѣ въ большомъ количествѣ вываривается соль. Тамъ же есть монастырь, въ который если войдетъ женщина или дѣвица, то это считается большимъ грѣхомъ. Тамъ же богатый ловъ рыбъ, называемыхъ туземцами Selgi; по моему мнѣнію это сельди. Говорятъ, что во время своего лѣтняго стоянія солнце здѣсь только на два часа скрывается за горизонтомъ.

Дмитровъ (Dimitriovu), городъ съ крѣпостью, стоитъ въ двѣнадцати миляхъ отъ Москвы, почти на западо-сѣверо-западъ (*). Въ то время имъ владѣлъ Георгій, братъ великаго князя. Черезъ него протекаетъ рѣка Яхрома (Jachroma), которая впадаетъ въ рѣку Сестру (Sest). Кромѣ того, Сестра принимаетъ Дубну (Dubna)

(*) На картѣ Герберштейна Demetriovu поставленъ на сѣверо-востокъ отъ Москвы.

и сама изливается въ Волгу. Такое удобное расположеніе рѣкъ представляетъ большія выгоды купцамъ, которые безъ большаго труда ввозятъ товары изъ Каспійскаго моря по Волгѣ въ различныя страны и даже въ самую Москву.

Бѣлоозеро (Bieloiesero), городъ съ крѣпостью, лежитъ при озерѣ того же имени; у русскихъ Бѣлоозеро значитъ albus lacus. Городъ находится не на самомъ озерѣ, какъ утверждали нѣкоторые; однако онъ со всѣхъ сторонъ такъ окруженъ болотами, что кажется неприступнымъ. По этой причинѣ московскіе князья обыкновенно прячутъ тамъ свои сокровища. Бѣлоозеро стоитъ отъ Москвы къ сѣверу въ ста миляхъ и въ такомъ же разстояніи отъ Новгорода Великаго. Двѣ дороги идутъ изъ Москвы въ Бѣлоозеро: одна, ближайшая, черезъ Угличь, въ зимнее время, а лѣтомъ другая — черезъ Ярославль. Та и другая дорога неудобна для ѣзды по причинѣ множества болотъ, лѣсовъ и рѣкъ, — если только не настланы мосты, дѣлающіеся крѣпкими отъ льду; отъ трудностей, представляемыхъ этими мѣстами, и самыя мили считаются короче. Къ затруднительности пути присоединяется *еще и то*, что вслѣдствіе большаго количества болотъ, лѣсовъ и отовсюду стекающихся рѣкъ эти мѣста не обработаны, города въ нихъ черезчуръ рѣдки. Самое озеро простирается на 12 миль въ длину и на столько же въ ширину; въ него изливаются, какъ слышно, триста шестьдесятъ рѣкъ. Вытекаетъ же изъ него одна только Шексна (Schocksna), которая впадаетъ въ Волгу 15 милями выше Ярославля и 4 милями ниже города Мологи. Рыба, которая приходитъ изъ Волги въ эту рѣку и озеро, дѣлается лучше; она становится тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ дольше остается въ немъ. Опытность рыбаковъ въ распознаваніи такова, что, поймавъ рыбу, возвратившуюся въ Волгу, они узнаютъ, сколько времени она пробыла въ озерѣ. Туземцы имѣютъ свой собственный языкъ, хотя нынѣ почти всѣ говорятъ по русски. Сказываютъ, что во время лѣтняго солнцестоянія долгайшій день у нихъ равняется девятнадцати часамъ. Одинъ знатный человѣкъ разсказывалъ намъ, что *однажды* въ началѣ весны, когда деревья уже зеленѣли, онъ скакалъ изъ Москвы въ Бѣлоозеро, и что, переправившись черезъ Волгу, остальной путь онъ совершалъ въ саняхъ, потому что все тамъ было покрыто снѣгомъ и льдомъ. И хотя зима тамъ бываетъ дольше, однако плоды поспѣваютъ и собираются въ тоже время, какъ и въ

Москвѣ. На разстояніи полета стрѣлы отъ Бѣлоозера есть другое озеро, производящее сѣру; большое количество ея, въ видѣ сверху плавающей пѣны, уносится текущею изъ этого озера рѣкою. Однако, по невѣжеству народа, тамъ изъ нея не дѣлается никакого употребленія.

Угличь (Uglitz), городъ съ крѣпостью, лежитъ на берегу Волги и отстоитъ отъ Москвы на 24, отъ Ярославля на 30, отъ Твери на 40 миль. Эти вышепоименованныя крѣпости стоятъ на южномъ берегу Волги, городъ же *Угличъ расположенъ* по обоимъ берегамъ ея.

Мѣстечко Холопій-городъ (Chloppigrod locus), куда, какъ я выше сказалъ, бѣжали рабы Новгородцевъ, стоитъ въ двухъ миляхъ отъ Углича. Недалеко оттуда можно видѣть разрушенную теперь крѣпость на рѣкѣ Мологѣ, которая течетъ изъ области Великаго Новгорода на пространствѣ 80 миль и впадаетъ въ Волгу. При ея устьяхъ стоитъ городъ съ крѣпостью того же имени, а въ двухъ миляхъ отъ него стоитъ только церковь Холопьяго-города. На этомъ мѣстѣ бываетъ ярмарка, наиболѣе посѣщаемая во всемъ владѣніи московскаго государя (о ней я уже упоминалъ въ другомъ мѣстѣ); сюда стекаются кромѣ шведовъ, ливонцевъ и московитовъ еще татары и весьма многіе другіе народы изъ восточныхъ и сѣверныхъ странъ. Они ведутъ только мѣновую торговлю, потому что эти народы рѣдко или почти совсѣмъ не употребляютъ золота и серебра. Готовыя платья, иглы, ножики, кострюли, топоры и т. п. они обмѣниваютъ большею частью на мѣха.

Переяславль (Pereaslavu), городъ и крѣпость, на сѣверовостокѣ, отстоитъ отъ Москвы на 24 мили и лежитъ при озерѣ, въ которомъ ловятся, какъ на островѣ Соловкахъ, рыбки сельги: о нихъ я упомянулъ выше. Поля довольно плодоносны и обильны; послѣ жатвы князь тѣшится на нихъ охотой. На тѣхъ же поляхъ есть озеро, изъ *воды* котораго вываривается соль. Черезъ этотъ городъ отправляются тѣ, которые должны ѣхать въ Нижній Новгородъ, Кострому, Ярославль и Угличь. Въ этихъ странахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго исчисленія пути, по причинѣ частыхъ болотъ и лѣсовъ. Тамъ же есть рѣка Нерль (Nerel), вытекающая изъ какого то озера и впадающая въ Волгу выше Углича.

Ростовъ (Rostovu), городъ и крѣпость, мѣстопребываніе архіепископа, вмѣстѣ съ Бѣлоозеромъ и Муромомъ считается

послѣ Великаго Новгорода въ числѣ главныхъ и древнѣйшихъ княжествъ Руссіи. Дорога изъ Москвы въ Ростовъ идетъ прямо черезъ Переяславль, отъ котораго *Ростовъ* находится въ 10 миляхъ. Лежитъ при озерѣ, изъ котораго выходитъ рѣка Которость (Cotoroa), протекающая черезъ Ярославль и впадающая въ Волгу. Страна имѣетъ плодоносную почву и преимущественно изобилуетъ рыбою и солью. Страна эта издревле принадлежала вторымъ сыновьямъ великихъ князей Руссіи; потомки ихъ весьма недавно были оттуда изгнаны и лишены области Іоанномъ, отцомъ Василія.

Ярославль (Jaroslavu), городъ и крѣпость на берегу Волги, отстоитъ отъ Ростова на 12 миль по прямому направленію отъ Москвы. Страна довольно плодоносна, особенно въ той части, которая прилежитъ къ Волгѣ. Она также какъ и Ростовъ принадлежала вторымъ сыновьямъ князей, но ихъ силою покорилъ тотъ же самый государь. И хотя до сихъ поръ въ этой провинціи существуютъ герцоги (Duces), которыхъ называютъ князьями (Knesos)—однако государь присвоиваетъ себѣ титулъ *ярославскаго*, предоставивъ эту страну князьямъ въ качествѣ своихъ подданныхъ. Этою областью владѣютъ три князя. потомки второй линіи княжескаго дома; русскіе называютъ ихъ Ярославскими (Jaroslavuski). Первый изъ нихъ — Василій, тотъ самый, который водилъ насъ къ князю изъ нашей гостинницы и отводилъ назадъ. Другой — Симеонъ Ѳедоровичъ (Foederovuitz), отъ Курбы, своего помѣстья, прозывающійся Курбскимъ, человѣкъ старый и сильно изнуренный необыкновенно воздержною и суровою жизнью, которую велъ съ молодыхъ лѣтъ. Въ продолженіи многихъ годовъ онъ не употреблялъ въ пищу мяса и питался рыбою только по воскресеньямъ, вторникамъ и субботамъ, а по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ въ посту воздерживался даже и отъ рыбы. Великій князь посылалъ подъ его коммандой войско черезъ Пермію въ Югру (Juharia) для покоренія отдаленныхъ племенъ. Большую часть дороги онъ прошелъ пѣшкомъ по причинѣ множества снѣгу; а когда снѣга растаяли, то остальной путь онъ совершилъ на судахъ и перешелъ черезъ гору Печору (mons Petzora). Послѣдній *изъ Ярославскихъ*—Іоаннъ, по прозванію Посеченъ (Possetzen), который отъ лица своего государя былъ посломъ у цесаря Карла въ Испаніи и возвратился вмѣстѣ съ нами. Онъ былъ до того бѣденъ, что для дороги занялъ платье и Kolpackh (это голов-

ная покрышка) у другихъ, что мы знаемъ навѣрное. Потому очень ошибся тотъ, кто про него писалъ, что въ случаѣ нужды онъ можетъ прислать своему государю 30.000 всадниковъ изъ своего владѣнья или отчины.

Вологда (Vuolochda), область, городъ и крѣпость, получившіе одно общее имя отъ рѣки; епископы пермскіе имѣютъ здѣсь свое мѣстопребываніе, но безъ юрисдикціи (sine imperio). Вологда находится на сѣверовостокѣ, и дорога изъ Москвы въ нее идетъ черезъ Ярославль. Отстоитъ отъ Ярославля на 50 герм. миль, отъ Бѣлоозера почти на 40. Вся страна болотиста и лѣсиста, отъ чего также и въ этомъ краю путешественники не могутъ въ точности опредѣлять разстоянія по причинѣ частыхъ болотъ и извилистыхъ рѣкъ. Ибо чѣмъ дальше идешь, тѣмъ больше встрѣчается непроходимыхъ болотъ, рѣкъ и лѣсовъ. Рѣка Вологда течетъ къ сѣверу и проходитъ черезъ городъ; восьмью милями ниже города съ нею соединяется рѣка Сухона (Suchana), вытекающая изъ озера, которое называется Кубинскимъ (Koinski). Рѣка удерживаетъ имя Сухоны и течетъ на сѣверовостокъ. Вологодская область была прежде подвластна Великому Новгороду. Такъ какъ ея крѣпость занимаетъ отъ природы крѣпкую позицію, то князь, какъ слышно, хранитъ тамъ часть своихъ сокровищъ. Въ годъ нашей поѣздки въ Московію была тамъ такая дороговизна хлѣба, что одна мѣра, употребляющаяся у нихъ, продавалась по 14 денегъ, тогда какъ въ другое время въ Московіи она обыкновенно продается по 4, 5 или 6 денегъ.

Рѣка Вага (Vuaga), изобилующая рыбой, беретъ начало между Бѣлоозеромъ и Вологдой, въ болотахъ и дремучихъ лѣсахъ, и изливается въ рѣку Двину. Жители ея окрестностей снискиваютъ себѣ пропитаніе охотой, потому что у нихъ почти совсѣмъ нѣтъ хлѣба. Тамъ ловятся лисицы чернаго и пепельнаго цвѣтовъ. Оттуда идетъ кратчайшій путь къ области и рѣкѣ Двинѣ.

Область Устюгъ (Ustyug) получила имя отъ города и крѣпости, лежащихъ на рѣкѣ Сухонѣ. Отъ Вологды отстоитъ на 100 миль, отъ Бѣлоозера на 140. Городъ прежде стоялъ у устьевъ рѣки Юга (Ug), которая течетъ съ юга на сѣверъ; потомъ онъ былъ перенесенъ на удобнѣйшее мѣсто, почти полмили выше устья, но до сихъ поръ удерживаетъ древнее названіе. Ибо у русскихъ устье (Usteie) значитъ ostium, слѣдо-

вательно Устюгъ значитъ Устье Юга. Эта область была прежде подвластна великому Новгороду. Хлѣба въ ней очень мало или почти и совсѣмъ нѣтъ; пищею служитъ рыба и дичь. Соль получается изъ *области* Двины. У жителей свой языкъ, хоть они больше говорятъ по русски. Соболей тамъ не много, да и тѣ не изъ отличныхъ; однако другіе мѣха находятся въ изобиліи, особенно мѣха черныхъ лисицъ.

Область и рѣка Двина (Dvuina) получили свое имя отъ стеченія рѣкъ Юга и Сухоны, ибо у русскихъ Dvuina значитъ два или двойной. Эта рѣка течетъ на пространствѣ ста миль и впадаетъ въ Сѣверный океанъ, который омываетъ Швецію и Норвегію и отдѣляетъ ихъ отъ неизвѣстной земли Енгранеландъ. Эта область, лежащая на самомъ сѣверѣ, прежде была подвластна новгородцамъ. Отъ Москвы до устьевъ Двины, считается 300 миль; хотя, какъ я прежде сказалъ, въ странахъ, которыя лежатъ за Волгой, по причинѣ частыхъ болотъ, рѣкъ и обширныхъ лѣсовъ нельзя разсчитывать разстояній, однако, по моей догадкѣ, *между Москвой и устьями Двины* едва будетъ двѣсти миль, — ежели ѣхать изъ Москвы въ Вологду, изъ Вологды, нѣсколько на востокъ, въ Устюгъ, и наконецъ изъ Устюга по рѣкѣ Двинѣ прямо на сѣверъ. Въ этой области нѣтъ городовъ и крѣпостей, кромѣ крѣпости Холмогоръ (Colmogor), города Двины, стоящаго почти по срединѣ между истокомъ и устьемъ рѣки, и крѣпости Пинеги (Pinega), лежащей у самаго устья Двины. Однако, по разсказамъ, въ ней много деревень, которыя по причинѣ неплодородія земли разъединены большими разстояніями. Жители питаются рыбой и дичиной и въ изобиліи имѣютъ всякаго рода мѣха. Говорятъ, что въ приморскихъ мѣстахъ этой страны водятся бѣлые медвѣди, живущіе по большей части въ морѣ. Ихъ мѣха весьма часто привозятся въ Москву. Въ первое мое посольство въ Московію я привезъ съ собою два такихъ мѣха. Эта страна изобилуетъ солью.

УКАЗАТЕЛЬ ПУТИ ВЪ ПЕЧОРУ, ЮГРУ И КЪ РѢКѢ ОБИ.

Владѣнія московскаго князя простираются далеко на востокъ и нѣсколько на сѣверъ до тѣхъ мѣстъ, которыя исчисляются дальше. Объ этомъ предметѣ мнѣ доставлена была

рукопись на русскомъ языкѣ, въ которой содержалось описаніе этого пути, и которую я перевелъ и въ точности помѣщаю здѣсь. Если кто отправляется туда изъ Москвы, тому надобно держаться болѣе употребительнаго и кратчайшаго пути отъ Устюга и Двины черезъ Пермію. Отъ Москвы до Вологды считается 500 верстъ, отъ Вологды до Устюга, вправо, внизъ по рѣкѣ *Вологдѣ* и *потомъ* по Сухонѣ, съ которою *эта рѣка* сливается, также 500 верстъ. Подъ городомъ Стрельце (Strelze), на двѣ версты ниже Устюга, съ ними сливается рѣка Югъ, текущая съ юга; отъ ея устья до истоковъ считается болѣе 500 верстъ. Сухона и Югъ по своемъ сліяніи получаютъ новое названіе — Двины. Потомъ по Двинѣ до Холмогоръ — 500 верстъ; ниже этого города въ шести дняхъ пути Двина шестью устьями впадаетъ въ Океанъ. Бо̀льшая часть этого пути совершается водою, ибо сухимъ путемъ отъ Вологды до Холмогоръ, съ переправою черезъ Вагу, тысяча верстъ. Недалеко отъ Холмогоръ впадаетъ въ Двину справа рѣка Пинега, текущая съ востока на пространствѣ 700 верстъ. Изъ Двины до мѣста, называемаго Николаевымъ (Nicolai), идти рѣкою Пинегой 200 верстъ; здѣсь, на пространствѣ полуверсты, суда переволакиваютъ въ рѣку Кулой (Kuluio). Рѣка же Кулой беретъ начало на сѣверѣ изъ озера того же имени; отъ ея истоковъ до устья, которымъ она изливается въ океанъ, шесть дней пути. Держась праваго берега моря, приходится плыть мимо слѣдующихъ мѣстъ (possessiones): Stanuvuische (?), Calunczscho (?) и Apnu (?). Обогнувъ мысъ Chorogoski Nosz (?) и Stanuvuische (?), Camenckh (?) и Tolstickh (?), наконецъ входишь въ рѣку Мезень (Mezen), по которой надо плыть шесть дней до деревни того же имени, лежащей при устьѣ рѣки Пезы (Piesza). Идя вверхъ по этой рѣкѣ опять влѣво, къ юговостоку, послѣ трехнедѣльнаго пути встрѣтишь рѣку Piescoya (?). Оттуда пять верстъ волокутъ суда въ два озера, и тогда представляются двѣ дороги: одна изъ нихъ, влѣво, ведетъ въ рѣку Rubicho (?), по которой можно дойти до рѣки Чирки (Circho). Другіе инымъ, кратчайшимъ путемъ переволакиваютъ суда изъ озера прямо въ Чирку, изъ которой, если только не задержатъ бури, въ три недѣли приходятъ къ устьямъ, рѣки Цыльмы (Czilma), впадающей въ большую рѣку Печору, которая въ этомъ мѣстѣ простирается на двѣ версты въ ширину. Спустившись въ Печору, въ шесть дней доходятъ до города и

крѣпости Пустозерска (Pustoosero), около котораго Печора шестью устьями впадаетъ въ океанъ. Обитатели этого мѣста, люди простаго ума, приняли крещеніе только въ 1518 году. Отъ устья Цыльмы до устья рѣки Усы (Ussa) одинъ мѣсяцъ пути Печорою. Уса же беретъ начало съ горы Земной Поясъ (Poyas Zemnoi), находящейся влѣво отъ лѣтняго восхода, и течетъ изъ огромнаго камня этой горы, который называютъ Большимъ Камнемъ (Kamen Bolschoi). Отъ истоковъ Усы до ея устьевъ считается болѣе тысячи верстъ. Печора течетъ въ этотъ сѣверный край съ юга; и отсюда три недѣли пути, если подниматься вверхъ отъ устьевъ Усы до устьевъ рѣки Щугура (Stzuchogora). Писавшіе этотъ дорожникъ, говорили, что они отдыхали между устьями рѣкъ Щугура и Подчерема (Potzscheriema), и сложили запасы, привезенные ими съ собою изъ Руссіи, у ближней крѣпости Strupili (?), которая лежитъ на русскомъ берегу, на правой рукѣ, въ горахъ. За рѣками Печорою и Щугуромъ; у горы Каменный Поясъ (Cameni poyas) и у моря. на сосѣднихъ островахъ и около крѣпости Пустозерска, живутъ различныя и безчисленныя племена, называющіяся однимъ общимъ именемъ Самояди (Samoged) т. е. самихъ себя ѣдящихъ. У нихъ много добывается птицъ и различныхъ звѣрей, какъ-то: соболей, куницъ, бобровъ, горностаевъ, бѣлокъ, а въ океанѣ водится животное моржъ (Mors), о которомъ сказано выше,—кромѣ того uess. (?); также бѣлые медвѣди, волки, зайцы, equivuoduani (?), киты и рыба, называемая семгой (Semsi), и весьма мн. др. Эти племена не приходятъ въ Московію, ибо они дики и убѣгаютъ сообщества и сожительства съ другими людьми. Отъ устья Щугура вверхъ по рѣкѣ до Poiassa (?), Artavuische (?), Cameni (?) и большой Poiassa (?) — три недѣли пути. Потомъ на гору Камень (Camen) нужно всходить три дня; спустившись съ нея, идутъ къ рѣкѣ Artavuischa (?), потомъ къ рѣкѣ Sibut (?), оттуда къ крѣпости Lepin (?), отъ Лепина къ рѣкѣ Сосвѣ (Sossa). По этой рѣкѣ живутъ Вогуличи (Vuogolici). Оставивъ Сосву вправѣ, достигаешь рѣки Оби (Oby), которая беретъ начало изъ Китайскаго озера (Kitaisko lacus). Черезъ нее они переправились едва въ одинъ день, и то при скорой ѣздѣ: рѣка эта имѣетъ почти 80 верстъ въ ширину. По ней живутъ также вогуличи и югричи (Ugritzschi). Отъ Обской крѣпостцы вверхъ по рѣкѣ Оби до устья рѣки Иртыша (Irtische), въ которую впадаетъ Сосва, — трех-

мѣсячный путь. Въ этихъ мѣстахъ есть двѣ крѣпости Еромъ (Jerom) и Тюмень (Tumen), которыми управляютъ князья югорскіе (domini Knesi Juhorski), какъ говорятъ, данники великаго князя московскаго. Тамъ водится много звѣрей и *добывается* весьма много мѣховъ.

Отъ устья рѣки Иртыша до крѣпости Грустины (Grustina) два мѣсяца пути; отъ нея до озера Китая (Kitai) рѣкою Обью, которая, какъ я сказалъ, вытекаетъ изъ этого озера, болѣе чѣмъ три мѣсяца пути. Отъ этого озера приходятъ въ большомъ множествѣ черные люди, лишенные общаго *всѣмъ* дара слова; они приносятъ съ собой много товаровъ, преимущественно же жемчугъ и драгоцѣнные камни, которые покупаются грустинцами и серпоновцами. Они называются *лукоморцами* отъ Лукоморіи (Lucomorya), лежащей въ горахъ, по другую сторону Оби отъ крѣпости Серпонова (Serponovu). Сказываютъ, что съ людьми Лукоморіи происходитъ нѣчто удивительное и невѣроятное, весьма похожее на басню: какъ носится слухъ, они каждый годъ умираютъ, именно 27 ноября, когда у русскихъ празднуется память св. Георгія, — и потомъ оживаютъ, какъ лягушки, на слѣдующую весну, большею частью около 24 апрѣля. Грустинцы и серпоновцы ведутъ съ ними торговлю необыкновеннымъ, неизвѣстнымъ въ другихъ странахъ способомъ. Ибо когда у нихъ наступаетъ опредѣленное время умереть или заснуть, они складываютъ товары въ извѣстномъ мѣстѣ, а грустинцы и серпоновцы уносятъ ихъ, оставляя вмѣсто нихъ свои товары и дѣлая ровный размѣнъ. Возвратясь къ жизни, *лукоморцы* требуютъ назадъ свои товары, если лукоморцы находятъ, что имъ сдѣлана несправедливая оцѣнка; отъ того возникаютъ между ними весьма часто ссоры и войны. По лѣвому берегу рѣки Оби, внизъ, живутъ каламы (Calami populi), которые переселились туда изъ Обіовы (Obiovua) и Погозы (Pogosa). За Обью, у Золотой Бабы, гдѣ Обь впадаетъ въ океанъ, текутъ рѣки Сосва (Sossa), Березва (Berezvua) и Данадимъ (Danadim, (*Надымъ?*), которыя всѣ берутъ начало изъ горы Камень Большаго Пояса (Camen, Bolschega, Poiajsa) и соединенныхъ *съ ней* скалъ. Всѣ народы, живущіе отъ этихъ рѣкъ до Золотой Бабы, называются данниками князя московскаго.

Золотая Баба (Slata baba), т. е. золотая старуха, есть идолъ у устьевъ Оби, въ области Обдорѣ (Obdora); онъ стоитъ на правомъ берегу. По берегамъ Оби и около сосѣднихъ рѣкъ

разсѣяно много крѣпостей, которыхъ владѣтели, какъ слышно, всѣ подвластны князю Московіи. Разсказываютъ или справедливѣе баснословятъ, что этотъ идолъ Золотой Бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держитъ сына въ утробѣ, и что тамъ уже снова видѣнъ другой ребенокъ, который, говорятъ, ея внукъ. Кромѣ того *увѣряютъ*, что тамъ поставлены какіе-то инструменты, которые издаютъ постоянный звукъ въ родѣ трубнаго. Если это и такъ, то, по моему мнѣнію, это дѣлается отъ того, что вѣтры сильно и постоянно дуютъ въ эти инструменты.

Изъ лукоморскихъ горъ вытекаетъ рѣка Коссинъ (Kossin), при устьѣ которой находится крѣпость Коссинъ; ею прежде владѣлъ князь Венца (Knes vuentza), а теперь его сыновья. Туда отъ истоковъ большой рѣки Коссинъ два мѣсяца пути. Вмѣстѣ съ этою рѣкою беретъ начало другая рѣка Кассима (Cassima) и, протекши черезъ Лукоморію, впадаетъ въ большую рѣку Тахнинъ (Tachnin), за которою, по разсказамъ, живутъ люди чудеснаго вида: у однихъ, какъ у дикихъ звѣрей, все тѣло поросло волосами, у другихъ собачьи головы, у иныхъ совершенно нѣтъ шеи, на мѣстѣ головы грудь, нѣтъ ногъ, а длинныя руки. Есть и въ рѣкѣ Тахнинѣ одна рыба съ головою, глазами, носомъ, ртомъ, руками, ногами и пр., — по виду совершенный человѣкъ, однако безъ всякаго голоса; она, какъ и другія рыбы, доставляетъ пріятную пищу.

Все, что я говорилъ до сихъ поръ, переведено мною дословно изъ доставшагося мнѣ русскаго дорожника. Хотя въ этихъ извѣстіяхъ нѣкоторое кажется баснословнымъ и едва вѣроятнымъ, какъ то о нѣмыхъ людяхъ, умирающихъ и оживающихъ, о Золотой Бабѣ, о чудовищныхъ формахъ людей и о человѣкообразной рыбѣ (о чемъ я самъ старательно развѣдывалъ, но не могъ узнать ничего вѣрнаго ни отъ кого, кто бы это видѣлъ своими глазами, хотя всякій ссылался на всеобщую молву, что это дѣйствительно такъ); — тѣмъ не менѣе я не хотѣлъ ничего пропустить, чтобы другимъ доставить случай глубже изслѣдовать это дѣло, почему я и употреблялъ названія мѣстъ тѣ самыя, которыя употребляются у русскихъ.

Носъ (Noss) у русскихъ значитъ nasus; этимъ именемъ обыкновенно называютъ мысы, выдающіеся въ море на подобіе носа.

Горы около рѣки Печоры называются Земной Поясъ (Semnoi Poyas) т. е. поясъ міра или земли, ибо cingulus — по русски поясъ. Отъ озера Китай получилъ названіе ханъ катайскій (Chan de Cathaia), котораго московиты называютъ китайскимъ царемъ. Ханъ у татаръ значитъ царь.

Приморскія мѣста Лукоморіи лѣсисты; въ нихъ лукоморцы живутъ не строя вовсе домовъ. Хотя составитель этого дорожника говорилъ, что весьма многія племена Лукоморіи подвластны князю московскому; однако, такъ какъ вблизи находится царство Тюмень, государь котораго татаринъ и на ихъ языкѣ называется тюменьскимъ царемъ (Tumenski Czar) т. е. Rex in Tumen, и такъ какъ онъ не очень давно нанесъ большой уронъ московскому князю, — то правдоподобнѣе, что эти племена подвластны ему, потому что онъ имъ близкій сосѣдъ.

На рѣкѣ Печорѣ, о которой идетъ рѣчь въ дорожникѣ, стоитъ городъ и крѣпость Папинъ или Папиновъ-городъ (Papin, seu Papinovugorod), жители котораго называются папинами и имѣютъ языкъ отличный отъ русскаго. За этой рѣкой до самыхъ береговъ тянутся высочайшія горы, которыхъ вершины по причинѣ постоянныхъ вѣтровъ совершенно голы, даже не одѣты травой. Хотя эти горы въ разныхъ мѣстахъ имѣютъ разныя названія, однако вообще называются Земнымъ Поясомъ. На этихъ горахъ вьютъ гнѣзда соколы особой породы, о которыхъ скажу ниже, когда буду говорить о княжеской охотѣ. Ростутъ тамъ также кедры, около которыхъ водятся самые черные соболи. Во владѣніи князя московскаго можно замѣтить только однѣ эти горы, — вѣроятно это тѣ, которыя у древнихъ слыли Рифейскими или Гиперборейскими горами. Такъ какъ онѣ постоянно покрыты снѣгомъ и льдомъ, и переходъ черезъ нихъ очень труденъ, то вслѣдствіе этого область Енгронеландъ совершенно неизвѣстна. Князь московскій, Василій Іоанновичъ, нѣкогда посылалъ черезъ Пермію и Печору двухъ своихъ воеводъ, Симеона Ѳеодоровича Курбскаго, прозывающагося такъ отъ своего наслѣдственнаго помѣстья, изъ рода князей Ярославскихъ, и князя Петра Ушатаго (Uschatoi), для изслѣдованія мѣстъ за этими горами и для покоренія *туземныхъ* племенъ. Изъ нихъ Курбскій, въ бытность мою въ Московіи, былъ еще въ живыхъ, и на мои разспросы объ этомъ отвѣчалъ, что онъ семнадцать дней взбирался на гору, которая на ихъ языкѣ называется

Столпомъ (Stolp) т. е. колонной, и все таки не могъ достигнуть ея вершины. Эта гора вдается въ океанъ и простирается до самыхъ устьевъ Двины и Печоры. Но довольно о дорожникѣ.

ВОЗВРАЩАЮСЬ КЪ МОСКОВСКОМУ КНЯЖЕСТВУ.

Княжество Суздаль (Susdali), съ крѣпостью и городомъ того же имени, а въ нихъ мѣстопребываніе епископа, — лежитъ между Ростовомъ и Владиміромъ. Въ то время, когда Владиміръ былъ столицею московскаго государства, оно считалось между главными княжествами и было главою другихъ окрестныхъ городовъ. При усиленіи власти московскаго государя и по перенесеніи резиденціи въ Москву, оно сдѣлалось владѣніемъ младшихъ княжескихъ сыновей: ихъ потомки, изъ которыхъ Василій Шуйскій съ племянникомъ были еще въ живыхъ въ нашу бытность въ Москвѣ, лишены были своего княжества Іоанномъ Васильевичемъ. Въ Суздалѣ находится знаменитый дѣвичій монастырь, въ которомъ была заключена Соломонія, отверженная *великимъ княземъ* Василіемъ. Между всѣми княжествами и областями государя московскаго по плодородію почвы и обилію произведеній первое мѣсто занимаетъ Рязань (Resan): послѣ нея Ярославль, Ростовъ, Переяславль, Суздаль, Владиміръ; которые по плодородію почвы немногимъ уступаютъ Рязани.

Кострома (Castromovugorod), городъ съ крѣпостью, на берегу Волги, стоитъ почти на 20 миль къ юговостоку отъ Ярославля, а отъ Нижняго Новгорода — около 40. Рѣка, отъ которой заимствуетъ имя городъ, впадаетъ тутъ въ Волгу.

Галичь (Galitz), другое княжество съ городомъ и крѣпостью, находится на востокъ отъ Москвы, за Костромою.

Область Вятка (Vuiathka), за рѣкою Камою, лежитъ почти въ 150 миляхъ на востокъ отъ Москвы; кратчайшая дорога къ ней идетъ черезъ Кострому и Галичь, но она трудна, ибо кромѣ болотъ и лѣсовъ, которые затрудняютъ путь, между Галичемъ и Вяткою еще разбойничаютъ бродящіе тамъ черемисы. Поэтому ѣдутъ въ Вятку черезъ Вологду и Устюгъ путемъ болѣе долгимъ, но за то болѣе легкимъ и безопаснымъ. Вятка же отстоитъ отъ Устюга на 120 миль, отъ Казани на 60. Страна получила свое названіе отъ рѣки, на берегу ко-

торой находятся Хлыновъ (Clinovua), Орловъ (Orlo) и Слободской (Slovuoda). Орловъ стоитъ на четыре мили ниже Хлынова. Потомъ въ шести миляхъ ниже, къ западу, стоитъ Слободской. Котельничъ же находится въ восьми миляхъ отъ Хлынова на рѣкѣ Речицѣ (Recitzan, *на картѣ* Reczicza), которая течетъ съ востока между Хлыновымъ и Орловымъ и впадаетъ въ Вятку. Страна болотиста и безплодна и служитъ какъ бы убѣжищемъ бѣглыхъ рабовъ; изобилуетъ медомъ, дикими звѣрями, рыбой и бѣлками. Прежде она была подвластна татарамъ, да и теперь по сю и по ту сторону Вятки, въ особенности при впаденіи ея въ Каму, властвуютъ татары. Дорога считается тамъ чункасами (per Czunckhas), а чункасъ содержитъ въ себѣ пять верстъ. Рѣка Кама изливается въ Волгу двѣнадцатью милями ниже Казани; за этой рѣкой лежитъ область Сибирь.

Пермія (Permia), большая и обширная область, отстоитъ отъ Москвы на 250 или по другимъ на 300 миль, прямо на сѣверовостокъ. Въ ней находится городъ того же имени, стоящій на рѣкѣ Вышерѣ (Vuischora), которая десятью милями ниже впадаетъ въ Каму. По причинѣ множества болотъ и рѣкъ туда едва можно доѣхать сухимъ путемъ, развѣ только зимою; лѣтомъ же легче совершить этотъ путь на судахъ, черезъ Вологду, Устюгъ и рѣкою Вычегдою (Vitzechda), которая въ 12 миляхъ отъ Устюга впадаетъ въ Двину. Ѣдущимъ изъ Перми въ Устюгъ надобно плыть по Вышерѣ; пройдя нѣсколько рѣкъ и въ иныхъ мѣстахъ перетаскивая суда землею въ другія рѣки, они приходятъ къ Устюгу, въ 300 миляхъ отъ Перми. Въ этой области хлѣбъ составляетъ рѣдкость; подать князю жители Перміи ежегодно платятъ лошадьми и мѣхами. У нихъ свой языкъ, а также и свои письмена, изобрѣтенныя епископомъ Стефаномъ, который окончательно утвердилъ ихъ въ христіанской вѣрѣ (а прежде сего, еще непроникнутые вѣрою, они содрали кожу съ какого то епископа, который принимался было за тоже дѣло). Этотъ Стефанъ, уже въ правленіе Дмитрія Іоанновича, былъ причисленъ русскими къ лику святыхъ. До сихъ поръ многіе изъ нихъ остаются идолопоклонниками, живя разсѣянно въ лѣсахъ; монахи и отшельники, отправляющіеся туда, не престаютъ обращать ихъ отъ заблужденій и суетнаго служенія идоламъ. Зимою они ходятъ на артахъ (Artach), что̀ дѣлается въ весьма многихъ мѣстахъ Руссіи, — а арты суть деревянныя

продолговатыя подошвы почти въ шесть ладоней длиною; они держатся на нихъ, подвязывая ихъ къ ногамъ, и ходятъ очень быстро. Они употребляютъ вмѣсто вьючного скота большихъ собакъ, на которыхъ перевозятъ тяжести въ повозкахъ, въ родѣ того, какъ ниже будетъ говориться объ оленяхъ. Говорятъ, что эта область на востокѣ соприкасается съ татарскою областью, названіе которой — Тюмень.

Положеніе области Югры (Iugaria) явствуетъ изъ вышесказаннаго. Русскіе произносятъ *слово* Iuhra съ придыханіемъ и называютъ народъ югричами (Iuhrici). Это та Югарія, изъ которой вышли нѣкогда венгры (Hungari), заняли Паннонію и подъ предводительствомъ Аттилы покорили многія области Европы. Московиты очень гордятся именемъ Югаріи, потому что ихъ подданные нѣкогда опустошили большую часть Европы. Въ первое мое посольство Георгій, по прозванію Малый, родомъ грекъ, во время переговоровъ, желая доказать право своего государя на великое княжество литовское, королевство польское и пр., говорилъ, что югары (Iuhari) были подданными великаго князя московскаго и сидѣли у Меотійскихъ болотъ; что потомъ они заняли Паннонію на Дунаѣ, отъ чего она и получила имя Гунгаріи; что напослѣдокъ *заняли они* Моравію, названную такъ по рѣкѣ, и Польшу, *имя которой происходитъ отъ слова* поле (Polle), что̀ значитъ равнина; что *наконецъ* Буда названа ими по имени брата Аттилы. Я желалъ только передать то, что слышалъ. Говорятъ, что югары до сихъ поръ употребляютъ одинъ языкъ съ венграми; правда ли это, — не знаю. Ибо, несмотря на мои старательные поиски, не нашлось ни одного человѣка изъ этой страны, съ которымъ могъ бы поговорить мой слуга, знающій по венгерски. Они также платятъ дань князю мѣхами. Хотя оттуда привозятся въ Москву жемчугъ и драгоцѣнные камни, однако они собираются не на ихъ океанѣ; а въ другомъ мѣстѣ, преимущественно же привозятся съ морскаго берега близь устьевъ Двины.

Область Сибирь (Sibier) граничитъ съ Пермью и Вяткой, но имѣетъ ли какія нибудь крѣпости и города, — навѣрное не знаю. Въ ней беретъ начало рѣка Яикъ (Iaick), которая впадаетъ въ Каспійское море. Говорятъ, что эта страна пустынна по причинѣ близкаго сосѣдства съ татарами, а тѣми частями ея, которыя обработаны, владѣетъ татаринъ Шихмамай.

Жители ея имѣютъ собственный языкъ; ихъ главный промыселъ — бѣличьи мѣха, которые больше и красивѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ; однако въ то время мы не могли достать въ Москвѣ ни одного такого мѣха.

Черемисы живутъ въ лѣсахъ около Нижняго Новгорода. Они имѣютъ собственный языкъ и исповѣдуютъ магометанскую вѣру. Они подвластны теперь казанскому царю, хотя бо́льшая ихъ часть прежде платила дань князю московскому; отъ того до сихъ поръ они причисляются къ подданнымъ Московіи. Князь вывелъ въ Московію многихъ изъ нихъ по подозрѣнію въ измѣнѣ, и мы видѣли ихъ тамъ. Когда же ихъ отпра́вили на литовскую границу, то они разсѣялись въ разныя стороны. Это племя обитаетъ на обширномъ пространствѣ отъ Вятки и Вологды до рѣки Камы, не имѣя постоянныхъ жилищъ. Всѣ они, какъ мущины, такъ и женщины, весьма быстры на бѣгу, всѣ весьма искусны въ метаніи стрѣлъ, потому что никогда не выпускаютъ изъ рукъ лука; у нихъ даже есть обычай не давать пищи сыновьямъ, пока они не попадутъ стрѣлою въ назначенную цѣль.

Въ двухъ миляхъ отъ Нижняго Новгорода на́ходилось множество домовъ, составлявшихъ родъ города, гдѣ вываривалась соль. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ выжженные татарами, эти дома были возстановлены по приказанію князя.

Мордва (Mordvua populi) живетъ по Волгѣ, на южномъ ея берегу, за Нижнимъ Новгородомъ; этотъ народъ во всемъ похожъ на черемисовъ, кромѣ того, что у нихъ чаще попадаются осѣдлости. Здѣсь конецъ московскихъ владѣній, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы оканчиваемъ наше путешествіе.

Теперь я приведу нѣкоторыя извѣстія о сосѣднихъ и пограничныхъ народахъ, соблюдая тотъ же порядокъ, т. е. отправляясь изъ Москвы на востокъ. Съ этой стороны первые встрѣчаются казанскіе татары; прежде, нежели я буду говорить собственно о нихъ, я долженъ сказать что нибудь вообще о всемъ племени.

О ТАТАРАХЪ.

О татарахъ и ихъ происхожденіи, кромѣ того, что заключается въ польскихъ лѣтописяхъ и въ книжкахъ о двухъ Сарматіяхъ, много писано въ разныхъ мѣстахъ; повторять это здѣсь

болѣе скучно, чѣмъ полезно. Что же узнано мною изъ русскихъ лѣтописей и разсказовъ многихъ людей, объ этомъ я нахожу нужнымъ сказать вкратцѣ. Говорятъ, что моавитяне, которые потомъ названы татарами, люди, отличающіеся отъ остальныхъ народовъ языкомъ, обычаями и наружностью, пришли къ рѣкѣ Калкѣ; а откуда они пришли, какой они вѣры, — никому не было извѣстно. Одни называли ихъ таврименами (Taurimeni), другіе — печенѣгами (Pitzenigi), иные — другимъ именемъ. Меѳодій, епископъ потанцскій (Potanczki), говоритъ, что они вышли съ сѣверовостока изъ пустынь Ейтрискіи (Ieutriskie) и приводитъ такую причину ихъ переселенія. Нѣкто Гедеонъ, человѣкъ знатной фамиліи, нѣкогда навелъ на нихъ страхъ, говоря, что приближается кончина міра. Увлеченные его рѣчами, въ безчисленномъ множествѣ вышли они изъ своей страны для грабежа, чтобы вмѣстѣ съ міромъ не погибли огромныя богатства земнаго шара, и жестоко разграбили все, что находится отъ востока до Евфрата и Персидскаго залива; такимъ образомъ распространяя опустошеніе, въ 6533 году отъ сотворенія міра разбили они племена половецкія, которыя одни только осмѣлились противустать имъ, соединившись съ вспомогательными войсками русскихъ. Очевидно, что въ этомъ мѣстѣ сочинитель книжки о двухъ Сарматіяхъ сдѣлалъ ошибку, говоря, что слово половцы значитъ охотники. Половцы значитъ полевые, campestres, ибо Polle сначитъ campus, поле; ловецъ, ловцы (Lovuatz et Lovutzi) — охотники. Прибавленіе же слога tzi или ksi не перемѣняетъ значенія, и значеніе слѣдуетъ выводить не изъ послѣднихъ, а изъ первыхъ слоговъ. И такъ какъ къ подобнымъ русскимъ рѣченіямъ обыкновенно прибавляется общій слогъ ski, то это и ввело его въ обманъ. И такъ половцы слѣдуетъ объяснять *словомъ* полевые, а не *словомъ* охотники. Русскіе утверждаютъ, что половцы — бывшіе готѳы; однако я не согласенъ съ ихъ мнѣніемъ. Тому, кто хочетъ описывать татаръ, необходимо описывать многіе народы. Ибо у нихъ это имя племенное, и имъ называются различные народы, находящіеся въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи. Но я возвращаюсь къ начатому разсказу. Батый (Bathi), царь татарскій, съ большимъ войскомъ пришедшій съ юга на сѣверъ, занялъ Болгарію (Bulgaria), которая находится на Волгѣ, ниже Казани. Потомъ въ слѣдующемъ 6745 году, постоянно побѣждая, вошелъ онъ въ самую Московію, послѣ недолговре-

менной осады взялъ царскій городъ на капитуляцію, но не исполнилъ даннаго слова и перебилъ всѣхъ; потомъ онъ пошелъ далѣе и выжегъ сосѣднія области Владиміръ, Переяславль, Ростовъ, Суздаль и много городовъ и крѣпостей, избивъ или отведя въ рабство жителей. Онъ разбилъ и умертвилъ великаго князя Георгія, вышедшаго къ нему на встрѣчу съ войскомъ; также Василія Константиновича увелъ съ собою плѣнникомъ и убилъ. Все это было, какъ выше сказано, въ 6745 году отъ сотворенія міра. Съ этого времени почти всѣ русскіе князья были назначаемы татарами и повиновались имъ до самаго Витолда, великаго князя литовскаго, который былъ страшенъ всѣмъ сосѣдямъ и храбро защищалъ отъ татарскаго оружія свои области и тѣ, которыя покорилъ въ Руссіи. Великіе же князья владимірскіе и московскіе до самаго нынѣшняго князя Василія всегда оставались въ вѣрности и повиновеніи, однажды данныхъ татарскимъ государямъ. Лѣтописи повѣствуютъ, что этотъ Батый былъ убитъ въ Венгріи Владиславомъ, королемъ венгерскимъ, который послѣ крещенія получилъ имя Владислава и былъ причисленъ къ лику святыхъ; ибо когда Батый увелъ съ собою сестру короля, которою овладѣлъ случайно во время опустошенія королевства, то король, подвигнутый и любовью къ сестрѣ и негодованіемъ на этотъ поступокъ, погнался за нимъ. Когда онъ напалъ на Батыя, то его сестра, схвативъ оружіе, начала помогать прелюбодѣю противъ брата; разгнѣванный король убилъ сестру вмѣстѣ съ прелюбодѣемъ. Это случилось въ 6745 году отъ сотворенія міра.

Узбекъ (Asbeck) наслѣдовалъ власть послѣ Батыя и умеръ въ 6834 году отъ сотворенія міра; его мѣсто занялъ сынъ его Чанибекъ (Zanabeck), умертвивъ братьевъ своихъ, чтобы царствовать одному безъ страху; онъ умеръ въ 6865 году. Слѣдовавшій за нимъ Бердибекъ (Berdebeck) также умертвилъ двѣнадцать братьевъ и умеръ въ 6867 году. Послѣ него Кульпа (Alculpa), умерщвленный вмѣстѣ съ дѣтьми вскорѣ послѣ достиженія власти какимъ-то царькомъ Наврусомъ (Naruss), властвовалъ не болѣе мѣсяца. Когда Наврусъ овладѣлъ царствомъ, къ нему собрались всѣ князья Руссіи и ушли, получивъ право властвовать каждый въ своей области. Онъ былъ убитъ въ 6868 году. Наслѣдовавшій ему Хидырь (Chidir) убитъ сыномъ Темирхожею (Temerhoscha), который едва семь дней владѣлъ царствомъ, пріобрѣтеннымъ посредствомъ злодѣянія. Ибо, изгнанный тем-

никомъ Мамаемъ (Temnick Mamai), онъ бѣжалъ за Волгу и былъ убитъ догнавшими его воинами въ 6869 году. Послѣ нихъ сдѣлался царемъ Тохтамышъ (Thachamisch); въ 6890 году отъ сотворенія міра, 26 августа, онъ выступилъ съ своимъ войскомъ и опустошилъ Московію огнемъ и мечемъ. Разбитый Темиркутлуемъ (Themirkutlu), онъ бѣжалъ къ Витолду, великому князю литовскому. Темиркутлуй сдѣлался царемъ въ Сараѣ въ 6906 отъ сотворенія міра, а умеръ въ 6909. Ему наслѣдовалъ сынъ Шадибекъ (Schatibeck). Послѣ него Темирассакъ (Themirassack) повелъ на Рязань огромное войско для опустошенія Московіи и навелъ такой страхъ на князей московскихъ, что, отчаявшись въ побѣдѣ и бросивъ оружіе, они прибѣгли только къ заступничеству святыхъ. Тотчасъ было послано во Владиміръ за образомъ пресвятой Дѣвы Маріи, который славился многими совершенными тамъ чудесами. Когда его везли въ Москву, князь со всѣмъ народомъ почтительно вышелъ къ нему на встрѣчу и, сперва униженно помолившись ему, чтобы отвратилъ *нашествіе* враговъ, съ величайшимъ благоговѣніемъ внесъ въ городъ; по ихъ словамъ, этимъ обрядомъ (quo cultu) достигнуто было то, что татары не пошли далѣе Рязани. Для вѣчной памяти объ этомъ дѣлѣ былъ построенъ храмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ожидали и приняли образъ, и тотъ день, который русскіе называютъ Срѣтеніемъ (Stretenne) т. е. днемъ встрѣчи, каждый годъ торжественно празднуется 26 августа. Это было въ 6903 году.

Русскіе разсказываютъ, что этотъ Темирассакъ былъ темнаго происхожденія и возвысился своими разбоями, и что въ молодости онъ былъ отличный воръ и отъ этого получилъ свое имя. Однажды онъ кралъ овцу; господинъ овцы засталъ его и сильнымъ ударомъ камня переломилъ ему голень: такъ какъ онъ перевязалъ ее какъ-то желѣзомъ, то и дано было ему прозвище отъ желѣза и хромоты. Ибо Темиръ значитъ желѣзо, а Ассакъ — хромой. Онъ послалъ своего сына съ вспомогательнымъ войскомъ къ константинопольцамъ, стѣсненнымъ турками; разбивъ турокъ и освободивъ городъ отъ осады, тотъ возвратился къ отцу побѣдителемъ въ 6909 году.

Татары раздѣляются на орды, въ числѣ которыхъ заволжская орда (Savuolhensis horda) занимала первое мѣсто по знаменитости и многочисленности, потому что всѣ остальныя орды, какъ говорятъ, произошли отъ нея. Орда же у нихъ

означаетъ сборище или множество. У каждой орды свое особенное названіе: *одни* — заволжцы (Savuolhenses), *другіе* — перекопцы (Praecopenses), *третьи* — ногайцы (Nahaienses) и т. д., и хотя всѣ они магометане, однако очень не любятъ, чтобы ихъ называли турками и считаютъ *это* безчестіемъ *для себя*; тѣмъ не менѣе имъ нравится названіе бесерменовъ (Besermani), которое присвоиваютъ себѣ и турки. Такъ какъ татары обитаютъ на обширномъ пространствѣ въ различныхъ странахъ, то не во всемъ они сходятся нравами и самымъ образомъ жизни. Это люди средняго роста, съ широкимъ, толстымъ лицемъ, и прищуренными и впалыми глазами; они отпускаютъ волоса только на одной бородѣ, а остальное брѣютъ. Только самые знатные люди заплетаютъ волоса, которые у нихъ очень черны, и носятъ ихъ за ушами. Они имѣютъ крѣпкое тѣло, смѣлый духъ и склонны къ безпорядочному любострастію. Они съ удовольствіемъ ѣдятъ мясо лошадей и другихъ животныхъ, не разбирая, какою смертью они умерли; только отъ свиней они воздерживаются, по своему закону. На голодъ и безсонницу они такъ выносливы, что иногда впродолженіи цѣлыхъ четырехъ дней они не ѣдятъ и не спятъ и несмотря на то исполняютъ нужныя работы. Потомъ, доставши чего нибудь съѣстнаго, они обжираются безъ всякой мѣры, съѣдая все безъ остатка, и тѣмъ какбы вознаграждаютъ себя за прежнія лишенія; такимъ образомъ, обремененные пищей, измученные трудами, они спятъ сряду три или четыре дня. Литовцы и русскіе, въ земли которыхъ они дѣлаютъ внезапныя вторженія для грабежа, гонятся за ними и нападаютъ на нихъ въ то время, когда они, откинувъ всякій страхъ и всякую осторожность, безъ стражи и порядка, погружены въ глубокій сонъ неумѣреннымъ употребленіемъ пищи. Если голодъ и жажда слишкомъ мучатъ ихъ во время ѣзды, то они обыкновенно рѣжутъ жилы тѣмъ лошадямъ, на которыхъ сидятъ, и утоляютъ голодъ ихъ кровью, думая притомъ, что это полезно для самихъ лошадей. Такъ какъ почти всѣ они кочуютъ, не имѣя постоянныхъ жилищъ, то направляютъ путь свой по звѣздамъ, преимущественно же по сѣверному полюсу, который на своемъ языкѣ называютъ Selesnicoll т. е. желѣзный гвоздь. Главное ихъ лакомство — лошадиное молоко, отъ котораго, по ихъ мнѣнію, люди дѣлаются и сильными и тучными. Они употребляютъ въ пищу весьма многія травы, въ особенности тѣ, которыя растутъ

около Танаиса; соль употребляется очень немногими. Когда бываетъ отъ царя раздача съѣстныхъ припасовъ, то обыкновенно на сорокъ человѣкъ идетъ одна корова или лошадь, и внутренности убитаго животнаго дѣлятся только между самыми знатными: они ѣдятъ ихъ, поджаривши на огнѣ до того, что можно отдѣлить нечистоту, которая въ нихъ находится. Они съ наслажденіемъ облизываютъ и обсасываютъ не только пальцы, замаранные жиромъ, но также ножъ и дерево, на которомъ была очищаема нечистота. Лошадиныя головы, какъ у насъ кабаньи, считаются лакомствомъ и подаются только знатнымъ. У нихъ большое обиліе въ лошадяхъ, которыя имѣютъ выгнутую шею и очень малы, но сильны, легко переносятъ голодъ и труды, и питаются древесными вѣтьвями, корой и кореньями травъ, которыя вырываютъ копытами изъ земли. Такія привычныя къ трудамъ лошади составляютъ большое удобство для татаръ, и московиты говорятъ, что у татаръ онѣ бѣгутъ быстрѣе, чѣмъ у кого нибудь другаго. Эта порода лошадей называется пахматъ (Pachmat). Сѣдла и стремена у нихъ деревянныя, за исключеніемъ тѣхъ, которыя они похитили или купили отъ сосѣднихъ христіанъ. Чтобы хребетъ у лошади не стирался, они подкладываютъ подъ сѣдло траву и древесные листья. *На лошадяхъ* они переплываютъ черезъ рѣки. Если во время бѣгства устрашила ихъ сила преслѣдующихъ враговъ, то они скачутъ во весь опоръ, бросая сѣдла, одежды и всѣ другія тяжести и оставляя только оружіе. Оружіе ихъ состоитъ въ лукѣ и стрѣлахъ; копье у нихъ рѣдкость. Они очень смѣло вступаютъ въ битву съ врагомъ издали; это однакожь бываетъ непродолжительно: они обращаются въ притворное бѣгство и, улучая удобную минуту, пускаютъ стрѣлы назадъ въ преслѣдующихъ непріятелей, потомъ, внезапно повернувъ коней, снова дѣлаютъ нападеніе на разсыпанные ряды враговъ. Когда доводится имъ сражаться на открытомъ полѣ, и непріятель находится на разстояніи полета копья, то они вступаютъ въ битву не стройными рядами, а кружатся около непріятельскаго войска, обхватывая его со всѣхъ сторонъ, чтобы вѣрнѣе и свободнѣе метать въ него копья. Они наступаютъ и удаляются въ удивительномъ порядкѣ: для этого у нихъ есть вожатые, опытные въ такомъ дѣлѣ, за которыми они слѣдуютъ; если они будутъ убиты непріятельскими стрѣлами или отъ страха ошибутся въ своихъ распоряженіяхъ,

то отъ этого происходитъ такое замѣшательство въ цѣломъ войскѣ, что они не могутъ больше ни возстановить порядка, ни пускать стрѣлъ въ непріятеля. Этотъ родъ сраженія по своему сходству съ танцами, называется у нихъ пляской. Если же приходится сражаться въ тѣснинѣ, тогда уже нельзя употребить описаннаго выше способа, и отъ того они обращаются въ бѣгство, ибо, не имѣя ни щита, ни копья, ни шлема, не могутъ выдержать продолжительной рукопашной битвы. Въ конной ѣздѣ у нихъ своя особенность: они садятся на сѣдло съ поджатыми ногами, чтобы легче было повертываться въ ту и другую сторону, и если нужно поднять съ земли что нибудь упавшее, то безъ труда исполняютъ это, оперпшись на стремена: въ этомъ они такъ искусны, что дѣлаютъ это даже на всемъ конскомъ скаку. Когда въ нихъ пущено копье, то они тотчасъ наклоняются на другой бокъ для избѣжанія непріятельскаго удара, держась на лошади только одной ногой и рукой. При вторженіи въ области сосѣдей, каждый имѣетъ при себѣ двѣ или три лошади, смотря по средствамъ, для того чтобы, когда устанетъ одна, можно было пересѣсть па другую и третью; а усталыхъ они ведутъ на поводѣ. Узда у нихъ самая легкая, и вмѣсто шпоръ употребляется плетка. Они холостятъ всѣхъ своихъ лошадей, ибо полагаютъ, что такія способнѣе переносить труды и голодъ. Какъ мущины, такъ и женщины носятъ одинаковую одежду; послѣднія ничѣмъ не отличаются отъ мущинъ въ убранствѣ, кромѣ того, что покрываютъ головы льнянымъ покрываломъ и употребляютъ также льняныя полусапожки, подобно морякамъ. Ихъ царицы обыкновенно закрываютъ лицо, выходя въ публику. Остальной народъ, разсѣянно живущій въ поляхъ, имѣетъ одежды, сдѣланныя изъ овечьихъ шкуръ; они не перемѣняютъ ихъ до тѣхъ поръ, пока отъ долгаго употребленія онѣ не изотрутся и не издерутся совершенно. Они не долго остаются на одномъ мѣстѣ, считая это большимъ несчастьемъ для себя. Отъ того въ гнѣвѣ на дѣтей, грозя имъ большимъ несчастьемъ, говорятъ: «Чтобъ тебѣ всегда быть на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ христіанину, и нюхать собственную вонь». По этой причинѣ, истребивъ траву на одномъ мѣстѣ, они переходятъ на другое съ табунами, женами и дѣтьми, которыхъ возятъ за собою на телѣгахъ. Тѣ же, которые обитаютъ въ городахъ, ведутъ другой образъ жизни. Во время тяжкой войны они укрываютъ своихъ женъ,

дѣтей и стариковъ въ болѣе безопасныхъ мѣстахъ. У нихъ нѣтъ никакой справедливости, потому что если кто нуждается въ какой нибудь вещи, то безнаказанно можетъ похитить ее у другаго. Если тотъ жалуется судьѣ на насиліе и нанесенную ему обиду, то виновный не отпирается, но говоритъ, что онъ не могъ обойтись безъ этой вещи. Тогда судья обыкновенно произноситъ слѣдующее рѣшеніе: «Если ты въ свою очередь будешь нуждаться въ какой нибудь вещи, то похищай ее у другихъ.» Нѣкоторые говорятъ, что они не воруютъ: воруютъ они, или нѣтъ, — пусть судятъ другіе; но дѣйствительно они люди самые хищные, самые бѣдные и всегда готовые поживиться на чужой счетъ; — угоняютъ чужой скотъ, грабятъ и уводятъ людей, которыхъ или продаютъ туркамъ и другимъ, или отпускаютъ за выкупъ, оставляя себѣ только дѣвицъ. Рѣдко осаждаютъ они города и крѣпости: жгутъ деревни и села и наслаждаются нанесеннымъ вредомъ, полагая, что чѣмъ болѣе опустошатъ областей, тѣмъ пространнѣе будетъ ихъ царство. Будучи самаго безпокойнаго нрава, они однако не убиваютъ другъ друга, если только не поссорятся между собою ихъ цари. Если въ ссорѣ кто нибудь будетъ убитъ, и виновники преступленія будутъ взяты, то ихъ отпускаютъ, отнявъ у нихъ лошадей, оружіе, одежду. Человѣкоубійца, получивъ дурную лошадь и лукъ, отпускается судьею съ такими словами: «Ступай и дѣлай какъ знаешь (I, et rem tuam cura).» Золото и серебро у нихъ, за исключеніемъ купцовъ, почти не употребляется: существуетъ только обмѣнъ вещами. Ибо пограничные татары (vicini), выручивъ сколько нибудь денегъ отъ продажи своихъ произведеній, покупаютъ на нихъ въ Московіи одежды и другія жизненныя потребности. Между собою (я говорю о степныхъ татарахъ) они не имѣютъ никакихъ межей. Однажды московиты взяли въ плѣнъ одного жирнаго татарина. На слова московита: «Откуда у тебя, собака, такой жиръ, когда тебѣ нечего ѣсть?» — татаринъ отвѣчалъ: «Почему это мнѣ нечего ѣсть, когда я обладаю такою обширною землею отъ востока до самаго запада; развѣ отъ нея я не могу получить всего въ изобиліи? Скорѣе тебѣ нечего ѣсть, потому что ты владѣешь такою маленькою частицей земнаго шара и ежедневно за нее сражаешься.»

Казанское царство, городъ Казань и крѣпость того же имени лежатъ у Волги, на лѣвомъ берегу рѣки, почти на 70

герм. миль ниже Новгорода Нижняго; по Волгѣ, на востокѣ и югѣ, оно примыкаетъ къ пустынной степи, а на юговостокѣ граничитъ съ татарами шейбанскими и кайсацкими (Schibanski et Kasatzki). Царь этой страны можетъ располагать 30.000 воиновъ преимущественно пѣшихъ, между которыми черемисы и чуваши (Czubaschi) самые искусные стрѣлки. Чуваши же отличаются своимъ судоходствомъ. Городъ Казань находится отъ княжеской крѣпости Вятки въ 60 герм. миляхъ. Казань значитъ по татарски мѣдный кипящій горшокъ. Эти татары образованнѣе остальныхъ, потому что они обработываютъ поля, живутъ въ домахъ и занимаются различными промыслами. Василій, князь московскій, принудилъ ихъ покориться и принимать царей по его назначенію, что̀ имъ не трудно было сдѣлать, — во-первыхъ, вслѣдствіе удобства сообщеній, которое представляютъ рѣки, текущія изъ Московіи въ Волгу, во-вторыхъ, по причинѣ взаимныхъ торговыхъ сношеній, безъ которыхъ имъ нельзя было обойтись. Нѣкогда у Казанцевъ былъ царь Хелеалекъ (Chelealeck); когда онъ умеръ бездѣтнымъ, оставивъ супругу Нурсултанъ, то нѣкто Ибрагимъ (Abrahemin), женившись на вдовѣ, овладѣлъ царствомъ. Ибрагимъ имѣлъ отъ нея двухъ сыновей, Махметъ-Аминя (Machmedemin) и Абдылъ-Летифа (Abdelativu); отъ первой же супруги, по имени Батмассасолтанъ, онъ имѣлъ сына Алегама. По смерти отца, онъ, какъ первородный, наслѣдовалъ царство; но такъ какъ онъ не всегда повиновался приказаніямъ московскаго князя, то московскіе совѣтники, которыхъ князь имѣлъ тамъ для наблюденія за расположеніемъ царя, однажды на пиру напоили его пьянымъ, положили къ повозку, какъ бы отвозя его домой, и ночью увезли его въ Москву. Продержавъ нѣсколько времени, князь наконецъ сослалъ его въ Вологду, гдѣ онъ дожилъ остальной свой вѣкъ, а мать его, вмѣстѣ съ братьями, Абдылъ-Летифомъ и Махметъ-Аминемъ, сослана была на Бѣлоозеро. Куйдакулъ (Codaiculu), одинъ изъ братьевъ Алегама, крестившись, принялъ имя Петра; за него нынѣшній князь Василій выдалъ потомъ свою сестру. Меникташръ же, другой братъ Алегама, остался въ своей вѣрѣ до конца жизни, и имѣлъ многихъ дѣтей, которые, по кончинѣ отца, крестились вмѣстѣ съ матерью и всѣ перемерли, исключая одного Θеодора, который былъ еще въ живыхъ въ нашу бытность въ Московіи. Когда такимъ образомъ Алегамъ увезенъ

былъ въ Москву, то на его мѣсто поставили Абдылъ-Летифа; когда же и онъ, по той же причинѣ, какъ Алегамъ, былъ лишенъ царства, то князь поставилъ на его мѣсто Махметъ-Аминя, выпущеннаго изъ Бѣлоозера. Онъ управлялъ до 1518 года. Нурсултанъ, бывшая, какъ я сказалъ, супругою царей Хелеалека и Ибрагима, по смерти Алегама вышла за Менгли-Гирея (Mendliger), царя перекопскаго. Потомъ, не имѣя дѣтей отъ Менгли-Гирея и тоскуя по сыновьямъ отъ первыхъ браковъ, она пріѣхала въ Москву къ Абдылъ-Летифу. Оттуда, въ 1504 г., она отправилась къ Махметъ-Аминю, другому сыну, царствовавшему въ Казани. Казанцы отложились отъ московскаго князя. Такъ какъ за этой измѣной послѣдовали многія войны, и государи, принявшіе участіе въ этой борьбѣ, сражались долго и съ перемѣннымъ счастьемъ, такъ что и теперь она еще не кончена; — то мнѣ казалось нужнымъ подробнѣе изъяснить причину этой войны. Когда измѣна казанцевъ сдѣлалась извѣстною князю московскому Василію, то, негодуя на этотъ поступокъ и желая отмстить, онъ послалъ противъ нихъ огромное войско съ пушками. Казанцы, которымъ приходилось сражаться съ московитами за жизнь и свободу, услышавъ о страшныхъ приготовленіяхъ князя и зная, что имъ не устоять въ рукопашномъ бою, рѣшились дѣйствовать противъ нихъ хитростью. Поэтому, поставивъ свой лагерь передъ непріятелемъ, и скрывъ лучшую часть своихъ войскъ въ удобныхъ для засады мѣстахъ, сами, какъ бы пораженные страхомъ, внезапно оставили лагерь и обратились въ бѣгство. Бывшіе невдалекѣ московиты, узнавъ о бѣгствѣ татаръ, въ безпорядкѣ бѣгомъ пустились на непріятельскій лагерь. Пока они занимались грабежемъ, покинувъ всякую осторожность, татары вмѣстѣ съ черемисскими стрѣлками вышли изъ засады и произвели такое великое кровопролитіе, что московиты принуждены были бѣжать, бросивъ пушки и военные снаряды. Вмѣстѣ съ другими спаслись бѣгствомъ два пушкаря безъ орудій; по возвращеніи въ Москву князь принялъ ихъ благосклонно и щедро одарилъ одного изъ нихъ, Бартоломея, родомъ итальянца, который, принявъ потомъ русскую вѣру, былъ даже и тогда въ большой силѣ и милости у князя. Изъ этого пораженія возвратился *также* третій пушкарь съ пушкою, ввѣренною ему, и надѣялся пріобрѣсти большую милость князя, потому что тщательно сберегъ и привезъ назадъ пушку. Князь принялъ его

съ бранью и сказалъ: «Подвергая меня и себя такой опасности, ты хотѣлъ или бѣжать или сдаться непріятелю вмѣстѣ съ пушкой; къ чему такое безполезное старанье спасти пушку? Я ни во что ставлю ея потерю, лишь бы остались у меня люди, умѣющіе лить пушки и обходиться съ ними». Впрочемъ, по смерти царя Махметъ-Аминя, при которомъ казанцы измѣнили, Шигъ-Алей (Scheale) женившись на его вдовѣ, получилъ казанское царство при помощи московскаго князя и брата супруги: онъ владѣлъ имъ только четыре года вслѣдствіе великой ненависти къ нему подданныхъ. Ее умножали безобразіе и слабость его тѣла, ибо это былъ человѣкъ съ выпятившимся впередъ брюхомъ, съ рѣдкою бородой, съ лицемъ почти женскимъ: все это показывало, что онъ нисколько не способенъ къ войнѣ. Къ этому присоединялось *еще* то, что онъ былъ слишкомъ преданъ московскому князю и довѣрялъ болѣе иностранцамъ, чѣмъ своимъ, презирая и пренебрегая благосклонностью своихъ подданныхъ. Вслѣдствіе *всего* этого казанцы предложили царство Саипъ-Гирею (Sapgirei), сыну Менгли-Гирея, одному изъ царей таврическихъ. При приближеніи его, Шигъ-Алей, принуждаемый отказаться отъ царства, видя неравенство силъ и непріязненное къ себѣ расположеніе умовъ, и считая за лучшее уступить судьбѣ, возвратился туда, откуда пришелъ, — въ Москву, вмѣстѣ съ женами, наложницами и со всѣмъ имуществомъ. Это было въ 1521 году. Когда Шигъ-Алей такимъ образомъ бѣжалъ изъ царства, Махметъ-Гирей, царь таврическій, съ большимъ войскомъ ввелъ въ Казань своего брата Саипъ-Гирея. Утвердивъ расположеніе казанцевъ къ брату, на возвратномъ пути въ Тавриду, послѣ переправы черезъ Танаисъ, онъ пошелъ на Москву. Въ это время Василій, полагая себя въ безопасности, и не опасаясь ничего подобнаго, при слухѣ о приближеніи татаръ, собравъ какъ можно скорѣе войско, назначилъ вождемъ Димитрія Бѣльскаго и послалъ его къ рѣкѣ Окѣ воспрепятствовать переходу татаръ. Махметъ-Гирей съ превосходными силами быстро переправился черезъ Оку и расположился станомъ у прудовъ, въ 13 верстахъ отъ самой Москвы. Отсюда онъ дѣлалъ набѣги, грабилъ и жегъ все. Въ это же время и Саипъ-Гирей, вышедши съ войскомъ изъ Казани, опустошилъ Владиміръ и Нижній Новгородъ. Послѣ этого братья-цари сошлись у города Коломны и соединили свои силы. Видя

невозможность отразить такого сильнаго врага и оставивъ въ крѣпости съ гарнизономъ своего зятя Петра, происходившаго отъ царей татарскихъ, съ нѣкоторыми другими вельможами, — Василій бѣжалъ изъ Москвы, до того пораженный страхомъ, что, отчаяваясь въ своемъ дѣлѣ, какъ разсказываютъ нѣкоторые, скрывался нѣсколько времени подъ стогомъ сѣна. Двадцать перваго іюля татары пошли дальше и на обширномъ пространствѣ все опустошили пожарами; они навели на московитовъ такой страхъ, что тѣ почитали себя мало безопасными даже въ крѣпости и въ городѣ. Во время этой паники, отъ женщинъ, младенцевъ и другихъ неспособныхъ къ оружію, которые стекались въ крѣпость съ телѣгами, повозками и тяжестями, произошло въ воротахъ ужасное смятеніе: своей излишней торопливостью они только замедляли и давили другъ друга. Это множество народа произвело въ крѣпости такое зловоніе, что еслибы непріятель три или четыре дня остался подъ городомъ, то осажденнымъ пришлось бы гибнуть отъ заразы; ибо при такомъ стеченіи народа всякій принужденъ былъ отдавать долгъ природѣ на томъ же мѣстѣ, которое занималъ. Въ это время въ Москвѣ были ливонскіе послы: сѣвъ на лошадей, они ударились въ бѣгство и, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ огня и дыма, и думая, что кругомъ все татары, спѣшили до того, что въ одинъ день прибыли въ Тверь, которая отстоитъ отъ Москвы на 36 герм. миль. Тогда заслужили великую похвалу нѣмецкіе пушкари, въ особенности Николай, уроженецъ окрестностей Рейна, недалеко отъ имперскаго города Шпейера. Начальникъ и другіе бояре, совсѣмъ растерявшіеся отъ чрезмѣрнаго страха, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ поручили ему защиту города и просили его вывезти къ крѣпостнымъ воротамъ большія пушки, которыми обыкновенно разрушаютъ стѣны, чтобы отражать татаръ. Эти пушки были такъ громадны, что ихъ едва ли бы можно было перевезти туда въ три дня. Но они не имѣли въ готовности столько пороху, чтобы хоть одинъ разъ выстрѣлить изъ самой большой пушки. Ибо у московитовъ постоянно такъ: все держится въ секретѣ, ничего нѣтъ заготовленнаго, и только уже въ крайней необходимости силятся они поспѣть все сдѣлать. Николай полагалъ, что маленькія пушки, скрытыя далеко отъ крѣпости, можно скоро переносить людьми. Пока они занимались этимъ, внезапно разнесся слухъ, что татары прибли-

жаются; эта вѣсть поразила горожанъ такимъ страхомъ, что, бросивъ пушки по деревнямъ, они оставили даже заботу о защитѣ стѣнъ. Если бы тогда сотня непріятельскихъ всадниковъ сдѣлала нападеніе на городъ, то безъ большаго труда могла бы истребить его огнемъ до основанія. При такой паникѣ начальникъ и всѣ защитники города почли за лучшее умилостивить царя Махметъ-Гирея богатыми дарами, въ особенности медомъ, и отклонить отъ осады. Принявъ дары, Махметъ-Гирей отвѣчалъ, что онъ сниметъ осаду и удалится изъ страны, если Василій грамотою обяжется быть вѣчнымъ данникомъ царю, какъ были его отецъ и предки. Получивъ грамоту, написанную по его желанію, Махметъ-Гирей отвелъ свое войско къ Рязани. Тамъ онъ далъ позволеніе московитамъ выкупать и размѣнивать плѣнныхъ, а остальную добычу продалъ съ аукціона. Въ то время въ татарскомъ лагерѣ былъ Евстахій, по прозванію Дашковичъ (Taskovuitz), подданный короля польскаго, пришедшій къ Махметъ-Гирею съ вспомогательнымъ войскомъ, — ибо тогда не было мира (induciae) между польскимъ королемъ и московскимъ княземъ. Онъ часто выставлялъ добычу для продажи у самой крѣпости съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы при случаѣ ворваться въ крѣпостныя ворота вмѣстѣ съ русскими покупателями и овладѣть городомъ, выгнавъ оттуда гарнизонъ. Его стараніямъ царь хотѣлъ помочь подобною же хитростью. Онъ послалъ къ начальнику крѣпости одного изъ своихъ, человѣка надежнаго, съ приказаніемъ воеводѣ, какъ рабу своего данника, доставить что-то такое и явиться къ нему. Но воевода Іоаннъ Хобаръ (Kovuar) былъ свѣдущъ въ воинскомъ дѣлѣ и въ хитростяхъ подобнаго рода, и ни подъ какимъ видомъ нельзя было заставить его выйти изъ крѣпости. Онъ отвѣчалъ просто, что его еще не извѣстили о томъ, что его князь сдѣлался данникомъ и рабомъ татаръ; если же онъ удостовѣрится въ этомъ, то знаетъ, что̀ ему должно дѣлать. Вслѣдствіе этого тотчасъ была принесена *ему* и показана грамота его князя, которою тотъ обязывался *платить дань* царю. Между тѣмъ, пока воевода недоумѣвалъ надъ этой грамотой, Евстафій, преслѣдуя свой планъ, все болѣе и болѣе приближался къ крѣпости; чтобы лучше прикрыть обманъ, принятъ былъ выкупъ за князя Ѳеодора Лопату, знатнаго вельможу, и за многихъ другихъ русскихъ, попавшихся въ руки враговъ при опустошеніи Московіи. Къ тому же ушли

въ городъ многіе изъ плѣнныхъ, которыхъ нерадиво стерегли и съ намѣреніемъ распускали. Когда татары въ великомъ множествѣ приблизились къ крѣпости, чтобы вытребовать ихъ назадъ, то русскіе въ страхѣ возвратили перебѣжчиковъ. Тѣмъ не менѣе татары не отступали отъ крѣпости; къ нимъ прибывали новыя толпы. Отъ приближенія опасности русскіе были въ великомъ ужасѣ и совершенномъ отчаяніи и не могли хорошенько сообразить, что̀ имъ дѣлать. Тогда Іоаннъ Іорданъ, родомъ нѣмецъ, уроженецъ долины Инна, начальникъ артиллеріи, оцѣнивъ великость опасности лучше, чѣмъ московиты, своевольно выстрѣлилъ въ татаръ и литовцевъ изъ поставленныхъ въ рядъ пушекъ, и такъ устрашилъ ихъ, что они всѣ разбѣжались, оставивъ крѣпость. Царь потребовалъ у воеводы удовлетворенія за нанесенное оскорбленіе черезъ Евстафія, виновника этого плутовства. Воевода говорилъ, что пушкарь выстрѣлилъ не по его приказанію, и сложилъ на него всю вину этого поступка. Царь сталъ требовать выдачи пушкаря и, какъ большею частью бываетъ въ критическомъ положеніи, большинство присудило выдать его, чтобы избавиться отъ страшнаго непріятеля. Одинъ только воевода, Іоаннъ Хобаръ, не согласился на это, и только его величайшимъ благодѣяніемъ и спасся этотъ нѣмецъ. Ибо царь, или не желая медлить, или потому что его воины были обременены добычею, внезапно снялъ лагерь и удалился въ Тавриду (оставивъ въ крѣпости даже грамоту московскаго князя, которою тотъ обязывался вѣчно быть ему данникомъ). Онъ велъ съ собою изъ Московіи такое множество плѣнниковъ, что едва можно повѣрить, ибо, какъ говорятъ, число ихъ превышало 800.000. Онъ частью продалъ ихъ туркамъ въ Кафѣ, частью умертвилъ. Ибо старцы и немощные, за которыхъ нельзя много выручить, и которые негодны для работы, отдаются у татаръ, — все равно какъ зайцы молодымъ собакамъ, — юношамъ, которые учатся на нихъ военному дѣлу и побиваютъ ихъ камнями, или бросаютъ въ море, или убиваютъ ихъ какимъ либо другимъ образомъ. Тѣ же, которые продаются, принуждены цѣлыхъ шесть лѣтъ пробыть въ рабствѣ; по истеченіи этого срока они становятся свободными, однако не смѣютъ уйти изъ страны. Саипъ-Гирей, царь казанскій, продалъ татарамъ всѣхъ плѣнниковъ, которыхъ увелъ изъ Московіи, на астраханскомъ рынкѣ, находящемся недалеко отъ устьевъ

Волги. По удаленіи царей татарскихъ изъ Московіи, князь Василій снова воротился въ Москву; при въѣздѣ, у самыхъ крѣпостныхъ воротъ, куда стеклось огромное множество народу для принятія князя, онъ увидѣлъ нѣмца Николая, котораго стараніемъ и распорядительностью, какъ я сказалъ, была спасена крѣпость, и сказалъ ему громкимъ голосомъ: «Твоя преданность мнѣ и твое усердіе, которыя ты доказалъ, оберегая крѣпость, намъ извѣстны, и мы съ избыткомъ заплатимъ за эту услугу». Также, когда приблизился *къ нему* другой нѣмецъ, Іоаннъ, который отогналъ татаръ отъ рязанской крѣпости, внезапно выстрѣливъ изъ пушекъ,—онъ сказалъ: «Какъ твое здоровье? Богъ далъ намъ жизнь, а ты намъ спасъ ее: велика будетъ наша милость къ тебѣ». Оба они надѣялись, что князь щедро одаритъ ихъ; однакожь имъ ничего не было дано, хотя они часто утруждали князя напоминаніями объ обѣщанномъ. Оскорбленные этою неблагодарностью князя, они просили отпуска, чтобы посѣтить давно оставленное ими отечество и своихъ родственниковъ; этимъ они добились, что князь приказалъ каждому изъ нихъ прибавить къ прежнему жалованью по 10 флориновъ. Между тѣмъ во дворцѣ князя произошелъ споръ о томъ, кто былъ виновникомъ бѣгства русскихъ отъ Оки. Старѣйшіе слагали всю вину на предводителя войска, князя Димитрія Бѣльскаго, человѣка молодаго, который пренебрегъ ихъ совѣтами, и говорили, что по его нерадѣнію татары перешли черезъ Оку; напротивъ того онъ, сваливая съ себя вину, говорилъ, что Андрей, меньшой братъ князя, прежде всѣхъ обратился въ бѣгство, а прочіе послѣдовали за нимъ. Чтобы не показаться слишкомъ строгимъ къ брату, который оказывался виновникомъ бѣгства, Василій заключилъ въ кандалы и лишилъ достоинства и княжества одного изъ воеводъ, который бѣжалъ вмѣстѣ съ братомъ. Потомъ, при наступленіи лѣта, чтобы отмстить за пораженіе, претерпѣнное отъ татаръ, и смыть безчестіе, которое онъ навлекъ на себя своимъ бѣгствомъ и прятаньемъ подъ сѣномъ, Василій собралъ огромное войско съ большимъ количествомъ пушекъ, которыхъ русскіе никогда прежде того не употребляли въ походахъ, — отправился изъ Москвы со всей арміей и остановился на рѣкѣ Окѣ, у города Коломны. Пославъ оттуда вѣстниковъ въ Тавриду къ Махметъ-Гирею, онъ вызывалъ его на бой, такъ какъ въ прошедшемъ году онъ напалъ на него безъ объявленія войны,

изъ засады, по обычаю воровъ и разбойниковъ. На это царь отвѣчалъ, что довольно много дорогъ открыто ему для нападенія на Москву; что оружіе на войнѣ значитъ столько же, какъ и *выборъ* времени; что вслѣдствіе того онъ ведетъ войны болѣе по своему, чѣмъ по чужому усмотрѣнію. Разгнѣванный этими словами Василій, горя жаждой мести, снялъ станъ и отправился въ 1523 году къ Нижнему Новгороду, чтобы оттуда опустошить казанское царство и овладѣть имъ. Отправившись оттуда къ рѣкѣ Сурѣ, онъ воздвигнулъ на казанскихъ границахъ крѣпость, которую назвалъ по своему имени, и не идя на этотъ разъ далѣе, отвелъ войско домой. На слѣдующій же годъ онъ послалъ Михаила Георгіевича, одного изъ главныхъ своихъ совѣтниковъ, покорить Казань съ бо̀льшими противу прежняго силами. Устрашенный этими ужасными приготовленіями, Саипъ-Гирей, царь казанскій, призвалъ къ себѣ сына своего брата, царя таврическаго, юношу тринадцати лѣтъ, для того, чтобы онъ въ его отсутствіи управлялъ царствомъ, а *самъ* бѣжалъ къ турецкому султану, намѣреваясь просить его о помощи и заступничествѣ. Юно̀ша, повинуясь приказаніямъ дяди, отправился въ дорогу и былъ ласково и съ почетомъ принятъ главными сановниками царства у Гостинова озера (Gostinovuosero) т. е. у острова, который называется островомъ купцовъ, находящагося на Волгѣ, не далеко отъ казанской крѣпости. Они сдѣлали это, потому что его сопровождалъ сеидъ (Seyd), высшая духовная особа у татаръ (сеидъ пользуется у нихъ такимъ почетомъ и уваженіемъ, что даже цари выходятъ встрѣчать его и стоя подаютъ ему руку, тогда какъ онъ сидитъ на лошади; съ наклоненною головою прикасаются они *къ его рукѣ*, и это дозволено только однимъ царямъ, ибо князья прикасаются не къ его рукѣ, а къ колѣнамъ, благородные — къ ногамъ, а чернь дотрогивается только до одежды или до лошади). Этотъ сеидъ, въ тайнѣ благопріятствуя Василію, старался захватить юнаго *царя* и связаннаго отослать въ Москву, но былъ схваченъ самъ и всенародно заколотъ ножемъ. Между тѣмъ главный воевода Михаилъ для перевозки орудій и съѣстныхъ припасовъ собралъ въ Нижнемъ Новгородѣ такое множество судовъ, что рѣка, въ иныхъ мѣстахъ очень широкая, повсюду казалась покрытою ими; онъ поспѣшилъ съ войскомъ къ Казани. Дошедши до острова купцовъ Гостинова озера и седьмаго іюля поставивъ лагерь, онъ пробылъ тамъ двадцать дней въ ожиданіи конницы.

Между тѣмъ казанская крѣпость, выстроенная изъ дерева, была зажжена московскими клевретами и совершенно сгорѣла въ виду русскаго войска. Такой случай для овладѣнія крѣпостью былъ упущенъ вслѣдствіе боязливости и нерадѣнія полководца, который даже не вывелъ воиновъ для занятія крѣпостнаго холма и не тревожилъ татаръ, строившихъ новыя укрѣпленія. Однакожь 28 числа того же мѣсяца онъ переправился на ту сторону Волги, на которой стоитъ крѣпость, и остановился съ войскомъ на рѣкѣ Казанкѣ, въ теченіе двадцати дней выжидая удобнаго случая для дѣйствій. Тамъ онъ остановился, а недалеко отъ него и казанскій царь (regulus) поставилъ свой лагерь и часто нападалъ на русскихъ, высылая пѣшихъ черемисовъ, — однако безъ успѣха. Царь Шигъ-Алей, также прибывшій сюда (ad id bellum) на корабляхъ, письменно убѣждалъ его отступиться отъ его наслѣдственнаго владѣнія, — на что̀ тотъ отвѣчалъ коротко: «Если ты желаешь имѣть это мое царство, то рѣшимъ оружіемъ, *кому оно должно принадлежать*; пусть владѣетъ имъ тотъ, кому дастъ судьба». Понапрасну теряя время и истративъ взятые съ собой съѣстные припасы, русскіе начали голодать, ибо нельзя было сдѣлать подвоза: черемисы опустошали все кругомъ и тщательно наблюдали за сообщеніями непріятеля, такъ что князь не могъ узнать о нуждѣ, отъ которой страдало его войско, и сами они не могли подать ему вѣсть. Съ этою цѣлью назначены были Василіемъ двое *воеводъ*: одинъ, князь Іоаннъ Палецкій (Paliczki), долженъ былъ спуститься изъ *Нижняго* Новгорода по рѣкѣ къ войску, съ кораблями, нагруженными съѣстными припасами, и, оставивъ тамъ припасы и узнавъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, скорѣе возвратиться къ нему; другой былъ посланъ на тотъ же конецъ сухимъ путемъ съ 500 всадниковъ: онъ былъ побитъ встрѣтившими его черемисами и едва девять человѣкъ спаслось въ смятеніи бѣгствомъ. Воевода, тяжело раненый, умеръ на третій день въ рукахъ враговъ. Когда молва объ этомъ пораженіи дошла до войска, то въ лагерѣ распространилось уныніе, которое еще болѣе умножилъ внезапный и несправедливый слухъ объ истребленіи всей конницы, — такъ что русскіе ни о чемъ болѣе не думали кромѣ бѣгства. Всѣ согласились на отступленіе, но еще колебались возвратиться ли имъ вверхъ по рѣкѣ, что̀ было весьма трудно, или спуститься *еще* нѣсколько внизъ по теченію и добраться до другихъ рѣкъ, чтобы потомъ возвратиться

длиннымъ обходомъ по сухому пути. Во время этихъ совѣщаній, когда ихъ чрезмѣрно томилъ голодъ, вдругъ прибыли *къ нимъ* тѣ девятеро, которые, какъ я сказалъ, спаслись при пораженіи пятисотеннаго *отряда*, и извѣстили о прибытіи Іоанна Палецкаго съ съѣстными припасами. Хотя онъ и торопился, но былъ такъ несчастливъ, что потерялъ большую часть судовъ и *только* съ немногими прибылъ въ станъ. *Вотъ какъ это было.* Утомленный долговременнымъ трудомъ, въ одну ночь онъ вышелъ отдохнуть на берегъ Волги. Черемисы постоянно прибѣгали и съ громкимъ крикомъ опрашивали, кто плыветъ мимо? Слуги Палецкаго, полагая, что это корабельная челядь, бранили ихъ и грозили, что высѣкутъ ихъ на слѣдующій день розгами за то, что они несносными криками тревожатъ сонъ ихъ господина. На что̀ черемисы сказали: «Завтра у насъ будетъ съ вами другое дѣло, ибо мы повеземъ всѣхъ васъ въ Казань связанными». И такъ, рано утромъ, когда еще не поднялось солнце, и густѣйшій туманъ застилалъ весь берегъ, черемисы, внезапно сдѣлавъ нападеніе на суда, навели такой страхъ на русскихъ, что начальникъ флота, Палецкій, оставивъ въ рукахъ непріятелей 90 большихъ судовъ, изъ которыхъ на каждомъ было по 30 человѣкъ, и отвязавъ отъ берега *свой* корабль выплылъ на средину Волги и подъ прикрытіемъ тумана, почти нагой, прибылъ къ войску. Но и послѣ того, возвращаясь съ многими кораблями, онъ, по такому же несчастью, попалъ на засаду черемисовъ и, потерявъ сопровождавшіе его корабли, едва спасся съ немногими. Когда русскіе терпѣли такимъ образомъ и отъ голода и отъ непріятеля, — посланная Василіемъ конница, переправившись черезъ рѣку Свіягу (Vuiega), которая течетъ въ Волгу съ юга и отстоитъ отъ Казани на 8 миль, подходила къ войску и два раза была встрѣчаема татарами и черемисами. Она билась съ ними, и съ обѣихъ сторонъ было потеряно много *людей*; но татары наконецъ уступили, и она присоединилась къ остальному войску. И такимъ образомъ, войско, подкрѣпленное конницею, 15 августа начало осаждать казанскую крѣпость. Свѣдавъ объ этомъ, царь (regulus) поставилъ также свой лагерь въ виду непріятеля съ другой стороны города и, часто высылая конницу, приказывалъ ей ѣздить вокругъ непріятельскаго стана и тревожить ихъ; такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ происходили частыя стычки. Разсказывали намъ люди, достой

ные вѣроятія, участники этого похода,—что однажды шестеро татаръ выѣхали на равнину къ московскому войску. Когда царь Шигъ-Алей *во главѣ* 150 татарскихъ всадниковъ хотѣлъ сразиться съ ними, то воевода запретилъ ему, и случай отличиться былъ отнятъ у него двумя тысячами всадниковъ, стоявшихъ передъ нимъ. Они хотѣли обойти татаръ и запереть ихъ отовсюду, такъ чтобы они не могли спастись бѣгствомъ; но татары ловко ускользали отъ ихъ попытокъ, по маленьку отступали передъ преслѣдующими московитами и, немного подавшись назадъ, останавливались. Когда московиты дѣлали то же, татары, примѣчая ихъ робость, тотчасъ хватались за луки и пускали въ нихъ стрѣлы, обращали въ бѣгство и преслѣдовали, многимъ нанося раны. Когда же московиты снова на нихъ обращались, они понемножку отступали и снова останавливались, и такимъ образомъ, притворяясь бѣгущими, обманывали врага. Между тѣмъ, двѣ изъ татарскихъ лошадей пали отъ пушечнаго выстрѣла; всадники однако остались цѣлы, и другіе четверо привезли ихъ обратно къ своимъ здравыми и невредимыми, въ виду двухъ тысячъ московитовъ. Пока всадники такъ гарцовали другъ передъ другомъ,—тѣмъ временемъ въ крѣпость производилась усиленная пальба изъ пододвинутыхъ пушекъ, а осажденные весьма дѣятельно защищались, также стрѣляя изъ пушекъ въ непріятеля. Въ этомъ бою единственный въ крѣпости пушкарь былъ убитъ ядромъ, пущеннымъ изъ русскаго стана. Узнавъ объ этомъ, наемные воины изъ нѣмцевъ и литовцевъ возъимѣли большую надежду овладѣть крѣпостью, *и* если бы предпріимчивость полководца соотвѣтствовала ихъ *отвагѣ*, то безъ сомнѣнія въ этотъ день они овладѣли бы крѣпостью. Но онъ не одобрилъ усердія солдатъ, даже гнѣвался на нихъ и угрожалъ имъ палками за то, что они осмѣлились безъ его вѣдома нападать на крѣпость: ему было извѣстно, что увеличивавшійся со дня на день голодъ томилъ его воиновъ, и еще раньше онъ вступилъ въ переговоры съ татарами о заключеніи перемирія. Ибо ему казалось, что при такомъ стѣснительномъ положеніи онъ окажетъ услугу своему князю, если, заключивъ съ непріятелемъ какое бы то ни было перемиріе, приведетъ назадъ въ цѣлости войско и пушки. Также и татары, узнавъ о желаніи воеводы и возъимѣвъ надежду *на хорошій исходъ*, охотно приняли условія, которыя онъ предлагалъ, а именно, — отправить пословъ въ Москву и догово-

риться о мирѣ. Рѣшивъ на этомъ, воевода Палецкій снялъ осаду и возвратился съ войскомъ въ Москву. Ходилъ слухъ, что воевода снялъ осаду будучи подкупленъ татарами. *Вѣроятность* этого слуха увеличилъ одинъ забавдіецъ (quidam natione Sabaudiensis), который хотѣлъ передаться врагамъ вмѣстѣ съ ввѣренною ему пушкою: схваченный на пути и строго допрошенный, онъ признался, что хотѣлъ измѣнить и получилъ серебряныя деньги и татарскія чаши, чтобы склонить къ измѣнѣ еще и другихъ (plures). Однако воевода не подвергнулъ его никакому серьезному наказанію, несмотря на очевидность его преступленія. Такимъ образомъ, по возвращеніи войска, котораго было какъ говорятъ, 180 тысячъ, послы казанскаго царя пріѣхали къ Василію для утвержденія мира. Они находились въ Москвѣ даже и въ нашу бытность *тамъ*, и не было никакой надежды на миръ между ними, ибо Василій, въ досаду казанцамъ, перенесъ въ *Нижній* Новгородъ ярмарку, которая обыкновенно бывала около Казани на островѣ купцовъ, и опредѣлилъ тяжкое наказаніе тому изъ своихъ *подданныхъ*, кто впредь поѣдетъ на островъ для торговли. Онъ надѣялся, что это перенесеніе ярмарки нанесетъ большой вредъ казанцамъ, и что, отнявъ у нихъ *возможность* покупать соль, которую татары получали отъ русскихъ только на этой ярмаркѣ, можно ихъ принудить къ сдачѣ. Однако отъ перенесенія этой ярмарки Московія понесла не менѣе вреда, чѣмъ сами казанцы. Ибо слѣдствіемъ этого были дороговизна и недостатокъ въ весьма многихъ вещахъ, которыя привозились по Волгѣ съ Каспійскаго моря, съ астраханскаго рынка, изъ Персіи и Арменіи, — преимущественно же въ отличной рыбѣ, въ томъ числѣ и въ бѣлугѣ, которая ловится въ Волгѣ по сю и по ту сторону Казани.

До сихъ поръ *было говорено* о войнѣ московскаго князя съ казанскими татарами. Теперь я снова возвращаюсь къ прерванному разсказу о татарахъ.

За казанскими татарами прежде всего встрѣчаемъ татаръ, прозывающихся ногаями (Nogai); они живутъ за Волгой, около Каспійскаго моря, по рѣкѣ Яику, которая течетъ изъ области Сибири. У нихъ не цари, а князья. Въ наше время этими княжествами владѣли три брата, подѣливъ области между собою поровну; первый изъ нихъ Шидакъ владѣлъ городомъ Сарайчикомъ (Scharaitzick), на востокъ за рѣкою Ра, съ страною, лежащею по рѣкѣ Яику; другой, Коссумъ, обладалъ всѣмъ,

что заключается между рѣками Камой, Яикомъ и Ра; Шихмамай, третій братъ, владѣетъ частью области Сибири и всею окрестною страною. Шихмамай значитъ святой или мощный. Почти всѣ эти страны лѣсисты, исключая степи, которая стелется около Сарайчика.

Между рѣками Волгой и Яикомъ, около Каспійскаго моря, жили нѣкогда заволжскіе цари (Savuolhenses reges), о которыхъ *будетъ сказано* ниже. Димитрій Даніиловичъ, человѣкъ серьезный и достойный вѣры (на сколько *это можетъ быть* у варваровъ), разсказывалъ намъ объ удивительномъ и едва вѣроятномъ явленіи *въ землѣ* этихъ татаръ. Отецъ его однажды былъ посланъ княземъ московскимъ къ заволжскому царю. Въ бытность свою тамъ, онъ видѣлъ на этомъ островѣ одно семя, весьма похожее на семя дыни, *только* немножко побольше и покруглѣе; когда зароешь его въ землю, изъ него выростаетъ нѣчто весьма похожее на ягненка въ пять пядей (palmarum) вышиною. Это растеніе называется на ихъ языкѣ баранецъ (Boranetz) т. е. барашекъ, ибо имѣетъ голову, глаза, уши и все прочее, какъ у недавно родившагося ягненка. Кромѣ того на немъ весьма тонкая шерсть, которую весьма многіе въ этихъ странахъ употребляютъ для подбоя шапокъ. Многіе увѣряли насъ, что сами видѣли этотъ мѣхъ. Сверхъ того говорили, что въ этомъ растеніи, если только можно называть его растеніемъ, есть кровь, хотя совсѣмъ нѣтъ мяса, а вмѣсто него какое-то вещество, весьма похожее на мясо раковъ; копыта не роговыя, какъ у ягненка, а похожія на рогъ и покрытыя чѣмъ-то въ родѣ волосъ; корень у него на пупкѣ или на серединѣ живота; а живетъ оно до тѣхъ поръ, пока корень не засохнетъ отъ недостатка въ питаніи, когда съѣдены вокругъ него всѣ травы. По ихъ же словамъ, это растеніе удивительно сладко, почему волки и другіе хищные звѣри очень любятъ его.

Хотя *все* это о семени и растеніи я готовъ считать выдумкою,—однако и прежде я передавалъ объ этомъ, какъ о фактѣ, слышанномъ отъ людей серьезныхъ, и теперь пишу о томъ же тѣмъ охотнѣе, что Вильгельмъ Постеллусъ, человѣкъ большой учености, разсказывалъ мнѣ о слышанномъ отъ нѣкоего Михаила, переводчика языковъ турецкаго и арабскаго въ венеціанской республикѣ: *по свидѣтельству этого Михаила* изъ владѣній татарскаго города Самарканда и изъ прочихъ странъ, лежащихъ на сѣверо-востокъ отъ Каспійскаго моря, привозится

даже въ Халибонтисъ весьма нѣжный мѣхъ какого-то растенія, произрастающаго въ этихъ странахъ. У нѣкоторыхъ мусульманъ въ обычаѣ выкладывать имъ середину шапокъ для согрѣванія своихъ бритыхъ головъ, а также носить его на голой груди. *Самъ Михаилъ* не видалъ растенія, и названія его не знаетъ: знаетъ только, что тамъ называютъ его самаркандскимъ, и что *мѣхъ этотъ* получается отъ животнаго, прикрѣпленнаго къ землѣ подобно растенію. «Такъ какъ это» (говоритъ Постеллусъ) «согласно съ разсказами другихъ, то почти убѣждаетъ меня считать это менѣе баснословнымъ, во славу Создателя, Которому все возможно».

Въ двадцати дняхъ пути отъ государства Шидака, находятся народы, которыхъ московиты называютъ юргенцами (Jurgenci); надъ ними властвуетъ Баракъ Солтанъ, братъ великаго хана (Cham) или царя катайскаго. Отъ владѣній Баракъ Солтана десять дней пути до государства Бебеидъ Хана, который и есть великій ханъ катайскій.

Астрахань, богатый городъ, большой татарскій рынокъ, лежитъ на правомъ берегу Волги, почти у ея устьевъ, на десять дней пути ниже Казани; отъ нея получила имя вся окрестная страна. Нѣкоторые говорятъ, что она стоитъ не при устьяхъ Волги, а въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ нихъ. Я же полагаю, что Астрахань лежитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Волга раздѣляется на много рукавовъ (ихъ, какъ говорятъ, семдесятъ), образуетъ множество острововъ и почти столькими же устьями несетъ въ Каспійское море такую массу водъ, что издали кажется моремъ. Другіе называютъ ее Цитраханью (Citrachan).

За Вяткой и Казанью, въ сосѣдствѣ съ Перміею, обитаютъ татары, называющіеся тюменскими, шейбанскими и кайсацкими. Изъ нихъ тюменскіе живутъ въ лѣсахъ, и, какъ говорятъ, число *ихъ* не превышаетъ 10 тысячъ. Кромѣ того за рѣкою Ра есть другіе татары, которые называются калмыками (Calmuchi), потому что только одни они отпускаютъ волоса; а у Каспійскаго моря живутъ шемахинцы (Schamachia), отъ которыхъ прозвалась и вся страна: эти послѣдніе отличаются искусствомъ ткать шелковыя одежды. Ихъ городъ отстоитъ отъ Астрахани на 6 дней пути. Царь персидскій, говорятъ, не такъ давно завладѣлъ имъ и всею страною.

Городъ Азовъ у Танаиса (о немъ *сказано* выше) отстоитъ отъ Астрахани на семь дней пути; Херсонесъ же Таврическій

т. е. *крайній его* городъ Перекопъ (Praecop) отстоитъ отъ Азова на пять дней пути. Между Казанью и Астраханью, далеко по Волгѣ, до самого Борисѳена находятся степи, въ которыхъ живутъ татары, не имѣя никакой осѣдлости кромѣ Азова и города Ахаса, который стоитъ на Танаисѣ 12 милями выше Азова; сверхъ того татары, живущіе по Донцу, обработываютъ землю и имѣютъ постоянныя жилища. Отъ Азова до Шемахи — 12 дней пути.

Къ юго-востоку, около Меотійскихъ Болотъ и Понта, по рѣкѣ Кубани (Cupa), впадающей въ Болота, живетъ народъ Афгазы (Aphgasi). Съ этого мѣста до самой рѣки Мерулы (?), впадающей въ Понтъ, тянутся горы, въ которыхъ живутъ черкасы или цики (Circassi seu Ciki). Въ надеждѣ на неприступность *своихъ* горъ, они не признаютъ власти ни турокъ, ни татаръ. По свидѣтельству русскихъ, они христіане, управляются своими законами, въ исповѣданіи и обрядахъ сходствуютъ съ греками, богослуженіе отправляютъ на языкѣ славянскомъ, на немъ же и говорятъ. Они самые смѣлые пираты: на корабляхъ спускаются въ море по теченію рѣкъ, берущихъ начало изъ ихъ горъ, и грабятъ, кого только могутъ, преимущественно же тѣхъ, которые ѣздятъ изъ Кафы въ Константинополь. За рѣкою Кубанью находится Мингрелія (Mengarlia), по которой течетъ рѣка Ераклея (Eraclea); за ней лежитъ Котатида (Cotatis), что̀ нѣкоторые считали Колхидой. Далѣе течетъ Фазисъ, образующій прежде впаденія въ море, недалеко отъ устьевъ, островъ Затабеллумъ (Satabellum), къ которому, какъ говорятъ, нѣкогда пристали корабли Язона. За Фазисомъ — Трапезунтъ.

Болота Херсонеса Таврическаго, имѣющія въ длину, какъ говорятъ, 300 итальянскихъ миль отъ устьевъ Танаиса, съуживаются у мыса Главы св. Іоанна и имѣютъ только двѣ итальянскихъ мили *въ ширину.* Въ Херсонесѣ находится городъ Крымъ (Krijm), въ древности мѣстопребываніе царей таврическихъ, отъ чего они назывались крымскими. Потомъ, когда весь перешеекъ былъ прорытъ на пространствѣ 1200 шаговъ, *и Крымъ получилъ* сходство съ островомъ, — цари стали называться не крымскими, а перекопскими (non Krijmskij, sed Praecopskij), отъ перекопаннаго перешейка. Ибо Praecop на славянскомъ языкѣ значитъ прорытое *мѣсто.* Отсюда явствуетъ ошибка одного автора, который писалъ, что тамъ царствовалъ какой-то Прокопій. Весь Херсонесъ по срединѣ перерѣзывается

лѣсомъ, и та часть его, которая обращена къ Понту, и въ которой находится знаменитый городъ Кафа, генуэзская колонія, прежде называвшаяся Ѳеодосіей, вся состоитъ во власти турокъ. Кафу же отнялъ у генуэзцевъ Магометъ, который разрушилъ греческую имперію, завоевавъ Константинополь. Другою частью полуострова владѣютъ татары. Всѣ татарскіе цари Тавриды ведутъ свое происхожденіе отъ заволжскихъ царей. Они заняли эту часть Европы влѣдствіе того, что нѣкоторые изъ нихъ были изгнаны изъ царства внутренними смутами и не могли утвердиться гдѣ нибудь по близости *прежняго мѣста жительства*. Не забывая старой вражды, они долго боролись съ заволжскими царями, до тѣхъ поръ пока, уже на памяти нашихъ отцовъ, царь заволжскій Шигъ-Ахметъ (Scheachmet) пришелъ въ Литву въ то время, когда въ Польшѣ правилъ великій князь литовскій Александръ, — *пришелъ* для того, чтобы заключить союзъ съ королемъ Александромъ и соединенными силами изгнать Магметъ-Гирея, царя таврическаго. На этомъ сошлись оба государя. Когда же литовцы, по своему обыкновенію, отложили дѣло въ долгій ящикъ, то жена царя заволжскаго и войско, которое онъ имѣлъ въ степяхъ, соскучившись ждать и терпѣть голодъ, стали убѣждать своего царя, проживавшаго въ городахъ, чтобы онъ оставилъ короля польскаго и во-время позаботился бы о своихъ дѣлахъ. Но убѣжденія не подѣйствовали на него, и *тогда* жена оставила его и съ частью войска передалась перекопскому царю Магметъ-Гирею; по ея наущенію онъ послалъ войско, чтобы уничтожить остальныя силы своего противника. По разсѣяніи ихъ, заволжскій царь Шигъ-Ахметъ, видя свое несчастье, въ сопровожденіи едва 600 всадниковъ убѣжалъ въ Альбу, стоящую на Днѣстрѣ, онъ надѣялся выпросить себѣ помощь у турецкаго *султана*. Узнавъ, что въ этомъ городѣ готовится засада для его поимки, онъ обратился назадъ, взявъ едва половину *своихъ* всадниковъ, и прибылъ въ Кіевъ. Тамъ, окруженный и взятый литовцами, онъ былъ привезенъ въ Вильну, по приказанію короля польскаго. Король вышелъ ему на встрѣчу и, принявъ его съ почетомъ, привезъ его съ собою на польскій сеймъ: этимъ сеймомъ была опредѣлена война противъ Менгли-Гирея. Но покуда поляки чрезвычайно медленно собирали войско, сильно оскорбленный татаринъ снова началъ помышлять о бѣгствѣ: настигнутый, онъ былъ приведенъ въ крѣпость Троки (Trokij), въ четырехъ миляхъ отъ

Вильны. Тамъ видѣлъ я его и обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ. Таковъ былъ конецъ власти заволжскихъ царей; съ нимъ вмѣстѣ погибли и цари астраханскіе, которые вели свое происхожденіе отъ этихъ же царей. Послѣ ихъ истребленія могущество царей таврическихъ весьма усилилось и сдѣлалось страшнымъ для сосѣднихъ народовъ, такъ что они принудили и короля польскаго платить извѣстную сумму съ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ пользоваться ихъ содѣйствіемъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. И князь московскій частою присылкою даровъ старался привязать его къ себѣ, потому что оба эти государя постоянно воюютъ между собою, и каждый надѣется уничтожить другаго при помощи татарскаго оружія. Зная это, онъ манилъ того и другаго пустою надеждою, принимая дары отъ обоихъ; это было ясно въ то время, когда я, отъ имени цесаря Максимиліана, велъ переговоры въ Московіи о заключеніи мира съ королемъ польскимъ. Ибо когда московскій князь не соглашался на справедливыя условія мира, король польскій деньгами побудилъ перекопскаго царя вторгнуться въ Московію съ войскомъ съ одной стороны, *обѣщаясь* самъ сдѣлать нападеніе съ другой стороны на Опочку. Этимъ способомъ король польскій надѣялся принудить московскаго князя къ умѣреннымъ условіямъ мира. Замѣтивъ это, московскій князь отправилъ пословъ къ татарамъ и въ свою очередь старался убѣдить царя, чтобы онъ обратилъ свои силы на Литву, которая, по его словамъ, ничего не опасалась и не имѣла охраннаго войска. Татарскій царь послѣдовалъ его совѣту, имѣя въ виду только свою выгоду. Сдѣлавшись еще болѣе могущественнымъ отъ такихъ несогласій *сосѣднихъ* государей, онъ не могъ остаться спокойнымъ и, увлеченный желаніемъ увеличить свою власть, сталъ помышлять о большемъ. Соединясь съ Мамаемъ, княземъ ногайскимъ, въ январѣ 1524 г. вышелъ онъ съ войскомъ изъ Тавриды и напалъ на царя астраханскаго. Онъ осадилъ городъ, оставленный своимъ царемъ, который со страху ударился въ бѣгство, — овладѣлъ имъ и какъ побѣдитель расположился въ городскихъ домахъ. Между тѣмъ Агисъ (Agis), также ногайскій князь, упрекалъ своего брата Мамая за то, что онъ помогаетъ своимъ войскомъ столь могущественному сосѣду. Кромѣ того, онъ убѣждалъ его зорко наблюдать за возрастающимъ со дня на день могуществомъ царя Магметъ-Гирея, — ибо можетъ случиться, что онъ въ

своемъ безумномъ властолюбіи обратитъ оружіе на нихъ самихъ и, лишивъ обоихъ царства, умертвитъ ихъ или уведетъ въ рабство. Встревоженный словами своего брата, Мамай посылаетъ къ нему гонца съ просьбой поспѣшить къ нему, набравъ какъ можно больше войска, — ибо теперь имъ еще есть возможность избавиться отъ своего страха, такъ какъ Махметъ-Гирей, кичась большими успѣхами, менѣе осторожнъ. Агисъ уступилъ просьбамъ брата и обѣщалъ непремѣнно прибыть къ назначенному времени съ войскомъ, которое онъ уже прежде собиралъ для защиты границъ своего царства, угрожаемыхъ столькими войнами. Свѣдавъ объ этомъ, Мамай принимается убѣждать царя Махметъ-Гирея, чтобы онъ не держалъ воиновъ въ домахъ и не баловалъ бы ихъ ослабленіемъ дисциплины, но, оставивъ городъ, проводилъ бы время больше въ степи, по обычаю. Согласясь на его представленія, царь вывелъ воиновъ въ лагерь. Быстро приблизился съ войскомъ Агисъ и соединился съ братомъ. Черезъ нѣсколько времени, сдѣлавъ внезапное нападеніе, они умертвили безпечнаго Махметъ-Гирея вмѣстѣ съ его 25-лѣтнимъ сыномъ Батиръ-Солтаномъ (Bathir Soltan), заставъ ихъ за обѣдомъ, и перебили бо̀льшую часть его войска, а остальныхъ обратили въ бѣгство и рубили въ догонку, преслѣдуя ихъ за Танаисъ до самой Тавриды. Они осадили городъ Перекопъ, который находится, какъ я сказалъ, при входѣ въ Херсонесъ, и, испробовавъ всѣ средства, увидѣли, что не могутъ ни взять его силою, ни принудить къ сдачѣ; *тогда* они сняли осаду и возвратились домой. Такимъ образомъ при ихъ содѣйствіи царь астраханскій снова овладѣлъ своимъ царствомъ, и сила царства таврическаго пала вмѣстѣ съ Махметъ-Гиреемъ, царемъ храбрѣйшимъ и счастливѣйшимъ, который былъ могущественнымъ властителемъ въ теченіи нѣкотораго времени. По убіеніи Махметъ-Гирея, его братъ, Садахъ-Гирей, при помощи турецкаго султана (у котораго онъ находился тогда на службѣ), овладѣлъ перекопскимъ царствомъ. Преданный турецкимъ обычаямъ, онъ, противъ обыкновенія татаръ, весьма рѣдко показывался въ народѣ и за то былъ изгнанъ татарами, которые не могли стерпѣть такого нарушенія старины въ государѣ; на его мѣсто поставленъ былъ его племянникъ. Захваченный имъ Садахъ-Гирей смиренно умолялъ, чтобы племянникъ не умерщвлялъ его, удержался бы отъ пролитія его крови, пожалѣлъ бы его старость и позво-

лилъ бы ему провести остатокъ жизни частнымъ человѣкомъ въ какой нибудь крѣпости: онъ удержитъ только царскій титулъ, а все управленіе царствомъ передастъ ему. На это согласились.

Вотъ перечень титуловъ, употребительныхъ у татаръ. Ханъ, какъ я выше сказалъ, значитъ царь, Солтанъ — сынъ царя, Бей (Bij) — князь, Мурза — сынъ князя, Олбоудъ (Olboud) — благородный или совѣтникъ, Олбоадулу (Olboadulu) — сынъ благороднаго, Сеидъ высшая духовная особа, частный же человѣкъ Кси (Ksi). Изъ должностей, Уланъ (Ulan) — второе достоинство послѣ царя, ибо татарскіе цари имѣютъ четырехъ мужей, съ которыми преимущественно совѣтуются въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Изъ нихъ первый называется Ширни (Schirni), второй — Барни (Barni), третій — Гаргни (Gargni), четвертый — Ципцанъ (Tziptzan). До сихъ поръ *было говорено* о татарахъ; теперь слѣдуетъ говорить о сосѣдкѣ Московіи, Литвѣ.

О ЛИТВѢ.

Литва весьма близка къ Московіи. Я говорю теперь не объ одной только области, но и о странахъ, къ ней прилежащихъ, которыя разумѣются подъ *общимъ* именемъ Литвы. Она тянется длинною полосою отъ города Черкасъ, который стоитъ на Борисѳенѣ, до самой Ливоніи. Черкасы (Circassi), живущіе по Борисѳену, суть русскіе и отличаются отъ тѣхъ *черкасовъ*, которые, какъ я сказалъ выше, живутъ въ горахъ у Понта. Въ наше время ими начальствовалъ Евстафій Дашковичъ (который, какъ выше сказано, ходилъ въ Московію вмѣстѣ съ царемъ Махметъ-Гиреемъ), человѣкъ весьма искусный въ военномъ дѣлѣ и необыкновенно хитрый. Хотя онъ часто вступалъ въ сношенія съ татарами, однако очень часто и билъ ихъ; даже и самаго московскаго князя, у котораго онъ былъ нѣкогда плѣнникомъ, часто приводилъ онъ въ большую опасность. Въ тотъ годъ, когда мы были въ Московіи, онъ разбилъ московитовъ посредствомъ удивительной хитрости. Это дѣло кажется мнѣ достойнымъ, чтобы разсказать о немъ здѣсь. Нѣсколькихъ татаръ, *переряженныхъ* въ литовское платье, онъ послалъ въ Московію, полагая, что московиты безъ всякого страха нападутъ на нихъ, *принявъ ихъ* за литовцевъ; самъ же располо-

жилъ въ удобномъ мѣстѣ засаду и дожидался *тѣхъ* московитовъ, которые *станутъ* мстить за этотъ набѣгъ. Татары, опустошивъ часть сѣверской области, пошли по направленію къ Литвѣ. Узнавъ, что они держатъ путь въ Литву, московиты полагали вслѣдствіе этой перемѣны пути, что это литовцы, и желая отмстить, нагрянули на Литву. Опустошивъ ее, они возвращались съ добычею, были окружены Евстафіемъ изъ его засады и всѣ до одного побиты. Узнавъ объ этомъ, московскій князь отправилъ пословъ къ польскому королю жаловаться на нанесенную ему обиду. Король отвѣчалъ, что его подданные не наносили обиды, а *только* мстили. Такимъ образомъ московскій князь, двукратно обманутый, принужденъ былъ снести уронъ и безчестье.

Ниже черкасовъ нѣтъ никакихъ христіанскихъ поселеній. У устья Борисѳена крѣпость и городъ Очаковъ, въ 50 миляхъ отъ Черкасъ; не такъ давно имъ владѣлъ царь таврическій, отнявъ его у польскаго короля. Теперь владѣетъ имъ турецкій султанъ. Отъ Очакова до Альбы, лежащей около устьевъ Днѣстра и въ древности называвшейся Монкастро, 14 миль разстоянія, отъ Очакова до Перекопа — 14 миль. Отъ Черкасъ около Борисѳена до Перекопа — 40 миль. Вверхъ по Борисѳену, въ 7 миляхъ отъ Черкасъ, находится городъ Каневъ (Cainovu); въ 18 миляхъ отъ него Кіевъ, древняя столица Руссіи. Самыя развалины города и памятники, отъ которыхъ можно видѣть обломки, доказываютъ, что онъ былъ великолѣпнымъ и истинно царскимъ *городомъ*. И теперь еще на сосѣднихъ горахъ видны слѣды церквей и опустѣвшихъ монастырей; кромѣ того много пещеръ, въ которыхъ видны весьма древнія гробницы и въ нихъ еще не истлѣвшія тѣла. Отъ людей, достойныхъ вѣры, слышалъ я, что дѣвочки тамъ рѣдко сохраняютъ невинность послѣ седьмаго года. Я слышалъ различныя объясненія этого *факта*, но ни одно не удовлетворило меня. Купцамъ позволено пользоваться ими, но никакъ не увозить ихъ. Ибо если кто будетъ пойманъ въ увозѣ дѣвицы, тотъ лишается и жизни и имущества, если только не будетъ спасенъ милостью князя. Также есть тамъ законъ, по которому имущество умершихъ здѣсь иностранныхъ купцовъ отходитъ или королю, или его намѣстнику, что соблюдается также у татаръ и турокъ въ отношеніи умершихъ у нихъ кіевлянъ. У Кіева есть одинъ холмъ, черезъ который купцы

должны проѣзжать нѣсколько трудною дорогою: если при въѣздѣ на него сломается какая нибудь часть повозки, то вещи, которыя были везены въ повозкѣ, поступаютъ въ казну. Все это мнѣ разсказывалъ господинъ Альбертъ Гастоль, палатинъ виленскій и намѣстникъ короля въ Литвѣ. Вверхъ по Борисѳену, въ 30 миляхъ отъ Кіева находится Мозырь (Mosier) на рѣкѣ Припети (Prepetz), которая впадаетъ въ Борисѳенъ 12 милями выше Кіева. Рѣка Туръ (Thur), обильная рыбою, впадаетъ въ Припеть. Отъ Мозыря до Бобруйска (Bobranzko) 30 миль. Оттуда, вверхъ по теченію, 25 миль до Могилева, отъ котораго въ 6 миляхъ стоитъ Орша. Изъ исчисленныхъ уже городовъ по Борисѳену тѣ, которые стоятъ на правомъ берегу, подвластны королю польскому, на лѣвомъ же берегу стоящіе — московскому князю, кромѣ Дубровны и Мстиславля, которые принадлежатъ Литвѣ. Переправившись при Оршѣ черезъ Борисѳенъ и проѣхавъ четыре мили, пріѣзжаешь въ Дубровну, а оттуда въ двадцати миляхъ Смоленскъ (Smolenzko). Изъ Орши намъ лежалъ путь въ Смоленскъ, а оттуда въ Москву.

Городъ Борисовъ (Borisovuo) стоитъ въ 22 миляхъ на западъ отъ Орши, черезъ него протекаетъ рѣка Березина, которая впадаетъ въ Борисѳенъ ниже Бобруйска. Березина же, какъ я сужу по глазомѣру, нѣсколько шире Борисѳена при Смоленскѣ. Я увѣренъ, что эту Березину древніе считали Борисѳеномъ, на что, кажется, указываетъ самый звукъ слова; ибо если посмотримъ на описаніе Птолемея, то оно болѣе подходитъ къ истокамъ Березины, чѣмъ къ истокамъ Борисѳена, который называется Днѣпромъ.

Какихъ князей имѣла Литва, и когда приняла она христіанство, — достаточно было сказано въ началѣ. Этотъ народъ находился въ цвѣтущемъ состояніи до самыхъ временъ Витолда. Если съ какой либо стороны угрожаетъ имъ война, и они должны оборонять свое достояніе отъ насилія непріятелей; то они являются на призывъ въ великолѣпномъ убранствѣ болѣе съ цѣлью похвастать, чѣмъ для войны; но скоро послѣ набора они и расходятся. Если кто и остается, то идетъ въ походъ какъ бы по принужденію, съ небольшимъ количествомъ лошадей и одеждъ, отославъ домой все лучшее, съ чѣмъ явился для записыванія. Впрочемъ, магнаты, которые обязаны посылать на войну извѣстное число воиновъ на свой

счетъ, откупаются, давая деньги вождю, и остаются дома, — и это вовсе не считается безчестнымъ, ибо начальники ополченія и вожди публично объявляютъ на сеймахъ и въ лагерѣ, что если кто хочетъ заплатить, тотъ можетъ быть уволенъ отъ службы и возвратиться домой. У нихъ такая свобода дѣлать все, что̀ угодно, — что они не пользуются, а злоупотребляютъ своею безграничною вольностью; они владѣютъ незаложенными имѣньями короля, такъ что король, пріѣзжая въ Литву, не можетъ жить тамъ на собственные доходы безъ помощи провинціальныхъ жителей. Національная одежда продолговата. Они носятъ татарскій лукъ, и копье и щитъ, какъ у венгровъ; для ѣзды употребляютъ хорошихъ лошадей, выложенныхъ, безъ желѣзныхъ подковъ, и легко взнуздываютъ ихъ.

Вильна — столица этого народа; это обширный городъ, расположенный между холмами, при сліяніи рѣкъ Виліи (Vuelia) и Вильны. Рѣка Вилія нѣсколькими милями ниже Вильны впадаетъ въ Крононъ. Крононъ же протекаетъ черезъ городъ Гродно, имя котораго довольно схоже *съ названіемъ рѣки*. Пруссы (Pruthemi), нѣкогда подвластные тевтонскому ордену (нынѣ они состоятъ въ наслѣдственномъ владѣніи маркграфа бранденбургскаго Альберта, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сложилъ съ себя крестъ и орденскіе *обѣты* и подчинился королю польскому) отдѣляются отъ самогитовъ Кронономъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ впадаетъ въ Германское море: тамъ стоитъ городъ Мемель (Mumel). Ибо германцы называютъ Крононъ Мемелемъ, а на туземномъ языкѣ онъ называется Нѣманомъ (Nemen). Вильна окружена нынѣ стѣною. Въ ней строятся многіе храмы и каменныя зданія, и находится епископская каѳедра, которую тогда занималъ Іоаннъ, побочный сынъ короля Сигизмунда, мужъ, исполненный необыкновеннаго человѣколюбія; онъ милостиво принималъ насъ на обратномъ пути. Кромѣ того находится здѣсь приходская церковь и нѣсколько монастырей; въ особенности отличается обитель францисканова, постройка которой обошлась весьма дорого. Однако въ Вильнѣ гораздо больше русскихъ храмовъ, чѣмъ церквей римскаго исповѣданія. Въ княжествѣ литовскомъ три епископства, подвѣдомственныя Риму, именно виленское, самогитское и кіевское; русскія же епископства въ королевствѣ польскомъ и въ Литвѣ съ входящими въ ихъ составъ княжествами суть: виленское

(нынче архіепископство), полоцкое, владимірское, луцкое, пинское, холмское (Chomensis) и перемышльское (Praemissiensis). Литовцы производятъ торговлю медомъ, воскомъ, золою, — всего этого у нихъ въ изобиліи; эти *продукты* въ большомъ количествѣ вывозятся отъ нихъ въ Данцигъ (Gedanum), а оттуда въ Голландію. Литва доставляетъ также въ обиліи смолу и строевой лѣсъ, также хлѣбъ. Она нуждается въ соли, которую покупаетъ изъ Британіи. Въ то время, когда Христіернъ былъ свергнутъ съ датскаго престола, и море было не безопасно отъ пиратовъ, соль привозилась не изъ Британіи, а изъ Руссіи; литовцы и теперь пользуются русскою солью. Въ наше время два мужа *между литовцами* въ особенности были знамениты воинскою славою: Константинъ, князь Острожскій, и князь Михаилъ Глинскій. Константинъ очень часто разбивалъ татаръ: онъ не шелъ на встрѣчу толпамъ грабителей, а преслѣдовалъ ихъ обремененныхъ добычею. Когда они, на возвратномъ пути, доходили до того мѣста, гдѣ уже считали себя вполнѣ безопасными и полагали возможнымъ отдохнуть и успокоиться (это мѣсто было ему извѣстно), тогда онъ рѣшался на нападеніе и приказывалъ своимъ, чтобы они приготовляли себѣ пищу, ибо на слѣдующую ночь имъ будетъ запрещено разводить огонь. На слѣдующій день татары, продолжая путь и не видя ни пламени, ни дыма, полагали, что непріятель ушелъ или разсѣялся, и потому распускали лошадей на пастбища, закалывали животныхъ, ѣли и предавались сну. Тогда Константинъ нападалъ на нихъ на разсвѣтѣ и наносилъ имъ огромное пораженіе. *Что же касается до* князя Михаила Глинскаго, *то онъ*, еще юношею прибывъ въ Германію, отличился у Альберта, герцога саксонскаго, который въ то время велъ войну въ Фрисландіи, и, пройдя всѣ степени военной службы, снискалъ себѣ большую извѣстность. Воспитанный въ обычаяхъ германцевъ, у которыхъ выросъ, онъ возвратился въ отечество и былъ въ большой силѣ и занималъ высокое мѣсто у короля Александра, такъ что король всѣ трудныя дѣла рѣшалъ по его мыслямъ. Случилось, что онъ поссорился за короля съ Іоанномъ Заверзинскимъ (Savuersinski), трокскимъ воеводой; но тогда они помирились, и при жизни короля все между ними было спокойно. *Однако* у Іоанна оставалась затаенная въ глубинѣ души ненависть, ибо изъ за Глинскаго онъ былъ лишенъ воеводства. По смерти короля завистники оклеветали Глинскаго

и его приверженцевъ и друзей передъ наслѣдникомъ Александра, королемъ Сигизмундомъ, въ желаніи присвоить себѣ власть и называли его измѣнникомъ отечеству. Не стерпѣвъ этой обиды, князь Михаилъ часто жаловался королю и просилъ его, чтобы дѣло его и Заверзинскаго было разобрано общимъ судомъ, говоря, что только этимъ можетъ онъ оправдаться въ преступленіи. Но король не соизволялъ на его просьбы. Тогда онъ отправился въ Венгрію, къ брату короля, Владиславу, и выпросилъ у него грамоту и пословъ, которые убѣждали короля разсмотрѣть его дѣло. Испробовавъ всѣ *средства* и не добившись разбора своего дѣла, Михаилъ пришелъ въ негодованіе и сказалъ королю, что онъ рѣшится на такой поступокъ, который заставитъ когда нибудь раскаяться ихъ обоихъ. Разгнѣванный уѣхалъ онъ домой и послалъ съ письмомъ и порученіями къ московскому князю одного изъ преданныхъ себѣ людей. Онъ писалъ, что хочетъ передаться князю съ крѣпостями, которыми владѣетъ въ Литвѣ, и съ тѣми, которыя сдаду ся ему или будутъ взяты силою, если князь обѣщаетъ ему безопасность и свободу у себя, подтвердивъ это грамотою и клятвою, и если это доставитъ ему выгоды и почетъ у князя. Московскій *государь* былъ чрезвычайно обрадованъ этою вѣстью, ибо зналъ его храбрость и искусство: онъ принялъ Михаила къ себѣ, обѣщаясь исполнить все, чего онъ требовалъ, и далъ желаемую имъ грамоту съ присоединеніемъ клятвы. Окончивъ дѣло съ московскимъ *государемъ* сообразно своимъ желаніямъ, и пылая жаждой мести, Михаилъ стремительно напалъ на Іоанна Заверзинскаго, который былъ въ то время на своей дачѣ (villa) около Гродно (на ней я послѣ ночевалъ одинъ разъ). Расположивъ караулы вокругъ жилища, чтобы тотъ не могъ убѣжать, онъ послалъ во внутренность дома убійцу, одного магометанина, который засталъ *Заверзинскаго* спящимъ въ кровати и отсѣкъ ему голову. Послѣ этого *Михаилъ* отправился съ войскомъ къ крѣпости Минску и пытался взять ее или принудить къ сдачѣ. Обманутый въ надеждѣ завладѣть Минскомъ, онъ напалъ потомъ на другія крѣпости и города Между тѣмъ, узнавъ о приближеніи королевскихъ войскъ и видя неравенство силъ, онъ оставилъ осаду крѣпостей и удалился въ Москву, гдѣ князь принялъ его съ почетомъ, ибо зналъ, что въ Литвѣ нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы сравниться съ нимъ. Вслѣдствіе того, онъ возымѣлъ надежду съ

помощію его совѣтовъ и искусства овладѣть всею Литвою, въ чемъ и не совсѣмъ обманулся. Посовѣтовавшись съ нимъ, онъ снова осадилъ Смоленскъ, знаменитое княжество въ Литвѣ, и взялъ его болѣе искусствомъ этого мужа, чѣмъ *собственными* силами. Ибо одинъ Михаилъ своимъ присутствіемъ отнялъ у гарнизона надежду отстоять городъ и склонилъ его къ сдачѣ и страхомъ и обѣщаніями. Михаилъ дѣлалъ это тѣмъ смѣлѣе и тѣмъ съ бо̀льшимъ усердіемъ, что Василій обѣщалъ навсегда уступить ему крѣпость съ прилежащею къ ней областью, если онъ сможетъ овладѣть Смоленскомъ какимъ бы то ни было способомъ. Однако онъ не исполнилъ этого обѣщанія и только манилъ Михаила пустою надеждой, когда тотъ напоминалъ ему объ уговорѣ. Михаилъ былъ сильно оскорбленъ этимъ; въ сердцѣ его еще не истребилась память о королѣ Сигизмундѣ, милость котораго онъ надѣялся легко снискать съ помощью друзей, бывшихъ у него при королевскомъ дворѣ, — и онъ послалъ къ королю одного вѣрнаго человѣка, обѣщая возвратиться, если онъ проститъ его тяжкую вину. Это посланіе было пріятно королю, и онъ немедленно приказалъ дать посланцу охранную грамоту, которой тотъ просилъ. Но Михаилъ, не совершенно довѣряя королевской грамотѣ, требовалъ, для бо̀льшей безопасности, подобныхъ же грамотъ отъ Георгія Писбека и Іоанна фонъ Рехенберга, германскихъ рыцарей, которые, — онъ зналъ, — были совѣтниками короля и пользовались такимъ вліяніемъ, что могли принудить *Сигизмунда* къ исполненію обѣщанія даже противъ его воли. Но когда его посланецъ попался въ руки московской стражи, то дѣло открылось и немедленно было доведено до свѣдѣнія князя, который приказалъ схватить Михаила. Въ это время одинъ молодой польскій дворянинъ, изъ дома Трепковъ, былъ посланъ въ Московію къ Михаилу отъ короля Сигизмунда. Чтобы успѣшнѣе выполнить порученіе короля, онъ притворился бѣглецомъ. Его судьба была не лучше *Михаиловой*: онъ былъ схваченъ московитами и назвалъ себя перебѣжчикомъ, но ему не повѣрили; *однако* онъ такъ хорошо сохранилъ *ввѣренную ему* тайну, что не открылъ ея даже въ мукахъ пытки. Когда Михаилъ былъ взятъ и приведенъ въ Смоленскъ предъ лице князя, то *послѣдній* сказалъ *ему*: «Вѣроломный, я накажу тебя по твоимъ заслугамъ». На что̀ тотъ отвѣчалъ: «Я не признаю *за собой* вѣроломства, которымъ ты меня упрекаешь; ибо если бы ты

былъ вѣренъ своимъ обѣщаніямъ относительно меня, то имѣлъ бы во мнѣ самого вѣрнаго слугу во всемъ. Но когда я увидѣлъ, что ты ни во что ставишь свои слова и сверхъ того играешь мною, то мнѣ стало очень тяжело не получить того, въ чемъ полагался на тебя. Смерть я всегда презиралъ, и охотно подвергнусь ей хоть бы для того *только*, чтобы не видѣть болѣе твоего лица, тираннъ!» Потомъ, по приказанію князя, въ Вязьмѣ онъ былъ выведенъ предъ многочисленнымъ собраніемъ народа; тамъ главный воевода, бросивъ передъ нимъ цѣпи, въ которыя слѣдовало его заковать, сказалъ: «Михаилъ! какъ тебѣ извѣстно, государь оказывалъ тебѣ величайшія милости, пока ты служилъ вѣрно. Послѣ же того, какъ ты захотѣлъ усилиться измѣною, онъ по твоимъ заслугамъ жалуетъ тебѣ вотъ это», — и съ этими словами *воевода* велѣлъ надѣть на него цѣпи. Пока его оковывали въ глазахъ толпы, онъ обратился къ народу съ такою рѣчью: «Чтобы не разсѣялся между вами ложный слухъ о *причинѣ* моего заключенія, я открою въ немногихъ словахъ, что̀ я сдѣлалъ и почему взятъ; поймите на моемъ примѣрѣ, какой у васъ государь, и чего каждый изъ васъ долженъ или можетъ надѣяться отъ него». Послѣ такого начала, онъ сталъ разсказывать о причинѣ своего пріѣзда въ Московію и о томъ, что̀ князь обѣщалъ ему грамотою съ присоединеніемъ клятвы, и *какъ* онъ ничего изъ этихъ обѣщаній не исполнилъ. «Обманувшись», говорилъ онъ, «въ своихъ надеждахъ на князя, я хотѣлъ снова возвратиться въ отечество и за это былъ схваченъ; незаслуженно подвергаюсь я этой обидѣ, но не боюсь смерти, будучи увѣренъ, что всѣмъ равно надлежитъ умереть по общему закону природы». Онъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія и изворотливаго ума, умѣлъ дать хорошій совѣтъ, былъ равно способенъ къ серьезнымъ дѣламъ и къ шуткамъ и во всякое время былъ, какъ говорится, пріятный человѣкъ. Этими душевными качествами онъ вездѣ пріобрѣталъ себѣ расположеніе и вліяніе, въ особенности же у германцевъ, у которыхъ получилъ воспитаніе. Онъ нанесъ знаменитое пораженіе татарамъ въ правленіе короля Александра; со смерти Витолда литовцы никогда не одерживали надъ татарами столь блистательной побѣды. Германцы называли его по-богемски паномъ (Pan) Михаиломъ. Онъ, какъ русскій человѣкъ, сначала слѣдовалъ греческому исповѣданію, потомъ перешелъ въ католичество, а въ заключеніе снова принялъ русскій законъ, чтобы этимъ уми-

лостивить и смягчить гнѣвъ и негодованіе князя. Въ нашу бытность въ Москвѣ многіе весьма знатные мужи, въ особенности же супруга князя, которая была ему племянницей, ходатайствовали передъ княземъ объ его освобожденіи. За него также вступался цесарь Максиміліанъ, который въ первое мое посольство далъ отъ себя особенную *на этотъ счетъ* грамоту къ князю. Однако это не произвело никакого дѣйствія, и мнѣ даже не былъ открытъ доступъ къ нему, даже не позволили видѣться съ нимъ. Въ другое же *мое* посольство, когда зашла рѣчь объ его освобожденіи, московиты часто меня спрашивали, зналъ ли я этого человѣка? Я отвѣчалъ имъ, что только слышалъ когда-то его имя, полагая, что *такой отвѣтъ* будетъ ему полезенъ. И Михаилъ былъ тогда освобожденъ и выпущенъ *изъ темницы.* Женясь на его племянницѣ еще при жизни первой супруги, князь возлагалъ на него великія надежды, будучи увѣренъ, что Михаилова доблесть обезопаситъ престолъ его сыновьямъ отъ *притязаній* его братьевъ, и наконецъ въ своемъ завѣщаніи назначилъ его опекуномъ своихъ сыновей. Потомъ, по смерти Василія, онъ былъ обвиненъ вдовствующею *княгинею,* въ измѣнѣ, потому что часто укорялъ ее въ распутствѣ, и умеръ, несчастный, въ заключеніи. Говорятъ, что вскорѣ послѣ этого, она сама за свою жестокость была отравлена, а соблазнитель *ея*, Овчина, разтерзанъ и разсѣченъ на части.

Волынь изъ всѣхъ княжествъ Литвы населена самымъ воинственнымъ народомъ.

Литва очень лѣсиста. Въ ней находятся огромныя болота и много рѣкъ, изъ которыхъ однѣ, какъ Бугъ (Bog), Припеть, Туръ и Березина, *текутъ* на востокъ и впадаютъ въ Борисѳенъ, — другія же, какъ Бугъ (Boh), Крононъ и Наревъ, текутъ на сѣверъ. Климатъ суровый; животныя всѣхъ породъ малорослы. Страна изобилуетъ хлѣбомъ, но жатва рѣдко достигаетъ зрѣлости. Народъ бѣденъ и угнетенъ тяжкимъ рабствомъ, ибо всякій, у кого въ распоряженіи толпа слугъ, можетъ войти въ домъ поселянина, безнаказанно дѣлать что угодно, похищать и истреблять вещи, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ, и даже жестоко бить *самого* крестьянина. Съ пустыми руками крестьянъ не пустятъ къ ихъ господину ни за какимъ дѣломъ; если даже они и будутъ допущены, то ихъ *все таки* отошлютъ къ управителямъ (ad Officiales et Praefectos), которые безъ подарковъ ничего добраго не сдѣлаютъ. Это отно-

сится не только къ людямъ низшаго класса, но и къ благороднымъ, когда они желаютъ получить что нибудь отъ вельможъ. Я слышалъ отъ одного первостепеннаго чиновника при молодомъ королѣ такое выраженіе: «Въ Литвѣ всякое слово стоитъ золота». Королю они платятъ ежегодную подать на защищеніе границъ государства; господамъ обязаны работать шесть дней въ недѣлю, кромѣ оброка: наконецъ, въ случаѣ свадьбы или похоронъ жены, также при рожденіи или смерти дѣтей, они должны платить извѣстную сумму денегъ приходскимъ священникамъ (это дѣлается во время исповѣди). Со временъ Витолда до самыхъ нашихъ дней ихъ держатъ въ столь жестокомъ рабствѣ, что если *напр.* кого приговорятъ къ смерти, то, по приказанію господина, онъ долженъ самъ исполнить приговоръ надъ собою и повѣсить себя собственными руками; а если онъ заупрямится, то его жестоко высѣкутъ, истерзаютъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ и все таки повѣсятъ. Вслѣдствіе такой строгости бываетъ и такъ: судья или назначенный на этотъ случай начальникъ погрозитъ замѣшкавшемуся рабу, или только скажетъ: «Торопись, господинъ гнѣвается».—и онъ, несчастный, страшась жестокаго тѣлеснаго наказанія, покančиваетъ свою жизнь петлей.

О ЗВѢРЯХЪ.

Кромѣ тѣхъ звѣрей, которые водятся въ Германіи, Литва имѣетъ еще бизонтовъ (Bisons), буйволовъ (Urus), лосей (Alce), которыхъ иные называютъ онаграми, лѣсными лошадьми. Бизонта литовцы называютъ на своемъ языкѣ зубромъ (Suber), германцы неправильно зовутъ его Aurox или Urox, каковое имя прилично буйволу, который имѣетъ совершенно бычачью форму, тогда какъ бизонтъ совсѣмъ другаго вида. Бизонты съ гривой; шея и плечи у нихъ косматыя: борода, висящая съ подбородка; волоса пахнутъ мускусомъ; голова короткая: глаза большіе, впалые, какъ бы пылающіе; лобъ широкій: рога по большей части расположены такъ, что въ промежуткѣ между ними могутъ усѣсться три хорошо сложенныхъ человѣка. Этотъ опытъ былъ сдѣланъ, какъ утверждаютъ, королемъ польскимъ Сигизмундомъ, отцомъ нынѣ царствующаго Сигизмунда Августа, который, мы это знаемъ, былъ хорошаго и крѣпкаго сло-

женія, — вмѣстѣ съ двумя другими, которые были не меньше его. Спина *зубра* приподнимается въ видѣ горба, *такъ что* передняя и задняя часть животнаго ниже *серединки*. Охотящіеся на зубровъ должны обладать большою силою, проворствомъ и ловкостью. Для охоты выбирается удобное мѣсто, гдѣ деревья стояли бы въ извѣстныхъ промежуткахъ другъ отъ друга; стволы ихъ должны быть не слишкомъ толсты, чтобы не трудно было ходить около нихъ, и не слишкомъ тонки, чтобы за нихъ могъ спрятаться человѣкъ. У этихъ деревьевъ располагаются охотники по одному, и зубръ, встревоженный преслѣдующими его собаками, выгоняется на это мѣсто и стремительно бросается на перваго попавшагося изъ охотниковъ. А тотъ укрывается за деревомъ и при всякомъ удобномъ случаѣ вонзаетъ въ него охотничье копье. Звѣрь еще не падаетъ, не смотря на сыплющіеся на него удары, но свирѣпѣетъ все болѣе и болѣе, потрясаетъ рогами и языкомъ, который у него такъ шероховатъ и жостокъ, что онъ схватываетъ и притягиваетъ охотника однимъ прикосновеніемъ *языка* къ его одеждѣ: *тутъ* онъ *уже* не оставляетъ *человѣка*, прежде чѣмъ убьетъ *его*. Если кто хочетъ отдохнуть, уставши бѣгать кругомъ и бить, то бросаетъ животному красную шапку, которую оно топчетъ и терзаетъ рогами. Когда же кто нибудь другой захочетъ принять участіе въ этомъ бою, пока еще животное не свалено, — что необходимо сдѣлать, если они желаютъ воротиться цѣлыми, — тотъ легко вызываетъ его противъ себя, крикнувъ хоть одинъ разъ лулулу (sono barbaro Lululu).

Буйволы водятся только въ одной пограничной съ Литвой Мазовіи. На туземномъ языкѣ называются они турами, а у германцевъ настоящее имъ имя Urox. Это въ самомъ дѣлѣ лѣсные быки, нисколько не отличающіеся отъ домашнихъ быковъ, развѣ только тѣмъ, что всѣ они черны и имѣютъ черную съ бѣлымъ полосу вдоль хребта. Ихъ не очень много, и на нѣкоторыя деревни возложены уходъ и присмотръ за ними; наблюдаютъ за ними почти также, какъ въ какихъ нибудь звѣринцахъ. Они случаются съ домашними коровами, но это сопровождается дурными послѣдствіями для нихъ (sed non sine nota). Ибо потомъ прочіе буйволы не допускаютъ ихъ въ стадо, какъ обезчестившихся (infames); да и телята, рождающіяся отъ этого смѣшенія, не живучи. Король Сигизмундъ Августъ

подарилъ мнѣ, когда я былъ у него посломъ, одного выпотрошеннаго *буйвола*, котораго добили охотники, когда онъ полуживой былъ выгнанъ изъ стада; у него была вырѣзана кожа, которая покрываетъ лобъ, и я думаю, что это сдѣлано было не даромъ, хотя по какой-то разсѣянности не спросилъ *тогда*, для чего это дѣлается. Извѣстно, что пояса, сдѣланные изъ буйволовой кожи, цѣнятся дорого, и въ народѣ вѣрятъ, что опоясываніе ими помогаетъ въ родахъ. По этой причинѣ королева Бона, мать Сигизмунда Августа, подарила мнѣ два такихъ пояса, изъ которыхъ одинъ благосклонно приняла въ подарокъ отъ меня моя пресвѣтлѣйшая государыня, королева римская.

То животное, которое по литовски называется лосемъ (Loss), германцы называютъ Ellend, нѣкоторые по латини — Alce; по мнѣнію поляковъ, это онагръ т. е. лѣсной оселъ, хотя наружный видъ его не соотвѣтствуетъ *этому названію*. Ибо у него раздвоенныя копыта; хотя бываютъ и такіе, у которыхъ *копыта* цѣльныя, но это весьма рѣдко. *Это* животное выше оленя, уши и ноздри у него нѣсколько выпяченныя, а рога нисколько не отличаются отъ оленьихъ; цвѣта болѣе подходящаго къ бѣлому. Оно весьма быстро на бѣгу и бѣгаетъ не такъ, какъ прочія животныя, а какъ иноходецъ. Копыта его носятъ, какъ амулеты противъ падучей болѣзни.

Въ степяхъ около Борисѳена, Танаиса и Ра есть лѣсная овца, которую поляки называютъ солгакъ, а московиты сейгакъ (Seigack), величиною съ молодаго козла, только ноги короче; рога у ней высокіе, длинные и рубчатые; изъ нихъ московиты дѣлаютъ прозрачныя рукоятки ножей. Онѣ весьма быстры на бѣгу и очень высоко скачутъ.

Ближайшая область къ Литвѣ, Самогитія, лежитъ на сѣверѣ у Балтійскаго моря и на пространствѣ четырехъ герм. миль тянется между Пруссіей и Ливоніей; въ ней нѣтъ ни замѣчательныхъ городовъ, ни крѣпостей. Король назначаетъ туда начальника изъ литовцевъ, котораго они называютъ на своемъ языкѣ старостой (Starosta) т. е. старѣйшимъ; онъ можетъ быть удаленъ отъ должности не иначе, какъ по самымъ важнымъ причинамъ, а обыкновенно остается въ ней по смерть. *Самогитія* имѣетъ епископа, подвѣдомственнаго римскому перво-

священнику. Тамъ въ особенности достойно удивленія то, что у туземцевъ, которые по большей части высокаго роста, обыкновенно рождаются, какъ будто по очереди, одни сыновья съ большими размѣрами тѣла, другіе прекрошечные, почти карлики. Самогиты носятъ плохую одежду, по большей части пепельнаго цвѣта. Они живутъ въ низкихъ, но очень длинныхъ хижинахъ; огонь въ нихъ сохраняется по срединѣ, и отецъ семейства, сидя у огня, видитъ свой скотъ и все хозяйство. Ибо они обыкновенно держатъ скотъ подъ той же крышей, подъ которой живутъ сами, безъ всякой перегородки. Бо̀льшая часть ихъ употребляетъ также буйволовы рога вмѣсто чашъ. Это люди смѣлые и способные къ войнѣ; они употребляютъ на войнѣ латы и весьма много другаго оружія, въ особенности же рогатинъ, — очень короткихъ, какъ у охотниковъ. Лошади у нихъ очень малы, такъ что удивляешься, какъ ихъ стаетъ на такіе большіе труды: онѣ служатъ имъ и для войны, и для обработыванія полей. Землю пашутъ не желѣзомъ, а деревомъ, что̀ тѣмъ болѣе достойно удивленія, потому что земля у нихъ тверда и не песчана, и сосна не растетъ на ней вовсе. Собираясь пахать, они обыкновенно несутъ съ собой много деревянныхъ кольевъ, которыми роютъ землю, вмѣсто сошника; это для того, чтобы, когда сломается одинъ, имѣть въ готовности другой и третій, дабы не было задержки. Одинъ изъ областныхъ начальниковъ, съ цѣлью облегчить жителямъ тяжкій трудъ, приказалъ привезти большое количество желѣзныхъ сошниковъ. Когда же въ этотъ годъ и въ нѣсколько слѣдующихъ жатва, вслѣдствіе климатическихъ перемѣнъ, не соотвѣтствовала ожиданію земледѣльцевъ, и народъ приписалъ безплодіе своихъ полей желѣзнымъ сошникамъ, не находя никакой другой причины, — то начальникъ, боясь возмущенія, отобралъ назадъ желѣзо и позволилъ имъ обработывать поля по старому. Эта область изобилуетъ рощами и лѣсами, въ которыхъ иногда происходятъ страшныя сцены. Ибо тамъ много язычниковъ, которые содержатъ у себя въ домахъ, какъ пенатовъ, какихъ-то змѣй, съ четырьмя короткими ногами на подобіе ящерицъ, съ чернымъ и толстымъ тѣломъ, имѣющихъ не болѣе трехъ пядей въ длину и называемыхъ гивоитами (Givuoites); въ положенные дни, очистивъ свой домъ и поставивъ пищу, они всей семьей, въ какомъ-то ужасѣ покланяются этимъ змѣямъ, пока, нажравшись, тѣ не уползутъ въ свое мѣсто. Если имъ приключится что либо дурное,

то они это приписываютъ тому, что домашнее божество, змѣя, было худо принято и накормлено. Когда, на возвратномъ пути изъ перваго путешествія въ Московію, я прибылъ въ Троки, то разсказывалъ *мнѣ* мой хозяинъ, къ которому я случайно завернулъ, что онъ въ тотъ же годъ, какъ я тамъ былъ, купилъ нѣсколько ульевъ пчелъ отъ одного почитателя змѣи. Когда своими рѣчами онъ обратилъ его къ истинной вѣрѣ Христовой и убѣдилъ убить змѣю, которой тотъ поклонялся, то черезъ нѣсколько времени, воротясь посмотрѣть своихъ пчелъ, встрѣтилъ *этого* человѣка съ обезображеннымъ лицемъ: ротъ у него былъ *самымъ* жалкимъ образомъ сведенъ до ушей. На вопросъ о причинѣ такого несчастія, онъ отвѣчалъ, что наказанъ этимъ бѣдствіемъ за то, что наложилъ свои грѣшныя руки на змѣю, свое божество, — *наказанъ* для заглаженія грѣха и очищенія своей вины; и что ему пришлось бы претерпѣть гораздо больше, если бы онъ не возвратился къ своей прежней вѣрѣ. Хотя это случилось не въ Самогитіи, а въ Литвѣ, но я привелъ это для примѣра. Говорятъ, что нигдѣ нѣтъ меда лучше и вкуснѣе, съ меньшимъ содержаніемъ воска и бѣлѣе, чѣмъ въ Самогитіи.

Море, которое омываетъ Самогитію, *одни* называютъ Балтійскимъ, другіе — Германскимъ, иные — Прусскимъ, нѣкоторые — Венетскимъ; германцы же называютъ его Пелтсъ (Pelts), сходно съ *названіемъ* Балтійскаго. *Это море* есть собственно заливъ, ибо оно замыкается Кимврійскимъ Херсонесомъ, который нынѣ германцы называютъ Ютландіей и Зундеръ-Ютландіей (Yuchtland et Sunder Yuchtland), а по латини онъ называется Юціей отъ того же корня. Оно омываетъ и Германію, называемую Нижней (Bassa), начиная отъ Гользаціи, которая прилежитъ *Херсонесу* Кимврійскому, — потомъ любекскую землю, также Висмаръ и Ростокъ, города герцогства мекленбургскаго, и всю Померанію, на что̀ указываетъ названіе этой мѣстности. Ибо Поморье (Pomorijae) на славянскомъ языкѣ значитъ тоже самое, что̀ у насъ — при морѣ, приморскій. Потомъ это море омываетъ Пруссію, главный городъ которой Гданскъ (Gdanum), называемый также Данцигомъ (Gedanum et Dantiscum). Далѣе находится резиденція прусскаго герцога, которую германцы называютъ Кенигсбергомъ (Regius mons). Въ этомъ мѣстѣ, въ извѣстное время года, ловится плавающій въ морѣ янтарь, съ большою опасностью для людей по причинѣ

внезапно иногда бывающаго прилива и отлива моря. Берегъ Самогитіи занимаетъ едва четыре мили, а потомъ длинною полосою тянутся Ливонія и та страна, которую обыкновенно называютъ Курляндіей (безъ сомнѣнія *отъ* Куретовъ), также страны, подвластныя московскому *государю*; наконецъ Финляндія (Vuinlandia), которая состоитъ подъ властью Швеціи, и отъ которой, думаютъ, произошло имя венедовъ (Venedicum nomen). По другой сторонѣ тянутся берега Швеціи. Въ этомъ же заливѣ заключается все королевство датское, бо́льшая часть котораго состоитъ изъ островов, исключая Юціи и Скандіи, которыя примыкаютъ къ материку. Въ этомъ же заливѣ находится островъ Готландъ, принадлежащій къ датскому королевству; весьма многіе полагали, что изъ него вышли готѳы, — но онъ слишкомъ тѣсенъ, чтобы умѣстилось на немъ такое множество людей. Кромѣ того, если готѳы вышли изъ Скандіи *на Готландъ*, изъ Готланда въ Швецію, то имъ нужно бы было идти обратно черезъ Скандію (что нисколько не сообразно съ здравымъ смысломъ). На островѣ Готландѣ до сихъ поръ существуютъ развалины города Висби, въ которомъ судились и рядились тяжбы и споры всѣхъ плавающихъ по тѣмъ водамъ (illac praeternauigantium); даже изъ отдаленныхъ морскихъ мѣстъ тяжебныя дѣла представлялись туда на аппеляцію.

Область Ливонія тянется по берегу моря. Столица ея — Рига, которою владѣетъ магистръ тевтонскаго ордена. Въ ней, кромѣ архіепископа рижскаго, есть еще епископы ревельскій и эзельскій. Въ *Ливоніи* много городовъ; въ особенности *замѣчателенъ* городъ Рига, при рѣкѣ Двинѣ, недалеко отъ ея устья; также города Ревель (Revalia) и Дерптъ (Derbt). Ревель русскіе называютъ Колыванью (Rolivuan), а Дерптъ — Юрьевымъ-городомъ (Iuryovugorod). Рига называется одинаково на томъ и на другомъ языкѣ. Судоходныя рѣки въ *этой странѣ* Рубонъ и Нарова. Государь этой области, орденскіе братья, изъ которыхъ главные называются коммандорами, также знатные господа и граждане — почти всѣ германцы. Народъ (plebs) говоритъ на трехъ языкахъ и потому раздѣляется на три части или трибы. Изъ германскихъ княжествъ: юлихскаго, гельдернскаго и мюнстерскаго ежегодно выводятся *туда* новые служители и воины; изъ нихъ часть поступаетъ на мѣсто умершихъ, а другая на мѣсто тѣхъ, которые отпускаются на родину по окончаніи годичнаго *срока своей* службы. Конница ихъ сильна

и многочисленна; она до сихъ поръ доставляла имъ возможность доблестно защищаться и храбро отражать частые непріятельскіе набѣги на ихъ земли какъ короля польскаго, такъ и великаго князя московскаго.

Въ 1502 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, король польскій и великій князь литовскій Александръ побудилъ магистра ливонскаго, Вальтера фонъ Плетербергъ, въ силу договоровъ, напасть съ войскомъ на области московскаго князя, обѣщаясь прибыть къ нему съ большимъ войскомъ, когда онъ вступитъ въ непріятельскую землю. Но такъ какъ король, противъ своего обѣщанія, не пришелъ къ назначенному сроку, и московиты, узнавъ о приближеніи непріятеля, въ огромномъ множествѣ вышли на встрѣчу магистру, то онъ, видя себя оставленнымъ и не имѣя возможности отступить назадъ безъ величайшаго стыда и опасности, сперва сдѣлалъ своимъ коротенькое и приличное обстоятельствамъ увѣщаніе и тотчасъ же, выстрѣливъ изъ орудій, храбро устремился на враговъ: первой аттакой онъ разсѣялъ русскихъ и обратилъ *ихъ* въ бѣгство. Но такъ какъ побѣдители были слабѣе числомъ и обременены болѣе тяжелымъ вооруженіемъ, то потому они и не могли далеко преслѣдовать непріятеля. Узнавъ объ этомъ и ободрившись, московиты снова строятся въ ряды и храбрымъ нападеніемъ разбиваютъ пѣхоту Плетенберга, которая, числомъ около 1500 *человѣкъ*, выстроилась фалангой передъ врагами. Въ этомъ сраженіи погибли коммандоръ (Praefectus) Матвѣй Пернауэръ, братъ его Генрихъ и знаменоносецъ Конрадъ Шварцъ. Памятенъ славный подвигъ этого знаменоносца. Ибо, когда онъ не могъ болѣе стоять, осыпанный непріятельскими стрѣлами и смертельно раненый, то прежде, чѣмъ палъ, громкимъ голосомъ призывалъ какого нибудь храбраго мужа, который бы взялъ отъ него знамя. Лука Гамерстстеръ, славившійся своимъ (хотя и незаконнымъ) происхожденіемъ отъ браунпвейгскихъ герцоговъ, прибѣжалъ на его голосъ и пытался взять знамя изъ рукъ умирающаго. Конрадъ *же*, или подозрѣвая въ немъ измѣнника, или почитая его недостойнымъ такой чести, отказался передать *ему* знамя. Взбѣшенный Лука, отсѣкъ мечемъ руку, *въ которой* Конрадъ *держалъ* знамя. Не смотря на это, Конрадъ крѣпко схватилъ знамя другою рукою и зубами и сталъ рвать *его*. Лука схватилъ клочки знамени и, измѣнивъ *своей* пѣхотѣ, передался русскимъ. Его измѣна была причиной

жалкой участи почти четырехсотъ пѣхотинцевъ: они были умерщвлены непріятелями. Остальные съ конницею, въ добромъ порядкѣ, возвратились цѣлы и невредимы во свояси. Виновникъ этого пораженія, Лука, взятый потомъ московитами и отправленный въ Москву, нѣсколько времени занималъ почетное мѣсто при дворѣ князя. Но вслѣдствіе *какой-то* обиды, нанесенной ему московитами, онъ потомъ тайно бѣжалъ къ Христіерну, королю датскому, который назначилъ его начальникомъ артиллеріи. Но нѣкоторые пѣхотинцы, спасшіеся отъ этого пораженія и ушедшіе въ Данію, донесли королю объ его измѣнѣ и не захотѣли служить вмѣстѣ съ нимъ; тогда король Христіернъ послалъ его въ Стокгольмъ. Потомъ, при послѣдовавшей за тѣмъ перемѣнѣ, Іостерикъ, по другому Густавъ, король шведскій, освободивъ Стокгольмъ и нашедши тамъ Луку, принялъ его въ число своихъ друзей и сдѣлалъ начальникомъ города Выборга. Тамъ узналъ онъ, что его обвиняютъ не знаю въ какомъ-то преступленіи; опасаясь тяжкаго наказанія, онъ снова удалился въ Московію, гдѣ я видѣлъ его въ почетной одеждѣ между *иностранцами*, состоящими на жалованьи у князя.

Швеція, сопредѣльная владѣніямъ московскаго *князя*, соединена съ Норвегіею и Скандіею также, какъ Италія съ неаполитанскимъ королевствомъ и Пьемонтомъ, и почти со всѣхъ сторонъ омывается моремъ Балтійскимъ, потомъ океаномъ и тѣмъ *моремъ*, которое нынѣ мы называемъ Ледовитымъ. Швеція, въ которой столица — Голмія, называемая туземцами Стокгольмомъ, а русскими Стекольна (Stecolna), есть весьма обширное королевство, и заключаетъ много различныхъ національностей, между которыми славны воинскою доблестью готѳы, раздѣляющіеся на остроготѳовъ т. е. восточныхъ и вестроготѳовъ т. е. западныхъ готѳовъ, по положенію странъ, въ которыхъ они живутъ: оттуда выходили они и привели въ ужасъ вселенную, какъ *объ этомъ* передали памяти многія писатели.

Норвегія, которую иные называютъ Нортвагіей (Nortvuagia), на длинномъ протяженіи граничитъ съ Швеціей и омывается *съ другой стороны* моремъ. Также какъ послѣдняя получила имя отъ Sud т. е. юга, такъ *Норвегія* отъ Nort т. е. сѣвера, куда она обращена. Ибо германцы дали свои собственныя названія четыремъ странамъ свѣта и по нимъ называли обращенныя къ нимъ страны. Такъ Ost означаетъ востокъ: отсюда

Австрія, которую германцы собственно называютъ Osterreich. Vuest *значитъ* западъ: отсюда Вестфалія. Точно также отъ Sud и Nort, какъ сказано, *прозвались* Суеція (*Швеція*) и Нортвегія (*Норвегія*).

Скандія же — не островъ, а материкъ, часть шведскаго королевства, и на длинномъ протяженіи сопредѣльна съ Готіей; доброю частью ея владѣетъ нынѣ король датскій. Впрочемъ, такъ какъ авторы, писавшіе объ этомъ предметѣ, сдѣлали ее больше самой Швеціи и разсказывали, что изъ нея вышли готѳы и лонгобарды, то, по моему мнѣнію, эти три королевства, кажется, разумѣлись какъ нѣчто цѣлое подъ именемъ одной Скандіи; потому что въ то время часть этой земли между Балтійскимъ моремъ, которое омываетъ Финляндію, и моремъ Ледовитымъ была неизвѣстна; по причинѣ множества болотъ, безчисленныхъ рѣкъ и неблагопріятности климата она и до сихъ поръ не обработана и мало извѣстна. Отъ того многіе называли этотъ, огромной величины островъ однимъ именемъ Скандіи.

О Корелѣ сказано выше, что она подвластна и королю шведскому и князю московскому, потому что находится между владѣніями обоихъ государей, отъ чего тотъ и другой считаетъ ее своею. Ея границы тянутся до самаго Ледовитаго моря. Впрочемъ, такъ какъ о Ледовитомъ морѣ у бо̀льшей части писателей разсказывается много разнорѣчиваго, то кажется, что не будетъ лишнимъ, если я въ немногихъ словахъ приведу здѣсь *описаніе* плаванія по этому морю.

ПЛАВАНІЕ ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ.

Въ то время, когда я былъ у великаго князя московскаго посломъ отъ свѣтлѣйшаго государя моего, находился тутъ же Григорій Истома (Isthoma), толмачь этого князя, человѣкъ дѣльный, выучившійся латинскому языку при дворѣ Іоанна, короля датскаго. Въ 1496 году былъ онъ посланъ своимъ княземъ къ королю датскому вмѣстѣ съ тогдашнимъ посломъ датскаго короля, шотландцемъ Давидомъ, съ которымъ я также тамъ познакомился въ первое мое посольство; онъ-то изложилъ намъ вкратцѣ свое путешествіе. Этотъ путь кажется намъ крайне труднымъ по суровости тѣхъ странъ, и потому

я хотѣлъ описать его въ короткихъ словахъ, какъ отъ него слышалъ. Сперва, по его словамъ, онъ и вышеупомянутый посолъ Давидъ, отпущенные его государемъ, прибыли въ Великій Новгородъ. Но такъ какъ въ это время королевство шведское отпало отъ датскаго короля, къ тому же и московскій *князь* имѣлъ несогласія съ шведами, и такъ какъ они не могли держаться обыкновеннаго пути по причинѣ военныхъ смутъ, то и отправились они по другому пути, *который* былъ длиннѣе, но *за то* безопаснѣе, и сперва прибыли изъ Новгорода къ устьямъ Двины и къ Потивло (Potivulo?) очень трудною дорогою. *Истома* говорилъ, что этотъ путь, который онъ никогда не перестанетъ клясть за *перенесенныя во время его* непріятности и труды, тянется триста миль. Накопецъ въ устьяхъ Двины они сѣли на четыре судна; плыли, держась праваго берега океана, и видѣли тамъ высокія и суровыя горы. Сдѣлавъ 16 миль и переѣхавъ черезъ какой-то заливъ, они приплыли къ лѣвому берегу и, оставивъ вправѣ обширное море, которое получило *свое* имя отъ рѣки Печоры, также какъ и сосѣднія горы, прибыли къ народамъ Финлаппіи, которые хотя живутъ разсѣянно по морскому берегу въ низкихъ хижинахъ и ведутъ почти звѣриную жизнь, однако все таки смирнѣе (mansuetiores) дикихъ лопарей (Lappi). По словамъ *Истомы*, эти народы платятъ дань московскому *князю*. Потомъ, оставивъ землю лопарей и сдѣлавъ 80 миль моремъ, они достигли страны Нортподенъ, подвластной королю шведскому. Русскіе называютъ ее Каянской Землей (Caienska Semla), а народъ — каянами (Cayeni). Онъ говорилъ, что подвигаясь оттуда вдоль извилистаго берега, который тянулся вправо, они достигли мыса, называемаго Святымъ Носомъ (Sanctus Nasus). Святой Носъ есть огромная скала, выдающаяся въ море на подобіе носа; подъ нею видна пещера съ *нѣсколькими* водоворотами, которая каждые шесть часовъ поглощаетъ морскую воду (mare) и съ большимъ шумомъ обратно изрыгаетъ назадъ эту пучину. Одни говорили, что *это* середина моря, другіе — что *это* Харибда. Сказывалъ онъ, что сила этой пучины такъ велика, что она притягиваетъ корабли и другіе предметы, *находящіеся* по близости, крутитъ *ихъ* и поглощаетъ, — и что они никогда не бывали въ большей опасности. Ибо когда пучина внезапно и сильно стала притягивать корабль, на которомъ они ѣхали, то они едва съ великимъ трудомъ спаслись

налегши всѣми силами на весла. Миновавъ Святой Носъ, они прибыли къ какой-то скалистой горѣ, которую имъ надлежало обойти. Когда они были тамъ задержаны *на* нѣсколько дней противными вѣтрами, шкиперъ сказалъ: «Скала, которую вы видите, называется Семь (Semes); если мы не умилостивимъ ее какимъ либо даромъ, то нелегко намъ будетъ миновать ее». Истома, по его словамъ, упрекнулъ его за пустое суевѣріе, на что̀ шкиперъ ничего не отвѣтилъ, и они, задержанные тамъ сильною непогодой въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ дней, поплыли дальше *только* послѣ того, какъ вѣтры стихли. Когда они уже ѣхали съ попутнымъ вѣтромъ, шкиперъ сказалъ: «Вы смѣялись надъ моимъ предложеніемъ умилостивить скалу Семь, какъ надъ пустымъ суевѣріемъ; но если бы я не умилостивилъ ее, тайно взлѣзши на камень ночью, то намъ никоимъ образомъ нельзя было бы пройти». На вопросъ, что̀ онъ принесъ Семи въ даръ? — онъ сказалъ, что лилъ на камень, выступъ котораго мы видѣли, — масло, смѣшанное съ овсяною мукою. Потомъ, плывя такимъ образомъ, они встрѣтили другой огромный мысъ, Мотку (Motka), подобный полуострову; на его оконечности находился замокъ Бартусъ (Barthus), значитъ сторожевой домъ. Ибо норвежскій король держитъ тамъ военный гарнизонъ, для охраненія границъ. *Истома* говорилъ, что этотъ мысъ такъ далеко вдается въ море, что едва въ 8 дней можно обогнуть его; чтобы не замедлять своего пути, они съ великимъ трудомъ на плечахъ перетащили и свои суда и грузъ черезъ перешеекъ, шириною въ полмили. Потомъ они приплыли въ страну дикилоппов (Dikiloppi), — это и есть дикіе лопари, — къ мѣсту, называемому Дронтъ, которое отстоитъ отъ Двины къ сѣверу на 200 миль; даже и тамъ, по ихъ разсказамъ, московскій князь пользуется правомъ (solere) собирать дань. Оставивъ тамъ лодки, они совершили остальной путь землею, на саняхъ. Кромѣ того онъ разсказывалъ, что тамъ стада оленей, которые на норвежскомъ языкѣ называются Rhen, употребляются также, какъ у насъ *стада* быковъ: они немного побольше нашихъ оленей. Лопари употребляютъ ихъ вмѣсто вьючнаго скота слѣдующимъ образомъ. Впрягаютъ оленей въ повозку, сдѣланную на подобіе рыбачьей лодки; человѣкъ привязывается въ ней за ноги для того, чтобы не выкинуться отъ быстраго бѣга оленей. Онъ держитъ въ лѣвой рукѣ вожжи, которыми умѣряетъ бѣгъ оленей,

а въ правой палку, которою предотвращаетъ паденіе повозки, когда она наклонится на одну сторону болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Этимъ способомъ ѣзды они сдѣлали 20 миль въ одинъ день и наконецъ отпустили оленя; *Истома* говорилъ, что *олень* самъ воротился къ своему господину въ обычное становище. Совершивъ этотъ путь, они прибыли къ норвежскому городу Бергенъ (Berges), лежащему прямо на сѣверъ между горами, а оттуда на лошадяхъ въ Данію. Между прочимъ сказываютъ, что въ Дронтѣ и Бергенѣ, во время лѣтняго солнцестоянія, день имѣетъ 22 часа. Власій (Blasius), другой княжескій толмачь, который немного лѣтъ тому назадъ былъ посланъ своимъ государемъ къ цесарю въ Испанію, разсказывалъ намъ о своемъ пути иначе и гораздо сокращеннѣе. Онъ говорилъ, что, будучи посланъ изъ Московіи къ Іоанну, королю датскому, онъ шелъ сухопутьемъ (pedes) до Ростова; сѣвъ на корабли въ Переяславлѣ, пріѣхалъ Волгою въ Кострому; оттуда 7 верстъ шелъ сухимъ путемъ до какой-то рѣчки, которою вошелъ въ Вологду, потомъ въ Сухопу и Двину, и плылъ до норвежскаго города Бергена и перенесъ всѣ труды и опасности, о которыхъ выше разсказано со словъ Истомы; наконецъ пріѣхалъ въ Гафнію, столицу Даніи, называемую у германцевъ Копенгагеномъ. И тотъ и другой говорили, чтъ въ Московію воротились черезъ Ливонію и совершили этотъ путь въ продолженіи года. Хотя одинъ *изъ нихъ*, Григорій Истома, говорилъ, что половину этого времени онъ былъ задержанъ бурями въ разныхъ мѣстахъ, однако и тотъ и другой единогласно утверждали, что въ это путешествіе они сдѣлали 1.700 верстъ т. е. 340 миль. Также Димитрій, тотъ самый, который весьма недавно былъ посломъ у папы въ Римѣ, и по разсказамъ котораго Павелъ Іовій написалъ свою Московію, — по этой самой дорогѣ три раза ѣздилъ въ Норвегію и Данію; онъ подтвердилъ справедливость всего вышесказаннаго. Впрочемъ всѣ они, когда я ихъ спрашивалъ о Замерзшемъ или Ледовитомъ морѣ, отвѣчали только одно, а именно, что видѣли въ приморскихъ мѣстахъ множество величайшихъ рѣкъ, которыя массой своихъ водъ и силой теченія гонятъ море на далекое пространство отъ береговъ, и которыя замерзаютъ вмѣстѣ съ моремъ на извѣстное пространство отъ самаго берега, какъ это бываетъ въ Ливоніи и въ иныхъ частяхъ Швеціи. Ибо, хотя отъ сильныхъ вѣтровъ ледъ въ морѣ ломается, однако

въ рѣкахъ *это бываетъ* рѣдко или никогда, — если только не случится наводненія: тогда ледъ поднимается или ломается. Обломки же льду, выносимые рѣками въ море, почти цѣлый годъ плаваютъ по нему и отъ сильнаго холода снова смерзаются такъ, что иногда тамъ можно видѣть льды многихъ годовъ, смерзшіеся въ одну *массу*, что легко узнать изъ обломковъ, которые вѣтеръ выбрасываетъ на берегъ. Я слышалъ отъ достойныхъ вѣры *людей*, что и Балтійское море во многихъ мѣстахъ и весьма часто замерзаетъ. Говорили, что также *и* въ той странѣ, гдѣ обитаютъ дикіе лопари, солнце не заходитъ 40 дней во время лѣтняго солнцестоянія; однако, въ продолженіи трехъ часовъ ночи его дискъ покрывается какимъ-то мракомъ, такъ что не видно его лучей, но тѣмъ не менѣе оно даетъ столько свѣта, что сумерки никого не заставляютъ оставлять работу. Московиты похваляются тѣмъ, что берутъ подать съ этихъ дикихъ лопарей: хотя это и невѣроподобно, однако не удивительно, такъ какъ послѣдніе не имѣютъ другихъ сосѣдей, требующихъ съ нихъ подати. Они платятъ дань рыбой и кожами, такъ какъ другаго не имѣютъ. Заплативъ годовую дань, они хвалятся, что *уже больше* ничего никому не должны и независимы *во всемъ остальномъ*. Хотя у лопарей нѣтъ хлѣба, *также* соли и другихъ пряностей (gulae irritamenta), и они питаются только одной рыбой и дичью, однако, какъ утверждаютъ, они очень склонны къ сладострастію. Всѣ они очень искусные стрѣлки, такъ что если на охотѣ попадутся имъ какіе либо дорогіе звѣри, то они убиваютъ ихъ стрѣлою въ мордочку, для того, чтобы имъ досталась шкура цѣлая и безъ дыръ. Отправляясь на охоту, они оставляютъ дома съ женой купцовъ и другихъ иностранныхъ гостей. Если, возвратясь, они находятъ жену довольною обращеніемъ гостя и веселѣе обыкновеннаго, то даютъ ему какой нибудь подарокъ; если же напротивъ, то со стыдомъ выгоняютъ *его*. Они уже начинаютъ покидать врожденную дикость и дѣлаться кротче отъ обращенія съ иностранцами, которые ради прибытка посѣщаютъ ихъ. Они охотно допускаютъ *къ себѣ* купцовъ, которые привозятъ имъ одежды изъ толстаго сукна, также топоры, иглы, ложки, ножи, чаши, муку, горшки и т. п., — такъ что они питаются уже вареною пищею и принимаютъ болѣе мягкіе нравы. Они употребляютъ платье, сшитое собственными руками изъ различныхъ звѣриныхъ шкуръ, и въ этомъ одѣяніи иногда прихо-

дятъ въ Московію; однако весьма немногіе употребляютъ сапоги или шапки, сдѣланныя изъ оленьей кожи. Золотая и серебряная монета у нихъ вовсе не употребляется; они довольствуются однимъ обмѣномъ товаровъ. Такъ какъ они не понимаютъ другихъ языковъ, то иностранцамъ кажутся почти нѣмыми. Свои шалаши они покрываютъ древесною корою, и нигдѣ у нихъ нѣтъ постоянныхъ жилищъ: истребивъ на одномъ мѣстѣ дикихъ звѣрей и рыбу, они перекочевываютъ на другое. Вышеупомянутые послы московскаго государя разсказывали также, что они видѣли въ этихъ странахъ высочайшія горы, подобно Этнѣ постоянно извергающія пламя, и что въ самой Норвегіи многія горы разрушились отъ постояннаго горѣнія. Нѣкоторые, увлекшись этимъ, ложно утверждаютъ, что тамъ находится чистилищный огнь. Когда я отправлялъ посольство у датскаго короля Христіерна, то слышалъ объ этихъ горахъ почти тоже *самое* отъ правителей Норвегіи, которые въ то время случайно тамъ находились. Говорятъ, что около устьевъ рѣки Печоры, находящихся вправо отъ устьевъ Двины, обитаютъ въ океанѣ различныя большія животныя, между прочимъ одно животное величиною съ быка, которое прибрежные жители называютъ моржемъ (Mors). Ноги у него короткія, какъ у бобра; грудь въ сравненіи съ остальнымъ его тѣломъ нѣсколько выше и шире; два верхнихъ зуба длинны и выдаются впередъ. Эти животныя для расположенія и отдыха оставляютъ океанъ и уходятъ стадомъ на горы; прежде чѣмъ предаться сну, который у нихъ обыкновенно очень крѣпокъ, они подобно, журавлямъ, ставятъ одного на стражу: если тотъ заснетъ или будетъ убитъ охотникомъ, тогда легко поймать *и* остальныхъ; если же онъ подастъ сигналъ своимъ обыкновеннымъ мычаньемъ, то остальное стадо, пробужденное *этимъ*, подвернувши заднія ноги къ зубамъ, съ величайшею скоростью скатывается съ горы, какъ въ повозкѣ, и стремительно бросается въ океанъ: тамъ они иногда отдыхаютъ также на обломкахъ плавающихъ льдинъ. Охотники бьютъ этихъ животныхъ ради однихъ зубовъ, изъ которыхъ московиты, татары и преимущественно турки искусно дѣлаютъ рукояти мечей и кинжаловъ; они употребляютъ ихъ болѣе для украшенія, нежели для того, чтобы наносить тяжелѣе удары, какъ воображалъ кто-то. У турокъ, московитовъ и татаръ эти зубы продаются на вѣсъ и называются рыбьими зубами.

Ледовитое море на широкомъ пространствѣ тянется вдаль

за Двиною до самыхъ устьевъ Печоры и Оби, за которыми, говорятъ, находится страна Енгронеландтъ. *Судя по* слухамъ, я *думаю*, что она отчуждена отъ сношеній и торговли съ нами какъ по причинѣ высокихъ горъ, которыя покрыты постоянными снѣгами, такъ и вслѣдствіе постоянно плавающаго по морю льда, который препятствуетъ навигаціи и дѣлаетъ ее опасною, а потому *эта страна и* неизвѣстна.

О ПРІЕМѢ И ОБХОЖДЕНІИ СЪ ПОСЛАМИ.

Посолъ, отправляющійся въ Московію, подъѣзжая къ ея границамъ посылаетъ въ ближайшій городъ вѣстника, который возвѣщаетъ начальнику этого города, что онъ, посолъ такого-то государя, намѣревается вступить въ предѣлы княжескихъ владѣній. Начальникъ тотчасъ тщательно освѣдомляется не только о томъ, отъ какого государя онъ посланъ, но также какого сословія и достоинства самъ посолъ, равнымъ образомъ какъ велика его свита; узнавъ это, онъ посылаетъ какого нибудь *чиновника* со свитой, для пріема и сопровожденія посла, причемъ принимается въ расчетъ какъ достоинство государя, отъ котораго онъ посланъ, такъ и достоинство *самого* посла. Между тѣмъ онъ немедленно даетъ знать великому князю, откуда и отъ кого пріѣхалъ посолъ. Точно также посланный на встрѣчу съ дороги посылаетъ впередъ кого нибудь изъ своихъ увѣдомить посла, что приближается Большой Человѣкъ, который приметъ его въ извѣстномъ мѣстѣ (мѣсто означается). Они употребляютъ титулъ Большаго Человѣка, потому что этотъ эпитетъ — Большой — придается всѣмъ важнымъ особамъ; какой нибудь вельможа, благородный или баронъ не величается у нихъ ни свѣтлѣйшимъ, ни вельможнымъ, ни какимъ либо другимъ подобнымъ титуломъ. Впрочемъ, при встрѣчѣ, этотъ посланецъ не сходитъ съ мѣста; въ зимнее время *напр.*, по его приказанію сметается или расчищается снѣгъ тамъ, гдѣ онъ остановился, чтобы посолъ могъ пройти *къ нему*, а самъ онъ между тѣмъ не двигается съ расчищенной или большой (publica) дороги. Кромѣ того при встрѣчѣ соблюдается еще слѣдующее. Отправляютъ къ послу вѣстника съ просьбой сойти съ лошади или *выйти изъ* повозки. Если же кто нибудь станетъ извиняться или усталостью, или болѣзнью, тогда отвѣ-

чаютъ, что государевыхъ словъ нельзя ни произносить, ни слушать иначе, какъ стоя. Кромѣ того, посланецъ тщательно остерегается первый сойти съ лошади или *выйти* изъ повозки, чтобы не уронить этимъ достоинство своего государя; потому онъ только тогда сходитъ съ лошади, когда замѣтитъ, что сходитъ посолъ.

Въ первое мое посольство я объявилъ посланцу, встрѣтившему меня за Москвою, что я усталъ отъ дороги, и что мы выполнимъ весь церемоніалъ на лошадяхъ. Но по его мнѣнію, этого ни какъ нельзя было сдѣлать (причемъ онъ повторилъ *приведенную* прежде причину). Толмачи и прочіе уже сошли *съ лошадей* и убѣждали меня сдѣлать тоже. Я отвѣчалъ имъ, что я также сойду, какъ только сойдетъ московитъ: видя, что они такъ высоко цѣнятъ это, я самъ не хотѣлъ унизить моего государя и уменьшить его значеніе. Но такъ какъ онъ отказался сойти первымъ, и эти перекоры (illa superbia) немножко затянулись, то я, желая положить *имъ* конецъ, вынулъ ногу изъ стремени, какъ бы въ намѣреніи сойти. Замѣтивъ это, посланецъ тотчасъ сошелъ съ лошади; я же медленно спустился съ сѣдла, такъ что *послѣ* онъ досадовалъ на меня за этотъ обманъ.

Тутъ онъ подходитъ и говоритъ съ непокрытой головою: «Великаго государя Василія, Божіею милостію царя и государя всей Руссіи, и великаго князя и проч. (исчисляетъ важнѣйшія княжества) намѣстникъ и воевода NN. области и проч. велѣлъ объявить тебѣ. Узнавъ, что ты, посолъ такого-то государя, идешь къ нашему государю, онъ послалъ насъ тебѣ на встрѣчу, чтобы мы привели тебя къ нему (повторяетъ титулъ князя и намѣстника). Кромѣ того намъ поручено спросить *по добру ли* по здорову ты ѣхалъ» (ибо таково обычное привѣтствіе: *по добру ли* по здорову ѣхалъ). Потомъ посланный протягиваетъ послу правую руку, и опять не отдаетъ почтенія первый, если не видитъ, что посолъ обнажилъ голову. Послѣ этого, вѣроятно по долгу учтивости, онъ снова обращаетъ рѣчь къ нему, спрашивая, *по добру ли* по здорову онъ ѣхалъ; напослѣдокъ даетъ знакъ рукою садиться и ѣхать (dat signum manu innuens, Ascende et vade). Когда сядутъ на коней или въ повозки, онъ останавливается на мѣстѣ съ своей *свитой*, и не уступаетъ дороги послу, но сзади всѣхъ слѣдуетъ *за нимъ* въ далекѣ и тщательно наблюдаетъ, чтобы никто не отставалъ или не слишкомъ приближался. Во время шествія онъ вывѣдываетъ сперва имя посла

и каждаго служителя, также имена родственниковъ и изъ какой кто области родомъ, какой языкъ каждый понимаетъ и какого сословія, слуга-ли какого нибудь государя, или родственникъ посла или его свойственникъ, также былъ-ли прежде въ ихъ странѣ. Обо всемъ этомъ они немедленно отписываютъ великому князю. Немного дальше, посла встрѣчаетъ человѣкъ, который объявляетъ, что ему поручено отъ намѣстника доставлять ему все нужное.

Такимъ образомъ, вышедъ изъ Дубровны, литовскаго городка, лежащаго на Борисѳенѣ, и сдѣлавъ въ тотъ день 8 миль, мы вступили въ предѣлы Московіи и переночевали подъ открытымъ небомъ. Мы настлали мостъ черезъ разлившуюся рѣку, чтобы имѣть возможность въ половинѣ ночи выступить оттуда и прійти къ Смоленску. Ибо отъ входа въ московское княжество или отъ границы городъ Смоленскъ отстоитъ только на 12 герм. миль. Рано утромъ, проѣхавъ почти одну герм. милю, мы были приняты съ почетомъ, а оттуда подвинулись едва на полмили, и терпѣливо ночевали подъ открытымъ небомъ на мѣстѣ намъ отведенномъ. На другой день мы подвинулись опять на 2 мили, и намъ было назначено мѣсто ночлега, гдѣ долго и роскошно угощалъ насъ нашъ провожатый. На слѣдующій же день (это было Вербное воскресенье), хотя мы приказали нашимъ служителямъ нигдѣ не останавливаться и отправиться съ багажомъ прямо къ Смоленску, однако, сдѣлавъ едва двѣ герм. мили, нашли ихъ задержанными на мѣстѣ, назначенномъ для ночевки. Видя, что мы идемъ дальше, *наши проводники* умоляли, чтобы по крайней мѣрѣ мы тамъ отобѣдали. Нужно было уступить имъ, ибо въ этотъ день нашъ проводникъ пригласилъ пословъ своего государя, князя Іоанна Посечня Ярославскаго и дьяка Симеона Трофимова, воротившихся отъ цесаря изъ Испаніи вмѣстѣ съ нами. Зная причину, почему насъ такъ долго задерживали въ этихъ пустыряхъ (они послали къ великому князю изъ Смоленска объявить о нашемъ пріѣздѣ и ожидали отвѣта, можно ли будетъ насъ ввести въ крѣпость, или нѣтъ), я хотѣлъ испытать ихъ и выступилъ въ путь по направленію къ Смоленску. Другіе приставы, замѣтивъ это, немедленно бѣгутъ къ проводнику и объявляютъ о нашемъ уходѣ; потомъ, воротясь, просятъ, чтобы мы остались, присовокупляя къ просьбамъ даже угрозы. Но пока они метались туда и сюда, мы пришли къ мѣсту третьей

ночевки, и тогда мой приставъ сказалъ: «Сигизмундъ, что ты дѣлаешь? для чего ты самовольно идешь впередъ въ чужихъ владѣніяхъ, противъ распоряженія государя?» Я отвѣчалъ ему: «Я не привыкъ жить въ лѣсахъ, какъ живутъ дикіе звѣри, но подъ крышей и съ людьми. Послы вашего государя шли черезъ царство моего государя, какъ имъ было угодно, по своей волѣ, черезъ города и деревни: такъ и мнѣ это можно. На это нѣтъ приказанія вашего государя, и я не вижу причины и необходимости такъ медлить.» Послѣ этого они объявили о своемъ намѣреніи свернуть немного въ сторону, ссылаясь на то, что уже приближается ночь, и что сверхъ того никакъ нельзя войти въ крѣпость позднею порою. Мы же, не уваживъ приводимыхъ ими причинъ, отправились прямо къ Смоленску: тамъ насъ помѣстили въ такихъ тѣсныхъ хижинахъ, вдалекѣ отъ крѣпости, что мы не могли ввести лошадей иначе, какъ выломавъ прежде двери. На слѣдующій день, снова переправившись черезъ Борисѳенъ, мы переночевали у рѣки почти напротивъ крѣпости. Наконецъ намѣстникъ принялъ насъ черезъ своихъ людей и *въ знакъ* почтенія *прислалъ* намъ почти пятерную порцію напитковъ, именно мальвазіи и греческаго вина (прочіе напитки были различные медà), также хлѣба и нѣкоторыхъ кушаньевъ. Мы оставались въ Смоленскѣ 10 дней, ожидая отвѣта великаго князя. Отъ него пріѣхали двое дворянъ, чтобы имѣть попеченіе объ насъ и вести насъ въ Москву. Они приходили къ намъ обоимъ на квартиру въ парадныхъ платьяхъ и никакъ не снимали шапокъ, думая, что мы должны это сдѣлать первые: однако мы не обратили на это вниманія. Впослѣдствіи, когда имъ надобно было изложить, а намъ выслушать порученіе государя, мы отдали честь при произнесеніи имени князя. Впрочемъ, какъ мы поздно пріѣхали въ Смоленскъ, задержанные въ различныхъ мѣстахъ, такъ и тамъ насъ удержали дольше, чѣмъ слѣдовало. Чтобы мы не очень обидѣлись слишкомъ долгой задержкой или чтобы показать, что они раздѣляютъ наше желаніе ѣхать, они одинъ или два раза приходили къ намъ, говоря: «Завтра рано отправимся.» И такъ, рано утромъ, мы поскорѣе приготовили лошадей и совершенно готовые прождали цѣлый день. Наконецъ, вечеромъ, они приходятъ съ нѣкоторою торжественностью и говорятъ намъ, что въ этотъ день они никакъ не могли отправиться. Однако, они опять обѣщались, какъ прежде, выступить въ путь завтра утромъ, но точно

также отложили отъѣздъ, ибо мы отправились едва на третій день около полудня и весь тотъ день не ѣли. Также и на слѣдующій день они назначили путь длиннѣе, чѣмъ могли проѣхать наши коляски. Тѣмъ временемъ всѣ рѣки разлились отъ полноводья при таяніи зимнихъ снѣговъ. Ручьи, неудерживаемые берегами, разливали ужасную массу воды, такъ что переправиться черезъ нихъ можно было только съ величайшими усиліями и съ опасностью. Ибо мосты, сдѣланные за часъ, за два или за три, всплывали отъ разлитія водъ. Такимъ образомъ, графъ Леонардъ Нугароль, посолъ цесаря, чуть было не потонулъ на другой день послѣ нашего отъѣзда изъ Смоленска. Пока я стоялъ на плавающемъ уже мосту и заботился о переноскѣ тяжестей, подъ нимъ упала лошадь и оставила его на темномъ берегу. Два же пристава, бывшіе тогда очень близко къ графу, не двинули даже ногой для поданія помощи, такъ что еслибъ не прибѣжали издали другіе и не помогли ему, то онъ пропалъ бы. Въ этотъ день мы пришли къ какому-то мосту, который графъ и его люди перешли съ величайшею опасностью. Зная, что наши коляски не послѣдуютъ за нами, я остался по сю сторону моста и вошелъ въ домъ одного деревенскаго управителя. Видя, что приставъ почти нисколько не заботится о доставленіи пищи (онъ оправдывался тѣмъ, что съѣстные припасы отправлены имъ впередъ), я самъ приготовлялъ кушанье, которое охотно и по умѣренной цѣнѣ доставляла мнѣ хозяйка. Узнавъ объ этомъ, онъ тотчасъ запретилъ женщинѣ продавать мнѣ чтобы то ни было. Когда я это примѣтилъ, то призвалъ его гонца и приказалъ передать приставу, чтобы онъ или самъ заблаговременно заботился о пищѣ, или дозволилъ бы покупать, и что если онъ этого не сдѣлаетъ, то я ему разможжу голову. «Я знаю», говорилъ я, «вашъ обычай: по повелѣнію государя вы многое берете на наше имя, чего однакожь намъ не доставляете. Да къ тому же ты не позволяешь жить намъ и на свой счетъ»; я грозилъ, что скажу объ этомъ князю. Этими словами я сбилъ его спѣсь, такъ что потомъ онъ не только заботился обо мнѣ, но въ нѣкоторомъ смыслѣ уважалъ меня. Потомъ мы пришли къ сліянію рѣкъ Вопши и Борисѳена, и на Борисѳенѣ нагрузили наши тяжести, которыя шли вверхъ по рѣкѣ до самаго Можайска; сами же, переправившись черезъ Борисѳенъ, переночевали въ какомъ-то монастырѣ. На слѣдующій день наши лошади, на

пространствѣ полумили, не безъ опасности должны были переплывать черезъ три рѣки и много другихъ разлившихся ручьевъ. Мы обошли ихъ Борисѳеномъ; насъ везъ на рыбачьей лодкѣ одинъ монахъ. Наконецъ 26-го апрѣля достигли мы Москвы. Когда мы были на полмили отъ нея, намъ встрѣтился спѣшившій и покрытый потомъ старикъ дьякъ, тотъ самый, который былъ при посольствѣ въ Испаніи; онъ объявилъ намъ, что его государь посылаетъ намъ на встрѣчу великихъ людей, называя этимъ именемъ тѣхъ, которые ожидали и должны были принять насъ. Къ этому онъ прибавилъ, что при свиданіи намъ слѣдуетъ сойти съ лошадей и стоя слушать государевы слова. Послѣ того, подавъ другъ другу руки, мы разговаривали. Между прочимъ я спросилъ его, что̀ за причина, что онъ въ такомъ поту, — и онъ тотчасъ отвѣчалъ мнѣ громкимъ голосомъ: «Сигизмундъ, у нашего государя иначе служатъ, чѣмъ у твоего». Подвигаясь такимъ образомъ впередъ, мы видимъ людей, стоящихъ длинными рядами, какъ бы какое-то войско; при нашемъ приближеніи они тотчасъ сошли съ лошадей, что̀ въ свою очередь сдѣлали и мы. При самой же встрѣчѣ, одинъ изъ нихъ началъ такимъ образомъ: «Великій государь Василій, Божіею милостью царь и государь всей Руссіи и проч. (говоритъ весь титулъ) узналъ, что прибыли вы, послы его брата Карла, избраннаго императора римскаго и превысокаго короля, и брата его Фердинанда; онъ послалъ насъ, своихъ совѣтниковъ, и приказалъ намъ спросить васъ, какъ здоровъ его братъ Карлъ, римскій императоръ и превысокій король». Послѣ этого точно также о Фердинандѣ. Тогда второй, обращаясь къ графу говорилъ: «Графу Леонарду. Великій государь (приводитъ весь титулъ) приказалъ мнѣ идти тебѣ на встрѣчу и вести до назначеннаго дома и доставлять тебѣ все нужное». Третій сказалъ тоже самое мнѣ. Когда это было сказано и выслушано съ открытой головою, первый говоритъ снова: «Великій государь (читаетъ титулъ) приказалъ спросить тебя, графъ Леонардъ, *по добру ли* по здорову ты ѣхалъ». Тоже самое мнѣ. Мы отвѣчали имъ по ихъ обыкновенію: «Дай Богъ здравія великому князю. По милосердію Божію и по милости великаго князя мы пріѣхали здоровы.». Тотъ же самый говоритъ снова: «Великій князь и проч. (затѣмъ повторяетъ титулъ) прислалъ тебѣ, Леонардъ, иноходца съ сѣдломъ и другаго коня изъ своей конюшни». Тоже самое мнѣ. Когда мы отблагодарили

за это, они подали намъ руки и оба спрашивали по порядку каждаго изъ насъ, *по добру ли* по здорову мы ѣхали. Наконецъ они говорили, что намъ слѣдуетъ оказать уваженіе и сѣсть на подаренныхъ лошадей. Мы сдѣлали это и, перешедъ черезъ рѣку Москву и пославъ впередъ всѣхъ другихъ, сами слѣдовали за ними. На берегу есть монастырь: оттуда насъ вели по равнинѣ, черезъ толпы людей, которые стекались отвсюду въ городъ, до самыхъ гостинницъ, находившихся на противоположномъ концѣ. Въ домахъ не было ни людей, ни мебели. Оба пристава говорили каждый своему послу, что они, вмѣстѣ съ тѣми приставами, которые пришли съ нами изъ Смоленска, имѣютъ приказаніе отъ государя заботиться о доставленіи намъ всего нужнаго. Приставили также при насъ писца, говоря, что онъ поставленъ для того, чтобы ежедневно приносить намъ пищу и все нужное. Наконецъ они просятъ насъ, чтобы мы имъ сказали, если въ чемъ будемъ нуждаться. Потомъ они посѣщали насъ почти каждый день, постоянно освѣдомляясь о нашихъ нуждахъ. Содержаніе для германскихъ пословъ у нихъ опредѣлено въ такомъ размѣрѣ, для литовскихъ въ иномъ, для другихъ опять иначе. Назначенные пристава имѣютъ, говорю я, извѣстную предписанную мѣру, сколько именно они должны давать хлѣба, напитковъ, мяса, овса, сѣна и всего другаго, по числу людей. Они знаютъ, сколько дровъ для кухни, также сколько для нагрѣванія бани, сколько соли, перцу, масла, луку и другихъ самыхъ малѣйшихъ вещей они должны давать на каждый день. Эту мѣру соблюдаютъ также пристава, которые провожаютъ пословъ въ Москву и изъ Москвы. Впрочемъ, хотя они обыкновенно доставляли довольно и даже больше, чѣмъ нужно, какъ пищи, такъ и напитковъ, однако почти все, что мы просили *сверхъ того*, они давали *намъ*, обмѣнявъ на прежде данное. Они всегда приносили намъ пять сортовъ напитковъ, три сорта меду и два сорта пива. Иногда я посылалъ на свои деньги за нѣкоторыми вещами на рынокъ, въ особенности за живой рыбой. Они упрекали за это, говоря, что это большая обида ихъ государю. Я говорилъ приставу, что хочу достать кровати для дворянъ, которыхъ было со мною пятеро. Онъ тотчасъ отвѣчалъ, что нѣтъ обыкновенія доставлять всякому кровать. Я отвѣчалъ ему, что не требую, но хочу купить, и потому сообщаю ему это, чтобы онъ потомъ не разсердился какъ прежде. И такъ, возвратясь

на слѣдующій день, онъ сказалъ: «Я докладывалъ совѣтникамъ моего государя, о чемъ мы вчера говорили. Они велѣли сказать тебѣ, чтобы ты не платилъ денегъ за кровати. Ибо они обѣщаются обходиться съ вами также, какъ вы обходитесь съ нашими людьми въ вашихъ странахъ.» Отдохнувъ два дня въ отведенномъ намъ домѣ, мы спрашивали у нашихъ приставовъ, въ какой день князь назначитъ намъ аудіенцію? «Когда вы пожелаете, отвѣчали они; мы доложимъ совѣтникамъ князя.» Вскорѣ мы попросили *объ этомъ*. Намъ назначена была *аудіенція*, но *потомъ* отложена до другаго дня. Наканунѣ этого дня пришелъ самъ приставъ, говоря: «Совѣтники нашего государя мнѣ приказали объявить тебѣ, что завтра ты пойдешь къ нашему князю». Всякій разъ, какъ они звали насъ, съ ними постоянно были толмачи. Въ тотъ же вечеръ воротился толмачь и сказалъ: «Приготовляйся, потому что будешь позванъ предъ лицо государя». Также рано утромъ онъ опять воротился, напоминая: «Сегодня ты будешь предъ лицемъ государя». Потомъ прошло едва четверть часа, и къ каждому изъ насъ пришелъ приставъ, говоря: «Скоро придутъ за вами большіе люди, и потому вамъ слѣдуетъ собраться въ одинъ покой». Когда я такимъ образомъ пришелъ къ цесарскому послу, то тотчасъ прискакалъ толмачь и сказалъ, что теперь близко большіе люди, важнѣйшіе сановники государевы, которые поведутъ насъ во дворецъ. Одинъ изъ нихъ былъ князь Василій Ярославскій, родственникъ великаго князя, другой — одинъ изъ тѣхъ, которые приняли насъ отъ имени князя; ихъ сопровождало весьма много дворянъ. Между тѣмъ наши пристава убѣждали насъ, чтобы мы оказали честь тѣмъ большимъ людямъ и вышли имъ на встрѣчу. Мы отвѣчали имъ, что знаемъ свою обязанность и поступимъ сообразно съ нею. Впрочемъ, когда они уже сошли съ лошадей и входили въ гостинницу графа, пристава снова понуждали насъ выйти имъ на встрѣчу и какъ бы предпочесть ихъ князя своимъ государямъ въ оказаніи почести. Мы же, пока они всходили, дѣлали видъ, что насъ удерживаетъ то то, то другое препятствіе, замедляя встрѣчу, и застали ихъ ровно на серединѣ лѣстницы. Мы хотѣли вести ихъ въ комнату, чтобы они немножко отдохнули; но они отказались отъ этого. *Тогда началъ* говорить самъ князь *Ярославскій*: «Великій государь (читаетъ полный титулъ) приказалъ вамъ прійти къ нему.» Тотчасъ сѣвъ на лошадей, мы отправились въ со-

провожденіи большой свиты и у замка повстрѣчались съ такими толпами людей, что едва пробрались сквозь нихъ при большихъ усиліяхъ нашихъ проводниковъ. Ибо у нихъ такой обычай: изъ окрестностей и сосѣднихъ мѣстъ, по приказанію князя, созываютъ народъ, крѣпостныхъ людей и воиновъ всякій разъ, какъ надобно вести во дворецъ знатныхъ пословъ отъ иностранныхъ князей и королей; около этого времени запираются всѣ лавки и мастерскія въ городѣ, продавцевъ и покупателей гонятъ съ площади; наконецъ граждане сходятся со всѣхъ сторонъ. Это дѣлается для того, чтобы этимъ огромнымъ многолюдствомъ и толпами подданныхъ показать чужестранцамъ могущество князя, а такими посольствами отъ иностранныхъ государей явить всѣмъ его величіе. Потомъ, вступивъ въ замокъ, мы увидѣли людей разныхъ сословій, поставленныхъ въ различныхъ мѣстахъ или участкахъ. У воротъ стояли граждане; воины же и наемные солдаты занимали площадь; тѣ и другіе сопровождали насъ пѣшкомъ, шли впереди насъ и, остановившись, воспрепятствовали намъ доѣхать до лѣстницы и тамъ сойти съ лошадей. Ибо сойти съ лошади близко *дворцовой* лѣстницы никому нельзя, кромѣ князя. Это дѣлается для того, чтобы казалось, что князю оказано болѣе чести. Сперва, когда мы дошли до средины лѣстницы, насъ встрѣтили нѣкоторые совѣтники князя, подавая руки и цѣлуясь, и повели насъ дальше. Когда мы прошли лѣстницу, насъ встрѣтили другіе, знатнѣйшіе совѣтники, и когда первые отступили (ибо таковъ обычай, чтобы первые, по установленному чину, уступали слѣдующимъ ближайшимъ, и останавливались на своемъ мѣстѣ, какъ на назначенномъ постѣ), они подали правую руку, здоровались съ нами. Потомъ, когда мы вошли во дворецъ, гдѣ кругомъ стояли простые дворяне, насъ встрѣтили точно также первостепенные совѣтники и здороваясь вышли сказаннымъ порядкомъ. Наконецъ насъ ввели въ другую залу, обставленную князьями и другими знатнѣйшими *лицами*, изъ которыхъ выбираются совѣтники, и оттуда къ самой комнатѣ князя (передъ ней стояли дворяне, отправляющіе ежедневную службу при князѣ); между тѣмъ, рѣшительно никто изъ окружающихъ не отдалъ намъ ни малѣйшей почести, и если мы, проходя мимо, кланялись кому нибудь изъ нашихъ близкихъ знакомыхъ, или заговаривали, то тотъ ничего не отвѣчалъ, дѣлая видъ, какъ будто онъ никого изъ насъ никогда не зна-

валъ и *никогда* не получалъ отъ насъ поклона. Когда мы наконецъ вошли къ князю, то совѣтники встали передъ нами (братья князя, если присутствуютъ при этомъ, не встаютъ — сидятъ однако съ непокрытою головою). Одинъ изъ первостепенныхъ совѣтниковъ, обратясь къ князю, и по своему обычаю, не спросивъ объ нашемъ имени, говорилъ слѣдующія слова: «Великій государь, графъ Леонардъ бьетъ челомъ»; и снова: «Великій государь, графъ Леонардъ бьетъ челомъ за твою великую милость». Тоже самое о Сигизмундѣ. Первое значитъ все равно, что кланяется или отдаетъ честь; второе — благодаритъ за полученную милость. Ибо бить челомъ (frontem percutere) они принимаютъ за поклонъ, благодарность и т. п. Всякій разъ, какъ кто нибудь чего просить, или за что нибудь благодаритъ, то обыкновенно наклоняетъ голову; если онъ хочетъ сдѣлать это почтительнѣе, то наклоняется такимъ образомъ, что рукой касается земли. Если они хотятъ благодарить великаго князя за какую нибудь великую милость или чего нибудь просить отъ него, то до того наклоняются, что лбомъ касаются земли. Князь сидѣлъ съ непокрытою головою на возвышенномъ и почетномъ мѣстѣ, у стѣны, блиставшей изображеніемъ какого-то святого; справа на скамьѣ лежала шапка — колпакъ (pileus Kopack), а слѣва палка съ крестомъ — посохъ — и тазъ съ двумя рукомойниками и положенными сверху ручными утиральниками. Говорятъ, что князь, протягивая руку послу римской вѣры, считаетъ, что далъ *руку* человѣку нечистому и потому, отпуская его, тотчасъ моетъ руки. Противъ князя, на низшемъ мѣстѣ, была также приготовлена скамья для пословъ. Самъ князь, послѣ того, какъ ему была отдана честь (какъ уже прежде сказано), пригласилъ насъ туда наклоненіемъ головы и словомъ, показывая рукой скамью. Когда мы привѣтствовали князя по *установленному* чину, былъ при этомъ толмачь, который передавалъ слово въ слово нашу рѣчь. Слыша между прочимъ имена Карла и Фердинанда, онъ вставалъ и сходилъ со скамеечки и, выслушавъ до конца привѣтствіе, сказалъ: «Братъ нашъ Карлъ, избранный императоръ Римскій и превысокій король, здоровъ ли?» Пока графъ отвѣчалъ: «Здоровъ», — онъ взошелъ на скамейку и сѣлъ. По окончаніи моего привѣтствія онъ спрашивалъ у меня тоже самое о Фердинандѣ. Потомъ призывалъ къ себѣ по порядку насъ обоихъ и говорилъ: «Дай мнѣ руку»; взявъ ее, онъ при-

бавлялъ: «*По добру ли* по здорову ѣхалъ»? — на что каждый изъ насъ отвѣчалъ по ихъ обычаю: «Дай Богъ, чтобы ты былъ здравъ на многія лѣта. Я же, по милосердію Божію и по твоей милости, здоровъ». Послѣ этого онъ приказывалъ, чтобы мы садились. Мы же, прежде чѣмъ сдѣлать это, благодарили по ихъ обыкновенію, наклоняя голову на обѣ стороны, — сперва князя, потомъ совѣтниковъ и князей, которые стояли, чтобы оказать намъ честь. Послы другихъ государей, преимущественно тѣ, которые присылаются изъ Литвы, Ливоніи, Швеціи и проч., допущенные предъ лицо князя, имѣютъ обыкновеніе, вмѣстѣ съ своею свитою и служителями, каждый приносить особые дары.

Обычай приношенія даровъ таковъ. Когда изложена и выслушана причина посольства, тотчасъ встаетъ тотъ совѣтникъ, который ввелъ пословъ къ князю и яснымъ и громкимъ голосомъ такъ говоритъ всѣмъ вслухъ: «Великій государь, такой-то посолъ бьетъ челомъ такимъ-то подаркомъ», и повторяетъ тоже самое о второмъ и третьемъ *послахъ*. Потомъ, такимъ же образомъ говоритъ имена и подарки каждаго дворянина и служителя. Наконецъ сбоку у него ставится дьякъ, который означаетъ по порядку и по именамъ подарки, какъ пословъ, такъ и всѣхъ приносящихъ. Такого рода подарки они называютъ поминками (Pominki) т. е. памятью (Mnemosynon quoddã). Они и нашимъ людямъ напоминали о подаркахъ, но мы отвѣчали имъ, что у насъ это не въ обыкновеніи. Но я возвращаюсь къ начатому разсказу.

Послѣ привѣтствія, когда мы немного посидѣли, князь приглашалъ насъ обоихъ по порядку словами: «Обѣдай со мной». Прибавлю, что въ первое мое посольство, онъ приглашалъ меня, по ихъ обыкновенію, слѣдующимъ образомъ: «Сигизмундъ, откушай нашего хлѣба-соли вмѣстѣ съ нами». Тотчасъ послѣ того, подозвавъ къ себѣ нашихъ приставовъ, онъ говорилъ имъ, не знаю что̀, тихимъ голосомъ; а толмачи, получивъ въ свою очередь приказаніе, сказали: «Встаньте, пойдемъ въ другой покой.» Пока мы излагали остальныя порученія, возложенныя на посольство, нѣкоторымъ совѣтникамъ и дьякамъ, назначеннымъ отъ князя, — тамъ приготовлялись столы. Когда приготовленія къ обѣду были окончены, и князь, его братья и совѣтники уже сидѣли за столомъ, тогда *и* насъ привели въ столовую. Тотчасъ совѣтники и всѣ прочіе по порядку встали намъ:

зная уже ихъ обычай, мы въ свою очередь благодарили ихъ поклонами на всѣ стороны, прежде, чѣмъ они сѣли; мы заняли мѣсто за столомъ, которое намъ указалъ рукою самъ князь. Столы же въ этой комнатѣ были поставлены кругомъ. По срединѣ стоялъ столъ, обремененный разными золотыми и серебрянными чашами. На томъ столѣ, гдѣ сидѣлъ князь, съ обѣихъ сторонъ былъ оставленъ такой промежутокъ, сколько онъ могъ занять пространства, протянувъ руки; ниже сидятъ братья, если они присутствуютъ при этомъ, старшій съ правой стороны, а младшій съ лѣвой. Въ немного большемъ разстояніи отъ брата, сидѣли старѣйшіе князья, совѣтники, наблюдая рангъ и степень милости, какою князь удостоиваетъ каждаго. Насупротивъ князя, за другимъ столомъ, сидѣли мы, и въ небольшомъ разстояніи *отъ насъ* — наши приближенные и служители. Напротивъ ихъ, съ другого боку, сидѣли по порядку тѣ, которые провожали насъ изъ гостинницы во дворецъ. За послѣдними же столами съ обѣихъ сторонъ другъ противъ друга, сидѣли тѣ, которыхъ князь пригласилъ по особенной милости: сюда иногда допускаются наемники. На столахъ были поставлены маленькіе сосуды, изъ которыхъ одни были наполнены уксусомъ, другіе перцомъ, третьи солью. Они были такъ поставлены и распредѣлены по всей длинѣ стола, что на каждыя четыре персоны приходилось ихъ по три. Затѣмъ вошли разносители кушаньевъ въ великолѣпныхъ одеждахъ и, обойдя сервизный столъ, встали противъ князя, безъ всякихъ церемоній, пока усаживались всѣ приглашенныя особы, и пока имъ дано было приказаніе приносить кушанье. Между тѣмъ, когда всѣ усѣлись, князь подозвалъ одного изъ своихъ служителей и далъ ему два продолговатыхъ куска хлѣба, сказавъ: «Дай этотъ хлѣбъ графу Леонарду и Сигизмунду.» Служитель, взявъ съ собою толмача, поднесъ хлѣбъ по порядку намъ обоимъ съ такими словами: «Графъ Леонардъ, великій государь Василій, Божіею милостью царь и государь всей Руссіи и великій князь, дѣлаетъ тебѣ милость и посылаетъ тебѣ хлѣбъ съ своего стола». Толмачь громко переводилъ эти слова. Мы стоя слушали милость князя. Встали и другіе, кромѣ братьевъ князя, чтобы оказать намъ честь. На такую милость и честь не нужно другаго отвѣта, какъ принять предложенный хлѣбъ, положить на столъ и благодарить самого князя наклоненіемъ головы, потомъ совѣтниковъ и другихъ, кла-

няясь на всѣ стороны. Этимъ хлѣбомъ князь показываетъ свою милость къ кому нибудь, а солью — любовь, и на своемъ пиру онъ не можетъ оказать бо̀льшей чести, какъ если пошлетъ кому нибудь соль съ своего стола. Кромѣ того, хлѣбы, имѣющіе форму лошадинаго хомута, по моему мнѣнію, означаютъ тяжкое иго и постоянное рабство всѣмъ, которые ѣдятъ ихъ. Наконецъ служители вышли за кушаньями, опять не оказавъ никакой почести князю, и принесли водку, которую они всегда пьютъ въ началѣ обѣда, потомъ жаренныхъ журавлей, которыхъ они въ мясоѣдъ обыкновенно подаютъ гостямъ первымъ блюдомъ. Трехъ изъ поставленнымъ передъ нимъ князь рѣзалъ ножикомъ, пробуя, который изъ нихъ лучше и предпочтительнѣе другихъ, и приказывалъ немедленно уносить ихъ. Тотчасъ всѣ служители вышли въ томъ порядкѣ, въ какомъ вошли, и разложили разрѣзанныхъ и на части раздѣленныхъ журавлей по маленькимъ блюдамъ, на каждое по четыре куска. Воротившись, они поставили пять блюдъ передъ княземъ, а остальныя разнесли по порядку разнымъ его совѣтникамъ, посламъ и другимъ. При князѣ стоитъ одинъ человѣкъ, который подаетъ ему чашу; это тотъ самый, черезъ котораго князь посылаетъ каждому хлѣбъ и другія кушанья. Князь же обыкновенно даетъ кусочекъ попробовать служителю, потомъ рѣжетъ съ разныхъ сторонъ и кушаетъ; за тѣмъ посылаетъ одно блюдо, съ котораго самъ отвѣдалъ, брату или какому нибудь совѣтнику, или посламъ. Эти блюда приносятся посламъ всегда съ большею торжественностью, какъ было сказано о хлѣбѣ: при полученіи ихъ должно вставать не только тому, кому они посылаются, но и всѣмъ остальнымъ,—такъ что всякій не мало устанетъ, столько разъ отдавая честь князю, поднимаясь, стоя, благодаря и часто наклоняя голову на всѣ стороны. Въ первое посольство, когда я былъ посломъ цесаря Максимиліана и былъ приглашенъ на пиршество, я нѣсколько разъ вставалъ, отдавая честь братьямъ князя. Но видя, что они наоборотъ не благодарили меня и не отвѣчали мнѣ тѣмъ же,—я, какъ только замѣчалъ, что они получатъ милость князя, то тотчасъ начиналъ говорить съ кѣмъ нибудь, притворяясь ничего невидящимъ; и хотя нѣкоторые изъ сидящихъ насупротивъ кивали мнѣ и звали меня при вставаніи братьевъ князя, — однако я такъ притворялся ничего невидящимъ, что едва послѣ третьяго напоминанія спрашивалъ у нихъ, чего они хотятъ

отъ меня. Когда же они отвѣчали, что братья князя стоятъ, то прежде, чѣмъ я успѣвалъ осмотрѣться и встать, церемонія уже кончалась. Потомъ, когда я нѣсколько разъ вставалъ слишкомъ поздно, и опять тотчасъ садился, и тѣ, которые сидѣли напротивъ, смѣялись надъ этимъ,—я, какъ будто занятый другимъ, спрашивалъ ихъ, чему они смѣются. Когда же никто не хотѣлъ открыть причины, я, какъ будто наконецъ догадавшись, говорилъ съ важной миной: «Я теперь присутствую не какъ частное лицо. Конечно, если кто пренебрегаетъ моимъ государемъ, тому и я буду платить тѣмъ же.» Кромѣ того, когда князь послалъ блюдо кому-то изъ младшихъ, я, даже предупрежденный не вставать, отвѣчалъ: «Кто чтитъ моего государя, того и я буду чтить.» Когда же начали ѣсть жаренныхъ журавлей, они подливали уксусу и прибавляли соли и перцу;—ибо они употребляютъ это вмѣсто соуса или похлебки. Кромѣ того, кислое молоко, поставленное для того же употребленія, также соленые огурцы, сверхъ того груши, приготовленныя такимъ же образомъ, — во время обѣда не снимаются со стола. Тотъ же самый порядокъ соблюдается при подаваніи другихъ кушаньевъ, — развѣ только иныя, какъ жаркое, не выносятся назадъ. Подаютъ различные напитки, малвазію, греческое вино, также разные медà. Князь обыкновенно приказываетъ подавать себѣ свою чашу одинъ или два раза; когда онъ пьетъ изъ нея, то зоветъ къ себѣ по порядку пословъ, говоря: «Леонардъ (или Сигизмундъ), ты пріѣхалъ отъ великаго государя къ великому государю, совершилъ большой путь, и потомъ видѣлъ нашу милость и наши ясныя очи, добро тебѣ. Пей и выпивай и ѣшь хорошенько, до сыта; потомъ отдыхай, чтобы наконецъ ты могъ воротиться къ твоему государю.» Говорятъ, что всѣ сосуды, въ которыхъ при насъ подавались кушанья, напитки, уксусъ, перецъ, соль и другое, сдѣланы изъ чистаго золота, что̀ казалось справедливымъ, судя по ихъ виду. Четыре человѣка стоятъ по одному съ каждой стороны сервизнаго стола и держатъ по одной чашѣ: изъ нихъ по большей части пьетъ князь и очень часто обращается къ посламъ, прося ихъ, чтобъ они кушали. Иногда даже онъ спрашиваетъ что нибудь у нихъ и показываетъ большую вѣжливость и обходительность. Между прочимъ онъ меня спрашивалъ, брилъ-ли я бороду, что̀ выражается однимъ словомъ, именно Brill. Когда я отвѣчалъ утвердительно, то онъ сказалъ: «Это по нашему», какъ

бы говоря: «И мы брили». Ибо, вступая во второй бракъ, онъ сбрилъ всю бороду, чего, какъ они утверждали, никогда не дѣлалъ никто изъ князей. Прежде столовые служители одѣвались въ платья (dalmatica) церковныхъ прислужниковъ, только съ поясомъ; нынѣ же у нихъ другія одежды, обремененныя драгоцѣнными камнями и жемчугомъ (ихъ называютъ терликами, Terlick). Князь обѣдаетъ иногда три или четыре часа. Въ первое мое посольство мы обѣдали даже до перваго часа ночи. Ибо, какъ въ совѣщаніяхъ объ особенно важныхъ дѣлахъ часто проводятъ они цѣлый день и не расходятся прежде, чѣмъ зрѣло обсудятъ и рѣшатъ дѣло; точно также иногда проводятъ цѣлый день въ пиршествахъ и банкетахъ, и расходятся только при наступленіи сумерекъ. Князь часто угощаетъ сотрапезниковъ и блюдами и напитками. Послѣ обѣда онъ совсѣмъ не занимается важными дѣлами; потому, по окончаніи обѣда, онъ обыкновенно говоритъ посламъ: «Теперь ступайте». Когда онъ ихъ отпуститъ, тѣ же самые, которые привели ихъ во дворецъ, опять отводятъ ихъ въ гостинницу и говорятъ, что они имѣютъ порученіе остаться тамъ и увеселять ихъ. Приносятся серебряныя чаши и много сосудовъ съ напитками, и всѣ стараются напоить ихъ пьяными. Они большіе мастера заставлять пить, и когда уже истощены всѣ другіе поводы къ продолженію попойки, то они начинаютъ пить за здоровье цесаря, его брата, князя, наконецъ за здоровье другихъ, которые находятся въ чинахъ и почетѣ. Они думаютъ, что при ихъ имени никто не долженъ и даже не можетъ отказываться отъ чаши. Пьютъ же слѣдующимъ образомъ: тотъ, кто начинаетъ, беретъ чашу и выступаетъ на середину комнаты, и, стоя съ открытой головою, излагаетъ въ веселой рѣчи, за чье здоровье пьетъ и чего ему желаетъ; тотчасъ опорожнивъ и перевернувъ чашу, касается ею макушки, чтобы всѣ видѣли, что онъ выпилъ и желаетъ здоровья тому господину, за котораго пьетъ; потомъ идетъ на высшее мѣсто, велитъ наполнить много чашъ, тотчасъ протягиваетъ каждому свою и прибавляетъ имя того, за чье здоровье должно пить. Такимъ образомъ каждый долженъ выйти на середину комнаты и возвращаться на свое мѣсто, опорожнивъ чашу. Кто же хочетъ избѣжать дальнѣйшихъ тостовъ, тому необходимо притвориться пьянымъ или спящимъ, или ихъ напоить пьяными, или ужь въ крайнемъ случаѣ, только осушивъ много чашъ, онъ можетъ утверждать, что онъ никакъ

не въ состоянiи больше пить. Ибо за хорошiй прiемъ и роскошное угощенiе считается у нихъ только то, когда гости напоены до пьяна. Этотъ обычай вообще наблюдаютъ благородные и тѣ, которымъ дозволено пить медъ и пиво. Въ первое посольство, когда по окончанiи дѣлъ князь отпускалъ меня, то послѣ обѣда, къ которому я былъ приглашенъ (ибо они имѣютъ обыкновенiе угощать пословъ, какъ при ихъ прибытiи, такъ и при ихъ отъѣздѣ), онъ всталъ и стоя у стола приказалъ дать себѣ чашу, говоря: «Сигизмундъ, я хочу выпить эту чашу въ знакъ любви, которую имѣю къ брату нашему Максимилiану, избранному императору римскому и высочайшему королю, и за его здоровье; и ты выпьешь ее, и всѣ другiе по порядку, чтобы ты видѣлъ любовь нашу къ брату нашему Максимилiану и проч. и донесъ ему о томъ, что̀ видѣлъ». Потомъ онъ подалъ мнѣ чашу и сказалъ: «Выпей за здоровье брата нашего Максимилiана, избраннаго императора римскаго и высочайшаго короля». Онъ подавалъ ее и всѣмъ другимъ, которые присутствовали за обѣдомъ или стояли гдѣ нибудь, и каждому говорилъ тѣ же слова. И такъ, принявъ чаши, мы немного отступили назадъ и, кланяясь князю, выпили. Когда это было кончено, князь подозвалъ меня къ себѣ, протянулъ руку и сказалъ: «Теперь ступай». Сверхъ того князь, по разсмотрѣнiи, обсужденiи и рѣшенiи дѣлъ пословъ изъ какой нибудь страны, приглашаетъ ихъ на охоту и увеселенiе. Близь Москвы есть мѣсто, усѣянное кустарникомъ, весьма удобное для зайцевъ, въ которомъ, какъ въ какомъ нибудь звѣринцѣ, разводится ихъ великое множество; никто не смѣетъ ловить ихъ или рубить тамъ кустарникъ подъ страхомъ величайшаго наказанiя. Кромѣ того князь держитъ множество ихъ въ звѣриныхъ загонахъ и въ другихъ мѣстахъ. Каждый разъ, когда вздумается ему насладиться этой забавой, онъ приказываетъ привозить зайцевъ изъ разныхъ мѣстъ; ибо, по его мнѣнiю, чѣмъ больше онъ поймаетъ зайцевъ, тѣмъ больше это доставитъ ему удовольствiя и чести. Выѣхавши уже въ поле, онъ отправляетъ за послами нѣсколькихъ изъ своихъ совѣтниковъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми придворными или всадниками, и приказываетъ ихъ привести къ себѣ. Въ сопровожденiи ихъ приближаясь къ князю, они должны сойти съ лошадей, по наставленiю совѣтниковъ, и сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы подойти къ князю. Когда мы такимъ же образомъ были при-

ведены къ нему на охоту, онъ принялъ насъ ласково, сидя на разукрашенномъ конѣ, въ великолѣпной одеждѣ, безъ рукавицъ, но съ покрытою головою, протянулъ голую руку и сказалъ черезъ толмача: «Мы выѣхали для нашей потѣхи и позвали васъ участвовать въ ней и немножко повеселиться; потому садитесь на лошадей и слѣдуйте за нами». У него была шапка, называемая колпакомъ, имѣвшая съ обоихъ сторонъ, спереди и сзади, козырьки, изъ которыхъ торчали вверхъ, какъ перья, золотыя пластинки и качались взадъ и впередъ. Одежда на немъ была въ родѣ терлика, вышитая золотомъ. На поясѣ висѣли, по ихъ обычаю, два продолговатые ножа и такой же продолговатый кинжалъ. Сзади, подъ поясомъ, у него было какое-то оружіе, въ родѣ цеста, которое обыкновенно имъ служитъ на войнѣ; это палка, нѣсколько длиннѣе локтя, къ которой прикрѣплена кожа, длиною въ двѣ пяди; на ея концѣ виситъ кускомъ булава мѣдная или желѣзная; это оружіе было украшено повсюду золотомъ. Съ праваго его боку ѣхалъ изгнанный казанскій царь, татаринъ, по имени Шигъ-Алей; съ лѣваго же два молодые князя, изъ которыхъ одинъ держалъ въ правой рукѣ сѣкиру изъ слоновой кости, называемую у нихъ топоромъ, почти такой формы, какую видимъ на венгерскихъ червонцахъ,—другой держалъ булаву, также похожую на венгерскую; они называютъ ее шестоперомъ (Schestopero) т. е. о шести перьяхъ. У царя Шигъ-Алея были привязаны два колчана: въ одномъ у него были спрятаны стрѣлы, въ другомъ — лукъ. Въ полѣ было болѣе трехсотъ всадниковъ. Пока мы такимъ образомъ шли полемъ, князь нѣсколько разъ приказывалъ останавливаться, то на томъ, то на другомъ мѣстѣ, а иногда ближе подходить къ нему. Потомъ, приведя насъ на мѣсто охоты, онъ говорилъ, что таковъ у нихъ обычай, чтобы всякій разъ, какъ онъ бываетъ на охотѣ, онъ самъ и другіе знатные люди вели охотничьихъ собакъ своими руками, и совѣтовалъ и намъ сдѣлать тоже; наконецъ назначилъ къ каждому изъ насъ по два человѣка, у которыхъ было по собакѣ, чтобы мы пользовались ими для своего удовольствія. На что мы отвѣчали, что съ благодарностью принимаемъ его милость, и что у нашихъ соотечественниковъ такой же обычай. Онъ же извинялся потому, что у нихъ собака считается нечистымъ животнымъ, и стыдно голою рукою прикасаться къ собакѣ. Длиннымъ рядомъ стояли около ста человѣкъ, изъ ко-

торыхъ половина была одѣта въ черный цвѣтъ, а другая—въ желтый. Недалеко отъ нихъ стояли всѣ другіе всадники, наблюдая, чтобы зайцы не пробѣжали чрезъ это мѣсто и не ушли бы совсѣмъ. Сначала никому не было позволено спустить собаку кромѣ царя Шигъ-Алея и насъ. Князь первый закричалъ охотнику, приказывая начинать; не теряя ни минуты, тотъ скачетъ во весь опоръ къ другимъ охотникамъ, которыхъ было большое число; всѣ вскрикиваютъ въ одинъ голосъ и спускаютъ большихъ меделянскихъ собакъ (canes molossos et odoriferos). Тогда въ самомъ дѣлѣ было очень весело слышать громкій и разнообразный лай собакъ, а у князя ихъ очень много, и притомъ отличныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ употребляются только для травли зайцевъ,—это такъ называемыя курцы (Kurtzi), красивыя съ пушистыми хвостами и ушами, вообще смѣлыя, но неспособныя къ долгой гонкѣ. Когда выбѣгаетъ заяцъ, спускаются три, четыре, пять или болѣе собакъ, которыя отовсюду бросаются за нимъ,—а когда онѣ схватятъ его, поднимается крикъ, большія рукоплесканія, какъ будто пойманъ большой звѣрь. Если же зайцы слишкомъ долго не выбѣгаютъ, тогда обыкновенно князь кличетъ кого нибудь, кого увидитъ между кустарниками съ зайцемъ въ мѣшкѣ, и кричитъ: гуй, гуй (Hui, hui); этими словами онъ даетъ знать, что зайца надобно выпустить. Такимъ образомъ зайцы выскакиваютъ иногда, какъ будто сонные, прыгая между собаками, какъ козлята или ягнята въ стадѣ. Чья собака затравила больше зайцевъ, того считаютъ героемъ этого дня. По окончаніи охоты всѣ сошлись и свалили зайцевъ въ одномъ мѣстѣ; тогда ихъ стали считать, и насчитано ихъ было до трехсотъ. Въ тотъ разъ было тамъ не такъ много княжескихъ лошадей, и онѣ были не такъ красивы; но въ первое мое посольство, присутствуя при подобной забавѣ, я видѣлъ лошадей гораздо больше и красивѣе, преимущественно изъ той породы, которую мы называемъ турецкою, а они—аргамаками (Argamak). Тутъ было также много соколовъ, бѣлаго и ярко-краснаго цвѣта, отличающихся своею величиною; наши Girofalcones называются у нихъ кречетами (Kretzet): съ ними они охотятся на лебедей, журавлей и тому подобныхъ птицъ. Кречеты — птицы очень смѣлыя, но они не такъ страшны и ужасны въ своихъ нападеніяхъ, чтобы другія птицы, даже хищныя, падали и умирали отъ ихъ полета или отъ взгляда на нихъ (какъ нѣкто ложно

утверждалъ въ книгѣ о двухъ Сарматіяхъ). Извѣстно по опыту, что если кто охотится съ ястребомъ или коршуномъ, или съ какой нибудь другой птицей изъ породы соколовъ, и между тѣмъ прилетитъ кречетъ (приближеніе котораго они тотчасъ чувствуютъ издали), то они уже перестаютъ преслѣдовать добычу, и останавливаются въ страхѣ. Достойные вѣры и знаменитые мужи разсказывали намъ, что когда везутъ кречетовъ изъ тѣхъ краевъ, гдѣ они вьютъ свои гнѣзда, иногда запирая ихъ по четыре, по пяти или шести вмѣстѣ, въ приготовленной для того повозкѣ, то они обыкновенно берутъ пищу, которую имъ подаютъ, соблюдая извѣстный порядокъ старшинства. Неизвѣстно отъ чего это происходитъ, — вслѣдствіе ли ихъ разсудка или инстинкта, или отъ чего нибудь другого; они въ такой же степени тихи между собою и никогда не дерутся, въ какой хищны и непріязненны къ другимъ птицамъ. Они никогда не моются водою, какъ другія птицы, но употребляютъ для этого одинъ песокъ, которымъ вытрясаютъ вшей. Холодъ имъ такъ пріятенъ, что они постоянно стоятъ или на льду, или на камнѣ. Но я возвращаюсь къ тому, что началъ разсказывать. Съ охоты князь отправился къ какой-то деревянной башнѣ, которая отстоитъ отъ Москвы на пять тысячъ шаговъ; тамъ было поставлено нѣсколько шатровъ. Первый шатеръ, большой и просторный, на подобіе дома, — для него, другой для царя Шигъ-Алея, третій — для насъ, остальные для другихъ особъ и для вещей. Когда насъ обычнымъ порядкомъ развели по шатрамъ, князь, вошедши въ свой и перемѣнивъ платье, немедленно позвалъ насъ къ себѣ. А когда мы вошли, онъ сидѣлъ на сѣдалищѣ изъ слоновой кости; съ праваго боку у него былъ царь Шигъ-Алей, а мы помѣстились напротивъ, на мѣстѣ, приготовленномъ для пословъ, когда имъ даютъ аудіенцію, или когда они разсуждаютъ о дѣлахъ. Ниже царя сидѣли нѣкоторые князья и совѣтники. Съ лѣвой стороны были младшіе князья, къ которымъ князь особенно благоволитъ. Когда такимъ образомъ всѣ усѣлись, то начали подавать сперва варенья изъ кишнеца, анису и миндалю, потомъ орѣхи, миндаль и цѣлую пирамиду изъ сахару; служители подавали это князю, царю и намъ на колѣняхъ. Напитки также подавались обычнымъ порядкомъ, и князь оказывалъ свою милость, какъ онъ это дѣлаетъ за обѣдомъ. Въ первое мое посольство, на этомъ мѣстѣ мы даже обѣдали. Во время обѣда, отъ внезап-

наго потрясенія палатки, упалъ на землю хлѣбъ, который они называютъ хлѣбомъ Пресвятой (Beatae) Дѣвы, и который они почитаютъ и вкушаютъ какъ священный; они хранятъ его въ своихъ жилищахъ на высокомъ мѣстѣ. Князь и всѣ другіе стояли въ трепетѣ, сильно пораженные этимъ случаемъ. Немедленно позванъ былъ священникъ, который подбиралъ его съ травы съ величайшимъ стараніемъ и благоговѣніемъ. По окончаніи угощенія, когда мы выпили напитка, который намъ подалъ князь, онъ отпустилъ насъ говоря: «Теперь ступайте». Послѣ отпуска, мы съ почетомъ были отведены въ наши гостинницы. У князя есть и другая потѣха, на которую, какъ я слышалъ, онъ приглашаетъ иныхъ пословъ. Откармливаютъ медвѣдей, посаженныхъ въ обширномъ и нарочно для того построенномъ домѣ, въ которомъ князь, взявъ съ собою пословъ, показываетъ имъ игры. У него есть нѣсколько людей низшаго сословія, которые по приказанію князя, въ его присутствіи, выступаютъ противъ медвѣдей съ деревянными вилами и вызываютъ ихъ на бой. Наконецъ они сходятся, и если приведенные въ бѣшенство медвѣди ихъ ранятъ, то они бѣгутъ къ князю, крича: «Государь, вотъ мы ранены». Князь говоритъ имъ: «Ступайте, я окажу вамъ милость». Потомъ онъ приказываетъ лечить ихъ и кромѣ того наградить одеждами и нѣсколькими мѣрами хлѣба. Когда уже пора было насъ отпустить, мы были приглашены съ почестями, какъ прежде, къ обѣду и отведены во дворецъ. Кромѣ того намъ обоимъ было предложено по почетной одеждѣ, подбитой соболями. Когда мы надѣли ее и вошли въ комнату князя, маршалъ, отъ имени насъ обоихъ, тотчасъ сказалъ по заведенному порядку: «Великій государь, Леонардъ (потомъ Сигизмундъ) за твою великую милость челомъ бьетъ» т. е. благодаритъ за полученный подарокъ. Къ почетной одеждѣ князь прибавилъ сорокъ два собольихъ мѣха, 300 горностаевыхъ и 1500 бѣличьихъ. Въ первое посольство онъ еще подарилъ мнѣ повозку или сани съ превосходной лошадью и съ бѣлымъ медвѣжьимъ мѣхомъ и другой порядочной полстью. Наконецъ онъ *приказалъ* дать *мнѣ* много вяленой и соленой рыбы въ кускахъ, — бѣлужины, осетрины, стерлядей, — и очень ласково отпустилъ меня. Остальныя же церемоніи, которыя князь употребляетъ при отпускѣ пословъ, также, какъ принимаютъ пословъ при ихъ въѣздѣ въ границы его владѣній, и какъ обходятся съ ними послѣ от-

пуска при ихъ возвращеніи къ предѣламъ, я достаточно объяснилъ выше при описаніи отпуска литовскихъ пословъ. Впрочемъ, такъ какъ мы были посланы цесаремъ Карломъ и братомъ его Фердинандомъ, эрцгерцогомъ Австріи, для заключенія вѣчнаго мира или по крайней мѣрѣ перемирія между княземъ московскимъ и королемъ польскимъ, то я рѣшился прибавить описаніе церемоній, которыя употреблялъ тогда московскій князь при утвержденіи перемирія. И такъ, по заключеніи перемирія съ Сигизмундомъ, королемъ польскимъ, и по окончаніи его редакціи, мы были позваны во дворецъ князя, и когда насъ ввели въ одинъ изъ покоевъ, то туда прибыли литовскіе послы; туда же пришли и совѣтники князя, которые заключали съ нами перемиріе, и, обративъ рѣчь къ литовцамъ, говорили въ такомъ смыслѣ: «Нашъ князь, по особенной милости, и уважая просьбу великихъ государей, хотѣлъ заключить вѣчный миръ съ вашимъ королемъ Сигизмундомъ. Но такъ какъ *миръ* ни на какихъ условіяхъ не можетъ состояться, то онъ хотѣлъ, по убѣжденію тѣхъ же государей, заключить перемиріе. Князь приказалъ призвать васъ и быть вамъ здѣсь, для того, чтобы установить перемиріе и законнымъ образомъ скрѣпить его». Они держали грамоту, которую князь долженъ былъ дать королю польскому, съ висящею маленькою красною печатью. На передней сторонѣ этой печати было изображеніе нагого человѣка, сидящаго на лошади безъ сѣдла и пронзающаго копьемъ дракона; на задней же былъ видѣнъ двуглавый орелъ съ коронованными главами. Кромѣ у нихъ была перемирная грамота, составленная по извѣстному образцу. Въ свою очередь король долженъ былъ послать князю подобную грамоту, написанную по тому же образцу, за перемѣною только имени и титула: въ ней не было совершенно никакихъ измѣненій, за исключеніемъ слѣдующей статьи, прибавленной на концѣ грамоты: «Мы, Петръ Гиска, палатинъ полоцкій и воевода дрогичинскій, и Михаилъ Богушъ Богутиновичъ, казначей великаго княжества литовскаго и воевода стовиненскій и каменецкій, послы короля польскаго и великаго князя литовскаго, свидѣтельствуемъ, и даже отъ его имени цѣловали крестъ и обязались, а именно въ томъ, что нашъ король равнымъ образомъ подтвердитъ эту грамоту крестнымъ цѣлованіемъ: а для лучшаго удостовѣренія въ этомъ мы приложили къ ней наши печати». Послѣ всего этого мы были позваны

къ князю. Когда мы вошли къ нему, онъ тотчасъ приказалъ намъ сѣсть на назначенное мѣсто и началъ говорить: «Іоаннъ Францискъ, графъ Леонардъ, Сигизмундъ! вы просили отъ имени папы Климента Седьмаго, и брата нашего Карла и его брата Фердинанда, чтобы мы заключили миръ съ Сигизмундомъ, королемъ польскимъ. Такъ какъ мы не могли заключить его на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, то вы просили, чтобы мы по крайней мѣрѣ постановили перемиріе: по любви нашей къ вашимъ государямъ мы нынѣ заключаемъ и принимаемъ его; мы желаемъ, чтобы вы присутствовали при томъ, какъ мы оказываемъ наше правосудіе королю и утверждаемъ перемиріе. Донесите вашимъ государямъ, что вы присутствовали при совершеніи и законномъ скрѣпленіи перемирія, что вы видѣли это, и что мы сдѣлали все это по любви къ нимъ». Окончивъ эту рѣчь, онъ зоветъ Михаила Георгіевича и приказываетъ ему взять съ противуположной стѣны позолоченный крестъ, висящій на шелковомъ снуркѣ. Совѣтникъ, взявъ чистое полотенце, покрывавшее умывальникъ, поставленный въ тазъ, — съ великимъ благоговѣніемъ взялъ крестъ и держалъ его въ правой рукѣ. Также дьякъ держалъ въ обѣихъ рукахъ сложенныя перемирныя грамоты такимъ образомъ, что литовская грамота, подложенная подъ другую, выставлялась на столько, чтобы было видно обязательство, которое принимали на себя литовцы. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ Михаилъ положилъ на нихъ правую руку, въ которой держалъ крестъ, — князь всталъ и, обратясь къ литовскимъ посламъ, въ длинной рѣчи изъяснилъ, что онъ не уклонялся отъ *заключенія* мира въ уваженіе къ особливой просьбѣ и увѣщанію такихъ великихъ государей, — послы которыхъ присланные къ нему съ этою цѣлью, имъ извѣстны, — если бы только миръ могъ состояться на какихъ либо выгодныхъ для него условіяхъ; и что, не будучи въ состояніи заключить съ ихъ королемъ вѣчнаго мира, онъ заключилъ, во вниманіе къ ихъ ходатайству, пятилѣтнее перемиріе на основаніи *этихъ* грамотъ (показываетъ пальцемъ на грамоты); *потомъ* говоритъ: «Мы будемъ соблюдать его, доколѣ Богъ изволитъ, и окажемъ справедливость брату нашему, королю Сигизмунду, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы король далъ намъ подобную во всемъ грамоту, написанную по тому же образцу, утвердилъ бы ее въ присутствіи нашихъ пословъ, оказалъ бы намъ свою справедливость и наконецъ позаботился бы пере-

слать грамоту къ намъ черезъ нашихъ пословъ. Между тѣмъ вы обяжетесь клятвою, что вашъ король сдѣлаетъ и соблюдетъ все въ точности». Потомъ онъ взглянулъ на крестъ и трижды перекрестился, наклоняя столько же разъ голову и опуская руку почти до земли; *потомъ* подошелъ ближе, шевеля губами, какъ бы молился, отеръ уста полотенцемъ, отплюнулъ на землю, наконецъ поцѣловалъ крестъ и сперва коснулся имъ лба, потомъ обоихъ глазъ; отступивъ назадъ онъ снова перекрестился и сдѣлалъ поклонъ. Послѣ того онъ проситъ литовцевъ приблизиться и сдѣлать тоже. Прежде чѣмъ послы исполнили это, одинъ изъ нихъ, Богушъ, русскій *родомъ*, прочелъ записку, въ которой пространно излагалось принимаемое ими обязательство, но которая ничего или по крайней мѣрѣ мало содержала въ себѣ сверхъ вышесказаннаго; каждое его слово повторялъ его товарищъ Петръ, католикъ; также и намъ переводилъ это княжескій толмачь слово въ слово. Послѣ прочтенія записки, Петръ и Богушъ, въ присутствіи князя, по порядку цѣловали тотъ же крестъ. Послѣ чего князь сѣлъ и говорилъ такъ: «Вы видѣли, что мы оказали нашу справедливость брату нашему Сигизмунду, королю польскому, по особенной просьбѣ Климента, Карла и Фердинанда. И такъ скажите вашимъ государямъ, ты, Іоаннъ Францискъ, — папѣ, ты, графъ Леонардъ, — Карлу, и ты, Сигизмундъ, — Фердинанду, — что мы сдѣлали это по любви къ нимъ и для того, чтобы не проливалась христіанская кровь въ обоюдныхъ войнахъ.» Когда онъ высказалъ это въ длинной рѣчи, прибавляя обычные титулы, то мы въ свою очередь благодарили его за его особенную внимательность къ нашимъ государямъ и обѣщали тщательно выполнить его порученія. За тѣмъ онъ подозвалъ къ себѣ двухъ изъ своихъ знатнѣйшихъ совѣтниковъ и дьяковъ и объявилъ литовцамъ, что эти люди уже назначены послами къ королю польскому. Наконецъ, по его приказанію было принесено много бокаловъ, и онъ собственноручно подавалъ ихъ намъ, литовцамъ и даже каждому изъ нашихъ и изъ литовскихъ дворянъ. За тѣмъ, называя поименно пословъ литовскихъ, онъ говорилъ: «Что мы теперь совершаемъ, и что въ иное время вы узнали отъ нашихъ совѣтниковъ, — это вы изложите брату нашему королю Сигизмунду.» Послѣ этого, онъ всталъ и сказалъ: «Петръ, и ты, Богушъ, брату нашему Сигизмунду королю польскому и великому князю ли-

товскому, отъ нашего имени (немного наклоняя въ это время голову) поклонитесь»,—и тотчасъ сѣвъ, призвалъ ихъ обоихъ, и по порядку протягивалъ правую руку имъ, и также ихъ дворянамъ, говоря: «Теперь ступайте.» Такимъ образомъ онъ отпустилъ ихъ.

ДОРОГИ ВЪ МОСКОВІЮ.

Въ 1515 году прибыли къ цесарю Максимиліану въ Вѣну Владиславъ и его сынъ Лудовикъ, короли венгерскій и богемскій, и Сигизмундъ, король польскій. Послѣ того, какъ договорены и заключены были браки между *ихъ* сыновьями и внуками, и утверждена была обоюдная дружба, цесарь между прочимъ обѣщался отправить своихъ пословъ къ московскому князю Василію для заключенія мира между нимъ и королемъ польскимъ. Для этого посольства цесарь назначилъ Христофора, епископа лайбахскаго, и Петра Мракси. Но такъ какъ епископъ медлилъ, а между тѣмъ секретарь короля Сигизмунда, Іоаннъ Дантискъ, впослѣдствіи епископъ вармійскій, не терпя отлагательства, изъ всѣхъ силъ понуждалъ отправленіе *посольства*, то должность посла была возложена на меня, не задолго передъ тѣмъ возвратившагося изъ Даніи. И такъ, немедленно по полученіи инструкціи отъ цесаря въ эльзаскомъ городѣ Гагенау (Haganoa), я отправился въ путь.

Переѣхавъ сначала Рейнъ, по владѣніямъ маркграфовъ баденскихъ, черезъ города Раштадтъ, Эттлингенъ и Пфортцахъ, я прибылъ въ герцогство виртембергское, *въ* Констатъ (Constat); потомъ въ имперскій городъ Эслингенъ, лежащій на Неккарѣ, который называютъ и Никромъ, а оттуда въ Гопингенъ и Гейслингенъ.

Потомъ, переправившись черезъ Дунай въ Ульмѣ, я отправился далѣе черезъ Гунспургъ и городъ Пунгравъ, отъ котораго получило названіе маркграфство бурговское, въ Аугсбургъ на рѣкѣ Лехѣ: тамъ меня ожидали московскій гонецъ Григорій Закревскій (Sagrevuski) и Хризостомъ Колумнъ, секретарь Елисаветы, вдовы Іоанна Сфорцы миланскаго и барійскаго, которые *должны* были *намъ* сопутствовать.

Оставивъ Аугсбургъ въ началѣ 1516 года, мы перешли за Лехъ и ѣхали черезъ баварскіе города Фридбергъ, Индер-

сторфъ, Фрейзингенъ т. е. Фризингенское епископство на р. Амборѣ, Ландгютъ на р. Изарѣ, Генгкгофнъ, Пфаркирхенъ, Шардингъ на Иннѣ. Перешедъ за Иннъ и слѣдуя берегу Дуная, мы вступили въ Австрію выше Оназа. Войдя въ главный городъ этой провинціи, Линцъ, лежащій на берегу Дуная, и перейдя черезъ мостъ, наведенный тамъ на Дунаѣ, черезъ города Гальнейкирхенъ, Прегартнъ, Пирпахъ, Кунигсвизнъ, Арбаспахъ, Раполштайнъ, мы прибыли въ эрцгерцогство Австрійское и въ города: Clara vallis, обыкновенно называемый Тцвельтомъ, Растнфельдъ, Горнъ и Ретцъ.

Потомъ мы прямо пріѣхали въ моравскій городъ Цнаймъ (Snoimam), за рѣкою Тейей, которая бо̀льшей частью *своего теченія* отдѣляетъ Австрію отъ Моравіи; тамъ узналъ я, что мой товарищъ Петръ Мракси скончался; такимъ образомъ я одинъ отправлялъ *посольскую* должность, какъ блӑгоугодно было цесарю.

Изъ Цнайма я отправился въ Вольферницъ, Брюннъ, Ольмюцъ, лежащій на р. Моравѣ, резиденцію епископа; эти три города, Цнаймъ, Брюннъ и Ольмюцъ—главные въ маркграфствѣ. Оттуда *мы ѣхали черезъ* Липникъ,

Границу, по нѣмецки Вейссенкирхнъ,

Итцинъ, по нѣм. Тишейнъ,

Остраву, по нѣм. городъ Острау (Ostra), гдѣ перешли черезъ рѣку Остравицу, которая омываетъ городъ и отдѣляетъ Силезію отъ Моравіи; потомъ *черезъ*

силезскій городъ Фрейштатъ, лежащій на р. Эльзѣ и принадлежащій герцогу тешенскому,

Струменъ, по нѣм. Шварцвассеръ,

княжество Птцинъ, по нѣм. Плесъ, въ двухъ миляхъ отъ котораго есть мостъ черезъ Вислу, — *здѣсь* граница богемскихъ владѣній.

Отъ моста черезъ Вислу начинаются польскія владѣнія, и до княжества Ошвенцинъ, по нѣм. Аушвицъ, гдѣ рѣка Сола впадаетъ въ Вислу, считается одна миля.

За Ошвенциномъ мы перешли Вислу по мосту и, сдѣлавъ 8 миль, прибыли въ

Краковъ (Cracouia), столицу польскаго королевства, и поставили наши коляски на полозья (trahis). Изъ Кракова *мы ѣхали на*

Простовицу, 4 мили,

Вислицу, 6 миль,

Шидловъ, 5 миль,

Оппатовъ, 6 миль,

Завихостъ, 4 мили; тамъ снова переправившись черезъ р. Вислу и оставивъ ее влѣво, *мы ѣхали черезъ*

Уржендовъ (Ursendovu), 5 миль,

Люблинъ, воеводство, 7 миль; тутъ въ извѣстное время года бываетъ знаменитая ярмарка, на которую стекаются люди изъ разныхъ странъ — московиты, литовцы, татары, ливонцы, пруссаки, русины (Rutheni), нѣмцы, венгерцы, армяне, валахи и евреи.

Далѣе на нашемъ пути лежали слѣдующія мѣста:

Котцко, 8 миль. Не доѣзжая этого мѣста течетъ къ сѣверу рѣка Вепржъ (Vuiepers).

Мендзиржицъ (Meseritz), 8 миль. Немного далѣе граница Польши.

Литовскій городъ Мельникъ, на рѣкѣ Бугѣ, 6 миль.

Бѣльскъ (Bielsco), 8 миль.

Наревъ, 4 мили; тутъ рѣка того же имени выходитъ изъ какого-то озера и болотъ, также какъ Бугъ, и течетъ на сѣверъ.

Изъ Нарева надобно ѣхать 8 миль лѣсомъ, за которымъ стоитъ городъ Гринки: здѣсь ожидали меня королевскіе люди, которые доставляли съѣстные припасы (ихъ называютъ приставами); они провожали *насъ* до Вильны. Оттуда *мы поѣхали* въ

Гродно, 6 миль. Это княжество довольно плодоносно, если принять въ разсужденіе природу этой страны. Крѣпость съ городомъ *стоитъ* на р. Нѣманѣ, который по нѣмецки называется Мемелемъ; онъ орошаетъ Пруссію, нѣкогда управлявшуюся великимъ магистромъ тевтонскаго ордена, — теперь же владѣетъ ею въ качествѣ наслѣдственнаго герцога Альбертъ, маркграфъ бранденбургскій. Я полагаю, что эта рѣка *и* есть Крононъ, по сходству съ названіемъ города. Тамъ Іоаннъ Заверзинскій (Savuorsinski) былъ захваченъ Михаиломъ Глинскимъ въ томъ домѣ или, какъ они говорятъ, дворѣ (curia), въ которомъ я останавливался. Здѣсь же я оставилъ московскаго гонца, которому король запретилъ въѣздъ въ Вильну. Оттуда я отправился въ

Прелай (Prelai), 2 мили,

Волконикъ, 5 миль,

Рудники, 4 мили,

Вильну, также 4 мили.

Передъ Вильной ожидали меня знатные люди, которые съ почетомъ приняли меня отъ королевскаго имени и, посадивъ въ сани или просторную повозку, устланную подушками и одѣялами, вышитыми золотомъ и шелкомъ, а съ обоихъ боковъ помѣстивъ королевскихъ слугъ, услуживавшихъ мнѣ, какъ самому королю, — проводили до самой гостинницы. Вскорѣ прибылъ туда Петръ Томицкій, тогдашній епископъ перемышльскій (Premisliensis), вицеканцлеръ королевства польскаго, мужъ по общему свидѣтельству отличающійся необыкновенною добродѣтелью и чистотою жизни; онъ весьма ласково привѣтствовалъ и принялъ меня также отъ имени короля. Наконецъ, немного спустя, онъ отвелъ меня къ самому королю, въ сопровожденіи большой толпы придворныхъ; я былъ весьма почетно принятъ королемъ въ присутствіи многихъ знатныхъ мужей и вельможъ великаго княжества литовскаго.

Въ то время въ Вильнѣ, между прочимъ былъ заключенъ бракъ между самимъ королемъ и Боною, дочерью Іоанна Галеаццо Сфорца, герцога медіоланскаго, при содѣйствіи цесаря, представителемъ *котораго* былъ я (me nuntio).

Содержались тамъ подъ крѣпкою стражею три московскихъ воеводы, которымъ было поручено начальство надъ московскимъ войскомъ (summa rerum, atque adeò Moscovuiticus exercitus) подъ Оршей въ 1514 г.; первымъ между ними былъ Іоаннъ Челяднинъ (Czeladin). Я навѣстилъ ихъ съ позволенія короля и утѣшалъ ихъ, какъ только могъ.

Вильна, столица великаго княжества Литовскаго, стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сливаются рѣки Вилія (Vuelia) и Вильна; *онѣ* впадаютъ въ Нѣманъ или Кронопъ. Оставивъ здѣсь Хризостома Колумна, я скоро поѣхалъ далѣе.

Выѣхавъ изъ Вильны 14 марта, я не выбралъ ни одной изъ большихъ и обыкновенныхъ дорогъ (одна идетъ черезъ Смоленскъ, другая черезъ Ливонію въ Московію), но отправился по средней между ними и прибылъ прямо въ Немемчинъ (4 мили *пути*), а оттуда черезъ рѣку Шамену въ Свинтраву (8 миль).

На слѣдующій день *я прибылъ* въ Дислу (6 миль), гдѣ есть озеро того же имени; потомъ въ Дрисветъ (4 мили), гдѣ соединился со мною московскій гонецъ, котораго я оставилъ въ Гроднѣ.

Браславъ (4 мили), у озера Наверъ, которое простирается въ длину на одну милю.

Потомъ мы достигли Дедины и рѣки Двины: ливонцы, черезъ владѣнія которыхъ она течетъ, называютъ ее Дюной (нѣкоторые полагаютъ, что *это* Турантъ).

Потомъ, спѣша къ Дриссѣ (7 миль), мы прибыли опять къ рѣкѣ Двинѣ подъ городомъ Бетою (Betha). Шестнадцать миль ѣхали мы по льду вверхъ по рѣкѣ на повозкахъ, по обычаю того народа, и тогда намъ представились двѣ дороги. Такъ какъ мы не знали, которою изъ нихъ ѣхать, то я немедленно послалъ служителя распросить объ этомъ въ стоявшей на берегу избѣ. Но въ полдень ледъ сильно таялъ, и посланецъ провалился сквозь распустившійся и подломившійся у берега ледъ, такъ что насилу могли его вытащить. Случилось также въ одномъ мѣстѣ, что ледъ совершенно растаялъ и изчезъ у береговъ, и рѣка представляла намъ для проѣзда, который мы совершили не безъ большаго страха и опасности, только ту часть льда, которая отвердѣла отъ постоянной ѣзды не болѣе, какъ на такомъ пространствѣ, какое захватываютъ колеса повозки. Нашъ страхъ увеличивался отъ общей молвы: говорили, что не задолго передъ тѣмъ нѣсколько сотенъ московскихъ разбойниковъ, переходя по льду черезъ эту же рѣку, потонули всѣ до одного.

Изъ Дриссы мы пріѣхали въ Допороски (6 миль), а оттуда въ

Полоцкъ, княжество, которое у нихъ называется воеводствомъ; оно находится на р. Двинѣ, которую иные называютъ Рубономъ (Rubo). Тамъ насъ приняли съ почетомъ, при огромномъ стеченіи людей, вышедшихъ *намъ* на встрѣчу, и великолѣпно угостили и наконецъ проводили до ближайшаго привала.

Между Вильною и Полоцкомъ находится весьма много озеръ, болотъ и необъятно-огромныхъ лѣсовъ, тянущихся на пространствѣ почти 50 герм. миль.

Отправившись въ дальнѣйшій путь, — далеко небезопасный на границахъ королевства отъ частыхъ набѣговъ съ той и съ другой стороны,—мы останавливались на пустыхъ дворахъ или вовсе не имѣли пристанища, и черезъ большія болота и лѣса пріѣхали наконецъ въ Гарбсле и Миленки, пастушескія деревушки; во *время* этого пути меня оставилъ литовскій про-

водникъ. Къ неудобству гостиницъ присоединялась величайшая трудность дороги, потому что намъ нужно были идти между озерами, по снѣгу и разрушающемуся льду, пока *мы не прибыли* въ городъ Нишу (opp. Nischam), стоящій у озера того же имени, а оттуда — въ Квадассенъ, гдѣ съ большимъ страхомъ и опасностью перешли черезъ какое-то озеро, тогда какъ вода стояла сверху льда. Мы прибыли въ шалашъ одного крестьянина, куда, по старанію моего спутника Георгія, были принесены съѣстные припасы изъ московскихъ владѣній. Въ этомъ мѣстѣ я не могъ замѣтить и отличить границъ того и другаго государства.

Корсула *есть уже* безспорно московское владѣніе; переправившись тамъ черезъ двѣ рѣки, Великую и Дстерницу (Vuelicarecka et Dsternicza), и отъѣхавъ двѣ мили, мы прибыли къ

Опочкѣ, городу съ крѣпостью, стоящему на рѣкѣ Великой. На этомъ мѣстѣ находится пловучій мостъ, который лошади переходятъ бо̀льшею частью по колѣна въ водѣ. Эту крѣпость осаждалъ король польскій, когда я договаривался о мирѣ въ Москвѣ. Казалось бы, что въ этихъ мѣстахъ крайне неудобно вести войско по причинѣ частыхъ болотъ, лѣсовъ и безчисленныхъ рѣкъ; однакожь они идутъ прямо туда, куда имъ надобно, ибо впередъ посылается множество поселянъ, которые должны удалять всѣ препятствія, вырубать деревья и настилать мосты черезъ болота и рѣки.

За тѣмъ *мы прибыли* въ Вороничи (Vuoronetz, 8 миль), городъ, стоящій на рѣкѣ Соретѣ (Ssoret), которая, принявъ въ себя рѣку Воронецъ, впадаетъ въ Великую рѣку немного ниже города.

Потомъ мы ѣхали черезъ слѣдующія мѣста:

Фибургъ, 5 миль;

Володимерецъ, городъ съ крѣпостцой, почти 3 мили;

Бродъ, домъ одного поселянина, также 3 мили, а оттуда, проѣхавъ 5 миль, и настлавъ мостъ черезъ рѣку Усу (Ussa), которая впадаетъ въ Шелонь, *мы прибыли въ*

Порховъ (Parcho), городъ съ крѣпостью, стоящій на рѣкѣ Шелони; *потомъ* въ село Опо̀ку, подъ которымъ рѣка Видоха впадаетъ въ Сухону (5 миль). Оттуда, переправясь черезъ семь рѣкъ, *пріѣхали мы въ*

Село Рейшъ (также 5 миль);

Село Дверенбутигъ (Dvuerenbutig), 5 миль. Полмили ниже его Пшега (Pschega), принявъ въ себя рѣку Струпинъ, впадаетъ въ Шелонь; въ нее же впадаютъ четыре другія рѣки, черезъ которыя мы переѣхали въ этотъ день.

Сотоки, домъ простолюдина, 5 миль. Проѣхавъ 4 мили, четвертаго апрѣля мы наконецъ достигли Новгорода Великаго. Впрочемъ, отъ Полоцка до Новгорода мы перешли черезъ столько болотъ и рѣкъ, что ихъ имена и число не *могутъ* удержать *въ памяти* даже туземцы: такъ далеко отъ того, чтобы кто нибудь могъ ихъ упомнить или описать.

Поотдохнувъ въ Новгородѣ, въ теченіи недѣли, я былъ приглашенъ въ Вербное Воскресенье на пиръ самимъ намѣстникомъ. Онъ съ большею любезностью убѣждалъ меня, чтобы, оставивъ тамъ служителей и лошадей, я ѣхалъ въ Москву на почтовыхъ (*такъ* обыкновенно говорятъ) лошадяхъ. Слѣдуя его совѣту, я сперва сдѣлалъ 4 мили до Беодница (Beodnitz), а оттуда ѣхалъ цѣлый день по судоходной рѣкѣ Мстѣ, которая беретъ начало изъ озера Замстинскаго (Samstin). Въ этотъ день, во время быстрой ѣзды по полю, на которомъ уже началъ таять снѣгъ, у моего мальчика, родомъ литовца, упала лошадь и вмѣстѣ съ нимъ совершенно растянулась *на землѣ*. Свернувшись на подобіе колеса, она снова приподнялась на заднія ноги и встала, не задѣвъ земли своимъ бокомъ и не повредивъ мальчика, лежавшаго подъ нею.

Потомъ *мы ѣхали* прямо на Seitskovu (*Зайцовъ?*) за рѣкою Нишею (Nischa), 6 миль.

Haroszi, за рѣкою Калахою, 7 миль.

Oreat Rechelvuitza, на рѣкѣ Паламитѣ, 7 миль. Въ тотъ же день мы перешли 8 рѣкъ и одно озеро, хотя замерзшее, но покрытое водою поверхъ льда.

Наконецъ, въ шестой день передъ праздникомъ Пасхи, мы прибыли въ почтовый домъ (in domum postarum) и переправились черезъ три озера: первое Валдай (Vuoldai), простирающееся на одну милю въ ширину и на двѣ въ длину; второе Litinisch, не слишкомъ большое; третье Игедра (Ihedra), на берегу котораго лежитъ село того же имени, въ 8 миляхъ отъ Ореата. Въ этотъ день мы, безъ сомнѣнія, держали самый трудный и опасный путь, слѣдуя по проѣзжей дорогѣ черезъ эти озера, еще покрытыя льдомъ, но уже разлившіяся отъ множества воды, вслѣдствіе таянія снѣга; мы не смѣли свернуть

съ большой дороги какъ отъ того, что снѣгъ былъ глубокъ, такъ и отъ того, что не было видно никакого слѣда какой нибудь тропинки. Такимъ образомъ, совершивъ этотъ трудный и опасный путь, мы пріѣхали въ

Хоцтилову (Choitilovua), 7 миль. Переправившись ниже ея черезъ двѣ рѣки Шлингву (Schlingvua) и Цну (Snai), въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ сливаются и впадаютъ въ рѣку Мсту, мы вступили въ Волочокъ (Vuoloschak) и тамъ отдыхали въ Свѣтлое Воскресенье. Потомъ сдѣлавъ 7 миль и переправившись черезъ рѣку Тверцу, *мы пріъхали* въ

Ведрапусту (Vuedrapusta), прибрежный городъ; оттуда мы сдѣлали 7 миль внизъ *по ръкъ* до города

Торжка (Dvuerchak). Въ двухъ миляхъ ниже его, мы переправились на рыбачьей лодкѣ черезъ рѣку Шнегиму (Schnegima) и въ городѣ

Оссогѣ (Ossoga) отдыхали одинъ день. На слѣдующій день плыли рѣкою Тверцой 7 миль и пристали къ

Мединѣ (Medina). Пообѣдавъ, снова взошли на судно и, сдѣлавъ 7 миль, достигли славной рѣки Волги, а за тѣмъ

Твери (Tvuer principatum). Взявъ тамъ корабли побольше, мы плыли Волгой и немного спустя подъѣхали къ *такому мъсту* этой рѣки, *гдъ* ледъ сперся и покрывалъ ее поверхность своими обломками. Съ величайшимъ трудомъ, покрытые потомъ, мы пристали и едва наконецъ могли выйти на него по причинѣ льда, спершагося высокою кучею. Оттуда пѣшкомъ пришли въ домъ одного поселянина и, найдя тамъ маленькихъ лошадей, сѣли на нихъ и пріѣхали къ монастырю св. Иліи. Перемѣнивъ тамъ лошадей, мы прибыли въ

Городинъ (Gerodin), городъ, стоящій на Волгѣ, въ трехъ миляхъ отъ монастыря (inde), и потомъ прямо *ъхали на*

Шоссу (Schossa), 3 мили,

Чорно (Dschorno), почтовый домъ, 3 мили,

Клинъ, городъ, стоящій на р. Янугѣ (Ianuga), 6 миль,

Писакъ (Piessak), почтовый домъ, 3 мили,

Шорну (Schorna), на рѣкѣ того же имени, 6 миль,

и наконецъ 18 апрѣля пріѣхали въ Москву (3 мили). Какъ тамъ меня привѣтствовали и принимали, я довольно подробно изложилъ въ этой книгѣ, *въ томъ мъстъ, гдъ* говорилъ о пріемѣ пословъ и обхожденіи съ ними.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Я сказалъ въ началѣ, что былъ посланъ въ Московію блаженной памяти императоромъ Максиміаномъ, для примиренія государей польскаго и московскаго, но возвратился оттуда безъ успѣха. Ибо, когда я вмѣстѣ съ послами польскаго короля велъ переговоры о мирѣ и согласіи, самъ король съ войскомъ осаждалъ, хотя безуспѣшно, крѣпость Опочку. Вслѣдствіе того, князь отказывался заключить перемиріе съ королемъ, и хотя дѣло было прервано, однако онъ отпустилъ меня съ почетомъ. И такъ, оставивъ Москву, *я поѣхалъ* прямо въ

Можайскъ, 18 миль,

Вязьму, 26 миль,

Дорогобужъ, 18 миль;

за тѣмъ прибылъ въ Смоленскъ, 18 миль. Потомъ мы отдыхали тамъ двѣ ночи подъ открытымъ небомъ, среди большихъ снѣговъ. Тамъ мои проводники роскошно и съ почетомъ угощали меня. Накидавъ повыше сѣна, сверху положивъ древесную кору и пославъ скатерти, мы сидѣли, какъ турки или татары, съ поджатыми ногами, пили нѣсколько болѣе обыкновеннаго и долго засиживались за столомъ. На другую ночь мы пришли къ какой-то рѣкѣ, которая была тогда совершенно чиста отъ льду, но послѣ полуночи, отъ сильнаго холода, она такъ замерзла, что болѣе десяти нагруженныхъ повозокъ было перевезено по льду. Лошади же, согнанные въ одинъ табунъ, переходили, проломивъ ледъ, на другомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка текла быстрѣе и съ бо̀льшимъ стремленіемъ. На этомъ мѣстѣ, въ 12 миляхъ отъ Смоленска, оставивъ проводниковъ, я отправился въ Литву и, проѣхавъ 8 миль отъ границы, прибылъ въ

Дубровну; *всего* необходимаго было со мной довольно, а гостинница была литовская. *Далѣе мы ѣхали на*

Оршу, 4 мили; отъ Вязьмы до этого города мы держались правой стороны Борисѳена, который должны были переходить *два раза* на небольшомъ пространствѣ, выше и ниже Смоленска. Оставивъ его около Орши, *мы ѣхали* прямо на

Друцкъ (Druzec), 8 миль,

Гродно (?), 11 миль,

Борисовъ, 6 миль. Онъ стоитъ на рѣкѣ Березинѣ, истоки которой Птолемей приписалъ Борисоену.

Логошакъ (Lohoschakh), 8 миль.

Радогостье (Radochostye), почти 7 миль.

Красное Село (Crasno sello), 2 мили.

Модолечъ (Modolech), 2 мили.

Крево (Crevua), городъ съ оставленной крѣпостью, 6 миль.

Мѣдникъ (Mednik), также городъ съ оставленной крѣпостью, — и оттуда мы наконецъ прибыли въ

Вильну; тамъ, послѣ отъѣзда короля въ Польшу, я остался на нѣсколько дней, пока не воротились слуги съ моими лошадьми изъ Новгорода черезъ Ливонію. По прибытіи ихъ, я, немедля, поѣхалъ въ Троки, на 4 мили въ сторону отъ *моей* дороги, чтобы посмотрѣть тамъ на зубровъ, которые содержатся въ какомъ-то саду, и которыхъ иные называютъ буйволами, по нѣмецки Auroxn. Воевода хотя и обидѣлся нѣсколько моимъ нежданнымъ пріѣздомъ, но тѣмъ не менѣе пригласилъ меня къ обѣду, на которомъ присутствовалъ *также* татаринъ Шигъ-Ахметъ, *бывшій* царь заволжскій; онъ содержался тамъ какъ бы въ почетномъ заключеніи въ двухъ замкахъ, окруженныхъ стѣною и выстроенныхъ между озерами. Во время обѣда, онъ разговаривалъ со мною о разныхъ предметахъ черезъ переводчика, между прочимъ называлъ цесаря своимъ братомъ, говоря, что всѣ князья и короли между собою братья.

Отобѣдавъ и получивъ, по литовскому обычаю, подарокъ отъ воеводы, *я поѣхалъ* сперва въ городъ Moroschei, потомъ въ

Гродно, 15 миль,

Гринки, 6 миль. Потомъ, проѣхавъ лѣсъ, въ

Наревъ, 8 миль, и въ

Бѣльскъ, гдѣ я встрѣтился съ Николаемъ Радзивиломъ (Radovuil), воеводой виленскимъ, которому еще передъ этимъ я вручалъ грамоты цесаря. Онъ и прежде далъ мнѣ иноходца и двухъ другихъ лошадей подъ повозку, и въ этотъ разъ подарилъ добраго мерина и, сверхъ того, принудилъ меня взять нѣсколько венгерскихъ золотыхъ, прося, чтобы я приказалъ изъ нихъ сдѣлать себѣ кольцо и каждый день, смотря на него, вспоминалъ бы о немъ (sui facilius recordarer), въ особенности у цесаря. Изъ Бѣльска *я отправился* въ Брестъ (Briesti), крѣпость съ деревяннымъ городомъ, на рѣкѣ Бугѣ, въ которую впадаетъ Мухавецъ, — *потомъ* въ городъ

Ламасъ; оставивъ здѣсь Литву, я вступилъ въ

первый польскій городъ Парчовъ (Partzovu), выше котораго, на не такъ большомъ разстояніи, течетъ рѣчка Язоника (Iasonica), отдѣляющая Литву отъ Польши. Потомъ — въ

Люблинъ, 9 миль,

Рубинъ,

Урженд овъ,

Завихостъ, у переправы черезъ Вислу,

Сандомиръ, городъ съ крѣпостью, стоящій на Вислѣ и находящійся отъ Люблина въ 18 миляхъ,

Полоницу на Чернѣ (Czerna), въ которой ловится весьма вкусная рыба, обыкновенно называемая семгой (Lachs).

Корчинъ (Cortzin), новый городъ, съ крѣпостью, окруженной стѣною.

Это мѣсто напоминаетъ мнѣ объ удивительномъ и почти невѣроятномъ дѣлѣ, котораго, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ пройти молчаніемъ. Возвращаясь однажды изъ Литвы черезъ эту страну, я встрѣтился съ знатнымъ польскимъ вельможею Мартиномъ Зборовскимъ (Svuorovuski), который, послѣ многихъ просьбъ посѣтить его, привелъ меня въ свой домъ и тамъ угостилъ великолѣпнѣйшимъ образомъ. Во время дружескаго разговора о многихъ предметахъ, онъ разсказалъ мнѣ, что въ то время, когда король Сигизмундъ воевалъ около Борисѳена, одинъ дворянинъ, по фамиліи Перстинскій (Pierstinski), будучи одѣтъ до самыхъ колѣнъ въ тяжелое вооруженіе конника, бросился въ Борисѳенъ между Смоленскомъ *и* Дубровной и тамъ былъ сброшенъ въ середину рѣки взбѣсившеюся лошадью. Такъ какъ онъ долго не показывался, то считали его окончательно погибшимъ. Вдругъ онъ вышелъ изъ подъ воды на берегъ, въ глазахъ короля Сигизмунда и его почти трехтысячнаго войска. Хотя авторитетъ этого человѣка (*Зворовскаго*) былъ порукою для меня въ истинѣ *разсказа*, однако мнѣ казалось труднымъ повѣрить тому, что онъ говорилъ. Случилось, что въ тотъ же самый день, въ сопровожденіи Мартина, мы прибыли въ Новый Корчинъ, гдѣ жилъ Христофоръ Шидловецкій, краковскій каштелянъ и начальникъ этого мѣста, человѣкъ, *пользующійся* величайшимъ почетомъ въ Польшѣ. Онъ пригласилъ меня вмѣстѣ съ многими другими мужами на блистательный пиръ. Тамъ мнѣ пришелъ на память этотъ разсказъ о Перстинскомъ, и я не могъ удержаться,

чтобы не заговорить о немъ, что̀ случилось очень кстати. Ибо его не только подтвердили бывшіе тамъ, ссылаясь на самого короля, какъ на очевидца, — но на этомъ же пиру былъ самъ Перстинскій, который изложилъ этотъ случай съ собою такимъ образомъ, что его можно было принять за вѣроятный. Онъ сказалъ, что *послѣ того, какъ* его сбросила лошадь, онъ три раза всплывалъ на поверхность воды, и что тутъ пришло ему на мысль слышанное имъ прежде, — *будто бы* должно считать погибшимъ того, кому не помогаютъ, когда онъ вынырнулъ въ третій разъ. И такъ, онъ открылъ глаза и поплылъ съ поднятой рукой, какъ бы призывая тѣмъ къ себѣ на помощь. Когда его спросили, захлебывался ли онъ? — онъ отвѣчалъ, что захлебывался два раза. Передаю, какъ самъ слышалъ. Теперь же возвращаюсь къ продолженію моего пути. *Мы поѣхали въ*

Проствицу (Prostvuitza), гдѣ варится самое лучшее пиво; оттуда въ

Краковъ, столицу королевства *и* королевскую резиденцію. Городъ стоитъ на Вислѣ, въ 18 миляхъ отъ Сандомира, и славится большимъ стеченіемъ духовныхъ, студентовъ и купцовъ. Получивъ подарокъ отъ самаго короля, которому были угодны мои старанія, я былъ весьма почетно отпущенъ имъ изъ Кракова и *пріѣхалъ* прямо къ крѣпости

Липовцу (Lipovuetz), мѣсту заключенія священниковъ, провинившихся въ чемъ нибудь важномъ, а черезъ 3 мили оттуда въ

Освенцинъ (Osvuentzin), силезскій городъ, находящійся однако подъ властью Польши; онъ стоитъ на Вислѣ. Въ этомъ мѣстѣ впадаетъ въ Вислу рѣка Сола, вытекающая изъ горъ, которыя отдѣляютъ Силезію отъ Венгріи. Невдалекѣ, подъ тѣмъ же городомъ, рѣка Прейса (Preyssa) впадаетъ съ другой стороны въ Вислу и отдѣляетъ Силезію отъ владѣній польскихъ и богемскихъ.

Птцина, по нѣмецки Плесъ, княжество въ Силезіи, *состоящее въ* богемскомъ подданствѣ, 3 мили.

Струменъ, по нѣм. Шварцвассеръ, 2 мили.

Фрейштадтъ (Freystaetl), городъ, *принадлежащій* тешенскимъ герцогамъ; черезъ него протекаетъ рѣка Эльза, впадающая въ Одеръ.

Потомъ Острава, моравскій городъ, который орошаетъ рѣка Остравица, отдѣляющая Силезію отъ Моравіи.

Городъ Ичинъ, по нѣм. Титцейнъ, 4 мили.

Городъ Граница, по нѣм. Вейсенкирхенъ, черезъ который протекаетъ рѣка Бехва (Betvuna), 1 миля.

Лейпникъ (Lipnik), 1 миля. Когда мы оттуда отправились прямо въ Вистерницъ (Vuistricia), 2 мили, увидѣлъ насъ съ какого-то холма Николай Чаплицъ (Czaplitz), изъ дворянъ этой области, тотчасъ схватилъ пику и съ двумя товарищами сталъ приготовляться какъ бы къ бою. На основаніи этого я заключилъ—не о смѣлости его, а скорѣе о нетрезвости, — и тотчасъ же приказалъ слугамъ при встрѣчѣ съ нимъ свернуть съ середины дороги. Но онъ, не обративъ вниманія на этотъ знакъ вѣжливости, бросился въ глубокій снѣгъ и свирѣпо смотрѣлъ на насъ, когда мы проходили мимо него. Слугъ, слѣдовавшихъ сзади съ повозками, онъ началъ принуждать къ такой же уступчивости, чего они никакъ не могли сдѣлать, и угрожалъ имъ обнаженнымъ мечемъ. Отъ этого съ обѣихъ сторонъ начался крикъ; слуги, бывшіе пазади, сбѣжались, и скоро онъ былъ раненъ изъ самострѣла (telo balistae); лошадь, также раненая, пала подъ нимъ. Послѣ того, продолжая съ московскими послами свой путь, я пріѣхалъ въ Ольмюцъ, куда также прибылъ и раненый *Чаплицъ*. Будучи извѣстенъ жителямъ этой страны, онъ тотчасъ собралъ толпу людей, которые занимаются копаньемъ прудовъ и дѣланіемъ плотинъ, для того, чтобы намъ отомстить. Я однако уничтожилъ его попытки заблаговременными распоряженіями. Изъ Ольмюца—въ городокъ

Бишовъ, 4 мили.

Никольсбургъ (Niklspurg), 4 мили, великолѣпный замокъ съ городомъ. Хотя онъ стоитъ на одну милю за рѣкою Тейей, которая во многихъ мѣстахъ отдѣляетъ Австрію отъ Моравіи, однако онъ принадлежитъ Моравіи и находится въ ея подданствѣ.

Оттуда—въ австрійскій городокъ Мистльбахъ, 3 мили.

Ульрихскирхенъ, 3 мили.

Сдѣлавъ еще 3 мили, мы прибыли въ Вѣну, городъ, стоящій на Дунаѣ *и* прославленный многими писателями; я привезъ туда изъ Московіи въ цѣлости двѣ повозки.

Изъ Вѣны я пріѣхалъ въ Нейштадтъ (Noua ciuitas), 8 миль, и оттуда черезъ гору Земрингъ и черезъ Штирійскія горы — въ Зальцбургъ (Salisburg). Потомъ я прибылъ къ це-

сарю въ Иннсбрукъ (Oenipons), городъ въ графствѣ тирольскомъ. Его величеству не только было пріятно то, что я сдѣлалъ по его порученію, но онъ также *нашелъ* весьма занимательнымъ донесеніе о церемоніяхъ и обычаяхъ московитовъ. По этому поводу, кардиналъ зальцбургскій Матвѣй, весьма любимый цесаремъ, вельможа (Princeps), ловкій и искусный въ дѣлахъ, въ шутку не позволялъ даже цесарю слушать безъ него мой *разсказъ* объ остальныхъ церемоніяхъ.

Вскорѣ московскій посолъ былъ отпущенъ цесаремъ, и я въ то же время былъ назначенъ посломъ въ Венгрію, къ королю Лудовику, и потому мы ѣхали вмѣстѣ черезъ Иннъ и Дунай до Вѣны. Оставивъ его тамъ, я немедленно сѣлъ въ паннонскую коляску. Я быстро несся, какъ птица, на тройкѣ лошадей, и въ нѣсколько часовъ проѣхалъ 32 мили до Буды. Причина такой быстроты заключается въ удобномъ расположеніи станцій для отдыха и перемѣны лошадей. Первая *станція находится* въ Брукѣ (Prukh), городкѣ на рѣкѣ Лейтѣ, которая отдѣляетъ Австрію отъ Венгріи и отстоитъ отъ Вѣны на 6 миль. Вторая — черезъ 5 миль, въ укрѣпленномъ городкѣ Оварѣ, по нѣм. Альтенбургъ. Третья — въ городѣ Яуринѣ, резиденціи епископа; это мѣсто венгры называютъ Юрръ (Jurr), а нѣмцы — Раабъ (Rab) отъ рѣки Рааба, орошающей городъ и впадающей въ Дунай. Въ этомъ мѣстѣ, которое отстоитъ отъ Овара на 5 миль, перемѣняютъ лошадей. Четвертая *станція* — 6 миль ниже Яурина, въ деревнѣ Котци (Cotzi), отъ которой получили названіе и самыя коляски, и по сію пору называемыя котцами. Послѣдняя — въ деревнѣ Варкъ (Vuark), въ 5 миляхъ отъ Котци. Въ этомъ мѣстѣ осматриваютъ подковы лошадей, не выпали ли онѣ, не шатаются ли гвозди, и чинятъ коляски и упряжь. Послѣ починки, ѣдутъ въ Буду, королевскую резиденцію, въ 5 миляхъ отъ *послѣдняго мѣста*.

Окончивъ дѣла по посольству въ королевской резиденціи Будѣ, по закрытіи сейма, который бываетъ недалеко отъ города и называется ракушемъ (Rakhusch) — отъ того мѣста, гдѣ собирается, я былъ отпущенъ королемъ съ большимъ почетомъ, и воротился къ цесарю. Онъ скончался въ январѣ слѣдующаго 1519 года. Я говорилъ здѣсь объ этой поѣздкѣ въ Венгрію, потому что она была связана съ *путешествіемъ* въ Московію и совершена за одинъ разъ съ нею.

Но такъ какъ зашла рѣчь о королевствѣ венгерскомъ, то я не могу вспомнить безъ воздыханій и тяжкой печали, — какимъ образомъ это королевство, прежде самое цвѣтущее и могущественное, такъ внезапно, можно сказать на нашихъ глазахъ, пришло въ совершенный упадокъ (afflictissimum factum sit). Конечно, какъ всему другому, такъ и королевствамъ и имперіямъ положенъ извѣстный предѣлъ; но благороднѣйшее королевство венгерское, конечно не столько влеченіемъ рока, сколько дурнымъ и беззаконнымъ управленіемъ, приведено по видимому къ совершенной погибели. Король Матѳій хотя не происходилъ отъ царской крови и не славился происхожденіемъ отъ *какой либо* древней герцогской или княжеской фамиліи, однако былъ королемъ не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ, и не только храбро противустоялъ государю турецкому и побѣдоносно выдержалъ его нападенія, но крѣпко безпокоилъ (negotium fecit) и самого римскаго императора и королей богемскаго и польскаго; вообще, онъ былъ страхомъ для всѣхъ сосѣдей. Но также какъ доблестью этого короля и его славными дѣлами, королевство венгерское достигло высшей *степени* могущества при его жизни; такъ, потерявъ его, оно начало клониться къ упадку, какъ бы изнемогая отъ своего *собственнаго* величія. Ибо *тотъ*, кто ему наслѣдовалъ, — Владиславъ, король богемскій, старшій сынъ польскаго короля Казиміра, — хотя *и* былъ государь благочестивый, набожный и безукоризненной жизни, но тѣмъ не менѣе былъ нисколько неспособенъ владычествовать надъ такимъ воинственнымъ народомъ, и въ особенности при такомъ *близкомъ* сосѣдствѣ враговъ. Венгры, сдѣлавшіеся грубыми и надмѣнными отъ счастливыхъ обстоятельствъ, злоупотребляли мягкостью и милосердіемъ короля *и стали* своевольны, расточительны, лѣнивы, высокомѣрны; эти пороки достигли, наконецъ, до того, что даже стали презирать самого короля. За тѣмъ, по смерти Владислава, при его сынѣ Лудовикѣ, эти пороки болѣе и болѣе усиливались: тогда вовсе пропала военная дисциплина, какая еще оставалась, и король-отрокъ не могъ помочь этому злу по *своему* возрасту, и не былъ воспитанъ для того величія, какое *ему* слѣдовало *имѣть*. Вельможи королевства, и преимущественно прелаты, разорялись отъ почти-невѣроятной роскоши и спорили съ какимъ-то соревнованіемъ то между собою, то съ баронами, кто кого побѣдитъ расточительностью и блескомъ.

Они же привязывали къ себѣ дворянство частію благодѣяніями и наградами, частію могуществомъ и страхомъ, для того, чтобы имѣть болѣе приверженцевъ, которые помогали бы имъ на сеймахъ своими стараніями и голосами. Надобно подивиться той торжественности, тому параду, тѣмъ отрядамъ всадниковъ разныхъ оружій, съ которыми они вошли въ Буду, предшествуемые хорами музыкантовъ; *все это имѣло* видъ какого-то тріумфа.

Потомъ, когда они шли во дворецъ или возвращались оттуда, то со всѣхъ сторонъ ихъ окружала такая свита проводниковъ и тѣлохранителей, что улицы и площади едва могли вмѣщать ихъ толпу. Когда же наступало время обѣда, то у палатъ каждаго изъ нихъ звучали трубы на весь городъ, какъ будто бы *это было* въ *ихъ собственныхъ* замкахъ, и много часовъ бралъ обѣдъ, за которымъ слѣдовали сонъ и отдохновеніе, тогда какъ, напротивъ того, около короля была какая-то пустота, и границы, тѣмъ временемъ лишенныя необходимой защиты, были опустошаемы врагами. Званія епископовъ и всѣ важнѣйшія должности вообще давались не по заслугамъ, и чѣмъ болѣе кто пріобрѣталъ могущества, тѣмъ болѣе думалъ имѣть правъ. Такимъ образомъ страдало правосудіе, и слабѣйшіе были угнетаемы. При такомъ конечномъ ниспроверженіи добраго порядка, часто придумывали какую нибудь *мѣру*, которая *должна была* повлечь *за собою* разореніе государства и народа. Въ такомъ родѣ было это позволеніе передѣлывать серебряную монету: прежнюю хорошую монету расплавляли и изъ нея чеканили другую, низшаго достоинства, ту опять перечеканивали въ лучшую, *отъ того монета* не могла имѣть постоянной цѣнности, и то возвышалась, то падала (какъ то̀ было угодно жадности богачей); даже нѣкоторые частные люди почти явно и безнаказанно поддѣлывали ее. Наконецъ, во всей Венгріи былъ такой упадокъ во всѣхъ отношеніяхъ или лучше неурядица, что всякій, имѣющій хоть крошку опытности, могъ предвидѣть, что это королевство, опутанное столькими бѣдствіями, должно было скоро пасть, если бы даже въ сосѣдствѣ у него *и* не было никакого врага. Когда я былъ посломъ отъ моего государя въ Будѣ, то не усумнился, между прочимъ, намекнуть свѣтлѣйшей королевѣ венгерской Маріи, чтобы она позаботилась о будущемъ и приготовила бы себѣ на всякій случай какую нибудь помощь и не слишкомъ

бы полагалась на силу и юность государя, своего мужа, или на средства своихъ братьевъ, ибо все это подвержено смерти и безконечнымъ случайностямъ. *Я просилъ* ее вспомнить старую поговорку: «хорошо имѣть друзей, но несчастны тѣ, которые принуждены прибѣгать къ нимъ». *Я говорилъ*, что венгерскій народъ, суровый и безпокойный, склонный къ крамоламъ и буйству, несправедливъ и мало расположенъ къ пришельцамъ и чужестранцамъ; что весьма могущественный врагъ угрожаетъ Венгріи и ничего такъ не желаетъ, какъ подчинить ее своей власти; что, слѣдовательно, ей полезно что нибудь приберечь (ut recondat) для себя и своихъ на случай какого нибудь несчастія, и что царямъ приличнѣе помогать другимъ, чѣмъ нуждаться въ чужой помощи. Хотя это предостереженіе, по обычаю царскому, было принято въ хорошую сторону, и мнѣ сказана была благодарность, однако нисколько не принесли пользы добрые и вѣрные совѣтники, и, къ величайшему нашему несчастію, случилось то, что̀ предчувствовала моя душа, и чего я боялся, — да и теперь еще эта трагедія не кончилась. Дворъ остался, какой былъ, и нисколько не измѣнилъ роскоши, высокомѣрія, дерзости и расточительности, — *въ такомъ видѣ* застанетъ его *и конечное* паденіе, — и потому очень удачно сказалъ тогда одинъ изъ придворныхъ, что онъ никогда не видалъ и не слыхалъ, чтобы какое нибудь царство погибало съ такимъ весельемъ (maiore gaudio et tripudio), какъ Венгрія. Но хотя дѣла венгровъ и совершенно были безнадежны, однако такова была ихъ дерзость, что они позволили себѣ не только гордо презирать весьма могущественнаго и близкаго врага, турокъ, но даже вызывать его противъ себя несправедливостями и обидами. Ибо когда нынѣ царствующій Солиманъ, по смерти своего отца, по обыкновенію, объявилъ сосѣдямъ, что онъ взошелъ на отцовскій престолъ, и что дверь открыта для всѣхъ требующихъ мира или войны, и въ особенности объявилъ это черезъ своихъ пословъ венграмъ, и когда многіе убѣждали, что имъ и полякамъ должно просить мира у Солимана; то венгры не только отвергли спасительные совѣты, но даже задержали въ плѣну самихъ турецкихъ пословъ. Разгнѣванный этимъ оскорбленіемъ, Солиманъ съ войскомъ вторгнулся въ Венгрію и, взявъ сперва Нандоральбу, сильнѣйшую твердыню (propugnaculum) не только Венгріи, но и всего христіанскаго міра, пошелъ далѣе брать дру-

гія *крѣпости*, и достигъ того, что завладѣлъ королевскою резиденціею Будою, всѣми важнѣйшими и сильно укрѣпленными замками и самою лучшею, самою цвѣтущею частью королевства. Оттуда онъ такъ угрожаетъ остаткамъ *Венгріи*, что ихъ можно считать почти побѣжденными и завоеванными. Венграмъ казалось, что они имѣютъ нѣкоторое право задержать пословъ Солимана, потому что его отецъ задержалъ венгерскаго посла Варнаву Беля (Bel), отправленнаго къ нему, и увелъ его съ собою въ походъ, предпринятый противъ султана (*египетскаго*?), однако по окончаніи войны, хорошо наградивъ, отпустилъ его. Но венграмъ скорѣе должно было молчать объ этомъ (потому что, какъ говорится, вздоренъ (uana sit) гнѣвъ безъ силы), нежели вооружать противъ себя болѣе могущественнаго *врага* безсильною местью, призывать *тѣмъ* на себя погибель и вовлекать въ то же *и* сосѣдей. Когда, снова разбивъ наше войско, осаждавшее Буду по смерти Іоанна, Солиманъ взялъ и занялъ ее вторично (въ первый разъ онъ отдалъ ее Іоанну Запольѣ); *тогда* я прибылъ къ нему посломъ отъ имени моего государя, съ свѣтлѣйшимъ графомъ Николаемъ Сальмомъ и, въ интересахъ мира, цѣловалъ правую руку тиранна. Въ это время, казалось, дѣло шло не только о всей Венгріи, но и о смежныхъ провинціяхъ.

Далѣе, съ какими неравными силами бился король Лудовикъ противъ Солимана (quàm iniquè comparata fuerit pugna Ludouici regis cum Solimanno), это такъ извѣстно, что не нужно и говорить. Король-юноша, неопытный въ воинскомъ дѣлѣ, и не бывшій прежде ни на одной войнѣ, съ немногими, бо̀льшею частью робкими *людьми*, былъ противупоставленъ врагу, самому хитрому и упоенному множествомъ недавнихъ побѣдъ, ведущему за собой сильное войско, съ которымъ онъ покорилъ востокъ и значительную часть Европы. Главнѣйшія силы венгровъ удержалъ у себя Іоаннъ Заполья, воевода (Vuayvuoda) трансильванскій, и не позволилъ *имъ* идти на помощь своему королю. По убіеніи короля, онъ овладѣлъ скипетромъ, котораго давно домогался, и который прочилъ ему еще отецъ его, Стефанъ Заполья. Я слышалъ отъ Іоанна Лацкаго (Lazki), который былъ секретаремъ польскаго короля Казиміра, а потомъ архіепископомъ гнѣзненскимъ, что этотъ Стефанъ Заполья, по смерти короля Матѳія, при которомъ онъ пользовался большимъ значеніемъ, когда шло дѣло объ избра-

нія новаго короля, обнялъ своего сына Іоанна, еще ребенка, и сказалъ: «Если бы ты, *мой* сынъ, былъ *хоть* такой (*при этомъ* онъ показалъ ростъ немного побольше), то былъ бы ты теперь венгерскимъ королемъ». Архіепископъ не преминулъ выставить это, какъ вѣрно сбывшееся предсказаніе, когда мы вели дѣло о заключеніи мира между моимъ государемъ и Іоанномъ. Точно также, какъ Іоаннъ получилъ черезъ Солимана королевское достоинство и престолъ съ нѣкоторою частью Венгріи, такъ теперь, противъ всякаго права и договоровъ, домогается того же его сынъ, или скорѣе тѣ, во власти которыхъ онъ находится, безъ всякой заботы, безъ помышленія о томъ, какъ вѣроломно поступилъ съ ними передъ этимъ тираннъ, *какъ* онъ изгналъ ихъ изъ Буды. Но умы, ослѣпленные властолюбіемъ, *сами* стремятся къ своей погибели и туда же влекутъ своихъ сосѣдей.

Если бы Венгрія не была защитою для христіанскаго міра (а что она была величайшею *защитою, о томъ* свидѣтельствуютъ ежедневный опытъ и несчастія, слѣдующія за несчастіями); то и *тогда* не только самимъ венграмъ, но и всѣмъ христіанамъ должно было бы стараться о ея спасеніи, какъ *о спасеніи* общаго отечества, единственно ради богатствъ, которыя всеблагій (optimus maximus) Богъ щедро излилъ на Венгрію, а черезъ нее и на сосѣднихъ народовъ. Ибо найдется ли въ мірѣ *такая* хорошая или драгоцѣнная *вещь*, которой не было бы въ Венгріи? Если вамъ надобно металловъ, то какая часть *земнаго* шара обильнѣе Венгріи золотомъ, серебромъ, мѣдью, сталью, желѣзомъ? Она имѣетъ мало свинцу, и говорятъ, что въ ней нѣтъ олова, — если только нѣтъ значитъ, что не удалось еще найти. Даже болѣе того, — въ ней есть и каменная соль, лучшая и самая чистая; она, какъ камни, выламывается въ каменоломняхъ.

И что по справедливости удивительно, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Венгріи есть* воды, *которыя* измѣняютъ свойство металловъ и изъ желѣза дѣлаютъ мѣдь. Она даетъ вѝна, разумѣется, различныя по разности мѣстъ; но даже, кромѣ Сирмія, который славится производствомъ и добротою вина, и который мы утратили, во многихъ мѣстахъ *вѝна* такъ превосходны (generosa et excellentia), что можно бы счесть ихъ за критскія. Я *уже* не говорю о неисчислимомъ количествѣ хлѣба и всякого рода превосходныхъ плодовъ. Нужно ли мнѣ вспоми-

нать о звѣряхъ, которыя добываются охотою или ловлею? Ибо Венгрія такъ обильна ими, что запрещеніе мужикамъ охотиться или ловить — считается за вещь, чрезвычайно необыковенную, и у простолюдиновъ почти также, какъ и у дворянъ, подаются за столомъ зайцы, дикія козы, олени, кабаны, дрозды, куропатки, фазаны, буйволы (bonasi) и т. п., что составляетъ самое изысканное кушанье въ иныхъ странахъ. Скотомъ *Венгрія* изобилуетъ до того, что справедливо можно удивляться, откуда берется столько, и *при томъ* такихъ стадъ быковъ и овецъ, какія она отпускаетъ въ другія страны, — въ Италію, Германію, Богемію. Ибо по Моравіи, Австріи, Штиріи, Славоніи и по другимъ областямъ, смежнымъ съ Венгріею, проходитъ много дорогъ, по которымъ гонится скотъ стадами; замѣчено было, что только по одной вѣнской дорогѣ, въ одинъ годъ, пригнано въ Германію болѣе, чѣмъ 80.000 быковъ. А что сказать о множествѣ рыбы всякаго рода? Какъ въ Дунаѣ, Дравѣ, Савѣ и другихъ меньшихъ рѣкахъ, такъ и въ Тиссѣ (Tibiscus), которая протекаетъ почти по срединѣ Венгріи съ востока и сѣвера, рыбы такъ много, что продаютъ чрезвычайно дешево, только что не *отдаютъ* даромъ: часто даже не берутъ ея, когда даютъ и даромъ. И не только Венгрія обладаетъ такимъ почти невѣроятнымъ обиліемъ столькихъ произведеній, но еще они отличаются такою добротой, что подобныя же произведенія другихъ странъ никакъ не могутъ выдержать сравненія съ венгерскими. Тѣмъ позорнѣе и печальнѣе будетъ память этого вѣка у потомства, потому что онъ не употребилъ всѣхъ своихъ силъ для сохраненія королевства, столь богатаго и столь способнаго удержать главнаго врага христіанскаго имени.

ПУТЬ ВТОРАГО ПОСОЛЬСТВА.

По смерти цесаря Максимиліана, я былъ отправленъ посломъ отъ штирійцевъ къ Карлу, королю испанскому *и* эрцгерцогу австрійскому, избранному тогда римскимъ императоромъ. Впослѣдствіи, и московскій *князь* отправилъ своихъ пословъ къ его величеству, чтобы скрѣпить договоры, уже заключенные съ императоромъ Максимиліаномъ. Чтобы отблагодарить назадъ московскаго *князя*, императоръ поручилъ *своему* брату, эрцгерцогу Фердинанду, склонить венгерскаго короля Лудовика,

дабы онъ убѣдилъ своего дядю, Сигизмунда, короля польскаго, согласиться на умѣренныя условія мира или перемирія съ Московіей. И такъ, графъ Леонардъ Нугароль — отъ римскаго императора Карла, и я — отъ брата его величества, Фердинанда, инфанта испанскаго, эрцгерцога австрійскаго и пр., сѣвъ въ паннонскія коляски, поспѣшили къ Лудовику, королю венгерскому, и пріѣхали въ Буду. По окончаніи порученія, устроивъ дѣло, какъ было желательно, мы были отпущены *Лудовикомъ* и, возвратясь въ Вѣну, немедленно выѣхали вмѣстѣ съ московскими послами, которые тогда возвращались отъ цесаря изъ Испаніи, и отправились чрезъ города

Мистльбахъ, 6 миль,

Вистерницъ, 4 мили,

Вишау (Vuischa), 5 миль,

Ольмюцъ, 4 мили,

Штернбергъ, 2 мили,

Бернъ (Parn), *мѣстечко съ* желѣзными рудниками, 2 мили, и въ двухъ миляхъ оттуда, перейдя мостъ, наведенный чрезъ рѣку Мораву, и оставивъ въ этомъ мѣстѣ Моравію,

мы вошли въ силезскій городъ и княжество Егерндорфъ (Jagerndorff), 3 мили; потомъ *ѣхали* черезъ

Леобшютцъ (Lubschiz), 2 мили,

Глогау (Glogouia parua), 2 мили,

Краппицъ (Crepitza), 2 мили; а потомъ черезъ рѣку Одеръ въ

Оппельнъ (Opolia), городъ съ крѣпостью, стоящій на рѣкѣ Одерѣ; тамъ имѣлъ свое мѣстопребываніе послѣдній герцогъ оппельнскій (Opoliensium), (3 мили),

Олешно, по нѣм. Розенбергъ, черезъ рѣку Малапане (Malpont), которая тогда отъ множества водъ удивительнымъ образомъ разлилась, (7 миль).

Почти черезъ 2 мили мы прибыли въ польскій городъ Крепицу (Crepitza uetus). Узнавъ тутъ, что польскій король находится въ городѣ Піотрковѣ (Pietercouia), въ которомъ жители королевства обыкновенно собираются на сеймъ, мы немедленно отправили туда служителя. Онъ возвратился съ извѣстіемъ, что король отправится оттуда прямо въ Краковъ. Мы также направили свой путь туда изъ Крепицы, и сперва *прибыли въ*

Клобуцко (Clobutzko), 2 мили,

Ченстохову (Czestochovu), монастырь, въ которомъ большое стеченіе народа, и преимущественно русскаго, покланяется образу Пресвятой Дѣвы, 3 мили,

Жарки (Scharki), 5 миль,

Кромоловъ, 3 мили,

Олькушъ (Ilkusch), знаменитые свинцовые рудники, 4 мили. Проѣхавъ 5 миль *отъ Олькуша*, 2 февраля мы прибыли въ

Краковъ; тамъ не было оказано намъ никакой почести, никто не вышелъ намъ на встрѣчу, не было приготовлено гостинницъ, ни одинъ изъ придворныхъ не привѣтствовалъ и не принялъ насъ, *какъ слѣдовало бы* по долгу учтивости, какъ будто совсѣмъ не знали о нашемъ прибытіи. Когда потомъ мы испросили позволенія явиться къ королю, онъ съ пренебреженіемъ отнесся къ нашему посольству (causam legationis nostrae elevabat) и порицалъ посредничество нашихъ государей, какъ неблаговременное, въ особенности же подозрѣвалъ, что московскій *князь* что нибудь замышляетъ *недоброе*, ибо видѣлъ вмѣстѣ съ нами московскихъ пословъ, возвращавшихся отъ цесаря изъ Испаніи. «Наконецъ», сказалъ онъ, «какое же сосѣдство или родство существуетъ между вашими государями и московскимъ *княземъ*, что они добровольно взялись быть посредниками?» Особенно *казалось это ему страннымъ* потому, что онъ самъ не просилъ отъ нашихъ государей ничего такого и легко могъ принудить своего врага къ справедливымъ условіямъ мира. Мы же увѣряли *его* въ благочестивыхъ и христіанскихъ намѣреніяхъ и искренности нашихъ государей, и *говорили*, что они отъ души ничего болѣе не желаютъ, какъ мира, взаимной дружбы и согласія между христіанскими государями, и всѣми силами стараются объ этомъ. Мы говорили также: «Если королю не угодно, чтобы мы продолжали *исполнять* наши порученія, тогда мы или воротимся, прервавъ дѣло, или извѣстимъ о томъ нашихъ государей и будемъ ожидать *ихъ* отвѣта». Послѣ такихъ объясненій, къ намъ стали нѣсколько учтивѣе, а также *и* щедрѣе (in hospitiis). Тогда представился мнѣ случай потребовать тысячу флориновъ, которую обѣщала мнѣ мать королевы Боны *и на которую она* дала *мнѣ* запись, — такъ какъ я еще прежде устраивалъ этотъ самый бракъ по порученію цесаря Максимиліана. Король тогда

благосклонно принялъ отъ меня эту *запись*, и сохранялъ ее до моего возвращенія, а потомъ, когда я воротился, онъ позаботился о моемъ удовлетвореніи.

Оставивъ Краковъ 14 февраля, *мы ѣхали* довольно спокойно на саняхъ или въ повозкахъ черезъ польскіе города

Новый Корчинъ,

Полоницу,

Осекъ (Ossek),

Прокровицу,

Сандомиръ,

Завихостъ,

Уржендовъ,

Люблинъ,

Парчовъ.

Потомъ черезъ 3 мили мы достигли литовскаго города Половицы (Polovuiza); тамъ большую часть дороги мы сдѣлали по мостамъ настланнымъ по причинѣ болотъ, и оттуда *ѣхали черезъ*

Rostovusche, 2 мили,

Ressiczatez, 3 мили,

Брестъ, 4 мили, большой городъ съ крѣпостью, на Бугѣ, въ который впадаетъ Мухавецъ;

Каменецъ, городъ съ каменной башней въ деревянномъ замкѣ, и въ 5 миляхъ оттуда переправясь черезъ двѣ рѣки, Ошну и Бешну, и сдѣлавъ *еще* 5 миль, мы пріѣхали въ

Шершевъ (Schereschovua), недавно отстроенный городъ въ большомъ лѣсу, стоящій на рѣкѣ Лѣснѣ (Lisna), которая протекаетъ и черезъ Каменецъ.

Новый Дворъ (Novuidvuor), 5 миль,

Поросова (Porossovua), 2 мили,

Волковискъ (Vuolkovuitza), 4 мили. Здѣсь мы имѣли самую удобную гостинницу во все *наше* путешествіе;

Пески (Pieski), городъ на р. Зельвѣ (Selvua), которая вытекаетъ изъ русской области Волыни (ex ipsius Russię Vuolinia prouincia) и впадаетъ въ Нѣманъ.

Мосты (Mostu), въ одной милѣ, на рѣкѣ Нѣманѣ, городъ, получившій названіе отъ моста, наведеннаго черезъ Нѣманъ; ибо Most значитъ pons.

Щучинъ (Czutzma), 3 мили,

Basiliski, 3 мили,

Радунь (Radomi), 5 миль,

Hestlischkami, 2 мили,

Рудники, 5 миль,

Вильна, 4 мили. Впрочемъ, въ то время мы не ѣздили въ Вильну черезъ тѣ мѣста, которыя исчислены начиная отъ Волковиска, а своротили вправо, по направленію къ востоку, *и ѣхали* черезъ

Зельву (Solvua),

Слонимъ (Slonin),

Мощадь,

Черпигъ,

Оберно,

Отмутъ (Ottmut),

Кайдановъ (Cadayenovu),

Минскъ, городъ, отстоящій отъ Волковиска на 35 миль. *Начиная* отсюда (inde praeterea), всѣ рѣки текутъ въ Борисѳенъ, между тѣмъ какъ другія, оставшіяся *позади*, текутъ въ Нѣманъ.

Борисовъ, городъ, стоящій на рѣкѣ Березинѣ, 18 миль; о немъ *было сказано* выше.

Решакъ (Reschak), 40 миль. Въ этихъ мѣстахъ, по причинѣ огромныхъ пустынь, мы ѣхали не кратчайшею, а обыкновенною дорогою, оставивъ городъ Могилевъ вправѣ мили на четыре, черезъ

Шкловъ, 6 миль,

Оршу, 6 миль,

Дубровну, 4 мили, и *проѣхавъ черезъ* другія мѣста, исчисленныя въ первомъ дорожникѣ, мы наконецъ прибыли въ Москву. Послѣ долгихъ разсужденій тамъ, мы могли вынудить *отъ московскаго князя* только слѣдующее: «Если король польскій хочетъ мира съ нами, то пусть пошлетъ къ намъ, какъ водится, своихъ пословъ: и мы хотимъ съ нимъ мира, *лишь бы было* намъ сходно». Наконецъ послали мы своихъ *людей* къ королю польскому (который былъ тогда въ Данцигѣ), и по нашей просьбѣ онъ назначилъ пословъ—Петра Гиску (Giska), плоцкаго воеводу, и Михаила Богуша, казначея литовскаго.

Но когда князь узналъ, что литовскіе послы недалеко отъ Москвы, то вдругъ уѣхалъ въ Можайскъ (тамъ у него *содержится* огромное множество зайцовъ) подъ предлогомъ охоты и отдохновенія; а время было вовсе неудобное для охоты. Онъ

позвалъ насъ къ себѣ для того, чтобы не впустить литовцевъ въ городъ. Добившись перемирія и скрѣпивъ *его*, 11 ноября мы получили отпускъ, *при чемъ* князь спрашивалъ, по какой дорогѣ мы будемъ возвращаться, ибо онъ слышалъ что въ Будѣ были турки: что̀ же они сдѣлали, ему было неизвѣстно. Мы возвращались тою же дорогой, которой пріѣхали, до Дубровны; тамъ мы получили нашъ богажъ, отправленный изъ Вязьмы по Борисѳену, и нашли литовскаго пристава (Pristauum), который ожидалъ насъ въ этомъ мѣстѣ; только лишь отъ него узнали мы о погибели короля венгерскаго Лудовика.

Изъ Дубровны черезъ 4 мили мы пріѣхали въ Оршу; оттуда прибыли въ Вильну по тому же пути, которымъ я ѣхалъ, возвращаясь въ первый разъ. Тамъ насъ ласково принялъ и роскошно угощалъ побочный сынъ короля, Іоаннъ, епископъ виленскій. За тѣмъ *мы поѣхали черезъ*

Рудникъ, 4 мили,

Волконикъ, 3 мили,

Меречъ (Meretsch), городъ, который получилъ названіе отъ рѣки того же имени, 7 миль,

Оссе (Osse), 6 миль,

Гродно, княжество лежащее на рѣкѣ Нѣманѣ, 7 миль,

Гринки, 6 миль. Когда мы перваго января поѣхали изъ *этого мѣста*, то сдѣлался жестокій морозъ съ порывистымъ вѣтромъ, который кружилъ и разметывалъ снѣгъ, какъ вихрь; отъ такого сильнаго холода отмерзли и выпали яйца у лошадей и отчасти сосцы у собаки. Я же чуть было не лишился носа, да приставъ во-время предупредилъ меня. Ибо, только вошедши въ гостинницу, я сталъ, по убѣжденію пристава, мочить и тереть носъ снѣгомъ, и почувствовалъ боль; сперва сдѣлался нѣкоторый зудъ, потомъ маленькая опухоль, и за тѣмъ я выздоровѣлъ. А вотъ какъ *мой* служитель спасъ московскаго пѣтуха, сидѣвшаго по нѣмецкому обычаю на коляскѣ и почти умиравшаго отъ холода: онъ разомъ отрѣзалъ ему гребень, который отвердѣлъ отъ стужи, — и отъ этого, къ нашему удивленію, *пѣтухъ* вытянулъ шею и запѣлъ.

Изъ Гринковъ черезъ большой лѣсъ въ

Наревъ, 8 миль,

Бѣльскъ, 4 мили,

Миленецъ (Milenecz), 4 мили,

Мельникъ (Mielnik), 3 мили,

Лосице (Loschitzi), 7 миль. Наконецъ, черезъ 8 миль *мы пріѣхали* въ

польскій городъ Луковъ, стоящій на рѣкѣ Окси (Oxi). Начальникъ этого мѣста называется старостой (все равно что старѣйшій); говорятъ, что ему подчинены 3,000 дворянъ. Есть тамъ нѣсколько селъ или деревень, въ которыхъ дворянъ размножилось столько, что нѣтъ ни одного крестьянина.

Окси (Oxi), городъ, стоящій на рѣкѣ того же имени, 5 миль.

Стешица (Steschitza, *Ивангородъ?*), городъ, подъ которымъ рѣка Вепржъ (Vuiepers) впадаетъ въ Вислу, 5 миль.

Зволинъ (Svuolena) городъ, 5 миль. Въ этомъ мѣстѣ переправились черезъ рѣку Верпжъ (?).

Сенна (Senna), 5 миль.

Полки (Polki), 6 миль.

Шидловъ, городъ, окруженный стѣною, 6 миль.

Вислица (Vuislicza), городъ со стѣною, 5 миль.

Проствица, 6 миль, и черезъ 4 мили оттуда наконецъ мы воротились въ

Краковъ; тамъ я велъ переговоры о многомъ *такомъ, что не входило* въ кругъ порученныхъ *мнѣ дѣлъ*, но я зналъ, что это будетъ очень пріятно и полезно моему государю, недавно избранному королемъ богемскимъ.

Изъ Кракова *мы* направили нашъ путь въ Прагу черезъ

Кобилагору (Cobilagora), 5 миль,

Олькушъ (Ilkusch), свинцовые рудники, 2 мили,

Бенсинъ (Bensin) городъ, 5 миль. Ниже его на небольшомъ разстояніи рѣка Пилица (Pieltza) отдѣляетъ Польшу отъ Силезіи.

Силезскій городъ Пильсковица (Pielscovuitza), 5 миль.

Козель (Cosle), городъ со стѣной, стоящій на рѣкѣ Одерѣ, которую называютъ Віагромъ (Vuiagrus), 4 мили.

Бѣла (Biela), 5 миль.

Городъ Нейссе (Nissa), мѣстопребываніе вратиславскаго епископа. Здѣсь отлично принялъ и угощалъ насъ епископъ Іаковъ.

Оттмахау (Ottmachavu), замокъ епископа, 1 миля.

Баартъ (Baart, *Варта?*), 3 мили.

Богемскій городъ Глацъ, графство, 2 мили.

Рейнерцъ (Ranericz), 5 миль.

Яромирцъ (Ieromiers), также почти 5 миль.

Бретшау (Bretcshavu), 4 мили.

Нимбургъ (Limburg), городъ, стоящій при рѣкѣ Эльбѣ.

Наконецъ черезъ 6 миль я прибылъ въ Прагу, столицу богемскаго королевства, на рѣкѣ Молдавѣ (Moltaua) и нашелъ *тамъ* моего государя, избраннаго уже въ короли богемскіе и призваннаго туда для коронованія. 24 февраля я присутствовалъ при его коронаціи. Московскіе послы, которые слѣдовали за мною, и которымъ я выѣхалъ на встрѣчу для оффиціальнаго и почетнаго *пріема,* увидѣвъ огромность замка и города, говорили, что это не крѣпость и не городъ, а скорѣе *цѣлое* царство, и что безкровное пріобрѣтеніе *его* — великое *дѣло.*

За тѣмъ, по выслушаніи моего донесенія и по окончаніи совѣщаній о нетребовавшихъ отлагательства дѣлахъ, милостивый и благочестивый король изъявилъ мнѣ *свое* благоволеніе за *все* совершенное мною,—за рачительное исполненіе его порученій и за то, что̀ я сдѣлалъ полезнаго сверхъ порученій; своими устами обѣщалъ онъ *мнѣ свою* милость за то, что я, не смотря на свою болѣзнь, изъявилъ полную готовность на всякій трудъ. Все это было мнѣ чрезвычайно пріятно, потому что я угодилъ королю.

КОНЕЦЪ.

На страницѣ 82-й.

	Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
строка 22:	укрыватели бѣглыхъ рабовъ,	похитители людей,
строка 28:	укрывательствѣ бѣглыхъ рабовъ,	похищеніи людей,

ОГЛАВЛЕНІЕ

и

ПОДРОБНОЕ СОДЕРЖАНІЕ

ЗАПИСОКЪ О МОСКОВІИ.

стран.

СТРАН.

16

СТРАН.